

Studia Slavica et Balcanica
Petropolitana

2008
№2(4)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЛАВЯНСКИЕ И БАЛКАНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

2008
№ 2(4)

ISSN 1995-848X

СОДЕРЖАНИЕ

Commentarii / Статьи

Становление
славянской этничности

по поводу книги **Флорина Курты**: *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. ISBN 0-521-80202-4.*

От редакции

Иванов С. А. «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности

Шувалов П. В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты)

Barford P. M. Slavs Beyond Justinian's Frontiers

Плетерский А. О *The Making of the Slavs* изнутри / Пер. *В. Е. Попова*

Дзино Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика / Пер. *Д. Е. Алимova*

Полывянный Д. И. Славяне и болгары в восточноримском имперском пространстве: проблемы различения

Todorov B. Byzantine Myths of Origins and Their Functions

Мужич И. *Sklavi(ni)* — Σκλαβηνοί и формирование хорватского народа на Балканах / Пер. *Д. Е. Алимova*

Алимов Д. Е. «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации

Кибинь А. С. Ятвяги в X–XI вв.: «балтское племя» или «береговое братство»?

Курта Ф. Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) / Пер. *В. Е. Попова*

Curta F. The Making of the Slavs: Between Ethnogenesis, Invention, and Migration

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А. Ю. Дворниченко,
декан историч. факультета
С.-Петербургского гос. ун-та
(Россия)

И. Н. Данилевский,
зам. директора Института все-
общей истории РАН (Москва)

Г. Ф. Матвеев,
зав. кафедрой истории южных
и западных славян Москов-
ского гос. ун-та (Россия)

Л. Штайндорф,
декан историч. факультета
ун-та Христиана-Альбрехта
г. Килия (Германия)

Р. Жерелик,
директор Института истории
Вроцлавского ун-та (Польша)

А. Бумблаускас,
продекан Вильнюсского ун-та
(Литва)

Д. Свак,
зав. кафедрой исторической
русистики Будапештского
ун-та ЭЛТЭ (Венгрия)

А. Груша,
зав. сектором Института исто-
рии НАН Беларуси

С. Богатырев,
проф. Школы славянских и
восточно-европейских иссле-
дований Университетского
колледжа Лондона (Велико-
британия), модератор *Network
Early Slavic Studies*

Н. Будак,
проф. Отделения истории
философск. факультета Заг-
ребского ун-та (Хорватия)

Н. Яковенко,
зав. кафедрой истории Киево-
Могилянской академии
(Украина)

Редколлегия:

А. И. Филиошкин (вып. ред.)
Д. Е. Алимов (отв. секр.)
Л. М. Аржакова
В. В. Василик
Т. Г. Таирова
В. А. Якубский

Техн. ред., дизайн, верстка
С. С. Смирнова

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург,
В. О., Менделеевская линия, 5,
Санкт-Петербургский госу-
дарственный университет,
кафедра истории славянских
и балканских стран (к. 54а).

Телефон: (007-812) 328-9448

Факс: (007-812) 323-6459

E-mail:

ist-slavbalkan@yandex.ru

URL:

[http://ist-slavbalkan.narod.ru/
SSBP-Internet/SSBP.htm](http://ist-slavbalkan.narod.ru/SSBP-Internet/SSBP.htm)

*Присланные материалы не
рецензируются.*

*Мнение авторов не всегда
совпадает с мнением редак-
ционного совета и редколлегии.*

Научное издание

**Studia Slavica et Balcanica
Petropolitana =
Петербургские
славянские и балканские
исследования
2008. № 2 (4)**

Дизайн обложки *С. С. Смирновой*
Корректор *Г. А. Морген*
Подписано в печать 28. 02. 2009
Формат 70x100/16
Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,6
Тираж 180 экз.
Заказ

Издательство СПбГУ
199004, Санкт-Петербург,
В. О., 6-я линия, д. 11/21
Тел. (812) 328-96-17
Факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.inipress.ru

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург,
В. О., Средний пр., 41

Recensiones / Рецензии

Жих М. И. [Майоров А. В. Великая Хорватия: Этно-
генез и ранняя история славян Прикарпатского ре-
гиона / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Изд-во
С.-Петерб. ун-та, 2006. — 209 с. ISBN 5-288-03948-8] 173

Дмитриев М. В. [Zhuk S. I. Russia's Lost Reformation.
Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia
and Ukraine, 1830–1917. — Washington: Woodrow Wilson
Center Press; Baltimore and London: The Johns Hopkins
University Press, 2004. — 457 p. ISBN 0-8018-7915-9] 179

Аржакова Л. М. [Тверская рукопись Юрия Крижа-
нича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. — Тверь:
ООО «Изд-во Сатори», 2008. — 224 с.] 186

Jubileum / Юбилей

Аржакова Л. М. К 85-летию юбилею Владимира
Александровича Якубского 189

Библиографический указатель трудов Владимира
Александровича Якубского / Сост. Л. М. Аржакова 196

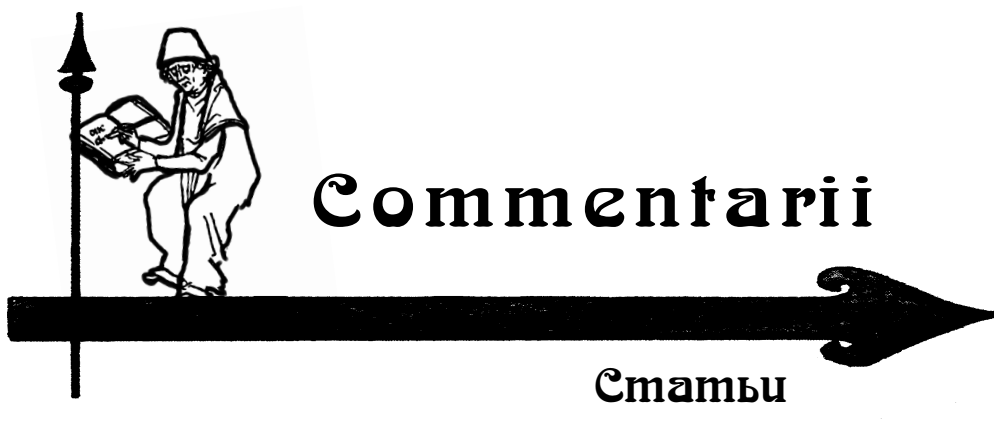
Хроника научной жизни 205

Анонс тематики номеров 2009 года 219

Список сокращений 221

Сведения об авторах 224

Резюме 226



СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ

(по поводу книги **Флорина Курты**: *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. ISBN 0-521-80202-4)

Книга американского ученого Флорина Курты *The Making of the Slavs*, предлагающая на своих страницах новую, радикально расходящуюся с традиционными воззрениями, трактовку процесса становления раннеславянской этничности, не оставила равнодушными даже тех исследователей, чьи интересы непосредственно не связаны с проблематикой этногенеза славян. Представляется, что время, прошедшее с момента первой публикации этой замечательной книги в 2001 г., — достаточный период для того, чтобы позиции как сторонников, так и критиков представленного в книге Ф. Курты подхода к проблеме «происхождения славян» смогли вполне оформиться, представ в виде аргументированных точек зрения. Принимая во внимание это обстоятельство, редакция журнала *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* предложила авторам, чьи исследовательские интересы прямо или косвенно соприкасаются с проблема-

тикой книги Ф. Курты, высказать свое отношение к основным тезисам, содержащимся в данной книге, и/или продемонстрировать, каким образом соотносятся с ними результаты их собственных исследовательских поисков.

Не ставя перед собой задачи представить на страницах журнала всесторонний критический разбор монографии американского исследователя, редакционная коллегия стремилась задать по возможности широкие тематические рамки обсуждения в целях более полного охвата контекстов, в которых книга Ф. Курты приобретает важное значение. Поэтому среди публикуемых материалов представлены работы не только тех исследователей, кто, непосредственно занимаясь проблемами, находившимися в центре внимания монографии Ф. Курты, выражает свое согласие или несогласие с теми или иными ее положениями, но и тех авторов, для кого исследование Ф. Курты стало в силу тех или иных причин релевантным при изучении смежных сюжетов. При этом следует особо подчеркнуть, что позиция редакционной коллегии, стремившейся к максимально возможной открытости и свободе инициированной ею дискуссии, отнюдь не всегда и не во всем совпадает, а порой и радикально расходится, с позицией авторов тех или иных публикуемых материалов.

В послесловии *The Making of the Slavs: Between Etnogenesis, Invention, and Migration*, написанном Флорином Куртой, подводятся основные итоги дискуссии. В рамках настоящего раздела публикуется также статья Флорина Курты «Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.)», тема которой имеет близкое отношение к проблемам, затрагиваемым в ходе обсуждения монографии *The Making of the Slavs*.

От редакции

С. А. Иванов

«В ТЕНИ ЮСТИНИАНОВЫХ КРЕПОСТЕЙ»? Ф. КУРТА И ПАРАДОКСЫ РАННЕСЛАВЯНСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ

В последние десятилетия «инструменталистский» подход прочно утвердился в исторической этнологии¹ и теперь, пожалуй, уже не нуждается в обоснованиях. Однако в начале 1990-х гг., когда я отстаивал его применительно к славянской этничности на страницах журнала «Советское славяноведение» (который в ходе дискуссии превратился в просто «Славяноведение»)², подобная позиция встретила отпор со стороны ряда коллег. «Примордиалистский» подход популярен в отечественной этнологии и сегодня³, а применительно к древней истории славян наиболее страстным его сторонником всю жизнь оставался О. Н. Трубачев⁴.

Тогда, в начале 1990-х, мои размышления были спровоцированы тем простым обстоятельством, что, отвечая за расположение материалов в готовившемся в то время к печати «Своде древнейших письменных известий о славянах»⁵, я столкнулся с невозможностью объяснить, почему в это собрание необходимо включить отрывки из Тацита, Плиния или Птолемея, Певтингеровой карты или Приска, которые не упоминают славян ни единым словом. Моя позиция сводилась к тому, что этничность, в отличие

¹ См.: Geary P. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2003. — Свои идеи Патрик Гири выразил еще в 1983 г. в статье: Geary P. Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1983. Bd 113. P. 15–26.

² Иванов С. А. 1) Откуда начинать этническую историю славян? // СС. 1991. № 5. С. 3–13; 2) Славянская этничность как методологическая проблема // Славяноведение. 1993. № 2. С. 23–26.

³ См., например: Рыбаков С. Е. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 3–24; Казанков А. А. Об эволюции форм этнического самосознания // www.etnograf.ru/k_pub/kazankov_etnos.php (Последнее посещение — 04 октября 2008 г.).

⁴ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003. С. 13, 304–305, 353, 381.

⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994 (далее — Свод. Т. I).

от языка, — не феномен, а ноумен. Человек может не знать, что он говорит, допустим, на праславянском языке, — достаточно, чтобы это «за него» знал лингвист. А вот с этнической идентичностью не так: если человек не знает про себя, что он славянин, то он и не славянин. Никакого *на самом деле* тут быть не может. Другое дело, что это знание у бесписьменного народа может не сразу стать известным народам письменным и тем самым оказывается зафиксированным несколько позже, чем возникает, а насколько позже — мы не знаем. Все это я писал тогда и готов подписаться под этим теперь⁶.

В 2001 г. увидела свет монография Флорина Курты *The Making of the Slavs*⁷. Автор проделал гигантскую работу по сведению воедино археологических данных, опубликованных в разных славянских и балканских странах на множестве не родственных друг другу языков, сравнил их между собой и сделал доступными англоязычному читателю, за что мы должны быть ему весьма благодарны. Он привнес в несколько застойную область славистики новейшие этнологические теории, и это также заслуживает самой высокой похвалы. Не будучи археологом, я не берусь судить о сделанных им обобщениях касательно материальной культуры и даже ее цивилизационных интерпретаций. Остановлюсь лишь на историко-этнологической стороне монографии.

Здесь позиция автора несколько провокационным образом заявлена в самой заглавии: он мог бы употребить традиционные в подобных словосочетаниях понятия *Emergence* или *Appearance* («возникновение, появление») — но он озаглавил книгу «Создание славян», уже этим подчеркивая свою сугубо «инструменталистскую» позицию. Ф. Курта отталкивается от моих рассуждений⁸, но идет гораздо дальше. Разделавшись с «примордиализмом» еще во Введении⁹, он в последней главе монографии (««Князья» и «демократия»: Власть в раннеславянском обществе»)¹⁰ на анализе текстов убедительно демонстрирует, что до 560-х гг. у славян не было стабильной политической элиты, что лишь в 570-х гг. нам начинают попадаться в источниках имена конкретных славянских царьков¹¹ и т. д.

Все это — правильные и интересные наблюдения. Не мне судить, согласуются ли они с археологическим материалом¹², но по всему выходит, что славянское общество VI в. стояло на довольно низкой ступени развития. Интересны и наблюдения Ф. Курты насчет времени славянской колонизации Балкан: он показывает, что 602 г. не был моментом окончательной гибели Дунайского лимеса. Империя защищала его вплоть

⁶ Кстати, применительно к «Своду» эта проблема была разрешена компромиссным образом: античные авторы, не употребляющие термина «славяне», объединены в раздел «К предыстории славянства» (Свод. Т. I. С. 17).

⁷ Curta F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge; New York, 2001.

⁸ Ibid. P. 12. — В этом месте Ф. Курта дает ссылку на мои работы, тогда как во множестве мест, где он использует мой материал из комментариев к «Своду», ссылки отсутствуют: Ibid. P. 78. Footnote 16 — ср.: Свод. Т. I. С. 210; Curta F. Op. cit. P. 79 — ср.: Свод. Т. II. С. 63; Curta F. Op. cit. P. 80. Footnote 25 — ср.: Свод. Т. I. С. 231; Curta F. Op. cit. P. 81. Footnote 26 — ср.: Свод. Т. I. С. 230; Curta F. Op. cit. P. 82. Footnote 30 — ср.: Свод. Т. I. С. 234; Curta F. Op. cit. P. 83. Footnote 31 — ср.: Свод. Т. I. С. 214; Curta F. Op. cit. P. 84. Footnote 40 — ср.: Свод. Т. I. С. 240.

⁹ Curta F. Op. cit. P. 14–35.

¹⁰ Ibid. P. 311–334.

¹¹ Ibid. P. 115.

¹² К примеру, Ф. Курта никак не комментирует цитируемое им же (Ibid. P. 317. Footnote 11) заявление Менандра, что «земля славян полна золотом, поскольку они уже давно грабят империю ромеев». Кому же доставалось награбленное?

до 620 года¹³. То, что Герхард Шрамм назвал в своей монографии 1997 г. «плотина прорвана» (*Ein Damm bricht*)¹⁴, для Курты выглядит даже не инфильтрацией. По его словам, «вплоть до осады Фессалоники в ранние годы правления Ираклия никакой миграции не было», а массовое проникновение славян на Юг относится лишь к 700-м годам¹⁵. Подобная картина противоречит многим источникам (ведь даже Прокопий признает, что славяне в середине VI в. сделали невозможным безопасное передвижение в Добрудже)¹⁶.

Если славяне, по мысли Ф. Курты, «были изолированными анклавами в различных районах Балкан, к тому же испытывавшими серьезный демографический упадок в VII в.», то откуда взялись раннеславянские лексические заимствования в греческий язык, откуда в Греции раннеславянская топонимия, и кто же раз за разом осаждал Фессалонику? Для подкрепления теории Ф. Курте приходится, например, отрицать достоверность сведений «Чудес св. Димитрия»¹⁷. Непонятно и то, как быть с утверждениями армянского географа Анании Ширакаци, писавшего (до 636 г.): «Земля Фракии содержит 7 малых областей и одну крупную, в которой обитают 25 племен склавонов». Перечень подобных вопросов можно расширить, но не это побудило меня взяться за перо.

Проанализируем главное заключение, которое делает Ф. Курта из всех своих наблюдений. Он формулирует свою позицию еще до изложения основного материала: «Имя “склавины” было чисто византийским конструктом, призванным осмыслить сложную этническую конфигурацию по ту сторону лимеса». Через несколько строк автор выражает мысль несколько иначе: «Возможно, изначально “склавины” были самоназванием конкретной этнической группы. Однако в более четком смысле “склавиная этничность” есть византийское изобретение»¹⁸.

Поначалу читатель может думать, что механизм превращения одного в другое будет в подробностях описан на последующих страницах. Действительно, под конец книги, после разбора всего археологического материала, автор возвращается к этой мысли. Однако он не приводит в ее пользу никаких доказательств и объяснений, а просто декларирует ее. Сначала позволив себе осторожную оговорку, что «видимо, останется неизвестно, называли ли себя склавинами или антами какие-нибудь из групп, живших в поселениях того времени, раскопанных румынскими археологами»¹⁹, он очень скоро отбрасывает всякую сослагательность: «..никакие “славяне” не называли себя этим именем... Создание славян было результатом не столько этногенеза, сколько изобретения, выдумывания и навешивания ярлыков со стороны византийских авторов»²⁰. По словам Ф. Курты, «это была идентичность, сформированная в тени Юстиниановых крепостей, а не в Припятских болотах»²¹. К сожалению, даже в конце монографии автор так и не разъясняет того, зачем и каким образом происходило это «making».

¹³ *Curta F.* Op. cit. P. 106, 189.

¹⁴ *Schramm G.* Ein Damm Bricht: Die römische Donaugrenze und die Invasionen des 5.–7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern. München, 1997.

¹⁵ *Curta F.* Op. cit. P. 308.

¹⁶ Свод. Т. I. С. 206–207.

¹⁷ *Curta F.* Op. cit. P. 54. — Заметим, что Ф. Курта ошибочно называет Кедрина хронистом XI в., тогда как тот жил в XII столетии (*Ibid.* P. 66).

¹⁸ *Ibid.* P. 118, 119.

¹⁹ *Ibid.* P. 337.

²⁰ *Ibid.* P. 349.

²¹ *Ibid.* P. 350.

Давая отсылку к моим статьям 1991 и 1993 года, Курта пишет, что он идет дальше меня: «В согласии с теми, кто считает, что славянская история начинается в шестом столетии, я утверждаю, что славяне суть изобретение шестого столетия»²². И коль скоро отсылка сделана на меня, кому как не мне пристало заявить, что этот сенсационный вывод, являющийся своего рода *reductio ad absurdum* инструменталистского подхода, решительно противоречит логике.

Во-первых, греко-римские авторы вообще никогда не выдумывали этнонимы: они охотно навешивали уже имеющиеся ярлыки на вновь появившиеся на их горизонте племена (так и произошло с именем «венеды»), но этноним «славяне» не зафиксирован ни в каких ранних источниках. Во-вторых, если бы уж Прокопий взялся за выдумывание несуществующего имени, такое как «славяне» пришло бы ему в голову в самую последнюю очередь: византийскому греку было невозможно произнести плавный консонант «Л» после сибиланта «С» (недаром же все античные авторы вставляют «К» или «th» в имена вроде Вислы). Само имя «склавины», которым Прокопий пользуется, звучит столь экзотично, что никто не сочтет его порождением греческой языковой фантазии. Кстати говоря, первым признаком «интериоризации», освоения этого этнонима, безусловно воспринимавшегося греками как чуждый и режущий слух, стало его лингвистическое «переразложение». Возникает сокращенная форма «склавы», свидетельствующая о том, что из первоначального слова была вычтена та часть, которую греческое языковое сознание осмыслило как суффикс, по аналогии с «бактрами», получившимися из «бактрианов»²³. Но характерно, что сокращенная форма «склавы» возникает не у тех авторов, которые первыми сообщили о новом народе, — Прокопия или Иордана, а у тех, кто писал чуть позже, — Агафия и Малалы.

В-третьих, славяне для Прокопия были не абстрактным именем далекого народа — он долго и обстоятельно беседовал со славянскими наемниками в Италии, причем мы точно знаем, где именно и когда: в апреле 537 г., в окрестностях Рима. Знаменитый «славянский экскурс» в «Истории войн» есть результат личных интервью, а не книжных построений²⁴. Именно тогда варвары сообщили Прокопию как свои самоназвания, «словене» и «анты», так и то имя, которое они сами считали для обоих племен изначальным, — «споры». К соотношению этнонимов мы вернемся ниже, а сейчас следует подчеркнуть, что в Италии Прокопий служил не придворным геополитиком, а секретарем военачальника Велисария; еще в меньшей степени проблемами этнонимии были обременены «комиты федератов» Мартин и Валериан²⁵, в отряде которых эти варвары прибыли в расположение армии Велисария. Они были грубые солдаты, а не книжники. Ф. Курта пишет: «Прокопий мог использовать этот этноним в качестве “зонтичного” для различных групп... которые не были ни “антами”, ни “гуннами”, ни “аварами”»²⁶. Но зачем же ему это было нужно, да еще в столь прозаических, походных условиях? Над этим Ф. Курта явно не задумывался. Мало того, он в только что цитированной фразе отрывает «склавинов» от «антов», при том что сами эти варвары настаивали на своем единстве.

²² Ibid. P. 335.

²³ Свод. Т. I. С. 310.

²⁴ Ф. Курта признает этот факт, но считает более важными «архивные материалы» и устные источники (Curtis F. Op. cit. P. 38). Применительно к экскурсу это ниоткуда не следует, хотя «константинопольская перспектива», о которой он говорит, вполне допустима применительно к другим сообщениям Прокопия.

²⁵ См.: Свод. Т. I. С. 174–175, 208.

²⁶ Curtis F. Op. cit. P. 347.

И тут мы вынуждены упрекнуть Ф. Курту уже не в излишне прямолинейном понимании инструментализма, а в сознательном манипулировании фактами: для его построений очень важно доказать, что славяне появляются на исторической сцене лишь в середине VI в., что их набеги случаются только с 545 г., в ответ на агрессивные действия Юстиниана²⁷. Но это же неправда: Хилбуд был назначен командующим на Дунайскую границу в 530 г., потому что к ЭТОМУ МОМЕНТУ, по словам Прокопия, «уже часто ... гунны, и анты, и склавины творили ромеям ужасное зло»²⁸. В «Тайной истории» Прокопий повторяет: «Гунны, и склавины, и анты (разорjali Империю) почти каждый год с тех пор, как Юстиниан принял власть над ромеями»²⁹. Удивительно, что, обрисовав грандиозный характер фортификационных и административных усилий Юстиниана по укреплению Дунайского лимеса, Ф. Курта тут же заявляет: «Эти меры не были предприняты в ответ на какую-либо крупную угрозу»³⁰. А зачем же тогда? Неужто просто так были предприняты столь титанические усилия на Севере, в то самое время, когда империи угрожали смертельные враги как на Востоке, так и на Западе?

Около середины VI в. склавины начинают играть главную роль в нападениях через Дунай — однако, во-первых, они нападали и раньше, только уступая в активности антам³¹, а во-вторых, главное, анты — это тоже славяне, так они сами говорили Прокопию. Абсолютно неважно, имелись ли в действительности у обоих племен «общие предки» (да и что это такое?). Значение имеет лишь то, что оба племени считали таковыми «споров» (т. е. имели общий миф о своем происхождении) и, как убедился лично Прокопий, говорили на одном языке, «ужасно варварском».

И тут мы должны возразить против еще одной гипотезы Ф. Курты: на том основании, что варвары эпохи Великого переселения владели многими языками, он делает вывод, будто язык не играл вообще никакой консолидирующей роли³². Представляется, что, хотя переключение на другой язык в догосударственную эпоху действительно осуществлялось легко, это не значит, будто людям было вовсе безразлично, кто на каком языке говорит. То, что анты, не являвшиеся изначально славофонами, целиком перешли на славянский язык, было важно самим антам и склавином: вряд ли Прокопий смог бы сам, без подсказки с их стороны, разобраться, на одном или двух «ужасно варварских» языках они разговаривают!

О полном взаимопроникновении склавинов и антов свидетельствует такой неожиданный пример: когда летом 550 г. византийское войско двинулось навстречу склавино-антскому отряду, намеревавшемуся захватить Фессалонику, варваров обратило в бегство одно известие о том, кто стоит во главе ромеев. А был это полководец Герман, и его имя было хорошо известно склавином потому, что за много десятилетий до этого, в царствование Юстина I (518–527), этот же Герман разгромил — внимание! — *антов*³³. Нам важны здесь оба факта: и дата победы Германа над антами (самое начало VI в.³⁴), и легкость распространения устных преданий от антов к склавином. Ведь между

²⁷ Ibid. P. 339.

²⁸ Свод. Т. I. С. 180–181.

²⁹ Там же. С. 202–203.

³⁰ *Curta F.* Op. cit. P. 339.

³¹ Свод. Т. I. С. 216.

³² *Curta F.* Op. cit. P. 344.

³³ Свод. Т. I. С. 194–197.

³⁴ Там же. С. 240–241.

520 и 550 гг. сменилось целое поколение, а значит, существовали социальные механизмы воспроизводства памяти, и эти институты, важнейшие для бесписьменного общества, были у склавинов и антов общими! Мне представляется, что на этот факт никто в науке еще не обратил должного внимания.

Пусть этноним *анты* — иранский по происхождению, пусть анты, упоминаемые Иорданом применительно к IV в., и не славяне. Но Прокопию они уверенно заявили о своем родстве со склавинами, а значит, никаких сомнений не может быть и для нас. Ведь этничность, повторим, — ноуменальная категория, и если мне в свое время это напоминание было важно для того, чтобы не позволить удревнять славянскую историю, то в данном случае оно же не позволяет укорачивать ее!

Однако самое главное — Ф. Курта не объясняет нам, как именно изобретенное в Константинополе, допустим, в качестве пропагандистской уловки, предположим, в окружении Юстиниана, имя «славяне» стало известно одновременно монофиситскому монаху Псевдо-Кесарию, антиохийскому городскому хронисту Малале, сирийскому инквизитору Иоанну Эфесскому или готскому историку Иордану. Ведь эти люди, в отличие от Прокопия, были не из придворных кругов, и, однако, все они, как сговорившись, около середины VI в. начали писать о славянах. Особенно поразителен случай с Мартином Бракарским, который сам был родом из Паннонии и знал, что там почем: он тоже говорит о славянах, даже при том что переселился из Византии в Свевское королевство на Атлантическом океане и имел все шансы не знать о новых идеологических указаниях Константинополя.

Но допустим на секунду, что пропагандистская машина империи работала столь идеально, что ей удалось индоктринировать всех поголовно от Сирии до Португалии (что, конечно, крайне маловероятно в эпоху до появления масс-медиа). Остается главный вопрос: откуда же сами варвары узнали, что им отныне положено именоваться славянами? А что они так себя называли, нет сомнений: именно от них это имя узнали, к примеру, Колумбан, Аманд, Бонифаций. Упомянутые здесь миссионеры VII в., сами являвшиеся в сущности ирландскими варварами, уж в чем не были замечены, так это в знакомстве с византийской культурой, языком или тем паче геополитическими изысками.

Зачем же такому серьезному исследователю, как Ф. Курта, понадобилось создавать столь экстравагантную гипотезу? Потому что зарождение славянства действительно представляет собой неразрешимую загадку. В 1997 г. крупнейший знаток варварской культуры VI в. Вальтер Поль справедливо заметил:

Для всякой теории этничности пример ранних славян представляет важный проверочный случай. Здесь этничность создана и применялась НЕ воинской аристократией <...> славянские традиции, язык и культура определили или, по крайней мере, повлияли на бесчисленные местные общины: развилось удивительное единообразие, в отсутствие каких бы то ни было централизованных институтов, которые поддерживали бы его³⁵.

Можно согласиться с Ф. Куртой, что со временем славянский сделался *lingua franca* в Аварском каганате³⁶, и дальнейшее распространение этого языка уже было связано с политическими процессами. Но ведь до появления в Европе аваров в 568 г. осознание

³⁵ Pohl W. The role of the Steppe Peoples in Eastern and Central Europe in the First Millennium // Origins of Central Europe / Ed. P. Urbanczyk. Warszawa, 1997. P. 71.

³⁶ Curta F. Op. cit. P. 345.

себя славянами и, соответственно, переход на славянский язык были собственным свободным выбором той или иной оседлой общины.

В 512 г. племя герулов во время своей миграции со Среднего Дуная в сторону Дании «прошло поочередно все племена склавинов»³⁷. Этот пассаж из Прокопия породил целую лавину интерпретаций: славян помещали и в Чехии, и на Эльбе, и в Малой Польше, и в Силезии³⁸. Главное, что в любом случае получается очень далеко от Нижнего Дуная. Единственный выход — допустить, что имела некоторая точка иррадиации этого самоназвания. Забудем слово *Urheimat* («прародина»), слишком биологизирующее этнические процессы. Но все-таки никуда не уйти от того факта, что существовало на Земле такое место, где имя славян было впервые произнесено. Нам сейчас неважно, где именно это произошло, — существенно лишь то, что этноним распространился оттуда со скоростью, неслыханной среди некоевых народов. Конечно, мы теперь понимаем, что речь идет не обязательно о физической миграции больших масс людей (тут Ф. Курта совершенно прав!), а скорее о распространении моды, — но ведь даже мода не может двигаться быстрее, чем слухи, купцы, пленники, наложницы и т. д.

Вполне вероятно, что имя славян возникло впервые среди славофонов, но применительно к какому-то другому, не славофонному, населению. Возможно, первыми «славянами» были какие-нибудь ирано- или германоязычные группы. Но почему-то очень многим варварам на пространствах Восточной Европы тоже захотелось так называться, иначе мы не фиксировали бы этот этноним в разнородных источниках от Северного до Черного моря, у франков, лангобардов, баваров. Ф. Курта пишет: «Славяне стали славянами не потому, что говорили по-славянски, а потому, что их называли славянами другие»³⁹. Язык конечно важен, но не первичен, и потому в первом своем утверждении автор прав, но неправ во втором. Славяне стали славянами потому, что сами называли себя славянами. Под стены Юстиниановых крепостей вышли люди, уже точно осознававшие, что они — славяне. А вот что им было в этом имени, в чем состояла его внезапная престижность — на этот вопрос у нас по-прежнему нет ответа.

Summary

Curta should be sincerely thanked for his effort to put early Slavic studies on the cutting edge of today's humanities. Yet, I must disagree with his main idea. «The making of the Slavs was less a matter of ethnogenesis and more one of invention, imagining and labeling by Byzantine authors» — Curta writes. «This was therefore an identity formed in the shadow of Justinian's forts, not in the Pripet marshes». This sensational conclusion which is a logical consequence, or rather *reductio ad absurdum* of «instrumentalist» approach contradicts all whatever exiguous data we have. For Procopius Slavs were not an abstract notion of a distant people: he conversed with them a lot in 537 in Italy where they served as mercenaries in the Byzantine army: the famous «Slavic excur-

³⁷ Свод. Т. I. С. 176–177.

³⁸ Там же. С. 212.

³⁹ Curta F. Op. cit. P. 346.

sus» was a result of long interviews with these barbarians during which they no doubt named themselves Slavs and Antai and claimed that in the past both tribes were called Sporoi. All three names were their own words and therefore Curta's idea that «the name "Sclavene" was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnies on the other side of the frontier» looks absolutely untenable. But even if we assume the name was a personal invention of Procopius, how then would we explain the fact that it immediately became known to a monophysite monk Pseudo-Caesarius, Antiochene chronicler Malalas, Syriac churchman John of Ephesus, Gothic historian Jordanes who knew no Greek and, finally, Martin of Braga. So, this must have been a wide conspiracy stretching from Atlantic to Syria to label with an unpronounceable name the people who did not know how to call themselves.

If Sclavenes and Antai with their own lips told Procopius that they were one and the same people and speak the same language («utterly barbaric» — notices Procopius in passing, hinting that he listened to it himself) — what grounds do we have to deny it as Curta does? And if we trust them, then we should call Antes part of Slavs — exactly on the basic principles of current historical anthropology: we should take into consideration their own identity and not our presumptions. And Antes began raiding the Balkans even earlier than Sclavenes: we know for sure about the raid in 518 (Got. VII. 40. 5), in which Antes were defeated by Germanus, the successful Byzantine general. It's interesting to observe that this event was very well known to Sclavenes who crossed the Danube in 550, because when they learnt that the same Germanus was sent against them, they turned back in panic. A whole generation changed between 518 and 550, but there existed social institutions of memory in the Slavic society, and these institutions were common to Antes and Sclavenes.

П. В. Шувалов

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ (ПО ПОВОДУ КНИГИ ФЛОРИНА КУРТЫ)

ПРОБЛЕМА

Вопрос о происхождении славян, как и любая серьезная историческая проблема, может быть решен лишь на стыке различных дисциплин — письменной истории, археологии, лингвистики. И проблема тут, как всегда, состоит не столько в анализе материала и его интерпретации, сколько в соотношении между собой результатов исследования источников разными методами. Действительно, трудно ответить, как соотносить, допустим, данные археологии и лингвистики? Это проблема междисциплинарного синтеза.

Сам же вопрос о славянском этногенезе — откуда и когда появились те, кто затем называются славянами — на настоящий момент может уже считаться решенным в общих чертах на материале археологии¹. Письменные же источники были детально проработаны в не имеющем себе равных труде, созданном под руководством Л. А. Гиндина и Г. Г. Литаврина², авторы которого, правда, воздержались от выработки какой-либо суммарной концепции.

Ясно, что настало время строить обобщающую модель, которая бы включила в себя как археологию (с полным пониманием ее дисциплинарной специфики), лингвистику, так и письменные источники. Однако в общих чертах уже и сейчас очевидно, что этногенез славянства связан с лесными культурами римского времени, (балто-)праславянские носители которых вышли на плодородные территории лесостепи после гуннского погрома конца IV века. Оттуда, воспользовавшись конкретной исторической

¹ *Шукин М. Б.* Рождение славян // Стратум: Структуры и катастрофы: Сб. символической индоевропейской истории: Археология, источниковедение, лингвистика, философия истории. СПб., 1997. С. 110–147.

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1994; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995.

ситуацией, они медленно заняли все территории, оставленные на протяжении V–VI вв. германцами. Активные контакты с позднеантичным и кочевым мирами стимулировали быстрое духовное и социально-политическое развитие раннего славянства и привели к завершению славянского этногенеза в зоне, контактной с империей.

Эта модель в своей основе восходит к эпохальной работе 1976 г. М. А. Тихановой и Д. А. Мачинского³ — двух археологов петербургской школы. Она была разработана в деталях на двух питерских семинарах — университетском междисциплинарном семинаре Г. С. Лебедева и А. С. Герда⁴ и на домашнем семинаре М. Б. Щукина. Существенную роль в развитии этой модели сыграли работы многих исследователей (И. Вернера, К. Годловского, И. П. Русановой, М. Парчевского, Е. Горюнова и их учеников).

Остается ли эта проблема проблемой? Можно с уверенностью сказать, что остается для тех, кто не знаком с работами вышеуказанных исследователей.

Книга, которую талантливый американский археолог румынского происхождения Флорин Курта писал на протяжении более 10 лет, вышла в 2001 г. в британском кэмбриджском издательстве. Поначалу я собирался написать небольшую рецензию на этот труд, однако после знакомства с текстом⁵ стало ясно, что исследование весьма объемно и затронуло слишком многие темы, чтобы отреагировать ординарным отзывом. Тогда возникла идея написания отклика с моей коллегой О. А. Щегловой и нашим учителем М. Б. Щукиным совместно. Задача оказалась трудоемкой. Потом мне пришлось сменить работу, тему, дом. Умер Марк Борисович Щукин. А тем временем книга стала известной, и на нее начали ссылаться даже те, кто не является специалистом в данной области.

Среди же специалистов (в первую очередь археологов) работа вызвала скептическое отношение. Причин тому множество: слишком широкий охват проблем без детальной аргументации; отсутствие убедительного анализа материала, как археологического и нумизматического, так и письменных текстов; эпатажность формулировок, например ИЗОБРЕТЕНИЕ СЛАВЯН (...the Slavs were an invention of the sixth century⁶), метод «выдергивания» нужных аргументов из всей массы фактов; отсутствие детального разбора использованных работ предшественников; незнание большинства работ археологов петербургской школы (например, работ М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского, О. А. Щегловой).

Но не это главное. Главное — это концепция славянского этногенеза, вышедшая из-под пера автора. Работа Ф. Курты носит не столько обобщающий характер (такие работы потом становятся своего рода удобным справочником по теме), сколько концептуально-инновационный. Ф. Курта, суммировав многие достижения своих предшественников и используя то, что уже «носилось в воздухе», не остановился на обобщении достигнутых наукой успехов. Он попытался единым махом разубить гордые

³ Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–VII вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам) // *Acta Archaeologica Carpathica*. Т. 16. Kraków, 1976. S. 59–94.

⁴ Основные результаты исследований опубликованы в сборнике: *Славяне: Этногенез и этническая история: (Междисциплинарные исследования)* / Ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. Л., 1989.

⁵ На готовящуюся работу Флорина Курты обратил мое внимание еще в 1987 г. мой покойный друг Георг Поенару-Бордя (*Poenaru-Bordea*), а потом Хервиг Вольфрам познакомил меня с автором книги в Вене в январе 2003 г. на международном workshop *Slawische Ursprünge / Slavic Origins*, организованном Институтом австрийских исторических исследований Австрийской академии наук. Затем автор помог мне получить из издательства экземпляр книги для работы. Спешу выразить Флорину Курте мою искреннюю благодарность.

⁶ *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge; New York, 2001. P. 335.

узел раннего славянства, затянутый на шее этногенеза не только румын и влахов, но и других «автохтонных» балканских народов (албанцев и новогреков). Может быть, поэтому лейтмотивом его работы становится соотношение миграции и абorigенности в раннем славянстве.

Итак, Ф. Курта пытается решить уже практически решенную проблему: ему не ясно, как и откуда взялись славяне в Подунавье в VI веке. И он решает эту проблему по-своему элегантно: славян до этого просто НЕ БЫЛО, и главное — ИХ ПРИДУМАЛИ ХИТРЫЕ ВИЗАНТИЙЦЫ. Попробуем разобраться в построениях Ф. Курты, не придерживаясь заранее каких-то определенных догм и установок. В общих чертах его концепция сводится к следующему.

СИЛА СТИЛЯ И СЛОВА

Во второй половине VI в. в варварском обществе левобережья Нижнего Дуная быстро развиваются процессы социальной стратификации и выделяется слой военных вождей — бигменов. Эта новая верхушка использует для укрепления своей власти какие-то неведомые нам сейчас институты наподобие потлача, вокруг которых происходит формирование новой системы ценностей. Под влиянием престижного окружения соседних германских королей и вождей кочевников большое значение в этих соревновательных структурах среди будущих славян приобретают знаки социального положения — а именно серебряные женские фибулы и другие элементы женского наряда определенного стиля. Женщины становятся «движителем конструирования социальной идентичности»⁷. А стиль и агональность окружения бигменов и формируют славянские Склавинии. Полито- и социогенез тут идут параллельно с этногенезом.

При этом важно не то, какие предметы были специфичны именно для славян. По мнению Ф. Курты, таковых не было вообще: славяне просто заимствовали или воспроизводили престижные вещи соседей. Важно, какие предметы, попадая в сферу влияния зарождающегося славянства, становились знаками престижности и статусности, и на основе которых и формировалась система культурных и этнических ценностей славян. Эти процессы отразили становление раннеславянской социальной элиты. Славяне не потому вышли на мировую арену как славяне, что говорили на славянском языке и осознавали себя славянами, выйдя из дремучих лесов и болот, а потому, что разношерстное население сконденсировалось вокруг центров власти, «метафорически» «цитировавших» (подражавших и копировавших) престижные властные центры более могущественных соседей — гепидов, авар, гуннов и болгар.

Основной формой общественной организации славян была система сегментированных линиджей⁸. Те, кого византийские авторы называли «славянами», возникли в Прикарпатье и Нижнем Подунавье под влиянием соседей, а не мигрировали туда с севера. По словам американского исследователя, «археологические культуры не мигрируют»⁹. Тут Курта ссылается на работы англоязычных антропологов (Д. Энтони, И. Роуз), которые, однако, скорее как раз выступали против излишнего скепсиса в этом вопросе.

⁷ Ibid. P. 309.

⁸ Ibid. P. 319 sqq. — Ср. сходную идею, высказанную в более ранней работе: Шувалов П. В. Славянское общество дунайского периода 469–604 гг. // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 35.

⁹ Curta F. Op. cit. P. 307.

А между тем миграции в археологии — чрезвычайно сложная проблема, которая не может быть описана одной фразой (см. подробный разбор этого аспекта у Л. С. Клейна¹⁰).

Несмотря на этот, казалось бы, очевидный для профессиональных археологов факт, Ф. Курта последовательно лишает праславян возможности мигрировать с севера. У него славянство как бы самозарождается в карпато-дунайских землях под сенью ауры бигменов, копирующих престижный стиль элитарной культуры соседей. Это, пожалуй, и есть сердце концепции Ф. Курты, его главное достижение в разработке моделей славянского этногенеза, но вместе с тем и самое слабое место этой концепции (см. ниже).

Вместо славян распространяется их язык (остается, правда, неясным — откуда?). Он распространяется как *lingua franca*¹¹. Но даже и язык не сыграл важной роли в этногенезе славян: «Славяне стали славянами не потому, что они говорили по-славянски, но потому, что они были называемы так другими», т. е. византийцами¹².

Зарождавшееся таким странным, почти магическим (сила греческого слова!) образом славянство некоторое время соседствовало с империей, частично находилось под властью Аварского каганата, и ограничивало свою внешнюю активность грабительскими набегами на Балканы. Затем, в начале правления Ираклия — когда оборона на Нижнем Дунае окончательно развалится — славяне массами переселяются через Дунай. Славяне не сокрушали византийскую оборону на Дунае, но и не просачивались мирно сквозь систему укреплений Дунайского лимеса. Они пришли на Балканы уже после того, как лимеса не стало.

КОНЕЦ ЛИМЕСА

Одним из важных положений в схеме Ф. Курты является тезис об экономическом разорении сельских территорий Балкан в результате строительства империей сотен крепостей: план императора Юстиниана (527–565) по созданию на территории северной части Балкан эшелонированной обороны, по мнению Ф. Курты, оказался не по силам администрации, финансам и экономике империи. Иначе говоря, Восточная империя и ее дунайская оборона развалились из-за необдуманной гигантомании Юстиниана.

Есть общее замечание к этому тезису Ф. Курты о строительстве Юстиниана как причине экономического кризиса: если строили — то, значит, было от кого обороняться! Иначе говоря, угроза была реальной и серьезной, требовавшей адекватных действий. Конечно, Юстиниан мог и через край хватить, но так, чтобы экономика после этого затрещала?.. Не исключено, что Ф. Курта тут просто невольно модернизирует прошлое VI в. в духе истории некоторых коммунистических режимов XX века. Более того, пока не произведены хотя бы примерные подсчеты затрат на строительство и не проведено сравнение с общим бюджетом империи, находившимся после Анастасия в прекрасном состоянии, говорить о чрезвычайной дороговизне строительства рано.

Прямое проявление экономического кризиса Ф. Курта видит в массовой тезаврации монет в середине и во второй четверти VI века. Традиционно эти клады расценивались как свидетельства военных потрясений, захлестнувших Балканы в эту эпоху. Ф. Курта пытается полностью дезавуировать эту интерпретацию, проведя ряд статистическо-номизматических подсчетов¹³.

¹⁰ Клейн Л. С. Миграция: Археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. № 1. С. 52–71.

¹¹ *Curta F.* Op. cit. P. 345.

¹² *Ibid.* P. 346.

¹³ В книге Ф. Курты этой теме посвящен небольшой раздел. Более подробный текст содержится в статье: *Curta F.* Invasion or inflation? Sixth- to seventh-century Byzantine coin hoards in Eastern and Southeastern Europe //

Сразу же следует указать на непрофессионализм его построений, основанных на изучении монет эпохи бронзы. Ф. Курта не анализирует структуру монетного обращения в каждый конкретный момент (для этого надо было бы сделать сериацию кладов¹⁴) и не учитывает тот безусловный факт, что в обращении одновременно были монеты разных периодов чеканки: например, при Юстине II (565–578) обращались практически все типы медных монет, чеканенных с 507 года. В результате, исследователь фактически любой клад неоднородного состава считает кладом длительного накопления¹⁵, что методологически и логически абсурдно. В итоге также оказываются лишены смысла карты распределения монет по императорам, так как бронзовые монеты разных периодов, разнесенные им по разным картам, на самом деле сосуществовали друг с другом, например Юстина I и Юстина II¹⁶.

Ф. Курта считает, что неимоверные затраты на фортификационное строительство и на содержание войск привели к обесцениванию денег, а это привело к тому, что их перестали вводить в обращение обратно из тезаврированных сокровищ, так как монета уже потеряла свою стоимость. В качестве аналогии тут можно было бы привести клады III в., тезаврация которых была следствием как инфляции, так и войн. Но здесь не все просто. Стоит указать на то, что фоллис (полуфоллис и т. д.), в отличие от изначально серебряных денариев III в., ставших за 50 лет кризиса бронзовыми монетами, как кусок бронзы в любом случае сохранял свою металлическую ценность. Во-вторых, тезис об инфляции, к сожалению, Ф. Курта не подтвердил анализом курса AV: AR: AE и эволюцией веса фоллиса на протяжении VI в., что могло бы уточнить многие положения Ф. Курты. Например, очевидно, что полная потеря веса медной монетой произойдет только к середине VII в., а на протяжении 498–624 гг. вес основной медной монеты фоллиса сначала увеличится в 2,5 раза, а потом снова вернется к начальному (т. е. около 9 г).

Так что говорить о потере медной монетой физической стоимости (стоимости металла) не приходится. Ясно, однако, что позднеантичная монета имела номинал, часто превышавший ее физическую стоимость. Тем не менее очевидно, что вряд ли большие клады были просто «забыты» хозяином из-за того, что стоимость денег сильно обесценилась. Действительно, трудно представить, что были забыты такие клады, как, например, Грнчар 541 г. (89 фоллисов и полуфоллисов, 1 тремисс в горшке), Анадолюкьей 545 г. (383 монеты общим весом 1,5 кг в горшке), Селце 551 г. (около 600 монет в деревянной шкатулке в тайнике), Прахово 538/565 г. (603 монеты), Фасос 571 г. (119 фоллисов и полуфоллисов). А таких кладов десятки! Тем более что есть и серия кладов, прямо происходящих из слоев разрушений (Козьяк, Садовско-кале, Големаново-кале).

Кроме того, Ф. Курта выдвигает следующее положение: если в мирное время происходит тезаврация кладов, то ее причины лежат в области экономики. Так, наличие кладов периода Юстина II (565–578) на фоне отсутствия в письменных источниках упо-

Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica. 1996. Nr 43. P. 65–224. — Спешу выразить искреннюю благодарность Флорину Курте за предоставление мне электронного текста этой статьи.

¹⁴ Как, например, делается в работах семинара М. Р. Альфельди, опубликованных в серии Studien zu Fundmünzen der Antike (например, *Noeske H.-Chr. Münzfunde aus Ägypten I: Die Münzfunde des ägyptischen Pilgerzentrums Abu Mina und die Verleichsfunde aus den Diocesen Aegyptus und Oriens vom 4.–8. Jh. n. Chr. (Studien zu Fundmünzen der Antike. Bd 12). Berlin, 2000; Backendorf D. Römische Münzschatze des zweiten und ersten Jahrhunderts v. Chr. vom Italienischen Festland (Studien zu Fundmünzen der Antike. Bd 13). Berlin, 1998*), или хотя бы в известной Ф. Курте моей работе: *Шувалов П. В. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в сер. I тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.*

¹⁵ *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 173.

¹⁶ *Ibid.* P. 179–180.

минаний о варварских вторжениях, Ф. Курта считает достаточным доказательством того, что тезаврация этих кладов произошла не *ob metum barbarorum*, а в силу *custodiae causa*¹⁷. Но ведь внешнеполитические события этого периода практически не освещены источниками (Менандр дошел лишь в отрывках о посольствах), и мы можем лишь догадываться, что там происходило. Следовательно, не исключено, что в эти годы могли произойти вторжения, оставшиеся для нас неизвестными, но отразившиеся в двух горизонтах кладов — около 571 и 575 года.

В построении Ф. Курты важным пунктом является наблюдение, что многие позднеантичные укрепления на Балканах были покинуты обитателями: на них нет следов разрушений и насилия¹⁸. На этом он строит главный вывод, что лимес не был разгромлен варварами, но лишь медленно затух в правление Ираклия в результате развала системы поставок анноны и донативов. Последний тезис не вызывает протеста, однако ясно, что этому затуханию предшествовала серия погромов, произведенных на укреплениях лимеса (Садовско-кале, Ятрус, Тропей, Истрия, Ульмет) аварами, о чем неоднократно говорит и сам Ф. Курта. Кроме того, на ряде укреплений есть и горелые слои с монетами середины VI в., иногда достоверно перекрытые слоями с монетами конца VI в. (Истрия 543/592 г. соответственно, Суцидава 540/599, Новы 542/575 и 542/583, а также Диногечия 546/572 и Ульмет 545/583 гг. с не до конца ясной стратиграфией), т. е. как раз времени славянских и кутригурских набегов, на что уже давно указано в работах, известных Ф. Курте¹⁹.

Несомненно, такие глобальные заключения, как построение хронологии горизонтов разрушений на городищах, требуют специального исследования на археологическом материале с детальным разбором стратиграфии и хронологических индикаторов. Без этого у исследователя есть только отдельные факты. И вот именно такого исследования в работе Ф. Курты нет, а есть только обзор опубликованного другими исследователями археологического материала с позднеантичных укреплений Балкан. Более того, очевидно, что при вражеском погроме часть укреплений могла быть заброшена добровольно сбежавшими гарнизонами. Следовательно, тезис Ф. Курты о мирном запустении укреплений оборонительной системы Балкан в результате административно-экономической разрухи является не более чем интересной гипотезой.

Впрочем, читателю остается до конца не ясным, какую роль тезис об экономическом затухании лимеса играет во всей модели славянского этногенеза у Ф. Курты. Не исключено, что образ мощной укрепленной границы, сметенной волной северных варваров-славян, претит ему, так как требует признания некой мощи и силы за этими северными, неизвестно откуда взявшимися варварами.

ИЗОБРЕТЕНИЕ

В реконструкции Ф. Куртой политических событий на Балканах по письменным источникам почти ничего не вызывает протеста, кроме лишь двух заключений.

Автор почему-то категорически отказывается верить письменным источникам в вопросе о численности славян — участников вторжения в 578–586 гг. (Менандр и автор «Чудес св. Димитрия» упоминают 100 000 славян). При этом 60 000 аварских

¹⁷ Ibid. P. 170 sqq.

¹⁸ Ibid. P. 189.

¹⁹ Шувалов П. В. 1) Этнокультурные процессы...; 2) Северо-восток Балкан в V–VI вв.: Города лимеса и варварские вторжения // Из истории Византии и византистики. Л., 1991. С. 39–47.

всадников его ничуть не смущают²⁰. Конечно, ясно, что один такой отряд в 100 000 воинов вряд ли был способен продвинуться в глубь территории Балкан, однако ничто не мешает принять гипотезу, что тут суммированы округленные данные о численности нескольких отрядов, орудовавших на Балканах. Курта не видит такого объяснения и, более того, пишет, что славяне «...численно... уступали римлянам»²¹, никак не аргументируя свою позицию. Видимо, для Ф. Курты малочисленность славян является аксиомой. *De gustibus non est disputandum*.

Более того, ясно, что, с его точки зрения, славян было не только МАЛО, но и звались они ИНАЧЕ, да и не были славянами. Действительно, разбирая разные названия славянских племен, Ф. Курта указывает, что, несмотря на разные имена, они *все* называются в византийских источниках *склавины*, из чего он тут же делает неожиданное заключение, что *склавины* было лишь обобщающим для всех этих племен именем (*an umbrella-term*)²². А вслед за этим пишет буквально следующее: «Это все доказывает, по моему мнению, что имя “склаvene” (sic!) было просто византийским изобретением (*construct*), призванным придать смысл (*to make sense*) сложной конфигурации этносов на другой стороне северной границы империи». Далее, правда, он спохватывается и делает оговорку: «Не исключено (*it might be*), что “склаvene” было изначально самоназванием какой-то этнической группы (*a particular ethnic group*)». Но тут же заключает главу следующей фразой: «Однако в своем прямом смысле (*in its strictly defined sense*) “славянская этничность” — это византийское изобретение (*invention*)»²³!

В конце книги Ф. Курта пишет, что первым прямым свидетельством о том, что славяне называют себя славянами, является «Повесть временных лет»²⁴. И тут у непросвещенного читателя может возникнуть соблазн предположить, что по мнению Курты, самоназванием слово «славяне» стало только с легкой руки Нестора! Но такого Ф. Курта нигде прямо не пишет — это противоречило бы известному месту из Феофилакты Симокатты, где три варвара-посла, встреченные людьми императора Маврикия около города Цурула примерно в 591 г., на вопрос самого императора, какого они племени (*τί τὸ ἔθνος αὐτῶν*) и где живут, отвечали, что по рождению они славянского народа (*τὸ μὲν ἔθνος ἔφασαν πεφικέναι Σκλαυηνοί*) и пришли от края Западного океана. Ведь трудно предположить, как бы смогли эти северяне, никогда, скорее всего, не бывавшие на Дунае, объяснить самодержцу ромеев, что он (sic!) их называет славянами, не зная они сами это имя!

Остается непонятным из работы Ф. Курты только одно: КАК византийцы смогли такого изобретать, что у самой границы империи произошел взрыв славянского этногенеза. Каков был механизм этого воздействия из царственного Константинополя на население далекого пограничья? Путем пропагандирования среди варварской знати особого стиля правителя-бигмена, ставшего образцом для подражания славянских

²⁰ *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 91, 92, 97.

²¹ *Ibid.* P. 114–115.

²² *Ibid.* P. 118.

²³ *Ibid.* P. 119. — Именно «изобретение», а не «открытие», как можно было ожидать! Английское слово *invention* происходит от латинского *inventio* («изобретение, изобретательность»), происходящего, в свою очередь, от глагола *invenire* («находить, открывать, придумывать»). Эти два значения («находить — открывать») сохраняются некоторое время за словами этого корня, но современные английские словари дают однозначно: *invent = create*. Например, *Macmillan English Dictionary* содержит следующее примечание к статье *INVENT*: If you are the first person to make a new type of..., you **invent** it. <...> If you are the first person to find, see or understand something, you **discover** it. <...> You cannot **invent** something if it already exists (*Macmillan English Dictionary*. Oxford, 2002, s.v.).

²⁴ *Op. cit.* P. 350.

вождей? Распространением названия *склавыне* среди населения Балкан и варварских наемников? Импортом престижных пальчатых фибул из Херсона? Поддержанием дипломатическими методами статуса славянского языка как *lingua franca* среди населения Подунавья? Флорин Курта не дает ответа на эти вопросы, он никак не разрешает эту изобретенную им же самим проблему. Проблема для него оказывается важнее ее разрешения...

Summary

In general outline, F. Curta's conception can be reduced to the following. In the second half of the sixth century in barbarian communities situated on the left bank of the Lower Danube the processes of social stratification developed very intensively that brought to the rise of military leaders — big-men. The new system of values was formed around them. Among those who would be lately called «Slavs» especial significance was acquired by the markers of social status, namely silver female fibulae and other elements of female dress of the certain style. Women become «symbolic vehicles for the construction of social identity» (P. 309). It was that symbolic style and social competition that formed Slavic «Sclavinias».

Thus, political and social development was going on in parallel with ethnogenesis. It means that the mixed population was concentrated around centers of power, which «metaphorically cited» (imitated and copied) the prestige centers of their more powerful neighbors. Those, whom Byzantine authors have named «Slavs» were formed in Carpathian and Lower Danube Region under the influence of their neighbors, and did not migrate there from the north: «Archaeological culture do not migrate», Curta argues (P. 307). It is known, meanwhile, that migration is an extremely complicated problem in archaeology that cannot be described by one phrase (see Lev S. Klejn's detailed analysis of the problem). The idea of the «self-generation» of the Slavs in the Danube and Carpathian region and the negation of their migration can be considered to be the heart of Curta's conception and his main contribution to studies on the models of Slavic ethnogenesis. To Curta, instead of the Slavs themselves their language spread as *lingua franca* (P. 345) (however, there is not clear — from where?). But even the language has not played the important role in Slavic ethnogenesis: as Curta argues, «Slavs did not become Slavs because they spoke Slavic, but because they were called so by others», i.e. by the Byzantines (P. 346). The Slavs arisen in such a strange, almost magic, way were for some time the neighbors of the Empire, being partially under the authority of the Avar qagan, and limited their external activity to plundering raids on the Balkans. Slavs did not break the Byzantine limes on the Danube, but they also did not infiltrated peacefully through the system of forts. They came on the Balkans after the limes had been already destructed. In Curta's opinion, ««Sclavenes» was an umbrella-term for various groups living beyond the frontier» (P. 118). «What all this suggests, in my opinion, is that the name «Sclavene» was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnies on the other side of the northern frontier of the Empire» (P. 118–119). «In its most strictly defined sense, however, the «Sclavene ethnicity» is a Byzantine invention» (P. 119). However, Curta's statement contradicts directly the well-known passage from Theophylact Simocatta, where it is described, how three barbarians-ambassadors met by the emperor Maurice's men near Tzurullum in c. 591, on the emperor's question of what was their nation and where they lived, answered, that they were Sclavenes by nation and that they lived at the boundary of the western Ocean.

Only one thing remains unclear from Curta's book: HOW could the Byzantines invent the Slavs? What was the mechanism of influence of this Constantinople armchair invention on the population of such a distant frontier region?

*P. M. Barford***SLAVS BEYOND JUSTINIAN'S FRONTIERS**

The problem of the so-called «ethnogenesis» of the Slavs is one which has long been subject to scholarly debate in central and eastern Europe. Over the past century, it may even be said to have become one of the dominant themes of the study of the past of this region. Even in recent years, much of the argument on this subject has however failed to develop from the text-driven culture historical positions reached several decades ago, often within some form of a nationalist agenda. A book published in 2001 offered a new approach to the problem of the emergence of a Slavic ethnicity in south central Europe between c. 500 and 700 AD. Its author was Florin Curta, a young American specialist in the Early Medieval period who was equally at home with the minutiae of the archaeological sources as well as the written material. In a novel way, Curta's book examined the issue from the perspective of current anthropological theory concerning the relationship between material culture and ethnicity and amalgamating the results of current archaeological and historical source criticism¹. The book is notable for the breadth of vision which allows a synthesis of the evidence from both sides of the Danubian limes to give a holistic view of the cultural and social processes taking place in that region, and showing the complexities inherent in such a frontier zone. The range of evidence utilised and the manner in which they are employed are impressive, and the author's arguments are persuasive².

While other writers have suggested that the relatively sudden appearance of the Slavs in the East Roman written sources of the early sixth century reflect the movement (migration) of groups of Slavs into the area of the Danubian Plain from an *Urheimat* elsewhere, Curta argues that the phenomenon in fact reflects the formation of a new barbarian ethnic identity in the shadow of the limes in response to Justinian's policies on the Danube frontier and in the Balkans. The changing

¹ Curta F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge; New York, 2001.

² The present discussion summarizes some of the current conclusions of a larger work in progress, no attempt has been made in the space allowed here to provide an exhaustive bibliography of all the topics touched upon, most of the works cited have extensive bibliographies citing earlier work.

political situation outside the northern limes and armed inroads inside the Empire in the first half of Justinian's reign led East Roman and Byzantine authors to create a name for this new grouping, and they began using names such as Sclavenes and Antes in order to make sense of the process of group identification that was taking place north of the Danube frontier. Curta thus shows Slavic ethnicity to be in some sense a Byzantine invention. The book takes as its starting point the time when East Roman writers begin to notice and name the Sclavenes and Antes, c. 500 AD. His discussion concludes with the earliest Slav settlement assemblages south of the Danubian frontier, which despite earlier dates claimed for them, should probably be assigned to the period after 700 AD.

The book's focus on the creation of a «Sclavonic» ethnicity area around the Danubian frontier region unfortunately prevents us from learning the author's views on the «making» of the Slavs (Slavic-speaking communities) further afield, in Poland and Bohemia for example. The problem here is that «the Slavs» is as much a linguistic concept as an ethnic or archaeological one, and linguistic and other types of evidence seem to show that Slavic languages were being spoken over a wide area of east-central Europe by the ninth century at the latest³. Curta gave this question some consideration in a later thought-producing text where he considers the role of the Slavic languages as a lingua franca and the contribution of the «nomad» peoples (in particular the role of the Avars)⁴. These provide a model to explain the spread of an early form of Slavic over a wider area, though the author himself admitted this still does not completely resolve all the issues raised by the linguistic and archaeological evidence.

Nevertheless, despite these problems, the novel and thorough approach of Curta's «Making of the Slavs» have a great deal to offer the scholar interested in many aspects of the history and historiography of Early Medieval eastern and southeastern Europe and the study of past ethnicities. One of the author's achievements is to break out of the circular and sometimes vicious academic arguments that have developed in central and Eastern Europe about these topics. These have their origin in part in the achievement of what may be seen as a stalemate in the linguistic research into the interpretation of the limited linguistic data⁵. Another source of conflict has been the continual use of the outdated culture historical model of archaeological (or rather artefactological) research which for some decades have substituted for academic discussion in much eastern European work on the topic⁶. Curta treats the spread and use of languages, the creation of an identity and socio-economic changes as processes occurring within societies, and this is one of very few attempts to examine the problem of the origin of the Slavs from the viewpoint of newer approaches in archaeology and historiography.

As a consequence of accepting the determinations of nineteenth century comparative linguists about the common origin of all today's Slavic languages in a single compact region as a proven fact (see below), the problem has long been seen in eastern European historiography as the search for an *Urheimat* from which the migration of the Slavs would have begun. Snippets of various types of information were used to identify the nuclear area where «Common Slavic» was spoken and thence transported by the movement of peoples. An extraordinary reliance was placed on the

³ Barford P. M. *The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe*. London; New York, 2001.

⁴ Curta F. *The Slavic lingua franca* (linguistic notes of an archaeologist turned historian) // *East Central Europe/L'Europe du Centre-Est*. 2004. Vol. 31. Part 1. P. 125–148.

⁵ Popowska-Taborska H. *Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka*. Wrocław, 1991.

⁶ E.g.: Cień Światowita: czyli pięć głosów w sprawie etnogenezy Słowian / Red. A. Kokowski. Lublin, 2002; *Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji, Kraków 19–21 listopada 2001* / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków, 2005.

few words classical authors devoted to the region, overinterpreted and rendered almost scriptural reverence. Archaeologists strained to identify specific types of material culture which would seem to have been transported along with the migrating people. Linguists attempted to pit one theory of linguistic development against another in order to identify a region with the earliest river names, or find loan words which suggested movement from one area to another. All these efforts shared an underlying assumption that both cultural identity and language were specific to a fixed group of people and were carried as a cultural package only by their migration. It was rare however to find these assumptions being questioned in the discussion of the so-called Slavic «ethnogenesis». Each separate discipline competed to be the only one regarded as entitled to solve the issue, but this led to a fragmentation of approach.

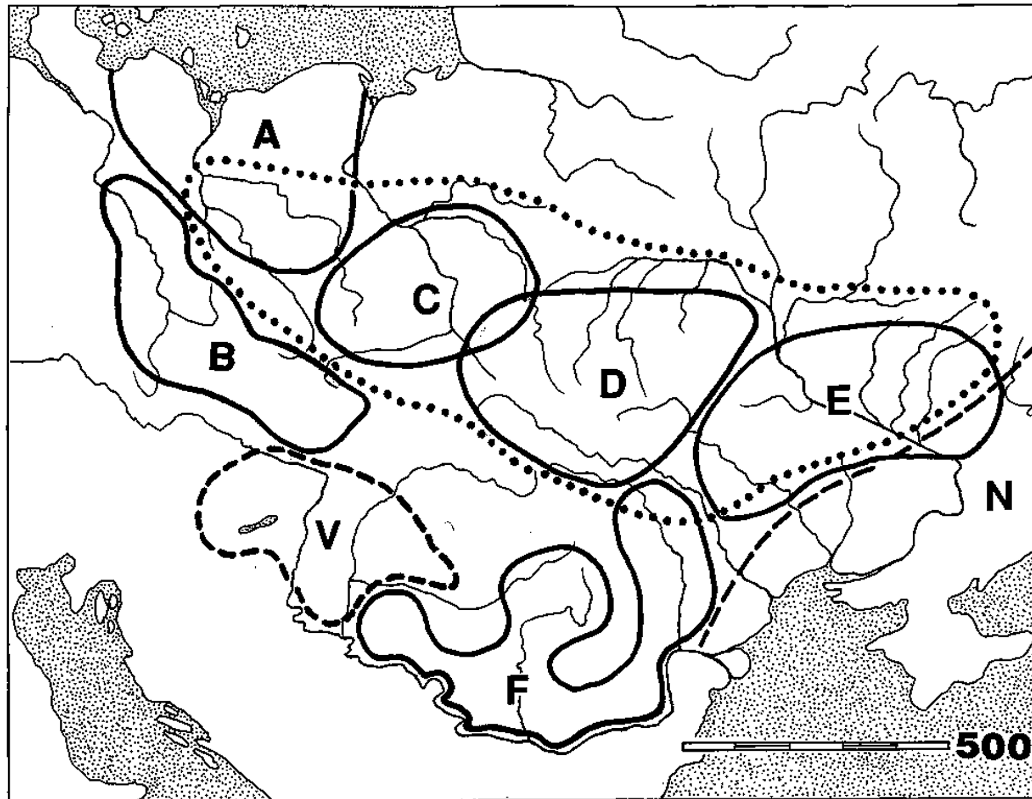
As Nichols reminds us «the question of language spreads is a sociolinguistic one by definition»⁷. Instead of a simplistic model of an ethnic movement from a specific localised area, a model of the spread of a language as a complex linguistic process linked to other social change such as the one Curta defines places the discussion on a new footing. A discussion of where the earliest forms of the Slavic languages were spoken is not restrained by the need to see the same area as the discrete *Urheimat* of the entire «Slavic people». Nevertheless the Slavic languages did not materialise from nowhere in the sixth century AD, they clearly have developed from earlier forms spoken somewhere, the result apparently of the differentiation and developments of prehistoric Indo-European forms.

Of the various attempts to identify the area in which there is surviving evidence for being the area in which the earliest forms of Slavic were spoken, those involving the hydronyms seem particularly interesting. Several linguists have analysed surviving river names of ancient origin in depth and come to a number of (sometimes mutually conflicting) conclusions. Nevertheless, despite differences of opinion, there is a diffuse zone (dotted line on Fig.) which contains the majority of the river names claimed as the most archaic⁸. This «Archaic Slavic Hydronymy Zone» stretches from the upper Severskiĭ Doniets in the east to the middle Odra in the west and overlaps with the zone of Baltic and Iranian river names. Outside this area, current linguistic research claims there are no archaic Slavic hydronyms (it has been suggested by some scholars that there are Archaic Slavic hydronyms in Pannonia, but this has been shown by Udolf to not be the case⁹). It seems entirely reasonable to assume that this is in whole or part the region in which the earliest forms of the Slavic languages developed from other Indo-European forms, though we can only speculate when this might have been. Certainly it would be mistaken to attempt to associate the river names of Archaic Slavic type with any specific archaeological cultures. More importantly, neither can we assume that there was only one proto-Slavic language spoken across the area containing these names (still less that it would be possible to define any one part of it as an *Urheimat* from which all the Slavic nations have their origin). A large part of this zone (particularly at its western end) had been occupied from the second century BC by archaeological cultures of

⁷ Nichols J. The linguistic geography of the Slavic expansion // American contributions to the Eleventh International Congress of Slavists, Bratislava, August-September 1993, Literature, Linguistics, Poetics / Ed. by R. A. McGuire, A. Timberlake. Columbus, Ohio, 1993. P. 378.

⁸ Трубачев О. Н. Названия рек правобережной Украины. М., 1968; Udolf J. Studien zu Slawischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen: Ein betrag zur Frage nach Urheimat der Slawen. Heidelberg, 1972; Babik Z. Najstarsza warstwa nazewnictwa na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej Słowiańszczyzny. Kraków, 2001; Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian... S. 36–48 and refs.

⁹ Udolf J. Kamen die Slaven aus Pannonien? // Studia nad etnogenezą Słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej. Cz. I / Red. G. Labuda, S. Tabaczyński. Warszawa, 1987. S. 168–173 and refs.



Distribution of selected archaeological cultures in Eastern Europe (sixth and seventh centuries AD). The dotted line defines the zone containing the Archaic Slavic hydronyms: A — Sukow Culture, B — Prague Culture, C — Central Polish groups, D — Korchak Culture, E — Penkovka Culture, F — Slavs on Eastern and Southern flanks of the Carpathians and Danubian Plain, V — Early Avar polity, N — Other nomad groups.

«Germanic» aspect (also attested in some written sources), while the rest was affected by the establishment of the «Gothic hegemony» (early third century BC to the Hunnic invasion of the 360s).

Until some time before the mid sixth century, when they appear before the eyes of the East Romans on the Danubian plain, it would seem that Slavic speaking groups were separated from the Roman world by three to five hundred kilometres of steppe, forest steppe and mountains, parts of which at least were already populated by other groups much more familiar to the classical world. In such circumstances, not even the most optimistic national historian in a search for ancestors who were part of the world of Classical antiquity should feel justified in expecting classical writers to be able to impart much in the way of reliable information about such distant communities. However unpalatable that may be to national pride, it has to be admitted that the ancient ancestors of modern Slavic states were in fact simply invisible to the classical world.

At some stage, some Slavic speaking groups, probably together with other populations, moved south and southwest to the areas faced by Justinian's frontiers. There is no evidence from the region (under relatively close observation especially in the period of existence of the Roman

province of Dacia) that there had been any Slavic speaking communities in this area prior to that. What had precipitated this movement must remain unresolved. Perhaps some Slavic speaking groups moved south relatively unnoticed by the Romans under the hegemony of the Huns, for example during the events connected with the collapse of the pre-existing («Gothic») systems and the ascendancy and fall of the empire of Attila. The collapse and rise of political systems from the last decades of the fourth century may have led to significant changes in settlement pattern in the region along the eastern and southern flanks of the Carpathians, creating opportunities for new groups to move into the regions. This was after all the *Volkerwanderungszeit*. This is obviously a topic for further investigation, in particular of changes in settlement pattern.

Certainly by the first part of the reign of Justin I, Slav raiding parties were noticeable to the Romans along part of the Danubian frontier¹⁰. Even so, it should be noted that close reading of the surviving sources shows that the East Roman writers seem to have had a relatively foggy idea where the territory of the Sclaveni actually ended and had very little idea about the geographical and ethnic realities north of the Carpathians.

As a result of the consolidation of Slavic settlement down the east flanks of the Carpathians and along the Danubian Plain during the first part of Avar hegemony in the region (560s to the 620s), by the beginning of the seventh century Slavic communities had somehow become a significant if not necessarily dominant component of a triangular zone extending from the Tisza to the Danube estuary and Podolia in the north (Fig., area F).

To the north, in the eastern part of the zone in which Archaic Slavic hydronymy is present, the archaeologist discerns the development (by the mid sixth century, though some scholars suggest that the process may have begun as early as the late fifth century AD) of the Korchak and Penkovka cultures which few scholars doubt were the material correlates of Slavic speaking groups (Fig., D and E). The precise origin of these cultural entities still remains unclear. Archaeological study has attempted to trace the origins of the material culture of these groups by linking its constituent elements to those of pre-existing groups, mostly on the fringes of Wielbark expansion (for example the Kievan and Carpathian Kurhans Culture). It is however quite tempting to see the dominance and expansiveness of this post-Cherniakhovo material culture as the reflection of a «communicative community»¹¹, and presumably (since following this there seems to be clear cultural continuity in the region with later groups who we know were Slavic speaking) one element of this was the use of a form or forms of a Slavic language. Whether or not this was wholly indigenous to the region and how it was affected by the processes represented by the appearance and demise of the archaeological Wielbark and Cherniakhovo cultures is difficult to say.

In adjacent areas of Barbaricum, there were other changes apparently caused by the weakening of influences emanating from the Roman empire. At the same time as Slavic-speaking communities were spreading southwards along the eastern flanks of the Carpathians, further to the north the western parts of the zone containing the Archaic Slavic hydronyms were deeply affected as the Germanic settlement structure collapsed¹². At some stage archaeological cultures very similar

¹⁰ Curta F. *The Making of the Slavs...* P. 74–119.

¹¹ Cf.: Zabrocki L. *Wspólnoty komunikatywne w genezie i rozwoju języka niemieckiego: 1. Prehistoria języka niemieckiego*. Wrocław, 1963.

¹² Godùowski K. *Ziemia polski w okresie wędrowek ludów // Barbaricum*. 1989. T. I. S. 12–63; Máczyńska M. *Zanik kultury przeworskiej // Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji, Kraków 19–21 listopada 2001*. S. 157–163; Kaczanowski P. *Przemiany osadnicze na ziemiach polskich u schyłku starożytności // Ibid*. S. 215–227.

in aspect to the Korchak Culture start to appear in this region, first in southeastern Poland (the Mogila Group on the fringes of the Carpathians from the early sixth century).

Similar archaeological cultures then appear in the northwest part of the Carpathian basin, beyond the zone where the archaic Slavic hydronyms had been found. The date of the consolidation of Slavic settlement of Bohemia is still unclear, though communities in Moravia may have adopted Slavic culture patterns as early as by the middle or second half of the sixth century¹³. These processes led to the emergence of the Prague Culture by the second half of the sixth century¹⁴. It is still unclear to what extent the appearance of material culture assemblages of Slav type in the Prague culture area might represent the movement of Slavic speaking communities from the north (across the Carpathians probably through the Moravian Gate) or whether the adoption of these languages and material culture forms were developments among an autochthonous population. In the present state of knowledge, both mechanisms would raise more questions than they can answer, and this problem also still requires further investigation.

Eventually an archaeological culture of similar general character then appears on sites in the northwestern part of the zone containing the Archaic Slavic Hydronyms (the Sukow Culture: Fig. A). Recent work suggests this had not begun much earlier than the last decades of the seventh century¹⁵. The archaeological remains of this culture differ in several respects (principally in house type and burial rite) from those of the other Early Slavic culture groups of the period.

There is little direct evidence for the relationship between Slav communities and nomadic peoples on the Pontic steppe and Danubian Plain in the sixth century. There may have been Slavic-speaking groups among the warriors led by the Kutrigur Zabergan (558/9), but if there were, there is no mention of this in the sources. There is however rather more evidence of interactions between Slavic-speaking groups and Avars who first appeared on the Danubian plain in about 560¹⁶. The cultural group we label as «Avars» was probably a fluid polity¹⁷ which had grown out of the accretion of new elements to a successful and intrusive nomad horseman core group. The final phase of the formation of the Avars would have taken place on contact with the Roman limes and diplomacy on the Pontic steppes and Danubian plain. In the case of the latter area it may even have incorporated substantial numbers of Slav-speaking communities already settled in the area.

By the first decades of the seventh century we see Slavic raiders penetrating deep into the Balkans accompanied by their families (evidenced by near-contemporary written sources such as *Miracles of St Demetrius* Book II), this suggests that the Slavic communities over a wider area of

¹³ Barford P. M. *The Early Slavs...* P. 54.

¹⁴ Curta F. *The Prague type: A critical approach to pottery classification* // *Archaeologia Bulgarica*. 2001. Vol. 5. Nr 1. P. 73–106; Barford P. M. *The Early Slavs...* P. 64. — See now: Dulnicz M. *Wczesnosłowiańskie obiekty archeologiczne na południu od Karpat, Sudetów i Rudaw datowane metodami bezwzględnyymi* // *Archeologia Polski*. 2007. T. LII. S. 81–130. — The term «Prague Culture» is used here to refer to a specific cultural group with a relatively narrow geographical range south of the Carpathians and extending northwards only along the Elbe and for an as yet undetermined extent through the Moravian Gate. This is in contrast to many eastern European scholars who have come to use the term as a synonym for all «Early Slav» archaeological cultures (see for example papers in: *Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji, Kraków 19–21 listopada 2001*).

¹⁵ Dulnicz M. *Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej: Studium archeologiczne*. Warszawa, 2001. S. 27–34; Brather S. *The Archaeology of the Northwestern Slavs (seventh to ninth centuries)* // *East Central Europe / L'Europe du Centre-Est*. 2004. Vol. 31. Part 1. P. 77–97.

¹⁶ Pohl W. *Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr.* München, 1988.

¹⁷ Geary P. *Ethnic identity as a situational construct in the Early Middle Ages* // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. 1983. Bd 113. P. 15–26; Pohl W. *Conceptions of ethnicity in Early Medieval studies* // *Archaeologia* T. 29. Polona. 1991. P. 39–49. [Reprinted: *Pohl W. Conceptions of ethnicity in Early Medieval studies* // *Debating the Middle Ages: Issues and Readings* / Ed. by L. K. Little, B. H. Rosenwein. London, 1998. P. 13–24.]

the Carpathian Basin and along both sides of the lower Danube had presumably become consolidated enough to be the source of what must have been a Slavic-speaking population of some size. It has been suggested that one reason for this had been that at the height of Avar power in central Europe, in the last decades of the sixth and first decades of the seventh centuries, Slavic was a lingua franca used within part of the Avar polity¹⁸. In such a situation the ability to function within a certain linguistic community may well have affected the position of an individual in a group and their ability to achieve certain social goals. The conditions therefore exist for one language to gradually go out of use and be replaced by another. This is the elite dominance model of language spread. The same processes are operating today as indigenous languages die out in competition with others¹⁹. Instead of just examining the spread of dominant languages in such situations, we should also be considering the complex of linguistic processes more holistically, including the demise of competing communicative systems.

Slavic languages seem to have functioned in the same way among the Bulgar communities which established their hegemony south of the lower Danube from the 670s²⁰. Although the core elite of the Bulgars themselves were initially Turkic speaking, it would seem that there had been relatively large numbers of Slavic speaking individuals and groups that crossed the Danube as part of the group under the leadership of Asparukh. They were probably joined by others attracted to the increasing power and influence of this new power in the region. Within a few generations, the Bulgar elite had adopted Slavic nomenclature and when a literature emerges it is in a South Slavic language.

In both areas the material culture which is associated with these groups was a mixture of elements broadly similar to the material culture of the Korchak and Penkovka material, together with elements drawn from neighbouring groups and cultures. Involvement in an elite dominance system meant these people were not adverse to the material expressions of belonging to a particular social group, even if the prestige objects used were from totally alien cultures (such as Byzantine goods). In situations like this, the use of emblematic items to express social status may obscure actual ethnic origins of people represented by excavated remains in settlements or graves. Old disputes over whether graves in the northeastern parts of the Carpathian basin were of «Slavs» or «Avars» for example cease to have much meaning seen in such light.

In the areas to the north and east of the Carpathians and Sudeten (modern Poland and the eastern regions of Germany), the potential mechanisms involved in the creation of the initial Slavic cultures and the chronology of events are less clear. There have been two main schools of thought in the Polish archaeological community. The first (autochthonists) that the Slavs were always present in the area of modern Poland, indeed many were of the opinion that the area of modern Poland was the ancient *Urheimat* of the Slavs, while the other group (allochthonists) claims that the Slavs came to the region from the east, from Poland's former provinces in the east, now the Ukraine. Intense conflict has erupted between the holders of these two viewpoints in recent years²¹. The main bone of contention is the dating of the earliest cultural assemblages of Poland (the Central Polish groups — C on Fig.) which in all probability may be associated with Slavic speaking

¹⁸ Lunt H. G. On Common Slavic // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1984–1985. Књ. XXVII–XXVIII. С. 421; explored further by: Curta F. The Slavic *lingua franca*... P. 125–148.

¹⁹ Dixon R. M. W. The Rise and Fall of Languages. Cambridge, 1998; Dalby A. Language in Danger. London, 2003.

²⁰ Angelov D. Die entstehung des Bulgarischen Volkes. Berlin, 1980; Shepard J. Slavs and Bulgars // New Cambridge Medieval History / Ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. Vol. 2. P. 228–248.

²¹ Barford P. M. 1) The Early Slavs... P. 278–279; 2) Crisis in the Shadows: Recent Polish Polemic on the Origin of the Slavs // SA. 2003. T. XLIV. P. 121–155.

communities. One group of scholars perceives evidence that they appear as the direct effect of the collapse of the previous cultural order and occupation was continuous, the other denies this and places their first appearance in Poland a century later, and postulate the near total desertion of these lands in the interim (see below).

Over most of the area between the fifth and seventh centuries therefore, the archaeological evidence for the cultural changes suggests that they relate to the collapse of systems reflecting social relationships maintaining and maintained by hierarchical social organizations involving material culture with a strong emblematic element and the display of wealth. As in the case of the Korchak and Penkovka cultural zones, this became replaced with a material culture the archaeological reflection of which, by comparison with that of Germanic groups of the Migration Period, is noticeably spartan and simple. One interpretation of this apparent primitivism is that its users were impoverished and backward communities which had collectively somehow simply forgotten the technology and skills required to make better and a more varied assortment of goods. If this was the case, one wonders why there are so few instances in archaeological assemblages from this region of individual items of better quality not being utilised when available, a feature particularly visible in the case of the Central Polish groups. This somewhat puzzling circumstance suggests an alternative model may be equally viable, that the archaeologically unspectacular material culture of these societies may be the reflection of a deliberate rejection of the values of another social system (for example achieving social prestige through the display of symbols of wealth and social position), one which the new communities of this region no longer wished to associate themselves. In other words, this would be a deliberate expression through the use of symbols of a system of beliefs about the world rather than a symptom of economic and social backwardness.

This working hypothesis finds some support in the light of the fact that it is precisely across the middle of this region that at least three types of prestige goods are known to have been travelling. These are East Roman gold coins which are deposited in the Carpathian basin and on the Baltic coast (and entering the Baltic exchange systems) but not to any extent in the intervening area²². In the fifth and first decades of the sixth centuries these single finds and hoards are evidence that despite the collapse of wider systems, the internal socio-economic relations of some societies in quite distant areas of barbaricum were still under the influence of the Roman empire as in previous centuries. The feature which interests us here is that although this bullion was clearly travelling through the area north of the Carpathians, there is very little evidence that much of it was used or deposited there.

Travelling in the other direction, amber which originated on the Baltic coast is found in some quantities in contemporary Gepid graves, but again was apparently not being used to any extent by the people through whose territory it was travelling²³.

The distribution of a third type of object which has become known in the literature as *Slawische Bugelfibeln* is even more revealing. Curta has drawn attention to the similarities of the fibulae of the Danubian area and Carpathian basin and the so-called Olsztyn culture near the Baltic²⁴. He proposed that some items in both areas were actually coming from the same workshops. Again, we

²² See now: Ciolek R. Znależiska solidów na Pomorzu // Wiadomości Numizmatyczne. 2003. T. 47. Z. 2. S. 163–180.

²³ Curta F. The Amber trail in early medieval Eastern Europe // Paradigms and Methods in Early Medieval Studies / Ed. by F. Lifshitz and C. Chazelle. New York, 2007. P. 61–79.

²⁴ Curta F. 1) The Making of the Slavs... P. 247–275; 2) Female dress and «Slavic» bow fibulae in Greece // Hesperia. 2005. Vol. 74. P. 101–146; 3) Slavic bow fibulae? Werner's class I D revisited // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2006. Vol. 57. P. 486–535; 4) A contribution to the study of bow fibulae of Werner's class I G // Arheologia Moldovei. 2006. Vol. 29. P. 93–123.

find none of them being lost on settlement sites or buried in graves or hoards in the area which (presumably by down-the-line exchange) they travelled through. We are therefore faced with the paradoxical situation that the area may have been occupied by Slavs who were not in the slightest interested in wearing so-called «Slavic fibulae». This is not only a demonstration that the conventional name for this class of fibulae is a less than adequate one. More importantly, taken with the near absence of other types of ostentatious finds, it also suggests that any populations inhabiting the area at this time were simply not interested in the use of prestige goods of any kind, even the fibulae, a dress accessory most commonly in use for symbolic purposes by many other contemporary communities right across northern Europe²⁵.

Some scholars have suggested that the lack of clear and closely datable archaeological traces in the area of what is now Poland and the eastern parts of Germany (Polabia) is because the whole area was completely deserted, and that the Slavs only moved into from the east at a later date²⁶. The main evidence on which their views are based however is the absence of recognisably late forms of the metalwork which researchers into the Roman period in this part of Europe are accustomed to use to date their finds. Since those items were part of the symbolic status-display and emblematic systems of a specific culture order, their absence might only imply that the material culture has changed, not that the area was deserted²⁷. This is of course a circular argument.

There are several pieces of information which argue against desertion. There is an apparent survival of a number of apparent pre-Slavic hydronyms in parts of Poland²⁸ which, it is argued mean that their use cannot have been forgotten and re-invented, it therefore follows that they were continually orally transmitted from generation to generation of local inhabitants. While the survival of Archaic Slavic hydronymy in the area suggests not only that Slavic languages were spoken here when these rivers were named (perhaps in Antiquity), these languages in all probability continued to be used in at least parts of the area subsequently. More interesting data come from the palynological evidence which shows that while some areas did indeed experience a regrowth of forest and a decline in agriculture, this was by no means the case everywhere to the same extent²⁹, this evidence needs more careful collation and examination. There are now claims by several Polish archaeologists of many newly-discovered but as yet unpublished settlements, especially in recent large-scale excavations in advance of motorway construction which have a fifth and sixth century dating (including by dendrochronology).

In addition, the logistics of long-distance trade and exchange over relatively large tracts of uninhabited territory need to be considered. The archaeological evidence suggests that some prestige goods were moving with some frequency across more than 500 km. Some archaeologists are claiming this zone consisted almost wholly of totally uninhabited and densely reforested land. In such circumstances, such an expedition would need an enormous supply train and considerable

²⁵ Barford P. M. Identity and material Culture: Did the Early Slavs follow the rules or did they make up their own? // East Central Europe / L'Europe du Centre-Est. 2004. Vol. 31. Part 1. P. 99–123.

²⁶ Godłowski K. 1) Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V–VII w. n. e. Kraków, 1979; 2) Die Frage der Slawischen Einwanderung ins Ostliche Mitteleuropa // Zeitschrift für Ostforschung. 1979. Bd 28 (3). S. 416–447; 3) Ziemia polska w okresie wędrówek ludów. S. 12–63.

²⁷ An interesting parallel is post-Roman Britain where the archaeological evidence for the Dark Age British population is non-existent despite the fact that every other fact points to them being present. The only archaeological culture which is clearly visible to the archaeologist is that of the Anglo-Saxons.

²⁸ Mańczak W. 1) Wieża Babel. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1999. S. 128; 2) Zagadnienie praojczyzny Słowian w encyklopedii PWN // Archeologia Polski. 2000. T. XLV. S. 111; Babik Z. Najstarsza warstwa nazewnictwa...

²⁹ Tobolski K. Przemiany osadnicze na terenie Niziny Polskiej podczas okresu wędrówek ludów w świetle analizy palynologicznej // Archeologia o początkach Słowian. Materiały z konferencji, Kraków 19–21 listopada 2001. S. 281–292.

effort just to move limited quantities of commodities including some beads and brooches. It is difficult to accept that this is what was happening.

The largest zone to be occupied by Early Medieval Slavic speaking communities is that between the Pripiet and upper Volga, the area that later became the northern provinces of Kievan Rus. While some scholars have seen certain early archaeological cultures of this area as belonging to the Early Slavs, there is little to support this idea. While the evidence is still scant, it would seem that the movement of Slavs into most of the area was quite a late phenomenon, probably in the ninth century. There were other processes occurring in the northern forest zone at this time, including the creation of new exchange networks and power structures³⁰, and these may have created opportunities which Slavic-speaking elements utilised. Attention has been drawn to the evidence that among these elements were those who used a form of Slavic which was archaic when written in eleventh and twelfth century Novgorod birchbark documents³¹. While some (most notably V. V. Sedov) have seen this as evidence that the Slavs penetrated this area relatively early (sixth or seventh century AD), this relies on the model of the homogenous development of a single (Common) Slavic language in a specific *Urheimat* as proposed by nineteenth century philologists and comparative linguists. The evidence presented above tends to suggest however that there was no single compact area from which Slavs expanded in one great wave of migrations. Instead we see evidence suggesting a variety of processes happening in different places and at different times. Perhaps scholars should look again at the evidence for the linguists' *Urheimat* model.

The linguistic models in question have been ones of linear evolutionary development. These imply that there was one «Common Slavic» language spoken in a discrete area whence the Slav migrations had their origin³². Traditional comparative (diachronic) linguistics indicates that all three of the major divisions of the Slavic languages (East, West and South) and the languages within them would have had an origin in a common language. This is the logic behind the postulation of a Slavic migration from a restricted, densely populated and linguistically homogeneous *Urheimat*. It is only within such an area that maintaining such a linguistic unity would have been possible.

This model is a linguistic inference deriving from one possible model of the development of the Slavic languages. In turn, however, it raises many more problems than it resolves. Most prominent among them is how a Slavic-speaking population crammed into a small area could suddenly expand to populate a huge area of central and eastern Europe in the matter of a few generations. Most anthropologists would agree that this is simply demographically impossible³³. Furthermore all the evidence we have suggests that the populations of much of the area were egalitarian to an almost exaggerated degree³⁴, in which case there is little clear evidence to propose an elite dominance model for the initial linguistic spread in the sixth century. There is no obvious explanation of why the language of a small group of intruders should lead to the linguistic death of the languages with which it came into contact in adjacent areas. In addition, if an expanding «Common

³⁰ *Duczko W.* Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden; Boston, 2004 [Polish edition: *Duczko W.* Ruś Wikingów: Historia obecności Skandynawów we wczesnośredniowiecznej Europie. Warszawa, 2007].

³¹ *Curta F.* The Slavic *lingua franca*... P. 125–126. Footnote 4 with refs.

³² *Goląb Z.* The Origin of the Slavs: A linguist's view. Columbus, Ohio, 1992 [Polish translation: *Goląb Z.* O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych. Kraków, 2004]; *Schenker A. M.* The Dawn of Slavic: An Introduction to Slavic Philology. Yale, 1996; *Mańczak W.* Wieża Babel; *Holzer G.* Proto-Slavic: Historical setting and linguistic reconstruction // East Central Europe / L'Europe du Centre-Est. 2004. Vol. 31. Part 1. P. 49–59.

³³ *Piontek J.* Zastosowanie modelu paleodemograficznego do rekonstrukcji historycznego procesu etnogenezy Słowian // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Archaeologica. 1992. T. 16. S. 285–299.

³⁴ *Barford P. M.* Identity and material Culture... P. 99–123.

Slavic» language were to find itself as a minority language in a society where the majority spoke a completely different one, we would expect there to have been rapid regional change occurring in «Common Slavic» as it was carried over ever more linguistically variant territory by a small and politically weak population. Instead, we find the linguists describing the opposite situation, the «Common Slavic» language is supposed to have maintained its purity against all the odds, and against the logic of what modern sociolinguistics tells us are the linguistic consequences of such situations. It was only when all the Slav «peoples» were in the area they were to occupy for subsequent centuries that traditional comparative linguistics would suggest the language began to increasingly differentiate.

There is little to suggest that the whole of the wide area which now contains the surviving Archaic Slavic hydronyms was this linguistically-postulated *Urheimat*. The size (c. 1500 x 450 km) of the area alone excludes it as being the area in which there had been a common language spoken which maintained coherence and stability for lengthy periods of time. In the fourth and fifth centuries AD the existing evidence (including those from written and linguistic sources) indicates that much of this area was dominated by groups whose languages were of different affinities (mostly however belonging to the Germanic groups of languages) which again would tend to have a spatially variable influence on the language of other groups living alongside them. By the sixth century, most of this area containing the Archaic Slavic hydronyms was thinly populated. These are all reasons why one would expect considerable linguistic variation and scope for change and differentiation of languages and dialects within this zone. Thus even if languages of Slavic type were spoken widely here by the sixth century and had been for some centuries, there is little chance that there would have been one homogeneous across the whole area. One would therefore have expected any subsequent expansion of the area covered by this language to reflect this variety. In other words, if this had been the case, there would have been no grounds leading linguists to propose that there had been a «Common Slavic» language. This raises questions to what degree the linear evolutionary models that led to the creation already in the nineteenth century of the notion of an *Urheimat* are the only possible interpretation of the linguistic evidence.

The first evidence of the form of the various languages that are used in diachronic linguistics comes from written texts in the vernacular. In many cases the more substantial of such texts are much later than the onset of literacy, and in the whole of this area, this only came with the creation of states. We know however that the inception of states in this region involved in many cases (such as Kievan Rus, Piast Poland) the amalgamation of diverse «tribal» societies each with their own culture, belief systems and, quite possibly, dialects or even languages. This raises the question of the degree to which the early medieval form of the written languages is the reflection of a literary and state language imposed on a much more diverse linguistic substrate in Moravia, Bohemia and Bulgaria, Kievan Rus and northern Russia. To what degree are those literary languages artificial constructs influenced by each other at the period of the creation of a state structure? It has been generally accepted that Cyril and Methodius from Thessalonika could communicate with the Moravians in the 860s to 880s because there was still a «Common Slavic» tongue in both regions. It may well be however that in part the language of literacy and liturgy they brought with them was less like the autochthonous version of Slavic than is generally assumed. This language of literacy probably affected Bohemia (which in turn was an influence on Poland). After the collapse of the Moravian mission it was carried to Bulgaria (880s), Serbia, and ultimately from there to Russia (980s). In all these cases the rise of literacy accompanied the creation of a state system which will have included an acceleration of linguistic processes including homogenization of the languages used to communicate with outlying regions. The imposition in the same regions of a new elite

often brought up in the dialect of the elite of the core of the state to replace the earlier «tribal» ones would have been an additional factor leading to language change by elite dominance. A hypothesis perhaps worth further exploration is to what degree such processes can explain the phenomena which led nineteenth century philologists to propose a hypothetical «Common Slavic» language in deep antiquity. It may well be that we have been led to apply a false linguistic model on the sixth and seventh centuries AD, by disregarding the fact that we might have been trying to examine it through the filter of another type of linguistic homogenisation taking place in the period of the ninth to eleventh centuries AD.

The simplistic equation of «the (Proto/Common) Slavic language» with «a Slavic people» common to most discussions of the so-called «Slavic ethnogenesis»³⁵ together with the rather anachronistic culture-historical (and text-driven) archaeology traditional in central and eastern Europe have together been the principal reasons why discussions on the origins of the Slavs appear to have reached a stalemate. Perhaps the questions need to be rephrased. As Nichols reminds us «the question of language spreads is a sociolinguistic one by definition»³⁶. Florin Curta's work raises a whole series of important issues about not only the relationship of material culture and identity, but also language and identity, all three seen as social processes. He also has exposed to scrutiny how modern ideological constructs affect the way scholars have interpreted the sources they work with. Linguistic processes are social processes inseparable from other social processes, some of which leave observable traces in the archaeological and historical record. Only by interpreting linguistic data in such terms does it seem that there might be a possibility of escaping from the circular arguments which has in recent decades bedevilled the study of the individual types of evidence (written, linguistic, archaeological) which have been used for following the process of the establishment of languages of the Slavic group over a large area of central and eastern Europe.

Резюме

В статье рассматриваются некоторые вопросы, поднятые в книге Флорина Курты *The Making of the Slavs*, в связи с проблемой распространения славянских языков в Центральной и Восточной Европе в раннее Средневековье. Вместо культурно-исторического и миграционистского объяснения культурной перемены используется подход, в котором изменение языка рассматривается как коррелят других процессов. Автор полагает, что данная проблема в первую очередь социолингвистическая, и в лингвистических исследованиях необходимо использовать в качестве отправной точки новые модели, приходящие на смену моделям чисто миграционистским.

Современная дискуссия о происхождении «славян» поднимает целый ряд важных вопросов об отношении не только материальной культуры и идентичности, но и языка и идентичности, рассматриваемых как социальные явления. Она придает большое значение тому, как современные идеологические конструкции воздействуют на интерпретацию источников. В данной статье рассматриваются некоторые важные для центрально-европейской историографии последствия модели, содержащейся в книге Ф. Курты, а также концепции, предлагавшиеся для объяснения данного феномена прежде.

³⁵ The term itself is a misnomer which judges the answers to questions which are never posed.

³⁶ Nichols J. The linguistic geography... P. 378.

А. Плетерский

О THE MAKING OF THE SLAVS ИЗНУТРИ*

У древних славян не было своих авторов, которые могли бы оставить нам письменное свидетельство славянского самосознания. Флорин Курта, конечно, прав в том, что византийские авторы были внешними наблюдателями и потому не имели адекватного представления о славянах и их идентичности или идентичностях¹. Ведь решающим для идентичности является собственное восприятие объекта. Таким образом возникает вопрос: как сами славяне себя идентифицировали? Да и можно ли на него ответить?

Целью данной статьи является не уточнение всех возможных теоретических аспектов, а предложение подхода к изучению и интерпретации, исследовательский потенциал которого очень велик. Времена господства мнимой интерпретаторской идиллии, когда «правильный» предмет на «правильном» месте мог определить время, этническую принадлежность и иногда даже социальный статус умершего, давно миновали². Понятие «археологическая культура» также кажется все менее подходящим для описания структур прошлого. Из объемной монографии Льва Клейна об археологической типологии явствует, что структуры археологического типа и археологической культуры совпадают³. Как показывает применение этих терминов, разница состоит лишь в том, что культуры — это группы вышестоящих структур, типы же, напротив, подчинены им. Но с точки зрения содержания оба понятия соответствуют определению, что речь здесь идет о группах, созданных классификацией. При этом не стоит забывать, что можно образовать какое угодно число иерархических связей между структурами. Верхняя и нижняя границы иерархии очерчиваются только возможностями наблюдения. Желание

* Перевод с немецкого В. Е. Попова.

¹ *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001.

² См.: *Pleterski A.* Struktur des Gräberfeldes Altenerding // *Losert H., Pleterski A.* Altenerding in Oberbayern: Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren. Berlin; Ljubljana, 2003. S. 511–513.

³ *Klejn L. S.* Arheološka tipologija. Ljubljana, 1988. — Это наблюдение автор подтвердил мне также в личной беседе.

назвать каждую ступень иерархии отдельным именем привело бы к неразрешимым трудностям, поэтому лучше обозначать все классифицированные структурные ступени одним именем. Выражение «тип» кажется мне все же менее отягощенным различными интерпретациями, чем слово «археологическая культура». По моему мнению, лучше всего было бы вообще не употреблять более в археологии этот термин для обозначения групп. Но что тогда остается?

Я исхожу из того, что социальные группы развиваются на основе чувства принадлежности отдельного человека к большей общности. Это, однако, субъективный критерий, не претендующий на след в археологии⁴. И все же я придерживаюсь того мнения, что изучение социальных идентичностей открывает новые исследовательские возможности⁵. Особенно это относится к изучению общностей, тесно связанных с природой и зависевших от нее. Глава (здесь могут быть разные имена: «король», «князь», «жупан»...) поддерживал посредством священного брака (*hieros gamos*) контакт с миром богов. Это обеспечивало плодородие и всеобщее благополучие. Речь здесь идет о той ступени цивилизации, на которой «народ», «государство», «религия» и «право» являются еще неразделимым целым⁶. У греков это называлось *полис*, у германцев — *Gau*, у кельтов — *oppidum*, у римлян — *civitas*, а у славян — *жуупа*.

Идеологическим ядром была вера в силы, отвечавшие за равновесие природы. Эта вера сохранялась в словенской народной культуре вплоть до XX в. под именем *tročan* (от слова «три») ⁷. Задача людей состояла в том, чтобы заботиться об этом равновесии, при этом они различными ритуалами символически подражали этой эквивалентности во всех возможных сферах жизни. С помощью ритуальной геометрии организовывалось пространство: например, определение культовых мест, а также расстояний, углов и т. д. И это **оставляет** археологические следы. Но они обнаруживаются не только в пространственных структурах, но также и в мире вещей⁸. Тем не менее поддающиеся исследованию пространственные структуры дают наилучший материал для реконструкции некогда соответствовавших им общностей.

Пространственную структуру единицы идентичности можно показать на примере славянской жупы. Она проявляется как скопление поселений. Поселения располагаются преимущественно вдоль рек — это типично для ранних славянских культур в Восточной Европе. Их называют «гнезда». Центральную структуру жупы образовывали три культовых места, два из которых были посвящены антитетическим богам (в частности, огня-солнца-неба и земли) и одно — синтетическому божеству (в частности, воды) (*Рисунок*). Поселения, поля и кладбища ориентировались на одно из трех

⁴ Ср.: Pohl W. Franken und Sachsen: die Bedeutung ethnischer Prozesse im 7. und 8. Jahrhundert // 799-Kunst und Kultur der Karolingerzeit, Karl der Große und Papst Leo III. in Paderborn. Beiträge zum Katalog der Ausstellung Paderborn 1999 / Hrsg. von C. Stiegemann und M. Wemhoff. Mainz, 1999. S. 234–235.

⁵ См., например: Pleterski A. Od deklice do starke. Od dóma do moža. Identitetne spremembe, kot jih kažeta zgodnjesrednjeveško grobišče Altenerding in makedonska narodna noša // Arheo. Ljubljana, 2002. Vol. 22. S. 53–58; Losert H., Pleterski A. Altenerding in Oberbayern: Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und «Ethnogenese» der Bajuwaren. Berlin; Ljubljana, 2003. S. 646–649; Brather S. Kleidung und Identität im Grab // ZfAM. 2004. Bd 32. S. 1–58; Distelberger A. Die Darstellung von sozialem Alter bei Awarinnen aus Österreichischen Gräberfeldern // Beiträge zur Mittelalterarchäologie in Österreich. Wien, 2004. Bd 20. S. 25–42.

⁶ См.: Pleterski A. Die altslawische Župa — der Staat vor dem Frühstaat // Kraje slowiańskie w wiekach średnich, profanum i sacrum. Poznań, 1998. S. 79–81.

⁷ Medvešček P. Let v Lunino senco — pripovedi o starih verovanjih. Nova Gorica, 2006. S. 55.

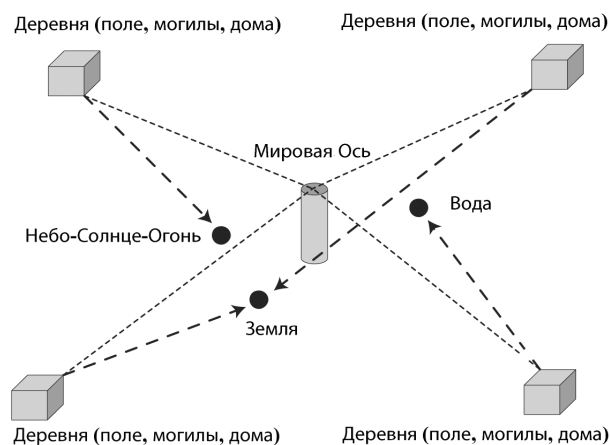
⁸ См., например: Teržan B. Dolgoživ spomin: Prežitki halštatskega obredja v pustnih šegah na Slovenskem? // AV. 2001. Letnik 52. S. 207–219.

культурных мест⁹. Поскольку область расселения понималась жителями как целый космос, то она нуждалась в мировой оси, которая бы поддерживала небо¹⁰. Эта ось также должна была сохранять пространственную организацию, чем создавалось территориальное единство. Правила никогда не канонизировались, каждая жупа, каждое поселение имели свои особенности. Тем не менее повторение отдельных структур дает возможность почувствовать эти правила.

Таким образом, жупа стала сакральной общностью, гарантировавшей благополучие ее членов. Жить вне такой общности значило стоять вне закона и подвергаться всевозможным опасностям. Вероятно, и этническая идентичность означала тогда только принадлежность к сакральной общности. Вступая в такую общность, люди автоматически сменяли свою этническую идентичность.

Можно исходить из того, что при одновременном сосуществовании нескольких жуп особую роль приобретала жупа, расположенная в центре. Сила ее святых мест и жупана излучалась также в соседние общности. С этой точки зрения понятен тезис Любомира Конечного, будто первые древнеславянские политические центры произошли от прежних духовных центров¹¹. Центральный жупан приобрел, таким образом, особое значение. Если обозначение *knez* относится к нему, то этот процесс развития возможно датировать самое позднее IV в., когда славяне переняли слово *knez* у готов¹². Но таким путем нельзя было достигнуть величия средневекового «раннего государства». Для этого требовалась другая идеология. Зофья Курнатовска справедливо усматривает ее для славян в христианстве¹³, которое шло рука об руку с серьезными структурными изменениями. С приходом христианского универсализма пали все территориальные границы. Языческие культовые места сменялись новыми церквями. Новые политические элиты пытались утвердить свое господство с помощью своего рода «национальной церкви». Прекрасный тому пример — история братьев Константина и Мефодия.

Подводя итог, можно заключить, что у ранних славян существовали устойчивые идентичности, элементом которых являлся славянский ритуальный язык. Такая единица идентичности называлась жупой. Поэтому я считаю маловероятным, что когда-



Пространственная структура единицы территории и идентичности

⁹ Pleterski A. Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // ZČ. Letnik 50. 1996. S. 182.

¹⁰ См.: Banaszkiwicz J. Entre la description historiographique et le schéma structurel. L'image de la communauté tribale: L'exemple des Lučane dans la *Chronica Bohemorum* de Kosmas vers 1125 // L'historiographie médiévale en Europe. Paris, 1991. P. 165–175.

¹¹ Konečný L. Poznámka k urbanismu staroslovanských ústředí // Památková péče a ochrana přírody. Brno, 1989. S. 8–21.

¹² Ср.: Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika: Druga knjiga. Ljubljana, 1982. S. 48.

¹³ Kurnatowska Z. Archäologie über die Anfänge des slawischen Staates // SPFFBUE. 1995. R. 40. S. 17.

либо существовала только одна единственная унифицированная славянская идентичность, но, скорее всего, имелось огромное множество идентичностей с использованием славянского языка.

Zusammenfassung

Die frühe Slawen hatten keine eigene Berichterstätter, die uns schriftliche Bezeugung slawisches Selbstverständnis liefern könnten. Florin Curta hat sicher recht, dass die Byzantinische Schreiber als Beobachter von außen keine richtige Vorstellung über Slawen und ihre Identität bzw. Identitäten hatten. Für die Identität ist aber entscheidend das eigenes Verständnis des Betroffenen. Deswegen führt uns weiter nur die Frage: Wie identifizierten sich selbst die Slawen. Können wir darauf antworten?

Ich gehe davon aus, dass sich soziale Gruppen auf der Grundlage eines Zugehörigkeitsgefühls des Einzelnen zu einer größeren Gemeinschaft entwickeln. Das ist aber ein subjektives Kriterium, das nicht unbedingt archäologisch erkennbare Spuren hinterlassen haben muss. Ich bin aber trotzdem der Meinung, dass die Erforschung sozialer Identitäten neue Erkenntnismöglichkeiten öffnet. Dies gilt besonders für die Erforschung von Gemeinschaften, die in enger Koexistenz mit der Natur gelebt haben und von dieser abhängig gewesen sind. Das Oberhaupt (dafür gibt es verschiedene Namen: König, Fürst, Župan...) unterhielt mittels der heiligen Heirat (*hieros gamos*) Kontakt zur Welt der Götter. Dadurch gewährleistete man Fruchtbarkeit und allgemeinen Wohlstand. Es handelt sich hierbei um eine Zivilisationsstufe, bei der Nation, Staat, Religion und Recht noch eine untrennbare Einheit darstellen. Die Griechen nannten sie *polis*, die Germanen *Gau*, die Kelten *oppidum*, die Römer *civitas* und die Slawen *župa*.

Den ideologischen Kern bildete der Glaube an Kräfte, die für das Gleichgewicht der Natur verantwortlich waren. Dieser Glaube blieb in der slowenischen Volkskultur bis in das 20. Jahrhundert unter dem Namen *tročan* (abgeleitet von *tri* = drei) bewahrt. Die Aufgabe der Menschen bestand darin, für dieses Gleichgewicht zu sorgen, indem sie die Äquivalenz in allen möglichen Lebensbereichen mit verschiedenen Ritualen symbolisch nachahmten. Zu den Ritualen gehörte auch die Ritualgeometrie mit deren Hilfe man den Raum ordnete: z.B. die Bestimmung der Kultplätze sowie der Entfernungen, der Winkel etc. Das aber **hinterlässt** archäologische Spuren. Sie finden sich aber nicht ausschließlich in den räumlichen Strukturen, sondern auch in der Sachkultur. Die noch eruirbaren räumlichen Strukturen liefern jedoch bessere Indizien für die Rekonstruktion ehemals zusammengehöriger Gemeinschaften.

Die räumliche Struktur einer Identitätseinheit können wir am Beispiel einer slawischen Župa aufzeigen. Die Zentralstruktur einer Župa bildeten drei Kultstätten, wovon zwei antithetischen Göttern (unter anderem auch Feuer–Sonne–Himmel und Erde) und eine einer synthetischen Gottheit (unter anderem auch Wasser) geweiht waren (Abb.). Die Siedlungen, Felder und Friedhöfe orientierten sich an einer der drei Kultstätten. Da das Siedlungsgebiet von den Bewohnern als ganzer Kosmos verstanden wurde, brauchte es auch eine Weltachse, die den Himmel unterstützen sollte. Auch diese Achse musste die Raumordnung einhalten, wodurch eine territoriale Einheit geschaffen wurde.

So wurde die Župa zur heiligen Gemeinschaft, die das Wohlergehen ihrer Mitglieder sicherte. Außerhalb einer solchen Gemeinschaft zu leben hieß, dass man sich als Gesetzloser allen möglichen Gefahren auszusetzte. Es ist vorstellbar, dass auch die ethnische Identität damals nur die Zugehörigkeit zu einer heiligen Gemeinschaft bedeutete. Mit dem Einstieg in eine solche Gemeinschaft wechselten die Leute automatisch ihre ethnische Identität.

Д. Дзино

**«СТАНОВИТЬСЯ СЛАВЯНИНОМ»,
«СТАНОВИТЬСЯ ХОРВАТОМ»:
НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
ПОЗДНЕАНТИЧНОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ИЛЛИРИКА***

Книга *The Making of the Slavs* Флорина Курты заинтриговала научную общественность и открыла новые возможности в интерпретации процессов становления и конструирования славянских идентичностей в Средние века. Его инновационные концептуальные подходы к проблеме формирования этничности и исторической идентичности вообще являются частью значительно более широкого научного дискурса, перепроверяющего и переформулирующего современные представления об античных и раннесредневековых групповых идентичностях. Новейшие научные взгляды развиваются в рамках мультидисциплинарной интерпретации, которая, наряду с существующими историко-археологическими воззрениями, включает и концепции, выработанные в других областях, таких как социальная антропология или *cultural studies*. Результатом этого являются новые интерпретации происхождения и развития социальных конструктов, таких как «культура» или «идентичность».

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы попытаться выявить последствия подхода Курты и вообще постмодернистской интерпретации культуры и идентичности для будущих исследований общественной трансформации западной/центральной части Балканского полуострова в поздней античности и раннем Средневековье. Ввиду большого количества вопросов, акцент здесь будет поставлен только на возникновении хорватской идентичности на территории античной провинции Далмации, но это под-

* Перевод с хорватского Д. Е. Алимова.

разумеает также, что сходные процессы происходили в других областях Иллирика с другими славянскими идентичностями. К этой проблеме следует подойти в будущем в значительно более широкой концептуально-географической перспективе, которая бы охватила всю западную часть Юго-Восточной Европы¹.

Вопрос истории групповых идентичностей является весьма чувствительным для этого региона, так как субъективное восприятие и интерпретация прошлого часто использовались здесь в целях конструирования современных идентичностей. Подход Ф. Курты тем более значим, что предполагает существенные коррективы интерпретации не только в рамках научного диалога, но и в гораздо более широком популярном дискурсе представления о развитии современных идентичностей этого региона. Также следует заметить, что перепроверку существовавших до сих пор взглядов на эту эпоху следует осуществлять в сравнительной перспективе более общих явлений и в сопоставлении с другими регионами постантичной Европы, оказавшимися в сходных обстоятельствах, что особенно относится к Британии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Книга Ф. Курты использует в качестве методологической основы постмодернистскую интерпретацию истории и археологии, которая постепенно становится основой более широкого научного консенсуса относительно подхода к изучению истории, а потому важно вкратце обозначить основные положения этой методологической позиции. Важнейшая отправная точка интерпретации Курты заключается в том, что источники следует снова подвергнуть исследованию в целях выяснения контекстов, в которых они создавались и пребывали. Остатки материальной культуры следует рассматривать в социальных контекстах, в которых они существовали, а письменные источники — как продукт культурного дискурса своей эпохи, как литературные произведения, придерживающиеся жанровых конвенций, культурных стереотипов и отражающие дискурсивную, политическую и культурную практику своего автора, а не как историческую истину или ее следы.

Постмодернизм в историко-археологической интерпретации характеризуется несколькими разными концептуальными подходами, которые в большей или меньшей степени представлены в методологии Ф. Курты². Исследователь в значительной степени опирается на социально-антропологический инструментализм и интеракционизм Фредерика Барта и Абнера Козна³. Эти трактовки показывают, что этническая идентич-

¹ Значительным концептуальным сдвигом в географическом рассмотрении этого региона относительно прежнего колониального конструкта «Балкан» как негативного отражения Европы является книга: *Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages 500–1250*. Cambridge, 2006. — Ср.: *Todorova M. Imagining Balkans*. Oxford, 1997. — Естественно, для успешного изучения Юго-Восточной Европы как географическо-исторической макросистемы необходимо сфокусироваться на ее субрегионах вроде Западных Балкан, особенно в контексте становления славянских идентичностей. См.: *Rendić-Miočević D. Retracing the past to the cradle of Croatian History // EEQ. 2002. Vol. 36. Nr 1. P. 2.*

² *Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge, 2001. P. 6–35.

³ *Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries / Ed. by F. Barth. Bergen, 1969. P. 9–38* [русский перевод: *Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; Пер. И. Пильщикова. М., 2006. С. 9–48. — Примеч. переводчика*]; *Cohen A. Custom and politics in urban Africa: A study of Hausa migrants in Yoruba towns*. London, 1969. — Ср. также более современную интерпретацию взглядов Ф. Барта: *The anthropology of ethnicity: Beyond 'Ethnic groups and boundaries' / Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam; Hague, 1994.*

ность формируется в интеракции различных групп и что этничность является скорее объектом трансформации и манипуляции со стороны сообществ как своего рода социальный или политический инструмент, нежели существует *per se* как заранее предопределенная реифицированная идентичность. Этничность формируется также посредством внутреннего самоопределения группы и под влиянием восприятия внешнего наблюдателя, особенно если внешний наблюдатель находится в позиции политического или культурно-дискурсивного доминирования⁴. Следствие данного подхода состоит в том, что этнические группы должны впрямь рассматриваться не как реифицированные, заранее определенные социальные формации, но как своего рода «воображаемые сообщества», как их называет Б. Андерсон, которые постоянно изменяются, конструируя свою идентичность в соответствии с различными историческими и политическими обстоятельствами, в которых они пребывают⁵.

Ориентализм и постколониальная критика занимают особое место в этих новых концепциях. Ориентализм, говоря кратко, — это дискурсивное восприятие культурного *другого*, которое посредством аккумуляции различных культурных стереотипов конструирует восприятие *другого* в качестве псевдообъективной реальности. Во многом восприятие *другого* как группового понятия играет роль в групповой самоидентификации того, кто его определяет, т. е. нас, так как показывает, что *они* представляют все то, чем *мы* не являемся. Данная трактовка ориентализма также тесно связана с отношениями политического господства и подчинения, например, между европейскими колонизаторами и колониями в XIX–XX веках⁶.

Параллельно с этими концепциями знаковыми являются перемены в археологической интерпретации материальной культуры, основанной на критике методологии В. Г. Чайлда и Г. Косинны, которая автоматически связывала материальную культуру с «этничностью» носителя этой культуры. Позиция данной критики проста: автоматическое связывание объектов материальной культуры и идентичности социальной группы, которая их использует, является неадекватной интерпретацией, так как объекты могут существовать в различных контекстах, таких как социальная идентичность, мода, региональные особенности и т. д. Интерпретация объектов материальной культуры возвращена из этнического преимущественно в социальный и даже индивидуальный контекст⁷. Подход этой, как она еще называется, «археологии этничности» (*archaeology of ethnicity*) в значительной степени опирается на интерпретацию материальной культуры посредством разработанной П. Бурдые концепции габитуса — устойчивых склон-

⁴ См.: Jenkins R. Rethinking ethnicity: Identity, categorization and power // ERS. 1993. Vol. 17. Nr 2. P. 197–223.

⁵ Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. London, 1983 [русский перевод: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Г. Николаева. М., 2001. — Примеч. переводчика]. — Ср.: Eller J., Coughlin R. The poverty of primordialism: The demystification of ethnic attachments // ERS. 1993. Vol. 6. Nr 2. P. 183–202.

⁶ См.: Said E. Orientalism. London, 1978 [русский перевод: Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. А. В. Говорунова. СПб., 2006. — Примеч. переводчика]. — Здесь сконцентрировано внимание на европейском, западном конструировании «Востока».

⁷ См.: Shennan S. J. Introduction: Archaeological approaches to Cultural Identity // Archaeological Approaches to Cultural Identity / Ed. by S. J. Shennan. New York, 1989. P. 1–32; Jones S. The Archaeology of Ethnicity: Constructing identities in the past and present. London, 1997; Brather S. Etnische Interpretationen in der frühgeschichtlicher Archäologie: Geschichte, Grundlagen und Alternativen. Berlin; New York, 2004. — Ф. Курта, хотя и оспаривает методологию Чайлда — Косинны в *The Making of the Slavs*, недавно подверг критике интерпретацию С. Братера как слишком радикальную: Curta F. Some remarks on ethnicity in medieval archaeology // EME. 2007. Vol. 15. № 2. P. 159–185.

ностей, относящихся к определенным социальным категориям, таким, например, как мораль, вкус, роль полов, способы коммуникации, которые все вместе образуют определенную социальную сферу — габитус. Габитус меняется сообразно изменению социокультурных факторов эпохи, в которой он существует, а также через общий опыт группы, его разделяющей⁸.

Также важно принять во внимание недавнюю перепроверку воздействия современных национализмов на историко-археологическую интерпретацию объектов материальной культуры⁹, критическое отношение современной археологии к миграциям как к «массовым движениям народов»¹⁰ и обнаружение того, что наше понимание ритуального и контекстуального (социального, гендерного, классового и т. д.) значения погребальных обрядов раннего Средневековья все еще недостаточно¹¹.

Значение новых подходов заключается в том, что устоявшиеся концепты, такие как монолитность идентичности, статичная территориальная принадлежность культуры или воззрение, согласно которому национальные идентичности формируются из «культурного ядра» и «исторических слоев», основательно расшатаны. Культурные и этнические стереотипы, которые известны нам из античности («грек», «римлянин», «варвар» и т. д.), сейчас выглядят скорее как конструкты, скрывавшие множество разных идентичностей, нежели как статичные «этнические» или «культурные» категории. Письменные источники античности подвергнуты основательной критике учеными ввиду своей греко-римской колониальной и имперской литературной перспективы, использовавшей определенные этнические стереотипы, чтобы описать чужие народы средствами жанровой античной «этнографии»¹². «Варварские» исторические нарративы постмиграционного периода, вроде сочинений Иордана, Павла Диакона, Беды Достопочтенного или Григория Турского, также справедливо охарактеризованы как литературные жанровые произведения, часто больше говорящие о своем времени и авторе, чем о далеком прошлом. Как утверждают многие современные исследователи, историческая «истина» и «неистина» суть категории, которые заключают в себе наше современное их понимание, а не оригинальное стремление авторов или понимание, свойственное их аудитории¹³.

⁸ Bourdieu P. 1) Outline of a Theory of Practice. Cambridge, 1977; 2) The Logic of Practice. Cambridge, 1990.

⁹ Nationalism and archaeology in Europe / Ed. by M. Díaz-Andreu, T. Champion. London, 1996; Cultural Identity and Archaeology: The construction of European communities / Ed. by P. Graves-Brown, S. Jones, S. Gamble. London; New York, 1996; и др.

¹⁰ Anthony D. Migration in archaeology: the baby and the bathwater // American Anthropologist. 1990. Vol. 92. Nr 4. P. 895–914. — Д. Энтони объясняет историческую миграцию как строго определенную социальную стратегию группы, которая мигрирует. Ср.: Härke H. Archeologists and Migrations: A problem of attitude [and Comments and Reply] // Current Anthropology. 1998. Vol. 39. Nr 1. P. 19–45.

¹¹ См.: Effros B. Merovingian Mortuary Archaeology and the Making of Early Middle Ages. Berkely, 2003; Halsall G. Early Medieval Cemeteries: An Introduction to Burial Archeology in the Post-Roman West. Skelmorlie, 1995; Härke H. «Warrior Graves»? The Background of the Anglo-Saxon Weapon Burial Rite // Past and Present. 1990. Vol. 126. P. 22–43; и др.

¹² Hartog F. Le miroir d'Herodote: Essai sur la representation de l'autre. Paris, 1980; Wells P. The Barbarians Speak: How the conquered peoples shaped Roman Europe. Princeton, 1999; Ferris I. Enemies of Rome: Barbarians through Roman Eyes. Stroud, 2000; Geary P. The Myth of Nations: the Medieval origins of Europe. Princeton, 2002. P. 41–62; и др.

¹³ Различные подходы представлены в: Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur Origo Gentis // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. T. I / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien, 1990. S. 19–33; Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton, 1988. — Относительно письменных источников о славянах ср.: Curta F. The Making of the Slavs... P. 36–119.

Историческая наука становится все более открытой к новым взглядам, особенно по отношению к интересующей нас эпохе поздней античности и «переселения народов»¹⁴. Обнаруживаются и новые противоречия при интерпретации, особенно в столкновении взглядов на формирование идентичности в эпоху «переселения народов». Согласно интерпретационной концепции «этногенеза», миф о происхождении «народа» (*origo gentis*), такого, например, как готы, передавался через дискурсивные мифы, которые сохраняли воинские элиты, формируя этим ядро традиции будущей идентичности — *traditionskern*¹⁵. Критики данной концепции указывают на то, что «народы» суть нестабильная категория групповой идентичности, определяемая преимущественно политическими факторами, которые постоянно ее меняют и ею манипулируют, так что понимание идентичности в *origo gentis* представляет собой исключительно политическую манипуляцию со стороны правящей группы¹⁶.

ИЛЛИРИК: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Новые теоретические основания представляют долгожданную возможность начать с новой страницы изучение проблемы перехода от дославянских идентичностей поздней античности к средневековым славянским идентичностям на территории античного Иллирика. Иллирик представляет значительную проблему для интерпретации, так как из-за скудости источников, вещественных и письменных, не вполне ясно, что произошло с позднеантичным населением. Очевиден дисконтинуитет в заселении, а несомненная трансформация идентичностей из позднеантичных в славянские видна, в первую очередь благодаря появлению славянского языка. Лингвистические доказательства распространения славянского языка указывают на начало славянизации античных топонимов на этой территории приблизительно в 650–750-е годы¹⁷. Невозможно обойти и письменные свидетельства средиземноморской элиты, которые ясно подразумевают появление пришельцев, называемых в них общим именем «славяне». Археологические подтверждения славянских переселений в Далмации, по меньшей мере, спорадичны и основываются на методологии Чайлда—Косинны, связывающей объекты материальной культуры с этничностью¹⁸. Большинство «аварских» и «славянских» находок скон-

¹⁴ Geary P. *The Myth of Nations.*; Pohl W. *Die Völkerwanderung: Eroberung und Integration.* Stuttgart; Berlin; Köln, 2002; Curta F. *The Making of the Slavs.*; Goffart W. *Barbarian tides: The Migration Age and the Later Roman Empire.* Philadelphia, 2006; Amory P. *People and identity in Ostrogothic Italy, 489–554.* Cambridge; New York, 1997; *Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800* / Hrsg. von W. Pohl und H. Reimitz. New York; Leiden, 1998; *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Identity in the Early Middle Ages* / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002; и др.

¹⁵ Wolfram H. *Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter, Das Reich und die Deutschen.* Berlin, 1990; Pohl W. *Aux origins d'une Europe ethnique. Transformations d'identités entre Antiquité et Moyen Âge* // *Annales: Histoire, sciences sociales.* 2005. Т. 60. P. 183–208.

¹⁶ Концепция была подвергнута критике в многочисленных работах, например: Goffart W. *Rome's Fall and After.* London; Ronceverte, 1989; Bowlus C. R. *Ethnogenesis Models and the Age of Migrations: A Critique* // *Austrian History Yearbook.* 1995. Vol. 26. P. 147–164; Gillett A. *Ethnogenesis: A Contested Model of Early Medieval Europe* // *History Compass.* 2006. Vol. 4. P. 241–260.

¹⁷ Šimunović P. *The evidence provided by proper names in the early centuries* // *Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1).* London; Zagreb, 1999. P. 401–404.

¹⁸ Археологические данные о славянской миграции в Хорватию недавно суммированы в: Piteša A. *The Slavs and the Early Croatian state // Dalmatia: Research in the Roman Province 1970–2001. Papers in honour of J. J. Wilkes (British Archaeological Reports 1576).* Oxford, 2006. P. 195–197. — См. также: Miletić N. *Ranoslovenske nekropole u Bosni i Hercegovini — Komparativna razmatranja* // *GZM BiH. Nova serija.* 1989. Т. 44. S. 175–200; Sokol V. *The archaeological heritage of the early Croats // Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1).* London; Zagreb, 1999. P. 117–119.

центрировано в Паннонской низменности, в то время как их концентрация в Динарском поясе и на восточном побережье Адриатики минимальна¹⁹. Объяснения, что определенные предметы вроде пальчатых фибул или керамики представляют славян, больше недостаточно, хотя следует заметить, что определенные предметы или общий культурный габитус могут влиять на создание стереотипа и восприятие группы со стороны внешнего наблюдателя или даже иногда стать эмблемой группы в тех случаях, когда группа желает самоопределиваться²⁰.

С другой стороны, очевидно сохранение позднеантичного общества и населения на этой территории. Наблюдается высокий уровень урбанистического континуитета в Далмации²¹; данные антропологии и генетики указывают на то, что радикальной смены населения в этот период не произошло²², культурный габитус южных славян показывает признаки континуитета культурного габитуса дославянского населения, и в этом контексте еще более значимым становится отсутствие археологических доказательств массовой миграции к югу от Паннонской низменности²³.

Смена позднеантичных идентичностей средневековыми славянскими идентичностями в Иллирике объясняется одним из двух подходов: «миграционистским» и «автохтонистским», или их комбинацией. «Миграционистский» подход предполагает, что перемена произошла из-за прихода/миграции новой этнокультурной группы. Интерпретации прихода хорватов разнятся в научной литературе сообразно тому, рассматривается ли переселяющаяся группа как часть «славян» или как особая неславянская группа — будь то готы, пришедшие до славян, или народ иранского происхождения, пришедший после славян и установивший власть над ними. «Автохтонистский» же

¹⁹ См.: *Evans H.* The Early Medieval Archaeology of Croatia AD 600–900: (British Archaeological Reports 539). Oxford, 1989. Fig. 4.4 (по: *Mrkobrad D.* Bibliografija Seobe Naroda u Jugoslaviji. Beograd, 1984). — Всего 158 из 198 (79,8 %) «аварских» и «славянских» памятников находится в Паннонской низменности, тогда как всего 40 (20,2 %) локализовано в Динарском горном поясе и на побережье.

²⁰ См.: *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 247–310. — См. в этом же контексте: *Brather S.* The Beginnings of Slavic Settlement East of the River Elbe // *Antiquity*. 2004. Vol. 78. P. 314–329. — Ф. Курта недавно подчеркнул политизацию культурного габитуса как основу конструирования этничности в раннем Средневековье: *Curta F.* 1) Frontier Ethnogenesis in Late Antiquity: The Danube, the Tervingi, and the Slavs // *Borders, Barriers and Ethnogenesis* / Ed. by F. Curta. Turnhout, 2005. P. 173–204; 2) Some Remarks on Ethnicity in Medieval Archaeology // *EME*. 2007. Vol. 15. Nr 2. P. 159–185. — См. также: *Pohl W.* Telling the Difference: Signs of Ethnic Identity // *Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities, 300–800* / Ed. by W. Pohl, H. Reimitz. New York; Leiden, 1998. P. 17–70.

²¹ См.: *Suić M.* 1) *Antički grad na istočnom Jadranu*. Zagreb, 1976. S. 227–262; 2) Continuity of urban civilization in the Croatian lands // *Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1)*. London; Zagreb, 1999. P. 103–111; *Čače S.* *Civitates Dalmatiae* u «Kozmografiji» Anonima Ravenjanina. Zadar, 1995. — Процесс кастризации в Далмации начинается в поздней античности и продолжается в постантичную эпоху (*Suić M.* *Antički grad...* S. 235–251).

²² Естественно, физические различия сами по себе не могут представлять идентичность. См. литературу по антропологии и генетике, суммированную в: *Mužić I.* *Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. II izdanje. Split, 2007. S. 111–116.

²³ См.: *Vinski Z.* Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. Serija III. 1971. Vol. 5. S. 43–73; *Evans H.* The Early Medieval Archaeology... Fig. 4.4. — См. также примеч. 18; *Milošević A.* 1) *Porijeklo i datiranje keramičkih posuda u grobovima ranog srednjeg vijeka u Dalmaciji* // *Diadora*. 1990. Nr 12. S. 327–369; 2) *Komanski elementi i pitanje kasnoantičkog kontinuiteta u materijalnoj kulturi ranosrednjovjekovne Dalmacije* // *Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak*. Zagreb, 1995. S. 97–104 (археология/ континуитет); *Vinski Z.* *Autohtoni kulturni elementi u doba doseljavanja Slavena na Balkan* // *Predslavenski etnički elementi na Balkanu u etnogenezi južnih Slovena: (Posebna izdanja ANU BiH. Knj. XII: Centar za balkanološka istraživanja. Knj. 4)*. Sarajevo, 1969. S. 171–200; *Mužić I.* *Hrvatska povijest...* S. 87–120 (культурный габитус); *Marković M.* *Antička naselja i grčko-rimska zemljopisna imena na tlu današnje Hrvatske*. Zagreb, 2004. S. 207–216 (континуитет топонимов).

===== Д. Дзино. «Становиться славянином», «становиться хорватом»... =====

подход акцентирует значение культурного континуитета в Иллирике и сводит к минимуму значение миграций, подчеркивая, что автохтонное население приняло язык славян в процессе аккультурации²⁴.

Подлинная проблема исторической интерпретации в действительности лежит вне обоих вышеупомянутых научных подходов. Перефразируя Б. Уорд-Перкинса, можно сказать, что проблема заключается не в том, почему славяне не стали «иллирийцами» («далматинцами», «паннонцами»), ибо такого не произошло нигде в Европе в эпоху постантинских миграций, где миграции почти всегда заканчивались созданием гибридных идентичностей между пришельцами и автохтонным населением, исключая Британию. Вопрос на самом деле заключается в том, почему этот процесс создания идентичностей был таким односторонним, благоприятствуя славянам и восприятию их идентичности?²⁵

Для понимания конструирования дославянских идентичностей важно вспомнить то, что мы о них знаем. Доримские идентичности железного века в Иллирике развивались в соприкосновении со средиземноморской глобализацией и латенскими континентальными влияниями, особенно посредством формирования протополитических образований около IV–III вв. до н. э.²⁶ Хотя прежняя интерпретация настаивала на определенном уровне континуитета идентичностей железного века как «носителей археологических культур», в действительности удержаться в такой интерпретации трудно, особенно потому, что единственные свидетельства вне археологии — это свидетельства греко-римских источников, которые в то же самое время являются отражением их колониальной «этнографии». Античная «этнография», как было ранее отмечено, есть литературный жанр или элемент колониального дискурса греческой и римской элит, в рамках которого они старались объяснить происхождение народов континентальной Европы, их географию и историю через когнитивное групповое восприятие гетерогенности («германцы», «кельты», «иллирийцы») и стереотипизацию этих псевдоэтнических групп.

Римский «Иллирик» — это не более чем пространственный конструкт римской геополитики и когнитивного восприятия пространства, сконструированный в эпоху поздней Республики и ранней Империи, подобно «Галлии», «Германии», «Британии» и даже «Италии». В соответствии с этим жители этой территории когнитивно именовались в римскую эпоху «иллирийцами», а в региональном контексте — «далматинцами» или «паннонцами», так как Иллирик был разделен на провинции: Далмацию и Паннонию. Это оказало сильное влияние на существовавшее до недавнего времени научное понимание, а также на современный политический и обыденный дискурс о дославянских идентичностях²⁷. Процесс аккультурации в эпоху римского правления в Иллирике

²⁴ См.: Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku. Zagreb, 1990. S. 18–24; Švab M. Današnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 54–60; Katičić R. The Origins of the Croats // Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1). London; Zagreb, 1999. P. 155–166; Fine J. Croats and Slavs; theories about the historical circumstances of the Croats' appearance in the Balkans // BF. 2000. Bd 26. S. 205–218.

²⁵ Ward-Perkins B. Why did the Anglo-Saxons not become more British? // English Historical Review. 2000. Vol. 115. Nr 462. P. 526 (говоря об англосаксах и бриттах).

²⁶ См.: Džino D. Delmati, vino i formiranje etničkog identiteta u predrimskom Iliriku // VAPD. 2006. Sv. 99. S. 71–80.

²⁷ См.: Šašel-Kos M. Appian and Illyricum. (Situla 43). Ljubljana, 2005. S. 219–244. — Ср.: Džino D. «Deconstructing "Illyrians"»: Zeitgeist, changing perceptions and the identity of peoples from ancient Illyricum // Croatian Studies Review. Sydney, 2007. Vol. 5–6 (в печати).

привел к формированию разнообразных идентичностей в среде автохтонного населения — сначала через установление административных единиц (*civitates*), а потом муниципализацию и дальнейшее взаимодействие со средиземноморской глобализацией и римской имперской идеологией. Трудно считать, что этот процесс в Паннии и Далмации закончился полной ассимиляцией местного населения в «однообразную провинциальную культуру», как ее называет А. Моци, скорее жизнь внутри *imperium Romanum* предложила этой популяции различные способы для реконструкции существующих идентичностей в рамках римской имперской идеологии²⁸. Вместо более ранних идентичностей доримской эпохи жители Иллирика формировали различные идентичности, которые возникали на экологической и региональной основе — Адриатического побережья, Динарского пояса, Паннии — их социальной и индивидуальной идентичности в рамках провинциальной идентичности Иллирика²⁹.

Данный процесс продолжился христианизацией Иллирика, принимавшей различные формы в зависимости от региона — от раннего вселенского христианства в Салоне и прибрежных городах до гибридного христианства во внутренних областях, которые полностью христианизируются только в середине VI века³⁰. Политические потрясения в поздней античности приводят Иллирик в зону влияния Остготского королевства, и потом, в VI веке, — Восточной Римской империи Юстиниана³¹.

МОДЕЛЬ КУРТЫ И DE ADMINISTRANDO IMPERIO

Основной тезис Ф. Курты состоит в том, что славянская идентичность не обладала культурным и историческим континуитетом с античностью и доисторией. По его мнению, «славяне» на Балканский полуостров не пришли из какой-либо определенной прародины, но выстроили свою идентичность только в интеракции с Восточноримским или Византийским лимесом и агрессивной политикой Юстиниана в Подунавье. «Славяне» становятся славянами только на Дунайском лимесе, а не в припятских болотах³².

²⁸ «...dull provincial culture» — см.: *Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia*. London, 1974. P. 250–263. — Ср.: *Wilkes J. Illyrians*. Oxford; Cambridge, 1992. P. 254–259. — Все еще остается влиятельной альтернативная интерпретация, представленная Д. Рендичем-Миючевичем, согласно которой «романизация» была только поверхностной (*Rendić-Miočević D. Piri i Antički svijet: Ilirološke studije*. Split, 1989). Ср.: *Rendić-Miočević D., Pedišić I. Nouveaux témoignages épigraphiques du culte du Sylvain à Rider // Illyrica Antiqua: Ob honorem Dujе Rendić-Miočević / Ur. M. Šegvić, I. Mirmik*. Zagreb, 2005. S. 415–418. — Обе концепции требуют перепроверки в свете новых подходов к «романизации» в остальных частях империи. См.: *Bojanovski I. Bosna i Hercegovina u antičko doba*. (Djela ANU BiH. Knj. LXVI. Centar za balkanološka istraživanja. Knj. 6). Sarajevo, 1988. S. 72–74, 345–354. — Ср.: *Woolf G. Becoming Roman: The origins of provincial civilization in Gaul*. Cambridge, 1998; *Webster J. Creolizing the Roman provinces // American Journal of Archaeology*. 2001. Vol. 105/2. P. 209–225; *Hingley R. Globalizing Roman culture: Unity, diversity and empire*. London; New York, 2005; и др.

²⁹ О региональной идентичности Иллирика см.: *Alföldy G. Die «illyrischen» provinzen Roms: von der Vierfalt zu der Einheit // Dall' Adriatico al Danubio: L'Illirico nell'età graeca e romana: I convegni della fondazione Niccolò Canussio 3*. Pisa, 2004. P. 207–220.

³⁰ См., например: *Jarak M. Questions concerning christianization of autochthonous romanized population of Dalmatia // Illyrica Antiqua: Ob honorem Dujе Rendić-Miočević*. S. 305–314.

³¹ Из новых работ см., например: *Margetić L. Iz starije hrvatske povijesti // Radovi zavoda povijesnih znanosti HAZU*. Zadar, 2001. Knj. 43. S. 1–11; *Andrić S. Savsko-dravsko međurječje od kasne antike do ranog srednjeg vijeka // Scrinia Slavonica*. 2002. Vol. 2. S. 129–163. — В более широком региональном контексте см. также: *Curta F. Southeastern Europe...* P. 39–69.

³² Римская/византийская граница становится «интерфейсом», где конструируются новые идентичности: *Curta F. Frontier Ethnogenesis...* P. 173–204. — Ср.: *Elton H. Defining Romans, Barbarians and Roman Frontier // Shifting Frontiers in Late Antiquity / Ed. by R. Mathisen, H. Sivan*. Aldershot, 1996. P. 126–135.

Элементы культурного габитуса задунайского населения видны и внутри лимеса, возможно, даже в V веке³³, но это их совершенно не делает этничностью или показателем «славянскости», но скорее является результатом культурной интеракции и спорадичных движений населения в поздней античности.

Византийско-славянские столкновения Ф. Курта объясняет через социально-экономическую модель конкуренции между существующими задунайскими группами, являвшейся результатом инфляции византийской валюты и временного прекращения монетного обмена со Средиземноморьем, наблюдаемых в археологических находках, датированных периодом между 545 и 565 годом³⁴. Общественная реакция на изменение экономических обстоятельств выразилась в подъеме воинских элит, для которых война была единственным способом получения престижных объектов, т. е. основ политического могущества и социальной идентичности³⁵. Короче говоря, модель Курты объясняет, что «славянские массы» стали «славянскими» только в соприкосновении с границей и что «массы» были количественно значительно меньшего объема, чем считалось до этого.

Подход Курты в основе базируется на археологических доказательствах, но он также искусно использует контекстуальную критику письменных источников о славянских переселениях, особенно современников, таких как Прокопий Кесарийский³⁶. В контексте Иллирика сочинение, ныне известное как *De administrando imperio* (далее — DAI) Константина VII Багрянородного, все еще часто осторожно принимается в науке как источник по идентичностям и переселению сербов и хорватов и подтверждение существования этих идентичностей до IX в., несмотря на доказанные многообразные непоследовательности в тексте³⁷. Большинство авторов не столько рассматривали этот труд в его историко-культурном контексте, сколько старались показать, что DAI все-таки некоторым образом скрывает зерна исторической истины о событиях далекого прошлого. Лишь с недавних пор критика подчеркивает ненадежность хорватского *origo gentis* в 30-й главе, и его бесполезность для интерпретации событий VII века³⁸, а также очевидную ромейскую политическую пропаганду в 31-й главе³⁹.

Трактат, который первоначально был задуман как книга этнографии народов (*Περὶ ἔθνων*), обитавших за границами империи, превратился в справочник для сына Констан-

³³ См.: *Trifunović S.* Slovenska naselja V–VII veka u Bačkoj i Banatu // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I: Проблемы славянской археологии. М., 1997. С. 173–185.

³⁴ *Curta F.* Invasion or inflation? Sixth- to seventh-century Byzantine coin hoards in Eastern and Southeastern Europe // *Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica*. 1996. Nr 43. P. 65–224.

³⁵ Модель немного напоминает модель «кельтских» переселений в IV в. до н. э.: *Fitzpatrick A. P.* «Celtic» Iron Age Europe: the theoretical basis // *Cultural Identity and Archaeology: The construction of European communities / Ed. by P. Graves-Brown, S. Jones, S. Gamble.* London; New York, 1996. P. 238–255; *Wells P.* The Barbarians Speak... P. 99 ff.

³⁶ *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 36–73 (письменные источники эпохи переселений). — Об этнографических стереотипах Прокопия см.: *Cameron A.* Procopius. London, 1985. P. 218–219.

³⁷ См. обзор более ранних мнений: *Lončar M.* Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // *Diadora*. 1992. Sv. 14. S. 375–448. — Остальные более поздние письменные источники — *Historia Salonitana* Фомы Сплитского и Летопись попа Дуклянина — недостаточно достоверны для изучения этого древнейшего периода. См.: *Katičić R.* The Origins of the Croats. P. 151–155.

³⁸ *Curta F.* Southeastern Europe... P. 137–139. — Ср.: *Katičić R.* Die Anfänge des kroatischen Staates // *Die Bayern und ihre Nachbarn*. Т. I / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 299–312; *Evans H.* The Early Medieval Archaeology... P. 64–85.

³⁹ ВИИН. Т. II. С. 37–46.

тина — Романа II⁴⁰. Константин в DAI мало говорит о своих намерениях, исключая очевидное желание передать знания собственному сыну⁴¹, а также любознательное стремление классифицировать различные народы, их происхождение, обычаи, образ жизни, климат. Интересно отметить, что он видит миссию Византийской империи как «капитана, который управляет кораблем мира», в то время как власть византийского самодержца сравнивается этим же автором в *De Caerimoniis* с «гармонией универсума»⁴². Ромей для Константина — эпицентр мира, остальные народы имеют ненасытный и хищный характер, будучи постоянно недовольны «дарами», которые им присылают ромей⁴³. Хотя Константин очень редко использует слово «варвар», он применяет его без исключения и к армянам, и к арабам, и к славянам⁴⁴. Подобно тому как византийская литература вообще стремилась быть имитацией античной литературы⁴⁵, возможно, что Константин в какой-то мере сознательно стремился к имитации (*mimesis*) ранней эллинистической «этнографии», которая имела намерение объяснить «другого». Но это только поверхностное впечатление, возможный авторский замысел или литературный идеал. Античная историография и этнография основываются на более ранней традиции, которую имитируют и которой манипулируют⁴⁶, в то время как Константин в DAI вообще не обращается ни к античной историографии, ни к этнографии. Он не интересуется дохристианской эпохой, создавая свой труд в рамках христианской традиции и опираясь в большей степени на устные источники, нежели на письменные авторитеты, за исключением, возможно, выжимок из административных документов, хранившихся в дипломатических архивах⁴⁷.

29–36-я главы DAI, в которых упоминается приход славян, должны рассматриваться как часть единого целого, которому они принадлежат. Политические и идеологические цели Константина Порфирогенета многосторонни и многозначны. DAI безукоризненно функционирует в рамках византийской политической идеологии универсальной христианской империи — *Pax Christiana*. Византийская ойкумена держится не силой, а тонкой сетью дипломатии, конституирующей ойкумену в виде сообщества народов, связанных православным христианством и признанием политического верховенства автokrатора в Константинополе и культурного доминирования ромеев⁴⁸.

⁴⁰ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. II: Commentary. London, 1962. P. 1–8; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. London, 1973. P. 581–582.*

⁴¹ DAI. 1.13 (διδάξει) (здесь и далее ссылки на текст DAI даются по изданию: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967*).

⁴² *Ibid.* 1.8–10; *Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae byzantinae libri II / E rec. Io. Iac. Reiskii. Bonnae, 1829. P. 5.*

⁴³ DAI. Прооіцнов 6–9, 17–20.

⁴⁴ *Ibid.* 43.18 (армяне из Тарона); 48.5 (сарацины); 49.32; 49.34; 49.48 (славяне на Пелопоннесе). — О ромейском видении «варваров» см.: *Obolensky D. Byzantium and the Slavs: Collected Essays. New York, 1994. P. 13.*

⁴⁵ См.: *Hunger H. On the imitation (mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969/70. Vol. 23. Nr 4. P. 15–38; Mango C. Byzantine Literature as a Distorting Mirror // Byzantium and the Classical Tradition / Ed. M. Mullett, R. Scott. Birmingham, 1981. P. 3–18 (особенно: P. 14–16).*

⁴⁶ См.: *Marincola J. M. Authority and Tradition in Ancient Historiography. Cambridge, 1997.*

⁴⁷ Об устных источниках см.: *Bury J. B. The Treatise De Administrando Imperio // BZ. 1906. Bd 15. Nr 3–4. S. 530 ff.; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus... P. 599–600.*

⁴⁸ См.: *Obolensky D.* 1) *The Byzantine Commonwealth. New York, 1971. P. 353–359;* 2) *Byzantium and the Slavs. P. 1–22.* — Ср.: *Haldon J. F.* 1) *Ideology and social change in the seventh century: Military discontent as a barometer // Klio. 1986. Vol. 68. P. 161–173;* 2) *Byzantium in the Seventh Century. Cambridge, 1990. P. 348–371.* — Здесь аргументировано показано, что ромей совместили римский принцип универсальной империи с христианской идеологией, так что на место распространения *humanitas* (цивилизации) пришло православное христианство и превосходство Константинополя над остальными. О *humanitas* в римской имперской идеологии см.: *Wolf G. Becoming Roman. P. 54–60; Hingley R. Globalizing Roman culture... P. 62–71.*

Первое и самое значительное в DAI — показать, что территория древнего Иллирика находилась в прошлом под властью ромеев и что, в соответствии с этим, ромеи имеют моральное и политическое право считать ее частью своей ойкумены⁴⁹. В контексте этого политического манифеста понятно, почему DAI рассматривает славян как пришельцев и настаивает на мотиве — прихода их с территории неопределенной «прародины». Они — пришельцы, помещенные в Иллирике исключительно по воле предшественников Константина, поселивших их, крестивших и избравших им вождей, и ставшие самостоятельными из-за слабости некоторых императоров, допустивших их независимость⁵⁰. Славяне в Иллирике — это зона влияния Византии, а не франков⁵¹ и не болгар⁵². Политическая реабилитация Василия I, которая была одной из целей литературной деятельности Константина, является исключительно важным лейтмотивом в этом контексте и должна приниматься во внимание как один из ключевых политических факторов, фигурирующих на заднем плане DAI⁵³.

Итак, DAI есть не более чем смесь политической идеологии, устных преданий и неверных представлений внешнего наблюдателя. При этом предание о приходе хорватов и сербов из «Белой Хорватии» и «Белой Сербии» есть не более чем способ объяснить и рационализировать социальную и культурную перемену посредством неверной интерпретации событий из поздней античности⁵⁴. Это предание ничем контекстуально не отличается от явно фиктивного сюжета о том, что Диоклетиан основал Диоклею или колонизировал Далмацию⁵⁵. Если в 30-й главе и было использовано хорватское предание, *origo gentis*, мы его никак не можем принять как достоверное, так же как и почти идентичный миф о приходе болгар, фигурирующий у Феофана и Никифора⁵⁶. Другие содержащиеся в DAI примеры «переселения народов» и их прародин также более чем проблематичны. «Великая Моравия», которую упоминает Константин, никогда не существовала, он здесь отображает скорее только историю традиции, а не историю событий⁵⁷. Хорватская *origo gentis* оформлена в рамках ромейской политической идеологии, ибо отделяет Склавинии от франков и символически вводит их внутрь

⁴⁹ DAI. 29.70–74; 31.58–60. — Смещение Константином современной ему Далмации и Далмации римской является не только следствием использования разных источников (см.: Lončar M. O Porfirogenetovoj Dalmaciji // Diadora. 1990. Sv. 12. S. 391–400), но также неминуемо и политическим дискурсом, рассматривающим Далмацию как византийскую сферу влияния.

⁵⁰ DAI. 31.7–20; 32.7–30 (по воле правителя); 29.70–84; 31.20–25 (крещение и избрание правителей); 30.87–90 (крещение хорватов римским епископом); 30.125–142 (регулирование отношений); 29.58–61; 29.84–87 (неспособность предшественников).

⁵¹ Ibid. 30.79–87.

⁵² Ibid. 31.58–67.

⁵³ Ibid. 29.70 ff.; 30.125–142. — См.: Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus... P. 575, 582–598, 608.

⁵⁴ См.: Curta F. Southeastern Europe... P. 138–139. Ср.: Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 66, 71.

⁵⁵ DAI. 29.3–14; 35 (Docleia — civitas Docleatae существует с I в. н. э. См.: C. Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. 3.143: Pliny. Natural History / Transl. by N. Rackham, W. H. S. Jones, D. E. Eichholz (Loeb Classical Library. Vol. 2). London, 1942. P. 106); 29.3–7; 31.11–15 (Диоклетиан «колонизирует» Далмацию, которая на самом деле была колонизирована еще со времен поздней Республики).

⁵⁶ См.: Pohl W. 1) Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 293–298; 2) Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 270 ff. — Ср.: Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku. Zagreb, 1990. S. 23–24.

⁵⁷ DAI. 13.5; 38.58; особенно 40.32–34. — Ср.: Wolfram H. The Image of Central Europe in Constantine VII Porphyrogenitus // Constantine VII and his Age: Second International Byzantine Conference / Ed. by M. Markopoulos. Athens, 1989. P. 5–14; Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese: Awaren und Slawen // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 221–222.

ромейской ойкумены через посредничество Василия I между славянами и «романцами» (жителями далматинских городов)⁵⁸ (об этом см. ниже). Опора DAI на устные источники важна только как элемент политического дискурса тех, кто его представляет, «объясняя» историческую легитимность политических структур и идентичностей, создававшихся этими структурами, например «романцев» как наследников римлян, дукиан как наследников «романцев», и т. д.⁵⁹ Если же рассказ о приходе хорватов в DAI является частью хорватского устного дискурса, тогда речь идет о политически и идеологически мотивированных мифах, легитимировавших существующее положение и политическое преобладание группы посредством утверждения фиктивной кровной связи между членами группы через общих хорватских предков — воображаемых братьев и сестер, названных в DAI.

«СТАНОВИТЬСЯ СЛАВЯНИНОМ»

Так называемые «темные века» Юго-Восточной Европы» между 600 и 800 г. — это время, когда в данном регионе трансформируется позднеантичная социальная структура и складываются новые политические образования, в результате чего в IX столетии появляются новые идентичности⁶⁰. Если мы рассматриваем «славянские переселения» как популяционные движения групп, выстраивающих новые виды самоопределения только в соприкосновении с лимесом, как предполагает Ф. Курта, очевидна потребность выработки новой интерпретационной модели, которая бы объяснила процесс «становления славянами» в западной части Иллирика. Новая модель должна фокусироваться на механизмах конструирования новых идентичностей, в первую очередь позволяя вскрыть фундаментальные причины процесса «становления славянами» в раннесредневековом Иллирике.

Ф. Курта прав, подчеркивая, что начало процесса «становления славянами» следует усматривать в интеракции с юстиниановским лимесом и политизации культурного габитуса задунайского населения. Но этот процесс продолжался и имел далее своим результатом разнообразие «славянских» идентичностей, которые выстраивались посредством контактов с различными существующими политическими и культурными структурами, какими были ромеи, франки, бавары и т. д. «Славянство» остается общим наименованием, культурным стереотипом, который проявляется в восприятии имеющихся источников. Но в действительности за его монолитностью скрывается множество «славянских» идентичностей.

Следует принять во внимание, что различные регионы Иллирика предполагали существование различных моделей аккультурации со Средиземноморским миром в античности, так что было бы иллюзией представление, что в поздней античности Иллирик населяла культурно однообразная популяция. Побережье и прибрежные области в значительной мере были включены в глобальные процессы Средиземноморского мира, будучи урбанизированными и христианизированными. Весьма вероятно, что

⁵⁸ DAI. 30.126–142 («правовое регулирование» новой ситуации). — Ср.: Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese... S. 221.

⁵⁹ О «романцах» см.: DAI. 29.14–53. — О дукианах: Ibid. 29.3–14; 35.

⁶⁰ В. Поль считает, что этнические общности не формировались на Западных Балканах до IX в.: Pohl W. Die Awaren... S. 216–218.

христианская вселенская идентичность халкидонского образца здесь полностью заменяет в V–VI вв. более раннюю римскую идентичность. Аналогичный процесс происходил в постримском мире и в других местах⁶¹. Положение далматинских городов, предоставленных после юстиниановской эпохи самим себе, привело к установлению новой «романской» идентичности. «Романцы» не стали славянами, но не стали и византийскими «ромеями». Эта идентичность была весьма закрытой по отношению к славянам и остальным «другим», и хорошим примером соответствующего персонального нарратива является *Historia Salonitana* Фомы Архидиакона⁶². Эта идентичность идеологически черпала вдохновение из воображаемой связи с античным миром, особенно через урбанизацию и идеологический акцент на «континуитете» от римских Диоклетиановых времен, чьи следы мы видим в DAI. Но в своей основе эта была совершенно новая идентичность, трансформация которой продолжилась и далее в Средние века⁶³.

Во внутренних областях и Динарских Альпах складывалась отличная от побережья экологическая и культурная ситуация. Ввиду специфического способа, каким здесь осуществлялась аккультурация со Средиземноморским миром, она требует более сложного объяснения. Урбанизация в изучаемый период прекращается, но в данном регионе она никогда не была развита. Города были административными центрами, возникшими как элемент римской административной инфраструктуры и очень редко имели континуитет с доримскими поселениями⁶⁴. Художественный стиль римской эпохи подвергся здесь значительному региональному влиянию⁶⁵. Христианство стало серьезно распространяться во внутренней области только в V–VI вв., в результате чего возникают гибридные образования, объединяющие автохтонные религиозные формы с глобальными тенденциями христианства⁶⁶. Неудивительно, что церковная структура на недостаточно и недавно христианизированной территории прекратила существование или трансформировалась в нечто новое, когда оказалась вне политико-идеологических границ Римской империи⁶⁷. Пример сирмисиан — греков, которые были переселены аварами в Паннонию в VII в., как о том сообщают «Чудеса св. Димитрия» — показывает гибридизацию христианства и, более того, целой идентичности всего за одно-два поколения⁶⁸.

⁶¹ См.: Greatrex G. Roman identity in the sixth century // *Ethnicity and Culture in Late Antiquity* / Ed. by S. Mitchell, G. Greatrex. London, 2000. P. 267–292.

⁶² См.: Curta F. *Southeastern Europe...* P. 16–17.

⁶³ DAI. 29.14–53; 31.11–15; 33.3–4; 35; 36.3–5. — О континуитете и трансформации городских общин в Далмации из античности в Средневековье см.: Margetić L. *Iz starije hrvatske povijesti*. S. 6–9.

⁶⁴ См.: Bojanovski I. *Bosna i Hercegovina u antičko doba*. S. 65–74.

⁶⁵ См.: Rendić-Miočević I. *Umjetnost Ilira // Umjetnost Ilira u antičko doba* / Ur. A. Benac. (Posebna izdanja ANU BiH. Knj. LXVII. Centar za balkanološka istraživanja. Knj. 11). Sarajevo, 1984. S. 65–80; Cambi N. *Sepulkuralni spomenici antropomorfnog karaktera kod Ilira // Umjetnost Ilira u antičko doba*. S. 105–117.

⁶⁶ См.: Jarak M. *Questions concerning christianization...* P. 308–311. — Категории «язычник» и «христианин», конечно, относительны. Локальные варианты и плюрализм в понимании христианства в принципе характерны для этого периода. Ср.: Smith J. *Europe after Rome: A New Cultural History 500–1000*. Oxford, 2005. P. 222–224; Wood I. *Pagan reflections and superstitions East of Rhine from the Fifth to the Ninth Century // After Empire: Towards ethnology of Europe's Barbarians*. San Marino, 1995. P. 253–268; Haldon J. *Byzantium...* P. 327–337.

⁶⁷ Погребения в Далмации показывают кремацию и ингумацию, в то время как в Паннонии больше представлена кремация, что указывает на более значительную степень культурного габитуса в Паннонии: Evans H. *The Early Medieval Archaeology...* P. 241–266.

⁶⁸ См.: Nikolov S. *The Pagan Bulgars and Byzantine Christianity in the Eighth and Ninth Centuries // Journal of Historical Sociology*. 2000. Vol. 13. Nr 3. P. 340–341; Pohl W. *Die Awaren...* S. 278–281.

Археология демонстрирует нам бессмысленное, почти бесцельное распространение артефактов «славянской» культуры в Иллирике⁶⁹. Археологические находки этого периода в Хорватии обнаруживают сильный регионализм и частичное изменение культурного габитуса в погребальных обычаях, характеризующееся упрощением ритуала и специфической керамикой, связанной с этими погребениями⁷⁰. Очень трудно, если вообще возможно, узнать «славянскость» или «хорватскость» в этих погребениях, но скорее можно увидеть общий задунайский культурный габитус «славян», т. е. распространение и избирательное принятие этого габитуса местным населением. Население во внутренней области «становится славянами», хотя сам этот процесс «становления славянами» мы должны рассматривать не как полностью ассимиляционный и односторонний, а как вид культурной мимикрии, скрывавшей под маской общего наименования «славяне» и дославянское население, которое начало проявлять свою идентичность в иных видах⁷¹, а также конструировало специфические идентичности, такие как *Dalmatini* (см. ниже).

Причины, по которым население «стало славянами», остаются все еще недостаточно ясными, как и механизм этой трансформации. Тезис В. Поля, что «славяне» предложили социальную модель равенства и увеличенных доходов от сельскохозяйственной продукции, не облагавшейся налогом со стороны государственных учреждений, очень эффективно отрицается критикой «демократии» у славян Ф. Куртой, показывающим появление конкуренции среди «славянских» предводителей в VI–VII вв. и их самоопределение через воинские атрибуты⁷². Для внутренней части Далмации можно постулировать модель, подобную постантической Восточной Британии, где бриттское население стало англосаксонизированным, так как не могло осуществлять культурно-идеологический дискурс, который бы был привлекателен для усвоения его пришельцами, тогда как политические и практические выгоды смены идентичности были для местного населения значительно большими⁷³. Римскую идентичность было невозможно сохранить вне границ римской инфраструктуры, в то время как возвращение к старым, доримским идентичностям после столетий аккультурации со Средиземноморьем было бы абсурдным.

Распространение славянского языка в Иллирике остается большой загадкой. Общий славянский язык с трудом можно проследить до VIII в., но его появление в Далмации становится очевидным приблизительно после середины VII века⁷⁴. С другой стороны,

⁶⁹ Evans H. The Medieval Ravni Kotari: A Synthesis // The Changing Face of Dalmatia: Archaeological and Ecological Studies in a Mediterranean Landscape / Ed. by J. Chapman, R. Shiel, Š. Batović. London, 1995. P. 295–296. — Насколько распространение этих артефактов является результатом миграции, а насколько — принятия нового культурного габитуса и аккультурации, сказать невозможно.

⁷⁰ См.: Sokol V. The archaeological heritage... P. 117–119. — Ср.: Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 164–205.

⁷¹ Процесс протекал весьма избирательно, некоторые дославянские имена оказались устойчивыми; см.: Rendić-Miočević I. Prilog proučavanju naše srednjovjekovne onomastike // SHP. Ser. III. Split, 1949. Sv. 1. S. 9–21. — В то же время идентичность неславянизированных влахов сохраняется в позднейший период в этом регионе вплоть до их окончательной славянизации; см.: Winnifriith T. The Vlachs: The History of a Balkan People. London, 1987; Mirdita Z. Vlasi u historiografiji. Zagreb, 2004.

⁷² См. их аргументы: Pohl W. Die Awaren... S. 94–127; Curta F. The Making of the Slavs... P. 311–334.

⁷³ Об англосаксонизации бриттов в Англии, где соотношение было 4:1 в пользу автохтонного населения, усвоившего идентичность пришельцев, см.: Ward-Perkins B. Why did the Anglo-Saxons not become more British? (особенно P. 521–533); Moorhead J. The Roman Empire Divided. London, 2001. P. 103–109.

⁷⁴ Lunt H. Common Slavic, Proto-Slavic, Pan-Slavic: What are we talking about? // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics. 1997. Vol. 41. P. 7–67. — О появлении и распространении славянского языка через топонимы см.: Šimunović P. The evidence... P. 401–412.

о языке дославянской популяции известно исключительно мало, и то в основном из исследований ономастики, основывающихся на топонимике, именах из римской эпохи и предполагаемых связях с албанским языком, которые не являются полностью доказанными⁷⁵. На народном, вульгарном латинском, подобном латинскому «романцев» из прибрежных городов, говорили при хорватском дворе, как в IX столетии свидетельствует бенедиктинец Готшалк⁷⁶. Распространение общего славянского языка могло бы объясняться его использованием в качестве койне Аварского каганата, т. е. сообществ, которые к нему тяготели, и позднейшим его употреблением в качестве койне Болгарского царства. Этим можно объяснить унифицированность позднейшего старославянского языка⁷⁷. Соответственно, то, что сейчас именуется «общим славянским языком», представляло бы собой часть культурного габитуса задунайской популяции, чье распространение стало возможным в границах политических структур Аварского каганата и Болгарского государства. В контексте языковой проблемы в постримском Иллирике очень важно принять во внимание гетерогенность более общей языковой картины этого периода, которая демонстрирует сложность и нелинейность взаимодействия между такими определениями, как «язык», «культурный габитус», «политическая идентичность» и «этничность»⁷⁸.

Археология показывает становление в VIII в. между Карпатами, Италией, Черным морем и Балканским полуостровом центральноевропейского культурного «континуума», чье пространство стало политическим контуром Аварского каганата⁷⁹. Стоит подчеркнуть, что «аварскость» есть относительное понятие. Авары являлись «аварами» только в политической системе каганата. Вне ее восприятие менялось в зависимости от социального контекста. Например, «авары» были всадниками/номадами, «славяне» — земледельцами, «болгары» — воинами⁸⁰. Можно предположить, что структуры каганата остались основой политической организации в Западном Иллирике, независимо от степени политической связанности западнобалканской периферии с ядром аварской идентичности в Паннонии. Институт бана в Хорватии и жупанов, которые появляются среди славян, — хороший пример культурно-политических аварских влияний и аккумуляции⁸¹. Свидетельства о жупанах как институте, по меньшей мере, спорадичны. Очевидно, они связаны с появлением славян, причем видна эволюция этого

⁷⁵ См.: Mayer A. Etymologisches Wörterbuch der Illyrischen Sprache der alten Illyricum. Bd I–II. Wien, 1957–1959; Katičić R. Ancient Languages of the Balkans. (State-of-the-Art Reports 4–5). The Hague, 1976.

⁷⁶ См.: Lambot C. Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescalcs d'Orbais. Louvain, 1945. P. 208.

⁷⁷ Curta F. The Making of the Slavs... P. 344–346.

⁷⁸ «We must dismiss the nineteenth-century misconception that there ever existed a matching relationship of one people or polity to one language. Equally erroneous is the notion that there was linguistic uniformity within any medieval group that regarded itself as constituting a single people or nation <...> languages did not start and stop at political frontiers: they overlapped in various ways that took no account of political allegiances» (Smith J. Europe after Rome. P. 17).

⁷⁹ См.: Daim F. Avars and Avar archeology. An introduction // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 516–523.

⁸⁰ См.: Pohl W. Avars // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 584–588. — Ср.: Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese. S. 214–215.

⁸¹ О слове «жупан» как аварско-тюркской терминологии см.: Wolfram H. Die Geburt Mitteleuropas: Geschichte Österreichs vor seiner Entstehung. Wien; Berlin, 1987. S. 352 ff. — Ср.: Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese. S. 220; Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 271–272.

института от военных вождей до провинциальной администрации⁸². С другой стороны, система жупаний в Далмации во многом корреспондирует с позднеантичной административно-территориальной и церковной структурой⁸³. Таким образом, институт жупаний в Далмации показывает постепенный процесс аккультурации между существующей постримской инфраструктурой и новыми политическими отношениями, появившимися с созданием в VII в. «аварского» культурно-политического континуума⁸⁴.

В этом контексте необходимо обратить внимание на «далматинскую» идентичность, упоминаемую в некоторых письменных франкских источниках, которая отделяется и от «славян», и от «романцев» из далматинских городов⁸⁵. Дославянские жители суть «фактор, который не часто принимают в расчет»⁸⁶. Интересна модель И. Мужича, так как она предполагает гетерогенность и интеракцию идентичностей: *Dalmatini*, славяне, хорваты сосуществуют внутри рамочной хорватской раннесредневековой идентичности. Согласно Мужичу, *Dalmatini* были наследниками античных далматов, что трудно принять, так как трудно поверить в континуитет идентичностей античной эпохи⁸⁷. Но, несмотря на детали, тезис Мужича о существовании далматинской идентичности в Далмации как неславянской и нероманской⁸⁸ является значительным продвижением в понимании трансформации постантичной Далмации. Существуют прочные основания считать, что провинциальная идентичность, которую источники называют *Dalmatini*, была сконструирована ранее внутри позднеантичной римской провинции Далмации⁸⁹ и что

⁸² DAI. 29.67; *Zhekov Z.* On the Titles of Balkan Aristocracy in 7th – 9th Century // *Balkan Studies*. Sofia, 2003. Vol. 4. P. 84–88, 91–92.

⁸³ Ф. Смилянич рассматривает континуитет в рамках миграционной модели, в соответствии с которой славяне перенимают прежнюю модель: *Smiljanić F.* Beitrag zur Erforschung der Županien — Ordnung in Sklavinen Kroatien // *Diadora*. 1990. Sv. 12. S. 371–390.

⁸⁴ *Evans H.* The Early Medieval Archaeology... P. 267–276. — Согласно Эвансу, жупаны контролировали территории радиусом около 90 км. О жупанах как последствиях аварского влияния см. выше (примеч. 82).

⁸⁵ *Annales Regni Francorum* (a. 817): «pro Dalmatorum causa» (*Carolingian Chronicles* / Ed. by B. Scholz. Ann Arbor, 1970. P. 101; *MGH SS*. T. 6. Hannoverae, 1844. P. 145); *Astronomus. Vita Hludovici XXIV* (a. 817): «de finibus Dalmatorum, Romanorum et Sclavorum» (*Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs/Astronomus. Das Leben Kaisers Ludwig* / Ed. E. Tremp. (MGH SRG. T. 64). Hannoverae, 1995. P. 370); *Godescalc (Gottschalk): «Dalmatini homines» (Lambot C.* Op. cit. P. 208); *Iohannes Diaconus. Historia Veneticorum* 3.14: «Sclavorum pessime gentes et Dalmacianorum» (*Fonti per la Storia dell'Italia medievale. Vol. 2* / Ed. L. A. Bertò. Bologna, 1999. P. 137). — Восприятие Далмации изменяется во франкских анналах, отражая различное понимание Далмации и далматинцев и эволюцию франкского представления об этой территории. *Dalmatini* из 806 г. (*Carolingian Chronicles* / Ed. by B. W. Scholz. P. 85; *MGH SS*. T. 6. Hannoverae, 1844. P. 120–121) — это, очевидно, романцы из Задара, в то время как *Dalmatini* из 817 г. — далматинцы, особенно в связи со свидетельством *Vita Hludovici*. Важно подчеркнуть, что Анналы писались погодно и разными авторами. 806 год хронологически принадлежит второму композиционному блоку (a. 795–807), в то время как 817-й — третьему, последнему блоку (a. 808–829) (*Carolingian Chronicles*. P. 4–8).

⁸⁶ «Instead they remained as another group that had to be integrated into the state system» (*Evans H.* The Early Medieval Archaeology... P. 276). Эванс без значительных оснований отказывает дославянской популяции в возможности военной и политической организации вне рамок империи. Ситуация в пост-римской Британии показывает, что нет оснований считать, будто население не могло организоваться на локальном уровне.

⁸⁷ *Mužić I.* Hrvatska povijest... S. 146–208. — Эта модель культурной гетерогенности внутри политических образований встречается в постримской Европе почти повсеместно: *Goetz H.-W.* Conclusion // *Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World* / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 620–621.

⁸⁸ *Dalmatini homines* Готтшалка раньше отождествлялись с хорватами: *Rapanić Ž.* Solinska epizoda europske povijesti // *VAHD*. 1992. Sv. 85. S. 100.

⁸⁹ *Dalmatini* могут рассматриваться как *cives patria Dalmatia*, эквивалент бриттам или кимврам (валлийское собирательное имя, которое происходит от позднеантичного *cumbrogi* — «соплеменники»). См.: *Snyder C.* An Age of Tyrants: Britain and the Britons, AD 400–600. Pennsylvania, 1998. P. 50–80.

Д. Дзино. «Становиться славянином», «становиться хорватом»...

в постримскую эпоху она стала основой, на которой осуществлялась аккультурация дославянской популяции Далмации и пришлых групп, которые гомогенизировались в рамках «славянской» идентичности.

Создание «романской» идентичности в далматинских городах — ключевой процесс для понимания «далматинской» идентичности, так как при своем формировании она исключила остатки дославянской популяции, населявшей внутренние области. Деление на «романцев» и «далматинцев» отображает реорганизацию дославянских идентичностей и решительную перемену в идеологии, на которой основывались эти идентичности. В то время как «романская» идентичность старалась имитировать позднеантичное строго стратифицированное общество, во внутренней области позднеантичная, глобализированная элита, которая также самоопределялась в пределах позднеантичного стратифицированного общества, со временем была заменена сходно базированным редистрибутивным обществом, замкнутым внутри себя. Этот процесс находит аналогии в постримской Британии, где в V в. наступает эпоха «тиранов»/«магнатов», которая является отражением подъема новых элит, вырабатывавших новые способы самоопределения⁹⁰. Здесь также имели место переплетение структур власти между пришельцами и автохтонами и крайняя политическая фрагментация, которая начинает выстраиваться снизу вверх, через семью, регион, достигая политических институций⁹¹. Мы можем предположить, что аккультурация происходила посредством языка, так как «далматинцам» было трудно, если вообще возможно, сохранить язык без письменности, в то время как принятие славянского языка дославянской элитой делало возможным более легкое участие во власти в Аварском каганате и облегчало коммуникацию внутри этого новообразованного культурного континуума.⁹²

«СТАНОВИТЬСЯ ХОРВАТОМ»

Обе вышеупомянутые модели аккультурации (побережье/внутренние области), конечно, не объясняют появления хорватской и других политических идентичностей в конце VIII–IX веке. Представление о миграции хорватов из Белой Хорватии дискредитировано не только письменными источниками, но и данными археологии⁹³. Несомненно то, что появление этих политических образований связано с реанимацией политической активности в этом регионе: уничтожением франками Аварского каганата и организацией византийцами фемы Далмации. Первые упоминания хорватского имени, *rex sclavorum* / *dux croatorum*, появляются только в IX веке. Дарственная грамота Трпира является самым ранним упоминанием хорватского имени, но она

⁹⁰ См.: Snyder C. An Age of Tyrants...; Woolf A. The Britons: From Romans to barbarians // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antiquity and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 355 ff.; Dark K. Civitas to Kingdom: British Political Continuity 300–800. Leicester, 1994. P. 235–257; Millett M. The Romanization of Britain. Cambridge, 1990. P. 212–228; и др.

⁹¹ См.: Yorke B. Anglo-Saxons: gentes and regna // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antiquity and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 395–401.

⁹² Например, билингвизм, который предполагает Д. Оболенский: Obolensky D. The Balkans in the 9th century: barrier or bridge // BF. 1988. Bd 13. S. 47–66.

⁹³ Evans H. The Early Medieval Archaeology... P. 152–158. — Критику письменных доказательств см. выше: примеч. 57–58.

проблематична⁹⁴. Первое достоверное упоминание — *dux cruatorum* из надписи Бранимира. Так что до времени Бранимира мы вообще не можем с определенностью установить существование хорватской идентичности⁹⁵.

Термин *хорваты* вообще не должен был представлять собой этническое обозначение, подобно тому как этого не представляли и другие титулы правителей постантичной Западной Европы. Эти идентичности следует рассматривать скорее как политические или социальные категории, нежели как этнические определения. Этнические титулы правителей не представляли этничность как объединяющую идеологию группы, но отражали политическое единство определенных территорий. Как предполагает Э. Гиллетт, этнические титулы наподобие *rex Francorum* должны были быть не отражением самоопределения, а административным названием⁹⁶. *Mutatis mutandis*, титул *rex Croatorum* был скорее результатом процесса политической софистики в Далмации, а именно интеграции в каролингские политические структуры, чем отражением уже существующей хорватской этничности в IX веке.

Важнее, чем устанавливать природу хорватской идентичности, определить социальный контекст, в котором появляются «хорваты». В какой-то мере хорватскую идентичность можно рассматривать или как региональную идентичность ликской элиты⁹⁷ или как социальную, сословную идентичность новообразованной элиты в IX веке⁹⁸. Археология показывает появление в Хорватии в конце VIII в. воинственно настроенной элиты, которая рекомбинирует каролингские символы могущества наподобие оружия с аварскими символами наподобие пряжек, а также показывает свою идентичность через идеологическую христианизацию и сильный акцент на латинских надписях в публичной сфере⁹⁹. Политические обстоятельства меняются с франкской политической экспансией и выздоровлением Византийской империи, делая возможным создание более сложных политических образований¹⁰⁰.

Хорватская *origo gentis* демонстрирует выстраивание политического дискурса, «показывающего» связь хорватов через ирреальное кровное родство и рассказ о пере-

⁹⁴ См.: *Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku*. S. 58. — Некоторые специалисты считают ее историческое ядро аутентичным: *Rapanić Ž. Solinska epizoda...* S. 91–116.

⁹⁵ См.: *Pohl W. Grundlagen der Kroatischen ethnogenese...* S. 222–223; *Margetić L. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 144–147.*

⁹⁶ *Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Early Medieval Kingdoms? // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Identity in the Early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002. P. 85–121.* — См. об этом же: *Goetz H.-W. Conclusion // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jamut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 622–623, 627–628.*

⁹⁷ См.: *Mužić I. Hrvatska povijest...* S. 249–262. — Ср.: *Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku*. S. 47.

⁹⁸ См. об этом в несколько отличающихся у разных авторов контекстах: *Pohl W. 1) Die Awaren...* S. 16; 2) *Grundlagen der Kroatischen ethnogenese*. S. 223; *Fine J. Croats and Slavs...* P. 212–215; *Curta F. Southeastern Europe...* P. 141–144.

⁹⁹ Об эпиграфике см.: *Matijević-Sokol M. Latin inscriptions // Croatia in the Early Middle Ages: A Cultural Survey (Croatia and Europe 1). London; Zagreb, 1999. P. 239–256.* — О христианстве как идеологии, которая укрепляет могущество *potentes*, скорее, чем *pauperes*, в этот и более поздний период см.: *Smith J. Europe after Rome...* P. 217–252. — Об этом же в контексте Хорватии см.: *Evans H. The Early Medieval Archaeology...* P. 284–286. — Насколько воинские атрибуты в погребениях действительно показывают воинов, вызывает вопрос. См.: *Härke H. «Warrior Graves»? The Background of the Anglo-Saxon Weapon Burial Rite // Past and Present. 1990. Vol. 126. P. 22–43.*

¹⁰⁰ См.: *Sokol V. The archaeological heritage...* P. 119–131; *Curta F. Southeastern Europe...* P. 141–144; *Evans H. The Early Medieval Archaeology...* P. 269–270, 285–286; *Klaić N. Povijest Hrvata u srednjem vijeku*. S. 39–47 (влияние франков); *Goldstein I. Uloga Bizanta u procesu etnogeneze Hrvata u IX. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 105–109 (византийцы).*

Д. Дзино. «Становиться славянином», «становиться хорватом»...

селении. Хорватскую идентичность надо, следовательно, рассматривать сквозь призму дискурса новых элит в VIII веке. Новая элита, «хорваты», формировалась после падения Аварского каганата и экспансии Франкского королевства из местных элит, которые самоопределялись между романцами, ромеями, франками и аварами и которые были принуждены построить в этих обстоятельствах более сложные политические образования. Процесс аккультурации, осуществлявшийся на территории римской Далмации в период между миграциями VII в. и гибелью Аварского каганата в IX в., разворачивался в политическом вакууме, в котором Иллирик был раздроблен, находясь во власти региональных магнатов. И хотя этот процесс трудно документировать, можно говорить о том, что он протекал очень активно и плодотворно.

Идентичность создается интеракцией, поэтому хорватская идентичность создается только в интеракции с «другим» и через установление более сложных политических структур. Новые элиты не были ни славянскими, ни автохтонными, хотя и могли казаться «славянскими» внешнему наблюдателю. Они являлись результатом предшествующего процесса аккультурации, протекавшего в эпоху аварского господства и социальной трансформации. Хорватская идентичность не исключала ни славянскую, ни далматинскую идентичности, но их обе политически гомогенизировала. Ситуация напоминает (конечно, в совершенно ином историческом контексте) создание политических идентичностей в античном Иллирике в результате экспансии средиземноморской глобализации и влияния политического усложнения средиземноморских политических структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга Ф. Курты открывает двери для новой интерпретации смены идентичностей в Иллирике. Первое и самое важное заключается в том, что «славяне» — это собирательное имя, которое маскировало гетерогенность задунайской популяции, изменившей природу своей социальной идентичности в VI веке. Следовательно, славяне не существовали как «народ» или «группа народов/племен». «Анты», «венеды», «склавины» — это различные восприятия общего культурного габитуса со стороны наблюдателей, подобно тому как «авары» — это общая социально-политическая идентичность, за которой скрывалась ее действительная гетерогенность.

Во-вторых, славянские «миграции» являлись хаотичными популяционными движениями малых групп, а не «славянским наводнением» или организованной колонизацией Балканского полуострова. В контексте Иллирика не являющиеся современными письменные источники следует для данного периода почти полностью отвергнуть. DAI следует, в соответствии с этим, рассматривать как недостоверный источник, комбинацию византийского «ориентализма», практического политического руководства и политико-идеологической пропаганды. Хорватская *origo gentis* в DAI скрывает скорее идеологический нарратив группы, идентифицирующей себя в качестве «хорватов», нежели традицию и историю хорватского народа. Археология этого периода указывает на начало трансформации культурного габитуса в Иллирике, что требует обращения внимания скорее на процесс «становления славянами», чем на «сохранение автохтонного населения» или «приход славян», ибо обе концепции относительно, так как подразумевают реифицированность идентичностей и оставляют без внимания важность интеракции и текучести, т. е. непостоянства групповых идентичностей.

Дославянское население перестало быть римлянами по многим причинам. Иллирик был предоставлен самому себе со стороны Западной, а затем и Восточной империи, а вне римской инфраструктуры не было возможности для сохранения «римской» идентичности. Христианство никогда глубоко не укоренилось во внутренней области, так что церковная организация не могла быть основой для реструктурирования идентичности, исключая Адриатическое побережье. Идентичность «романцев» важна в процессе «становления славянами», конструирование «романской» идентичности основывалось на замкнутости и изолированности ввиду своей военной и политической уязвимости, так что внутренние области были исключены из этой новой идентичности, и такая ситуация способствовала тому, что дославянские жители «стали славянами».

«Славяне» не стали «далматинцами» по многим причинам, особенно если мы примем во внимание, что не существовало сильного культурного дискурса, который бы их достаточно впечатлил подобно тому, как образцы римской культуры впечатлили готов или франков. Исчезновение письменности и поэтому невозможность сохранения культурно-идеологического дискурса во внутренних областях привели к тому, что за пару поколений идентичность дославянского населения трансформировалась в процессе аккультурации. «Становление славянами» есть процесс, который одинаково относится и к пришельцам, и к «местному» населению, так как и одни и другие в действительности «стали славянами», рекомбинируя символику создания собственной идентичности и трансформируя культурный габитус: одни — усвоением иного языка, другие — адаптацией к существующей территориальной организации, как видно из примера жупаний, хотя сам процесс более сложный, и необходимо его лучше исследовать. «Повторное открывание» христианства и интеракция с более сложными политическими образованиями, какими были государство Каролингов и Византийская империя, делали возможным появление новых политических идентичностей и нового идеологического дискурса — делали возможным «становление хорватами», т. е. конструирование идентичности, которая объединяла «славян» и «далматинцев», не исключая «славянской» или «далматинской» идентичности, или региональных идентичностей, таких как *Guduscani*.

Важнейший вывод, который здесь напрашивается, состоит в том, что речь идет о двух отдельных процессах. Первый есть процесс аккультурации, «становления славянами», оказавший содействие выстраиванию культурного габитуса, который со стороны внешних наблюдателей виделся как «славянский», хотя сам по себе скрывал гетерогенную популяцию. Этот процесс происходил на периферии аварского культурного континуума посредством крайней политической фрагментации и в оппозиции к новообразованной «романской» идентичности далматинских городов. «Становление славянами» — это исключительно сложный процесс трансформации культурного габитуса в специфических политических условиях, которые отделили Иллирик от Средиземноморья и временно переориентировали его на Центральную Европу в качестве периферии аварского континуума. Крайняя политическая фрагментация и отсутствие политических сил по соседству не требовали строительства политических образований, которые бы привели к конструированию новых идентичностей, — население римской Далмации не имело причин конструировать идентичности до IX века.

Другой процесс есть строительство сложных политических образований — «становление хорватами» (сербами, захумлянами и т. д.), который в изменившихся поли-

тических условиях распада аварского континуума, с основанием феми Далмации и франкским прорывом в Центральную Европу, вызвал формирование политических структур и новых идентичностей в культурном габитусе Склавиный.

Summary

The Making of the Slavs, the recent monograph by Florin Curta, has enabled new possibilities in the interpretation of the processes of making and constructing Slavic identities in early medieval times. First and most important is that «Slavs» are a common name that masked the heterogeneity of the trans-Danubian population that changed the ways they constructed their social identity in the sixth century — therefore the Slavs do not share the same identity or ethnicity. «Antes», «Venethi», or «Sclavini» are just different perceptions of this population by outside observers, reflecting parallel narratives of the process we know as *Slav migrations* from the sixth and seventh centuries.

Curta's views enable new interpretative frameworks, which tackle the problem of the transformation of identities in post-Roman Illyricum, from pre-Slavic in late antiquity to medieval Slavic identities. This article views Slavic *migrations* as irregular population movements of smaller groups, rather than a «Slavic flood» or an organised migration to the Balkan peninsula. Written sources that are not contemporary should be almost fully disregarded for this period when discussing Slavic migrations in Illyricum. The *De Administrando Imperio* of Constantine VII Porphyrogenitus should be seen as a combination of Byzantine «orientalism», a political manual and ideological-political propaganda. The *origo gentis* of the Croats in Chapter 30 of his work hides the ideological narrative of the group that identified itself as «Croats», rather than the tradition and history of the Croat people.

The formation of identities in post-Roman Illyricum shows a number of different overlapping processes, which should be considered separately, thus eliminating the real need for a single «grand-narrative» of this period in future scholarship. The pre-Slavic population ceased to be Roman for many different reasons. Illyricum was left to its own devices from the western and afterwards from the eastern Roman Empire. There was no possibility of maintaining Roman identity outside of the Roman political infrastructure. Christianity was never rooted in the hinterland, so that church organisation could not be a base for restructuring identities, except in coastal communities. The newly constructed identity of «Romans» in Dalmatian cities was based on their exclusiveness, probably for their military and political vulnerability, so that the hinterland became excluded from this new identity, and the pre-Slavic population «became Slavs».

The most important conclusion of this paper is that there were two separate processes caused by the «Slav migrations» occurring at the end of antiquity in Illyricum. The first is the process of acculturation, the indigenous population «becoming Slavs», which resulted in the transformation of cultural *habitus* to one that was perceived by outside observers as «Slav», but it was in fact hiding a heterogeneous population. This process occurred at the periphery of the Avar *qaganate* coinciding with extreme political fragmentation and in opposition to the newly developed identity of «Romans» from Dalmatian coastal cities. The political fragmentation and absence of political

=====
Studia Slavica et Balcanica Petropolitana
=====

forces in the neighbourhood did not require the development of political entities that would produce new identities — the population of post-Roman Dalmatia had no reason to construct and define their identities before the ninth century. The second process was the development of complex political entities that in changed political circumstances, after the disintegration of the Avar *qaganate*, the foundation of *thema* Dalmatia and the building of the Carolingian empire, caused the formation of political institutions and new identities, such as the Croats, which developed in the cultural *habitus* of the Sclavinias.

Д. И. Польшанский

СЛАВЯНЕ И БОЛГАРЫ В ВОСТОЧНОРИМСКОМ ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗЛИЧЕНИЯ

Конструктивизм, сегодня активно вытесняющий из академического пространства традиционные исторические представления, во многом построен на отождествлении *истории как реальности с историей как ее описанием*. Проблемы различения *истории-реальности* и *истории-описания* становятся тем более сложными, чем далее хронологически отстоят от нас и первая, и вторая. Для целей данного экскурса предположим, что субъекты *истории-реальности*, как правило, множественны, различны и не всегда определимы, а субъект *истории-описания* единичен и может быть определен.

В ходе дискуссии об этногенезе славян в отечественной науке, сопровождавшей работу над изданием, а затем и выход в свет «Свода древнейших письменных известий о славянах» в начале 1990-х гг., указанное различение наметилось, но не получило развития. Как писал автор этих строк в рецензии на первый том «Свода»,

...важнейший вклад издания состоит в проведении четкой грани между источниками, бесспорно отражающими самостоятельное бытование славян в Европе и сведениями, привлечение которых к реконструкции ранней славянской истории требует серьезного дополнительного обоснования¹.

¹ Польшанский Д. И. [Рец. на кн.]: Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: «Наука», 1991. Т. 1. (I–VI вв.). 472 с., карты // Византийский временник. 1996. Т. LVI. С. 337.

Эту грань, по сути, провел термин «славяне», зафиксированный византийскими источниками не ранее начала VI в. н. э. По словам В. Я. Петрухина,

...безусловной вехой в этнической истории славян — временем «прорыва» их в историю — остается VI век, а главным этнокультурным рубежом, на котором осуществился этот прорыв, — Дунай².

Состояние письменных источников, на которое мы ссылались в упомянутой выше публикации, и сейчас не дает возможности ни однозначно считать термин «славяне» самоназванием племен, начавших переходить Дунай в начале VI в. и впоследствии расселившихся почти на всем Балканском полуострове, ни полностью принять версию, что славянами (склафинами) стали называть эти племена византийцы в VI–VII вв., как это предположил Флорин Курта³.

Работа Ф. Курты, и последовавшая за ней коллективная монография о «другой Европе» под его редакцией⁴ ценны не только комплексностью методологии, сочетающей на конструктивистской платформе умелую интерпретацию письменных источников с уместным включением в контекст исследования данных материальной культуры и этнологических наблюдений. Их объединяет цельность представления о Восточной Европе как о периферии византийской ойкумены — организованного и контролируемого пространства живого и дееспособного универсального государства. Попадая в имперское пространство, пришельцы получали в нем своеобразную «регистрацию». Она включала наречение его новых обитателей именем, которое отличало бы пришельцев среди друзей и врагов империи; определение их статуса среди прочих обитателей ойкумены и обозначение территории, которую они занимали. В «регистрационном свидетельстве» ранних славян, выписанном византийской, а вслед за ней западноевропейской историографией и агиографией VI–VII вв., значились имя «славяне», названия племен и занятых ими земель и присвоенная им устойчивая репутация язычников и врагов империи.

События указанного времени и их отображение в историографии обозначили исходные позиции идентификации славян на периферии византийской ойкумены. Как считает Ф. Курта, «создание славянства», начавшееся в Византии середины I тыс. н. э., завершилось в начале II тыс. принятием данного термина в качестве самоназвания славян, что и было отмечено «Повестью временных лет». Процесс «создания славянства», занявший не один век, не был односторонним и протекал сложно и неравномерно.

В последние годы тезис о том, что за термином «славяне» во второй половине I тыс. н. э. могли скрываться разноязычные племена, уже не вызывает резких возражений в научной литературе, хотя в литературе околонушной до сих пор выдается за сенсационное открытие⁵.

Однако к концу XI в., когда создавалась вошедшая в «Повесть временных лет» Начальная летопись, термин «славяне» уже приобрел новые коннотации не только в ученой традиции, но и в политическом обиходе раннесредневековой Европы. Произ-

² Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 15.

³ Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, с. 500–700. Cambridge; New York, 2001.

⁴ The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / Ed. by F. Curta, R. Kovalev. Leiden; Boston; New York, 2007.

⁵ Ср.: Бычков А. Происхождение славян. М., 2007.

водные от термина «славяне» этнонимы получили распространение среди населения Приальпийского региона, Среднего Дуная, на севере Восточной Европы и были зафиксированы западными историческими текстами VII–IX веков.

Славянам нашлось место и в текстах, составляющих историческую традицию почти современных им других пришельцев в византийскую ойкумену — болгар. Их древнейший исторический памятник — Именник болгарских князей, сохранившийся в древнерусских списках XVI в. — отчетливо делит историю болгар на два периода: первый, когда их вожди «держали княжение по ту сторону Дуная», и второй, продолжающийся «поныне» с тех пор, как «перешел на эту сторону Дуная Исперих-князь»⁶. В Болгарской апокрифической летописи, текст которой хронологически близок «Повести временных лет», над «множеством людей от Дуная и до моря», поселившихся в земле, «оставленной римлянами и эллинами», правит царь «из их же числа» по имени Слав⁷. Представления об «исходе» болгар за Дунай как о точке отсчета их истории, когда они «переправились через Дунай и, победив греков, отняли у них землю, где живут и поныне», сохранялись и в XIV в., когда перевод хроники Константина Манассии был дополнен известиями из болгарской истории, начинающимися временем строителя Вавилонской башни Нимрода⁸.

Первое упоминание славян в собственно болгарской письменной традиции относится ко второму десятилетию IX в., которым датируется так называемая Сулейманькойская надпись на греческом языке, высеченная на мраморной колонне и содержащая текст мирного договора, заключенного между болгарским государем Крумом и византийским императором Львом V Армянином около 814 года. Во второй главе договора подтверждается *status quo ante bellum* «славян (σκλάβων), которые находятся под [властью] императора», а в третьей — оговаривается возвращение в их земли «остальных славян, которые не подчинены императору»⁹.

Комплекс болгарских надписей IX–X вв., к которым принадлежит данный текст, обрисовывает отчетливую систему представлений об организации имперской ойкумены и месте в ней болгар и славян. Как первым, так и вторым в них противопоставлены «христиане» (в цитируемом договоре им посвящена четвертая глава) или, как это отмечено в других надписях, «греки»¹⁰. (Встречается и принятое в Византии наименование «ромей»¹¹.) Возглавляемые законными государями (болгарские князья используют византийскую формулу «государь от Бога»), два народа делят между собой имперское пространство на равных основаниях, а славяне, разделенные на племенные Славинии и находящиеся между ними, являются объектом завоевания и подчинения как для той, так и для другой стороны. Во внешних контактах, например, с империей Карла Великого, византийские Славинии в это время называются своими племенными именами (например, тимочане, упоминаемые Эйнхардом, или многочисленные племена, упоминаемые в «Чудесах св. Димитрия»).

⁶ Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / Сост. И. И. Калиганов и Д. И. Польшанский. М., 1990. С. 176.

⁷ Там же. С. 181.

⁸ Там же. С. 190.

⁹ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979. С. 184.

¹⁰ Там же. С. 116, 128.

¹¹ Там же. С. 164, 171.

Важно отметить, что во времена, когда создавались древнеболгарские надписи, сам термин «болгары» нес не этническую, а политическую нагрузку. «Болгары», т. е. подданные болгарского государя, участвовали в устраиваемых им ритуальных пиршествах и назывались «сотрапезниками». О том, что среди них были и этнические славяне, говорят хрестоматийно известная надгробная надпись багатура Славны и упоминание в другой аналогичной надписи славянского термина «жупан»¹². В одном из ритуальных пиршеств, которое состоялось после победы Крума над императором Никифором I Геником в 812 г., участвовали и славянские архонты, что особо замечает первоисточник о событиях (Феофан). Хотя в последующих славянских переводах византийских известий об этой битве (Симеон Логофет, дополнения к Хронике Манассии) говорится только о болгарях¹³.

Следующий этап трансформации содержания понятия «славяне» — кирилло-мефодиевская миссия, результатом которой стало создание надэтнического церковно-славянского языка, оформившее третью, наряду с греческой и латинской культурную традицию христианской Европы. Известие Пространного жития Мефодия, что в молодости он управлял одной из подчиненных империи Славиний, отчетливо обозначает связь между византийской традицией употребления указанного понятия и его новым смыслом¹⁴. Перевод Священного Писания на славянский язык на исходе I тыс. христианства в терминах раннесредневековой Европы означал появление нового Божьего народа. В сочинениях Константина Преславского, принадлежавшего к первому поколению учеников св. Константина (Кирилла) и Мефодия, тема «славянского рода», который от «попираемого всеми» становится «богоизбранным», является одной из центральных. В «Прогласе к св. Евангелию», обращенном ко «всем славянским народам» и ко «всем славянам», говорится, что «Христос грядет собрать языки», чтобы даровать им спасение перед Страшным Судом как Христову народу, в то время, как Бог «огнем будет судить язычников»¹⁵. Автор «Сказания о письменах» Черноризец Храбр (кон. IX – нач. X в.) также отчетливо обозначает рубеж между языческим славянством, использовавшим для записи своей речи греческие и «римские» буквы, и христианским народом славян, которому Бог вместе с письменами даровал разум и благодать¹⁶.

Характерно, что нет термина «славяне», зато последовательно упоминаются «болгары» и в одном из первых текстов христианской литературы в Болгарии, «Чуде о болгарине», принадлежащем правлению Симеона (893–927):

Я происхожу из новопросвещенного болгарского народа, который недавно был удостоен Богом святого крещения через избранника своего Бориса, названного в святом крещении Михаилом. Силой Христа и крестным знаменем сумел он победить неотесанный и непокорный болгарский род, озарил светом благоразумия сердца, омраченные злокозненными проделками диавола, отменил темные и лживые, смрадные и богопротивные жертвоприношения и вывел болгар от тьмы к свету, от лжи и кривды к истине¹⁷.

¹² Там же. С. 219, 220.

¹³ См.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. 1. Ч. 1: Епоха на хуно-българското надмощие. София, 1970. С. 336–337.

¹⁴ См.: Родник златогруйный... С. 127.

¹⁵ Там же. С. 142–144.

¹⁶ Там же. С. 145–147.

¹⁷ Там же. С. 320.

Ф. Курта, заканчивая свою книгу, отметил, что с «Повестью временных лет» завершается «сотворение славянства» и начинается использование этого концепта «в национальных целях с их апелляциями к историческим корням». Учитывая важность вхождения Древней Руси в византийскую ойкумену, можно предположить, что «славянский» экскурс киевского летописца имел своей целью не столько «национальное» утверждение восточного славянства, сколько все ту же «регистрацию» в имперском пространстве с использованием существовавших в данное время правил. На наш взгляд, указанные выше болгарские и кирилло-мефодиевские аспекты проблемы раннего славянства не менее важны для ее адекватного понимания, чем правомерное предположение о византийском происхождении первоначального славянского дискурса.

Summary

The notions of «Slavs» and «Bulgars» in the early medieval Bulgarian written sources of the 9th – 10th c. (in Greek and in Slavonic) have been thoroughly examined by many scholars. While the traditional approaches stressed the ethnic essence of these notions, the contemporary ones underline the political character of the early Slav and Bulgar identities. F. Curta's hypothesis on the Byzantine origin of the very name of the Slavs goes to decisively support the latter. Since in the case of the Bulgars a similar approach could hardly be applied the author is trying to find out general mechanisms of identification and distinction valid before and just after their christianization both for the Slavs and for the Bulgars as newcomers in the imperial space of the Eastern Roman Empire, which in its turn, had been transforming to the Empire of Christ, following the expression of St. Cyril the Philosopher.

The case of the Bulgars shows how the ethnic name was transformed into the political label embracing the subjects of the Bulgarian ruler despite their origin. By the same time the notion of Slavs, which in the pagan Bulgarian inscriptions had the same meaning as in Byzantium, in the sources in Church Slavonic acquired definite confessional connotation of new Christian people different from the pagan Slavs. This new meaning, coming from the holy Brothers of Thessalonica, somehow had repeated the making of the initial Slav discourse.

Thus the above-mentioned mechanisms of distinction had been based on some traditional for the Byzantine imperial space procedures of «registration» of its new segments and inhabitants. Within those procedures the newcomers even if they had managed to grab part of the imperial territory, had to receive from the Byzantine hosts certain name and to be «registered» either among the numerous and pagan *foederati* or within the Christian community itself.

B. A. Todorov

BYZANTINE MYTHS OF ORIGINS AND THEIR FUNCTIONS

This paper draws attention to a recurrent phenomenon in the extant written evidence regarding the early medieval period of Southeastern Europe: the short narratives of one particular people's or another's ancient roots as presented in Byzantine documents. Such narratives can legitimately be referred to as «myths of origin» — *origines gentium* — even if they differ in important aspects from the myths of origin in local historiographies. While local *origines gentium* frequently go back to mythical heroes (like the Frankish ancestor Meroveus who was, in the words of the seventh-century historian Fredegar, begotten by a sea-monster) or try to establish connections with the sons of Noah, so as to find the people's true place in biblical history, the Byzantine narratives often reflect a rationalizing perspective. Their purpose is not to glorify a nation or legitimize its biblical roots, but to explain how it entered into the general framework of universal history, which Byzantines easily identified with their own. Yet, the way these narratives are constructed — focusing on a familial feud, or an incident, or referring to some fortuitous etymology — reflects similar concerns as those of the «local» myths: how to make particular events meaningful and how to use their possible meanings in order to elaborate distinct markers of identity and hierarchy¹.

Because of their significant place in the re-contextualization of culture, myths of origin have recently been submitted to critique by historians who more and more refuse to take them as objective reports of real events and prefer to explicate them, together with numerous textual and societal traditions, as later constructions. The methodological usefulness of myths of origins regarding earlier stages in a nation's history has been questioned, while scholars like P. Geary have addressed the even more general question whether we shall really establish a line of continuity between modern nations or ethnic groups and their supposed predecessors as presented in their myths of origin².

¹ I use inverted commas for local myths because it is difficult to establish whether a myth of origin has been produced within or without the polity whose roots it explains. An important article, among many, exposing the constructive functions of myths in structuring societies and polities is: *Geertz C. Politics Past, Politics Present: Some Notes on the Uses of Anthropology in Understanding the New States // Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York, 1973. P. 327–341.*

² *Geary P. The Myth of Nations: the Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002.*

Still, historians rely on myths of origin when addressing early ethnogenesis — especially so when these myths refer to events or whole periods about which alternative textual evidence is lacking or scarce. No matter how untrustworthy their content might be, the myths offer two important advantages: they give the subject of the research — the ethnic group — a clear point of beginning in time; and they suggest ways where to seek the roots of the cultural identity of this ethnic group. Until the recent ground-breaking work of several scholars, including F. Curta and his *The Making of the Slavs*, it was commonly disregarded that myths of origin actually do not explain ethnogenesis, but only substitute for an explanation and fill in a gap in the continuous narrative of a people's history.

Since the Byzantine myths of other peoples' origins were submitted to rationalization by Byzantine authors, they have been accepted widely as reliable sources of information. A most typical example regarding Southeastern Europe are chapters 29 through 36 of the widely cited «*De administrando imperio*» ascribed to Emperor Constantine VII (913–959) — those summarizing the early history of the Croats, Serbs and the smaller Slavic principalities along the Dalmatian coast. The source presents a sound chronological framework, since it claims that the Slavic groups took control of the western Balkans during the reign of Heraklios (614–641) which coincides with the territorial shrinking of Byzantium, the transfer of the imperial military contingents from Europe to Asia Minor, and most importantly, the period during which Slav presence south of the Danube may be perceived through the archeological and textual evidence. Furthermore, just as Constantine VII wrote, the Slavs' settlement in Dalmatia was in many ways intertwined with the complicated history of the Avar presence in, and domination over, the area during the same period³. The contradictions between chapter 30 and the rest offer something even more precious: the possibility to confront a Byzantine perspective to a local one, in this case Croatian. Thus, the document seems to inform us not only what happened in the early third of the seventh century, but how it was remembered by the Croats; consequently, it submits strong arguments in favor of Croatian historical continuity.

The same has been the case with the rather similar account of the Serbs' origins in the same work. Recently, in his English-language overview of Serbian history, Sima Ćirković explicitly refused to treat the Serbs as «protagonists of the historical events» and instead chose to study them as a social group created and maintained by history — in other words, unlike previous scholarship, Ćirković questioned the axiomatic understanding of Serbian historical continuity. And yet, for the purposes of his own narrative the beginning of Serbian history remains the moment the Serbs settled on Roman soil under Emperor Heraklios, as told in «*De administrando imperio*». Ćirković admits that the dynastic continuity between the Serbian ruler who established himself in the western Balkans in the earlier seventh century and the rulers of «Baptized Serbia» of the mid-ninth century is supported only by a «Serbian tradition»⁴, yet this makes Constantine VII's account even more valuable in its asserting Serbian continuity: through it we supposedly catch a glimpse of the historical memory of the early medieval Serbs and this historical memory cannot but become an important ethnicity-building factor. Thus, even a scholar who deliberately lays aside nationalist presumptions about ethnic continuity over history continues to treat a myth of origin included in «*De administrando imperio*» as a reliable source testifying that the Serbs had constituted a clearly identifiable ethnic group since a very early point in time — the reign of Heraklios.

³ See: Curta F. *Southeastern Europe in the Middle Ages 500–1250*. Cambridge, 2006. P. 96–110.

⁴ Ćirković S. *The Serbs*. Malden, Mass., 2004. P. xii, 11–12, 14.

Can we really interpret myths of origins found throughout Byzantine works as the reflection, even if distorted, of «original», «local» or «national» myths of origin? Do they express the concerns of the various peoples and polities or do they reflect the way Byzantine imperial power looked upon them and substantiated its actions regarding them? Why would be Byzantines interested in creating trustworthy accounts of the origins of others instead of molding them into shapes serving their own agendas? If chapter 32 of «De administrando imperio» truly reflects a collective memory of medieval Serbs going as far as the reign of Heraklios, what are we to make out of the rest of the chapter?

When Constantine VII identifies the ethnonym «Serbs» (Σέρβλοι) with the Latin «servi» (*serfs*), or with «servula» — the pig-skin footgear of Balkan peasants (modern Bulgarian — «цървули»), or finally with the peasants wearing these «servula» whom he calls τζεβουλιανοί, are we to take this as reflection of the same Serbian collective memory⁵? Obviously not. Trying to extrapolate the conflicting perspectives within a particular text — deconstructing it, that is — is a legitimate, yet tricky task. And before looking for the «original» perspective which Byzantine authors, like Constantine VII, distorted for their purposes, we might want to look for an interpretative scheme explaining how such myths of origin functioned within the Byzantine historical and political discourse proper.

The interpretative scheme I suggest consists of three logically connected points. First, myths of origin of foreign polities in Byzantine sources were not stable and were re-arranged whenever the historical situation necessitated it. Second, this was due to the fact that such myths were constructed in order to conceptualize the empire's relations with such foreign polities and to organize its diplomacy regarding them. Third, in order to support Byzantine diplomacy, myths were arranged in ways proving the rights of Byzantine emperors over cities, territories, tribute paid by foreign rulers, etc. For the purposes of this paper, I discuss primarily the case of the Bulgars / Bulgarians and confront it to that of the Serbs in «De administrando imperio»⁶.

When did the Bulgars settle south of the Danube and where did they come from? The question seems to have been answered once for all due to the relatively extensive and concurrent accounts in both the early ninth-century «Chronographia» of Theophanes the Confessor (d. 814) and the «Brevarium» (composed before 775) of Patriarch Nikephoros I (d. 829). The two authors dated the Bulgars' crossing of the Danube to the reign of Constantine IV (668–685) and associated it with a poorly managed campaign which the emperor had led north of the river's delta⁷. This was not questioned by later authors of universal histories like John Zonaras who repeats the stance in his twelfth-century «Epitomae historiarum»⁸. Both Nikephoros and Theophanes identified the leader of the Bulgars Asparukh (Ασπαρούχ, in Greek) as one of the five sons of Kubrat (Κοβράτος, in Greek), ruler of the Old Great Bulgaria (ἡ παλαιά Βουλγαρία ἡ μεγάλη, as Theophanes puts it)

⁵ *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando imperio* / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. P. 152.

⁶ I make use of the two existing forms of the ethnonym in English — Bulgar and Bulgarian — to emphasize the difference between the original Bulgars who were an ethnic group clearly distinct from the Slavs and the later medieval and modern Bulgarians who were and are Slavic-speakers. I certainly cannot determine even an approximate date for the «assimilation» of the non-Slavic Bulgars into the Slavic Bulgarians, but for the sake of simplicity, I use «Bulgars» when referring to events before the Christianization of Bulgaria in the mid-860s and «Bulgarians» when speaking of later events.

⁷ The more precise dating of the event to 680 comes from its mention in the protocols of the sixth ecumenical council. See: *Mansi D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Florence, 1758–1798. Vol. XI. Col. 617. (Repr.: Paris, 1901–1927).

⁸ *Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum libri XVIII* / Ed. T. Büttner-Wobst. T. 3. Bonn, 1897. P. 226–227.

and / or of the Onogundurs (Οὐνογουνδοῦροι, with many spelling variations)⁹. The same Kubrat appeared earlier in the «Breviarium» as the ruler of the Onogundurs who shook off the authority of the Qagan of the Avars (during the reign of Heraklios I)¹⁰, and he was with some certainty the rich Patrikios Kouvratos whose treasures, including rings with monograms, were buried at Malo Pershchepyne, close to the northern limits of the steppe zone in Ukraine.

The two Byzantine chroniclers (or their common source)¹¹ related the same story of Kubrat asking his five sons to stick together, so as to be powerful against their enemies, and of his sons neglecting his advice, dividing the people and being overrun by the Khazars. Such a legend appears to be local and to reflect a sense of identity between Danubian Bulgaria, Volga Bulgaria, the Bulgars under Khazar rule (probably identical with the «Black Bulgaria» which Constantine VII mentioned)¹² and the smaller groups identified as Bulgars which moved through Central Europe and ended in the area of Ravenna, in Italy, and Macedonia, in the Balkans. Independent Bulgarian sources — the «Namelist of the Bulgar Rulers» (dating plausibly from the tenth century, but preserved only in much later copies of the Russian chronicle known as «Ellinskii i rimskii letopisets»)¹³ and the so-called «Bulgarian Apocryphal Chronicle» (dating most probably from the twelfth century, but preserved in a single sixteenth-century manuscript)¹⁴ — confirm the perceived continuity between Danubian Bulgaria and an earlier state tradition (the dynasty of Dulo, according to the «Name-list...») or the nomadic past of the Bulgars (said to have been part of the Cumans in the «Apocryphal Chronicle»). Yet, even if the idea of continuity between Kubrat's and Asparoukh's Bulgaria originated among the Bulgars themselves, what we have is a Byzantine redaction of the myth — conformed to the purposes of the two authors whose works we have access to. Much space in Nikephoros's «Breviarum» was dedicated to Constantine V's multiple campaigns against the Bulgars over the 750s and 760s, while Theophanes was writing his history during the terrible confrontations of Nikephoros I (802–811) and his immediate successors with the powerful Bulgar ruler Krum (802–814). Both authors found useful a myth of origin that associated the Bulgars with the powerful nomadic polities of the steppe zone — such a myth both substantiated the insurmountable differences between Ῥωμαῖοι and Bulgars and explained why the Bulgars remained a formidable opponent. Over time, however, in relation to the changing conjuncture in Southeastern Europe, the myth of Bulgarian origin as available in Byzantine works changed dramatically as well.

In the late tenth century, Leo the Deacon wrote a precious historical account of the reigns of emperors Nikephoros Phokas (963–969) and John Tzimiskes (969–976). The sixth book of Leo's «History» deals with Tzimiskes's successful campaign against the Kievan Prince Sviatoslav (d. 971) who had invaded the Balkans during the last year of Nikephoros II's reign, and the resulting

⁹ *Nicephori patriarchae Constantinopolitani. Breviarium historicum* / Ed. with Engl. transl. C. Mango. Washington, 1990. P. 86–88; *Theophanis. Chronographia* / Ed. C. de Boor. Vol. I. Leipzig, 1883. P. 357–358.

¹⁰ *Nicephori patriarchae Constantinopolitani. Breviarium historicum*. P. 70.

¹¹ See: *Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове*. Т. I. Ч. I. София, 1918. С. 97, бел. 1.

¹² DAI. 12.

¹³ Parallel edition of the texts of all three remaining copies in: *Стоянов С. Към четенето и тълкуването на някои места от Именника на българските ханове* // *Език и култура*. 1971. Кн. 4. С. 24–26.

¹⁴ Text in: *Тънкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжина във Византия и средновековна България*. София, 1996. С. 195–198. — The work is usually dated by scholars to the eleventh century. My grounds to suggest a later date are simple: the «Apocryphal Chronicle» identifies the Bulgars with the Cumans which would not make much sense in the eleventh century when the Cumans were still unknown in the Bulgarian lands, but should correspond to their domination over the left bank of the Lower Danube in the twelfth century.

Byzantine conquest of Bulgaria. Leo the Deacon had to explain why the Byzantine army invaded the Bulgarian lands after decades of peaceful coexistence since the death of Symeon I of Bulgaria (893–927). In order to do so, he wanted to convince the reader that the Bulgarian lands (which he consistently called Moesia [Μυσία], just as the Bulgarians — Moesians) had rightfully belonged to the Ῥωμαῖοι. Therefore, he provided not one but two, mutually exclusive, versions of the story of their settlement. The first more or less repeated the account of Nikephoros and Theophanes and dated the Bulgar settlement south of the Danube to the reign of Constantine IV. Instead of speaking of the Old Great Bulgaria, however, Leo preferred to call the Bulgars «colonists» (ἀποίκιοι) of the Khazars, the Κοτράγιοι and the Χουνάβοιοι who took their name from their leader Boulgaros¹⁵. The second version is even more dismissive — Leo the Deacon associated the settlement of the Bulgars south of the Danube with the Bulgar ruler Tervel's military support for Justinian II's coming back to the throne in 705. Contrary to Nikephoros and Theophanes (and to the epigraphic evidence in modern northeastern Bulgaria), Leo claimed that the Bulgars had still lived along the Azov Sea at the time¹⁶. Thus, they had not conquered their land, but had been «invited» to it in just the same way Serbs and Croats were allegedly «invited» to settle on Roman territory under Heraklios. Leo the Deacon composed his history based on personal observations, oral accounts by contemporaries and possibly contemporary documents. Even if his stories eventually referred to what Theophanes and Nikephoros had written, he did not use the two chroniclers' accounts, but reported versions which might have belonged to Byzantine «common knowledge». It is quite plausible that this «common knowledge» had been manipulated for the purposes of Tzimiskes's propaganda — the emperor had to convince his soldiers to follow him north of the Balkan Range (Nikephoros Phokas had been reluctant to do so just three years earlier)¹⁷ and therefore emphasized that the Bulgarian lands were historically Roman; furthermore, Tzimiskes had to claim his imperial rights over Bulgaria in his diplomatic correspondence with Sviatoslav¹⁸.

In later periods, Byzantine views of the early history of the Bulgarians developed much further. According to Demetrios Chomatenos, archbishop of Ohrid in the early 13th century, the Bulgarians had never come from anywhere — they were the autochthonous population. He used this argument in his disputes with Patriarch Germanos II of Nicaea, over the controversial imperial coronation of Theodore Doukas Komnenos which he himself had performed in Thessaloniki, in 1227. Chomatenos defended his right to do so with his theory of the ecclesiastical supremacy of his archiepiscopal see (which he identified with the late antique Prima Iustiniana). Chomatenos considered Prima Iustiniana third in rank among all churches, next to Rome and Constantinople, because:

The great and famous among the emperors Justinian [...], when arranging the higher and lower ranks and deciding that the Holy Pope of the Elder Rome shall be first among all hierarchs, and then, next to him, the most blessed [Patriarch] of Constantinople, named right after him the archiepiscopal throne of Bulgaria, which he calls as well Iustiniana, because he himself came from this people and because, through the sweat of both citizens and army, he added the surrounding Bulgarian area to the Roman lands¹⁹.

¹⁵ *Leonis Diaconi Caloensis. Historiae. Libri X* / Ed. C. B. Hase. Bonn, 1828. P. 103.

¹⁶ *Ibid.* P. 103–104.

¹⁷ *Ibid.* P. 62.

¹⁸ *Ibid.* P. 103.

¹⁹ *Demetrii Chomateni. Ponemata Diaphora* / Ed. G. Prinzing. Berlin, 2002. P. 376–377. Nr 114: ὁ ἐν βασιλεύσει μέγας καὶ περιβόητος Ἰουστινιανὸς [...] τῶν πρεσβυτάτων καὶ μεγάλων ἱεραρχῶν τὰς προεδρίας καὶ ὑφεδρίας ὑποτυπῶν καὶ πρῶτον εἶναι πάντων τῶν ἱερέων εἰπὼν τὸν ἀγιώτατον πάντων πρεσβυτέρας Ῥώμης, ἔπειτα δεύτερον μετ' αὐτὸν τὸν Κωνσταντινουπόλεως, μετὰ τοῦτον εὐθὺς τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ θρόνου τῆς Βουλγαρίας μέμνηται, ὃν καὶ Ἰουστινιανὴν ὀνομάζει, ὅτι τε ἐκεῖθεν τὸ γένος εἴλκε καὶ ὅτι μόχθοις ἰδίους καὶ ἰδρώσι στρατηγικοῖς τὴν Βουλγαρικὴν ταύτην περὶχωρον τοῖς ὄροις τῆς Ῥωμαϊδος προσήρμοσεν.

Since the dignity of his church, which was the historical successor of the ninth- and tenth-century Bulgarian diocese, depended on its imaginary antiquity, Chomatenos had to ignore the late arrival of the Bulgars in the region and even turned Emperor Justinian (527–565) into one of them.

This theory did not enjoy popularity — in the short term, because of Theodore Doukas's capture by the Bulgarian Tsar Ivan Asen II (1218–1241) in 1230 which made the patriarchal claims of the archbishops of Ohrid useless; in the long term, because over the centuries the diocese of the Archbishopric of Ohrid reverted to the liturgy in Church Slavic (it had never been completely replaced by the liturgy in Greek) and Slavic-speaking clergy naturally, even if wrongly, identified its traditions with the Second Bulgarian Empire centered on Turnovo. This can be seen in the short historical overview of the Christian churches as contained in seventeenth-century addenda to an older Serbian copy of the «Kormčaja kniga», now preserved in the Österreichische Nationalbibliothek, in Vienna:

The holders of authority in many places were appointed in Constantinople [... including among] the Bulgarians and the Serbs [...]. The Bulgarians, even if they were not subjected to the authority of the Greek Empire, still had adopted the Christian piety from them. And these [the metropolitans ordained in Constantinople] were many, until one day, we do not know in what way, [the Greeks] began to give away the episcopal dignity without any care [...] sending from Constantinople to the Bulgarians and other countries metropolitans for the sake of gain [...] When the good tsar saw the injustices committed by them, he was filled with desire to behave like a true emperor and to have ordained, by his own bishops, a patriarch in the city of Turnovo²⁰.

During the Ottoman period, the eparchies of the Bulgarian lands identified with the Second Bulgarian Empire, even if strictly speaking they were submitted to either the patriarch of Constantinople or the archbishop of Ohrid. Chomatenos' vision of the past of his diocese did not develop into a stable tradition and later generations could not make the difference between the Bulgarian kingdom/empire in Turnovo and the Bulgarian church in Ohrid.

Yet, the connection between Ohrid and the Bulgarian past was still considered important in the fourteenth century. Nikephoros Gregoras explained in some detail the conflict between the Nicaean emperors and the Komnenoi in Epiros, during the thirteenth century. He paid due attention to the coronation of Theodore Doukas in Thessaloniki and partly reproduced Chomatenos's argumentation, seeking however Bulgarian origins along the Volga River:

I will now explain where this place carries the name Bulgaria from. There is a land lying across the Istros [Danube], much to the north, and a large river inundates this land; the inhabitants call it Volga; from which they took the name of Bulgarians, being originally Scythians. Much later, they migrate from there together with their children and women, at the same time when the evil of the iconomachia is pressing upon the pious; they cross the Istros and invade [the land] in huge numbers; and crossing to the two Moesias [...] they settle in Macedonia and Illyricum [...]. And that city [Prima Iustiniana] is chosen to be their future imperial residence, the one which Emperor Justinian elevated to the dignity of archbishopric and named, as we already mentioned, Prima [Πρώτῳ] Iustiniana. Since this was the name

²⁰ Cod. Vind. Slav. 21, 3v: От Константина же града по многим мѣстом правосъятелем поставляемим [...] българом же и сръблем [...] българи же аште и не подь областию бѣхоу царствія греческаго, нъ обаче от них благочестію бише приемници. и сия бѣхоу на мнозе, и убо некогда гречестіи власти не вѣм по коему образу [...] нетоужни власти епископства раздавааху [...] сиреч митрополити от константина града къ българом и къ инем странам послааюште на мъзде [...] видѣвъ же царь благии себе неправдуема от них изволи се ему яко царю сушту своими епископи патриарха в граде търнове поставити.

given to the whole people, the land took the name Bulgaria, and Prima Iustiniana became the metropolitan see of Bulgaria. But more recently Emperor Basil the Bulgar-Slayer, after many battles, finally managed to crush and enslave them; and he made [that part of the population] which was superfluous, move to the lands along the Istros, in [Lower] Moesia²¹.

Gregoras believed that the initial area of settlement of the Bulgarians was Macedonia and not Moesia, north of the Balkan Range. He knew enough about the population of the steppe zone, so as to identify Bulgarians and the Volga River, but ignored, deliberately or not, the very existence of the First Bulgarian Empire and its older centers of power.

The changes in the Byzantine views of the past of their neighbours may be explicable with the textual tradition, or lack of textual tradition, of particular historical works. Later authors might have simply been more ignorant than we would want it and reported old events inaccurately because they were inaccurately informed. Yet, the adoption of a particular perspective about a people's origins coincided with the language used by Byzantine emperors and officials on diplomatic level. According to Leo the Deacon, when Nikephoros Phokas wanted to create a crisis in the relations with Bulgaria, he offended their tsar as «leather-eater» (σκυτοτρόκτης) and he referred to the Bulgarians as a poor and polluted Scythian nation (ἔθνος Σκυθικὸν πενιχρὸν καὶ μιαρὸν)²². At the time of Leo's writing, the Bulgarians still kept some of their older traditions, especially in their dress, yet they had long adopted Christianity and belonged much more to the agricultural than to the steppe zone. Referring to their nomadic past was unjustified, yet it gave the emperor one more reason to pursue an aggressive policy regarding them. The preserved correspondence of Patriarch Nicholas Mystikos with Tsar Symeon contains similar hints. The patriarch reminded Symeon, who was claiming the imperial title, that the Bulgars had been slaves of the Avars²³. At the time Nicholas was writing this, the Bulgarian tsar had the military advantage over the empire and Nicholas used a polite, almost servile language. Yet, referring to the distant past, he substantiated his main point: Symeon was unfit to be called emperor because his origins were those of a slave.

Inventing, re-inventing or re-contextualizing the past of their neighbors certainly helped Byzantine diplomacy which could look up to precedents whenever necessary. In this, it often surpassed the diplomacy of its opponents, since they had not established their own traditions of preserving memory of the past over long periods. Going back to the chapters about the Serbs, the Croats and the Dalmatian principalities in the «De administrando imperio», we may easily notice the connection between the detailed accounts of particular events from the past and the diplomatic disputes of the period. Constantine VII consistently explains the meaning of political acts in ways supporting

²¹ *Nicephori Gregorae. Byzantina Historia* / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829. Vol. I. P. 26–27: «ὅθεν δὲ τὸ τῆς Βουλγαρίας ἐπώνυμον ὁ τόπος κεκλήρωται, δηλώσω ἔρχομαι. Χῶρος τις ἐστὶν ἐς τὰ ἐπέκεινά τε καὶ βορειότερα τοῦ Ἰστρου κείμενος, καὶ ποταμὸς ῥέων δι' αὐτοῦ οὐ μικρὸς· Βούλγαν αὐτὸν ὀνομάζουσιν οἱ ἐγγῶριοι· ἀφ' οὗ δὴ καὶ αὐτοὶ τὸ τῶν Βουλγάρων μετελήφεσαν ὄνομα, Σκύθα τὸ ἐξ ἀρχῆς ὄντες. ὄψε δ' ἐκεῖθεν οὗτοι μετανάσταί γενομένοι τέκνοις ἅμα κὶ γυναξίν, ὅποτε τὸ τῆς εἰκονομαχίας νόσημα κατὰ τῶν εὐσεβεούντων ἐπεχωρίαζε, διαπεραιοῦνται τὸν Ἰστρον, πλήθος ἀριθμὸν ὑπερβαῖνον· καὶ διαβάντις ἄμφω τὰ μετὰ τὸν Ἰστρον Μυσίας, καὶ πάντα λείαν Μυσῶν [...] ποιοῦντες τὰ ἐν ποσὶ, καθὰπὲρ ἀκρις ἢ τις κεραυνὸς αἰθέριος, οἰκιοῦνται Μακεδονίαν μετὰ τῆς ἐπέκεινα Ἰλλυρίδος, ἀρεσθέντες τοῖς ἐκεῖσε καλοῖς. Καὶ βασιλεῖον ἐνδιαίτημα τούτοις εἶναι ἐς τὸ λοιπὸν νενόμισται αὕτη ἡ πόλις, ἣν ἀρχιεπισκοπὴν ὁ βασιλεὺς τετίμηκεν Ἰουστινιανὸς, καὶ πρᾶτην ὀνόμασεν, ὡς εἰρήκειμεν, Ἰουστινιανήν. εἴτα τῆς προσηγορίας τοῦ ἔθνους ἐκεῖσε διαδοθήσης, Βουλγαρία ὁ χῶρος μετωνομάσθη, καὶ μητρόπολις Βουλγαρίας ἡ πρώτη Ἰουστινιανή. Χρόνοις μέντοι ὕστερον ὁ βασιλεὺς Βασίλειος ὁ Βουλγαροκτόνος μετὰ πολλὰς τὰς μάχας τέλος ἐξέτριψε καὶ ἐδουλώσατο τούτους· καὶ τῆς μὲν χώρας τοὺς ἐναπολειφθέντας ἐξορίστους πεποίηκεν ἐν τῇ παρὰ τὸν Ἰστρον κάτω Μυσία...».

²² Leonis Diaconi *Historiae*. P. 61–62.

²³ *Nicholas I, Patriarch of Constantinople. Letters* / Ed. by R. Jenkins and L. Westerink. Washington, 1973. P. 70.

the Byzantine stand. This is particularly striking in the episode where Boris Michael, the Bulgarian ruler, is said to have suffered a terrible defeat by the Serbs and to have gone himself to ransom his son and twelve boyars from captivity. According to Constantine, he «besought» (ἐπιζητήσεν) the Serbian princes for escort to the border because he was afraid for his security.

The Serbs who defeated him «offered him as counter-gifts and tokens of friendship» (ἀντέδωκαν αὐτῷ χάριτι ξενίων) presents with both material and symbolic value which, in Constantine VII's words, the Bulgarians interpreted as «tribute» (πάκτος)²⁴. The description of this ceremony taking place at an unspecified moment during the reign of Boris Michael (thus, between 852 and 889) apparently came from a Bulgarian account which described the whole event as a proof that the Serbian princes showed obeisance to Boris by offering him gifts and escorting him as far as the border. In Constantinople care was taken the same ritualized event to be interpreted in diametrically opposite way — that the Bulgarians had actually been defeated and had lost captive practically all their high nobility²⁵.

Thus, the chapter on Serbian history is not simply a piece of information, but a document which the emperor could produce when negotiating with either Serbs or Bulgarians so as to deny the suzerainty that the latter claimed over the former. That this was a major concern for the imperial administration appears in one of the concluding paragraphs of chapter 32 saying explicitly: «That the *archon* of Serbia has been from the very beginning, that is since the reign of Emperor Heraklios, subjected as servant to the Roman emperor and has never been subjected to the *archon* of Bulgaria»²⁶. If we project the same perspective further back into the past, it becomes clear Constantine VII saw it fitting that the Serbs should have settled on imperial soil earlier than the Bulgars — this way they could never be their subjects.

Myths of origins, just as all meaningful historical episodes that the «De administrando imperio» contains, belonged to the discourse of Byzantine diplomacy and served the purpose of justifying imperial claims or counterclaims, depending on the concrete issue. Much more than what this paper can offer can be extracted from every single chapter in this widely cited, yet still insufficiently studied document. I hope to have pointed to the multiple possible appearances of myths of origin that readers can find in chronicles or diplomatic correspondence, or other pieces of textual evidence. It is safer to analyse such pieces more as evidence about Byzantine perspectives and priorities than as evidence about the collective memory of the empire's neighbors. And even when discussing such collective memory, it is helpful to evaluate to what extent the Byzantine versions of other peoples' origins contributed to the formation of the other peoples' view of their past.

²⁴ DAI. P. 154.

²⁵ The problem that medieval ritualized acts are in most, if not all, cases conveyed through texts which already reflect a particular interpretation of what really took place is the focus of: *Buc P. The Dangers of Ritual*. Princeton, 2001.

²⁶ DAI. P. 156: ὅτι ὁ ἄρχων Σερβλίας ἐξ ἀρχῆς, ἦγον ἀπὸ τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως, δουλικῶς ἐστὶν ὑποτεταγμένος τῷ Ῥωμαίων βασιλεῖ, καὶ οὐδέποτε τῷ ἄρχοντι Βουλγαρίας καθυπετάγη.

Резюме

В статье анализируются изменения в византийской трактовке раннего прошлого болгар, содержащейся в хрониках Никифора и Феофана VIII–IX вв., «Истории» Льва Диакона конца X в., полемических работах Димитрия Хоматиана 1220-х гг., «Византийской истории» Никифора Григоры XIV в. «Происхождение народа» подвергалось с течением времени постоянному переоформлению сообразно тем целям, которые преследовались определенными текстами. Автор связывает такие изменения с потребностями византийской дипломатии. Императоры приписывали различным правителям различные титулы в зависимости от происхождения их народов и воображаемого исторического континуитета их отношений с империей. Компиляция середины X в., известная как «*De administrando imperio*», была инструментом для удовлетворения нужд византийской дипломатии. Она содержит этногенетические легенды разных народов, переоформленные византийцами в соответствии с современным статусом этих народов и в связи с существующей политической конъюнктурой. Главы 29–36, рассматривающие происхождение славянских политий на западе Балкан, надо интерпретировать, учитывая политическую конъюнктуру X в., включая очевидные болгарские претензии на сюзеренитет над сербами. Все это ставит под сомнение их полезность не только для датировки поселения сербов и хорватов на Балканах, но даже для концептуализации истории сербской и хорватской политий в период, предшествовавший появлению сведений о них в начале IX в. других источниках.

И. Мужич

SKLAVI(NI)—ΣΚΛΑΒΗΝΟΙ И ФОРМИРОВАНИЕ ХОРВАТСКОГО НАРОДА НА БАЛКАНАХ*

1

Понятие *Sclavi(ni)*—*Σκλαβηνοί*, которое с помощью принципиально нового подхода рассмотрел Флорин Курта¹, можно, как нам представляется, трактовать и в полиэтническом значении. Такой вывод следует из анализа средневековых источников, относящихся к балканским и соседним популяциям. Так, некоторые византийские и другие авторы называли склавинов готами, гетами, гуннами, аварами, скифами². Например, Феофилакт Симокатта, описывая события последнего десятилетия VI в., сообщает:

И вот они натолкнулись на шестьсот славян, везших большую добычу от ромеев. <...> Как только варвары увидели приближающихся ромеев, а затем были ими замечены, они принялись убивать пленных. <...> Ромеи, приблизившись к гетам — таково древнее имя этих варваров...³

* Перевод с хорватского Д. Е. Алимова.

¹ Curta F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge; New York, 2001.

² См.: Kuzmić M. *Gothomania* // *Nastavni vjesnik*. Zagreb, 1930. God. XXXIX. Br. 1–4. S. 10–26. — «Первоначальное обозначение “склавины” не имело значения этнической и языковой принадлежности и охватывало группу племен (готы, геты, гунны, авары, скифы)» (Давидовић-Живановић С. *Mementa archaeologica et eruditiva*. Београд, 1999. С. 32).

³ ВИИИ. Т. I. С. 117–118. [В русском переводе текст приводится по изданию: Феофилакт Симокатта / Пер. С. А. Иванова // *Свод древнейших письменных известий о славянах*. Т. II: (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995. С. 30–31. — *Примеч. переводчика*]. — Ср.: Weiss G. *Das Ethnikon Sklabenoi, Sklaboi in den griechischen Quellen bis 1025*. Wiesbaden; Stuttgart, 1988. S. 54.

Из этих слов Симокатты ясно, что он применяет имя *Σκλαβηνοί* к известному в античности автохтонному народу *гетов*.

В Житии св. Колумбана (написанном монахом Ионой из Боббьо) говорится: «Venetiorum qui et Sclavi dicuntur»⁴, что указывает на вероятность того, что в первой половине VII в. под именем *Sclavi(ni)* подразумевались также венеты. Папа Иоанн VIII сообщал в конце 873 г. «склавинскому» правителю Мутимиру, что в паннонский диоцез поставлен епископ и что сейчас можно предаться его пастырской заботе, с напоминанием: «Советуем тебе, чтобы ты потрудился, насколько возможно, чтобы вернуться по примеру своих предков под паннонский диоцез»⁵. Ф. Шишич интерпретировал эту фразу следующим образом: римский папа считал народ князя Мутимира автохтонным в смысле этнического континуитета. Из этого письма следует, что Мутимир был князем склавинов, и что речь при этом шла о потомках *склавов/склавинов* на территории паннонского диоцеза. Данная трактовка нам кажется совершенно правомерной.

Первое упоминание «Склавиний» содержится в источнике «Чудеса св. Димитрия Солунского» в связи с описанием событий конца VI в. Можно заключить, что под «Склавиниями», которые упоминаются в источниках, подразумевались определенные объединения, которые формировались переселенцами из земель, расположенных к северу от Дуная⁶. Население «Склавиний», будь то переселенцы или смешавшиеся с ними автохтоны, могло быть языческим и/или арианским. При этом и те, и другие могли рассматриваться как *склавины*⁷. Проживавшие в таких «Склавиниях» люди могли рассматриваться и как предмет работорговли. Поэтому не исключена возможность, что их жители могли первоначально называться *склавами* и по этой причине (от лат. *sclavus* «раб»).

Из трех существующих средневековых источников, содержащих информацию о миграциях на современную хорватскую территорию (*De administrando imperio*, *Libellus Gothorum*, *Historia Salonitana*), можно заключить, что именем *Sclavi(ni)*—*Σκλαβηνοί* в принципе назывались переселенцы на Балканы. Они, наряду с именем *склавины*, имели и разные другие названия. Константин Багрянородный в «Жизнеописании Василия I» пишет:

Соответственно всему прочему еще больше небрегли в царствование Михаила западными делами <...> К тому же еще и скифы, обитающие в Паннонии, Далмации и лежащих за ними землях (я имею в виду хорватов, сербов, захлумов, тервунитов, каналитов, диоклетианов и рентавов) сбросили узду исконного ромейского владычества...⁸

Особенно важно то, что в сочинении *De administrando imperio* (далее — ДАИ) *Σκλαβηνοί* отождествляются с аварами. Так, в 29-й главе говорится: «...славянский народ, который

⁴ Wolfram H., Kusternig A., Haupt H. Quellen zur Geschichte des 7. und 8. Jahrhunderts. Darmstadt, 1994. S. 488.

⁵ См.: Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Raeki. Zagrabiae, 1877. P. 367–368 (далее — Documenta). — Ср: Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925. S. 398.

⁶ Подобное обозначение бытовало и гораздо позднее. Так, Фома Архидиакон упоминает Бранимира как «бана Склавонии» (*ducis Sclavoniae*): «Marinus archiepiscopus fuit tempore Caroli regis et Branimiri ducis Sclauonie...» (*Toma Arhidakon. Povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika / Predgovor, latinski tekst, kritički aparat i prijevod na hrvatski jezik* O. Perić. Split, 2003. S. 52).

⁷ Eggers M. Das «Großmährische Reich»: Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donaumaumes im 9. Jahrhundert. Stuttgart, 1995. S. 214.

⁸ ВИИИ. Т. II. С. 79. [В русском переводе текст источника приводится по изданию: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер., статья, коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 122. — Примеч. переводчика].

и аварами называют», а дальше в тексте упоминаются «эти авары». В этой же главе содержится фраза «...славяне... которых и аварами зовут», а также выражение «славяне и (или) авары»⁹. Б. Ферьянчич обратил внимание на фрагмент 30-й главы, который, следуя сразу за вводными фразами, гласит: «Итак, спрашивающие об утрате Далмации — как это она была захвачена народами славян — могут узнать [об этом] из следующего ниже»¹⁰. Однако, так как в дальнейшем в тексте упоминаются только авары, Б. Ферьянчич заключил: «Очевидно, автор DAI и здесь смешивает эти две этнические группы»¹¹.

Ученый пришел к выводу, что сведения DAI говорят о двойном переселении на Балканы¹². Впервые Далмация была занята славяно-аварским населением, а второй раз — хорватами. Второе завоевание Салоны, согласно DAI, совершили именно хорваты. Они, как следует из текста DAI, не были аварами, но не были и славянами, ибо победоносно воевали с предшествующими аваро-славянскими завоевателями. Учитывая, что хорваты отнимают Далмацию у авар, которых император Константин отождествляет со славянами, очевидно, что эти хорваты неидентичны аварам или славянам, которые до них завоевали и населили Далмацию¹³.

Согласно Фоме Архидиакону, в Далмацию переселились готы, которых «...и *склавами* называют»¹⁴. К. Шегвич, отмечая, что Фома «...зовет хорватов то готами, то славянами вплоть до эпохи венгерских королей», делал вывод:

Фома называет хорватов готами в этническом значении до XI в., позднее они только «*Croati*»; а когда он говорит презрительно, тогда он употребляет слово «*Sclavi*»¹⁵.

Существует средневековый источник, который автор, известный в историографии под именем «попа Дуклянина», определил как *Libellus Gothorum, quod latine Sclavorum dicitur regnum*. Когда во второй главе данного сочинения сообщается, что христианские силы короля далматинского и короля истрийского потерпели поражение в борьбе с готами, здесь говорится: «*i vele Hrvat bi pobieno*». Эти слова можно понять в том смысле, что хорваты пришли в Далмацию как составная часть готского войска. По указанию Д. Пешута:

Это первое упоминание хорватов в Хронике хорватского Анонима. Несомненно, автор регистрировал хорватов на готской стороне, тогда как далматинцев и истрийцев

⁹ Б. Ферьянчич перевел эти сообщения 29-й главы DAI следующим образом: «Словенска племена ненаоружана, која се заваху и Авари»; «затекли ове Аваре»; «Словени с оне стране реке, који се и Аварима називају»; «Словени, односно Авари»; «напред речени Словени» (ВИИНЈ. Т. II. С. 10–11).

¹⁰ Ibid. С. 27. [В русском переводе статьи текст источника цитируется по изданию: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Пер. Г. Г. Литаврина; Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 127. — *Примеч. переводчика*].

¹¹ ВИИНЈ. Т. II. С. 28.

¹² Ibid. С. 39.

¹³ Когда в DAI говорится о границах хорватов, хорваты отделяются от славян: «Если они (хорваты. — И. М.) граничат со славянами, тогда они сами не славяне — вот впечатление, которое эта фраза производит, поэтому надо отказаться от априорного чтения этого места, при котором *хорваты* понимаются как *славяне*» (*Popović D. S. Prilozi čitanju i razumevanju raznih starina*. Beograd, 1957. S. 1047).

¹⁴ *Toma Arhidakon*. Kроника. Split, 1977. S. 33. — Имя готов, особенно с конца V в., прилагалось к самым разным народам. См.: *Wolfram H. Die Goten*. München, 2001. S. 30. — Историк Джордже Янкович в письме, отправленном автору данной статьи из Белграда 8 февраля 1991 г., отметил следующее: «Вполне вероятно, что славяне пришли на Балканы тогда же, когда и готы, и что готское имя относилось к ним».

¹⁵ Šegvić K. *Toma Splitsanin*. Zagreb, 1927. S. 140, 159.

объединил под общим именем «krstjani». Это отражено уже во фразе: «Sve ča bihu vazeli ropani, rasuše i požgaše, da ne mogu ljudi... u svoje vratiti se». Здесь он побежденных называет христианами, а победителей (готов!) Аноним называет «ropani»¹⁶.

К. Шегвич пришел к выводу, что «*Libellus Gothorum* содержит известие, что хорваты суть этнические готы, пришедшие под предводительством Тотилы и его братьев...»¹⁷ Как отметил Л. Хауптманн, «*Gothi et nichilominus Sclavi* Фомы Архидиакона полностью соответствуют *Gothi qui et Sclavi* Дуклянина»¹⁸.

И из Хроники Фомы Сплитского, и из латинского текста попа Дуклянина следует, что для этих авторов имена *Gothi* и *Sclavi* могли быть тождественными понятиями¹⁹. Это не может быть случайным. Сходство между Дуклянином и Фомой Архидиаконом очень велико, и это может указывать на то, что оба автора использовали одни и те же более ранние источники. Сочинения данных авторов различаются только описанием некоторых деталей, что лишь придает им большую достоверность. И *Historia Salonitana*, и *Libellus Gothorum* начинают хорватскую историю на Балканах с готов. Но следует заметить, что отождествление *готов* и *склавинов* не является в этих источниках абсолютно повсеместным. Так, Фома Архидиакон несколько раз упоминает «воевод *готов* и *склавов*»²⁰.

2

В эпоху Великого переселения народов в центральную часть Балкан с севера от Дуная перемещались различные группы населения. Этот процесс особенно интенсифицировался с середины VI века. Письменные и археологические источники свидетельствуют о переселении готов на земли римской Далмации, их власти над этой территорией и дальнейшем их проживании на отдельных землях данного региона. В научной литературе подчеркивается, что готы, как и разные германские и иные этнические элементы, которые вместе с ними или без них занимали части территории римской Далмации, не изменили ее прежний основной этнический состав²¹. Переселяясь на новые земли, они не уничтожали старожильческое население²².

Захоронения остготов и автохтонов в одних и тех же местах, наблюдаемые в течение VI столетия, свидетельствуют о сравнительно мирном сосуществовании готов с автохтонами²³. Известно, что готы в Далмации и Либурнии после падения готской

¹⁶ Pešut D. Goti koji su i Slaveni (Gothi qui et Slavi) // Migracijske teme. Zagreb, 1997. God. XIII. Br. 4. S. 310.

¹⁷ Šegvić K. Toma Splićanin. S. 158.

¹⁸ Hauptmann Lj. Podrijetlo hrvatskoga plemstva // Rad HAZU. 1942. Knj. 273. S. 92.

¹⁹ Ср.: Kürbis B. Epitafium Boleslawa Chrobrego: Analiza literacka i historyczna // Roczniki historyczne. R. 55–56. Warszawa; Poznań, 1990. S. 119–120. (В этой важной работе детально исследуется надгробная надпись Болеслава Храброго, в которой говорится, среди прочего, следующее: *Tu possedisti, velut athleta Christi, Regnum Slavorum, Gothorum seu Polonorum.*)

²⁰ Toma Arhidakon. Kronika. S. 39, 42.

²¹ Ср.: Uglešić A. Nazočnost istočnih Gota u jugoistočnoj Europi u svjetlu arheološke i povijesne izvorne građe. Disertacija. Filozofski fakultet u Zadru. Zadar, 1996. S. 122; Posavec V. Prilog poznavanju ostrogotskog razdoblja u Dalmaciji // HZ. 1996. God. XLIX. S. 4; Vinski Z. Betrachtungen zur Kontinuitätsfrage des autochtonen romanisierten Ethnikons im 6. und 7. Jahrhundert // Problemi della civiltà, e dell' economia Longobarda. Milano, 1964. S. 101–116.

²² См.: Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999. С. 196.

²³ См.: Vinski Z. Kasnoantička baština u grobovima ranog srednjeg vijeka kao činjenica i kao problem // VI Kongres arheologa Jugoslavije (Ljubljana, 1963). Beograd, 1964. S. 106–111.

власти в VI в., не ушли из этих пределов, так как их привлек на свою сторону византийский полководец Константиан (по свидетельству Прокопия Кесарийского)²⁴.

Прокопий пишет, что Константиан, когда подчинил Далмацию и Либурнию, «привлек к себе всех готов, которые обитали» в этих областях²⁵. В историографии не вызывает споров утверждение, что определенная часть готов навсегда осталась в Далмации и что она смешалась с автохтонами²⁶. По мнению Я. Келемины, не исключено, что

...Византия позволила, когда обстоятельства это допустили, готским остаткам в Далмации, Либурнии и Боснии и т. д. иметь локальную автономию под руководством местных вождей. С тех пор готам принадлежала роль граничаров, как и герулам в северной Сербии²⁷.

Эту же концепцию разделяет и Ю. Медини:

Между тем, принимая в расчет главные цели Византии в то время (обеспечение безопасности и занятие Салоны), качество византийских сил под Константианом — недостаточных, учитывая большую территорию Далмации и Либурнии, — и существование готских поселений в Далмации и Либурнии, из которых некоторые и археологически зафиксированы, можно предположить, что византийская власть в значительной части Далмации, а особенно в Либурнии, была лишь номинальной; готы, которые проживали в этих областях, остались и в дальнейшем в своих поселениях, признав власть Византии, так как к этому их, по всей вероятности, вынудили какие-то внешние обстоятельства, а не их желание²⁸.

То, что готы остались и ассимилировались с автохтонами, подтверждается также информацией, которую приводит Жермен Морин в одном своем тексте 1932 года. По его указанию, в VI–VII вв. в некоторых «иллирийских» церковных общинах отмечался день трех готских мучеников, чьи имена были *Hildaevor*, *Vihil* или *Juhil* и *Theogenes*²⁹.

В византийских источниках специально упоминаются вторжения групп, именованных *Σκλαβηνοί*, в Иллирик, т. е. в Далмацию, иногда с указанием их численности от 3000 или 6000 человек. Также используются выражения «великая масса, как никогда прежде» или «великое множество»³⁰. Уже само повторение в источниках рассказа о том, как *Σκλαβηνοί* раз за разом вторгались на чужие земли, грабили, убивали и уводили людей в рабство, указывает на то, что повсюду, где это происходило, жизнь продолжалась после каждого такого вторжения и опустошения. Иначе было бы нечего грабить и некого уводить в рабство при новом вторжении. Несомненно, что первоначальное население никогда не истреблялось полностью.

Источники очень редко упоминают вторжения склавинов в Далмацию. Между тем можно предположить, что переселение склавинов в Либурнию и ее внутреннюю часть происходило в середине VI в. и было связано с готами, как о том сообщает Прокопий.

²⁴ То, что число готских находок на территории Далмации относительно незначительно, во многом объясняется тем, что они почти нераспознаваемы. Особую проблему представляет и неисследованная арианская культовая архитектура. См.: *Belošević J. Materijalna kultura Hrvata na jadranskoj obali od doseganja do IX. stoljeća // Materijali XII: Deveti kongres arheologa Jugoslavije. Zadar, 1972. S. 297–317.*

²⁵ См.: *Bartolini E. I barbari: Testi dei secoli IV–XI scelti, tradotti e commentati. Milano, 1982. S. 654.*

²⁶ *Abramić M. Gli Ostrogoti nell'antica Dalmazia // I Goti in Occidente. Spoleto, 1956. S. 37–41.*

²⁷ *Kelemina J. Goti na Balkanu // Časopis za zgodovino in narodopisje. Maribor, 1932. God. XXVII. S. 132.*

²⁸ *Medini J. Provincia Liburnia // Diadora. Zadar, 1980. Sv. 9. S. 406–407.*

²⁹ Цит. по: *Kelemina J. Popa Dukljanina «Libellus Gothorum» (I–VII): Studija o starogermanskih spominih v naši zemlji // Etnolog. Ljubljana, 1939. Let. 12. S. 19.*

³⁰ ВИИНЈ. Т. I. С. 40–41, 45.

Вследствие этого часть либурнов переселилась из Либурнии на север, куда принесла и либурнийское имя³¹, которое не обязательно обозначало этническую общность.

Отдельные миграции на Балканы, начавшиеся приблизительно с середины VI в. с территории, расположенной к северу от Дуная, засвидетельствованы не только византийскими письменными источниками. Прибытие нового населения, в том числе в центральную часть современной хорватской территории, подтверждается антропологическими и краниометрическими исследованиями. М. Шлаус опубликовал результаты двух мультивариабельных статистических анализов — анализа основных компонентов и анализа различающих функций — которые были проведены на основе краниометрических данных из 39 средневековых комплексов, в их число входят и восемь из Хорватии и Боснии и Герцеговины. Он установил, что далматинско-хорватские комплексы Нин, Данило, Брибир и Мравинце «...биологически ближе всего к польским популяциям»³².

Лингвистические исследования Б. Братанича доказывают, что в центральной части Балкан в середине I тысячелетия н. э. поселились мигранты, которые принесли с собой особое наименование плуга, и что они были выходцами из польских и чешских земель³³. Проведенные С. Трояновичем исследования использования слов *vatra* и *oganj* (огонь) также подтверждают факт миграций в Далмацию с севера. Ученый детально обосновал, что хорватам и словенцам (чакавцам и кайкавцам) было известно только слово *oganj*, в то время как остальные славяне использовали слово *vatra*³⁴. С. Троянович и Б. Братанич пришли к осторожному выводу, что было две волны миграций славян на Балканы. Данные авторы не могли и представить, что большая часть населения на Балканах могла быть по своему происхождению и автохтонной. Об этом свидетельствует и тот факт, что, как замечают Ш. Батович и О. Оштрич, «рало, или древнейший и простейший плуг, иллирийцы узнали в течение железного века и передали его хорватам после переселения, так что оно сохранилось в неизменном облике до сего дня»³⁵.

М. Алинеи, автор монументального труда *Origini delle lingue d'Europa*, делал вывод о необоснованности «традиционной теории», согласно которой славяне переселились на Балканы только в VII веке³⁶. Лингвист Й. Вукович обратил внимание на результаты исследований словенского языковеда Ф. Безлая, утверждающего, что одна из волн

³¹ См.: *Antoljak S.* Hrvati u Karantaniji: (Prilog seobi Hrvata iz Dalmacije u prekosavske krajeve i u 7. stoljeću) // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Скопје, 1956. Separat. S. 28–29.

³² *Šlaus M.* Kраниometrijska analiza srednjovjekovnih populacija središnje Europe s posebnim osvrtom na položaj hrvatskih nalazišta // SHP. Split, 1998. Ser. III. Sv. 25. S. 81, 101–105. — Ср. также: *Šlaus M.* Kраниometrijska analiza srednjovjekovnih nalazišta središnje Europe: novi dokazi o ekspanziji hrvatskih populacija tijekom 10. do 13. stoljeća // Opuscula archaeologica. Zagreb, 1999/2000. Sv. 23–24. S. 274.

³³ *Bratanić B.* Uz problem doseljenja južnih Slavena // Zbornik Radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu. Zagreb, 1991. S. 221–250.

³⁴ *Trojanović C.* Ватра у обичајима и животу српског народа. Београд, 1930. С. 318–320. — П. Скок также подчеркивает, что слово *vatra* было первоначально распространено на востоке, а на «западе только *oganj*» (*Skok P.* Etimologijski rječnik. Zagreb, 1973. Knj. III. S. 569). Слово *oganj* было распространено в Истрии, Далмации, Черногории и Космете (*Skok P.* Etimologijski rječnik. Knj. II. Zagreb, 1972. S. 546). Ср. также: *Mažuranić V.* Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. Zagreb, 1975. Sv. II. S. 1546.

³⁵ *Batović Š., Oštrić O.* Tragovi ilirske kulturne baštine u narodnoj kulturi našeg primorskog područja // Simpozij: Predslavenski etnički elementi na Balkanu u etnogenezi južnih Slavena: Posebna izdanja ANU BiH. Knj. XII: Centar za balkanološka ispitivanja. Knj. 4. Sarajevo, 1969. S. 269.

³⁶ *Alinei M.* L'etnogenesi ladina alla luce delle nuove teorie sulle origini die popoli indoeuropei // Rivista Italiana di Dialettologia: Lingue dialetti società, a. XXV (2001). Bologna. S. 57–58.

славянских переселенцев могла прийти еще во II в. до н. э.³⁷ О. Н. Трубачев отмечал, что в Паннонии, до переселения туда германских племен существовали праславянские гидронимы³⁸. В. Путанец доказывал на основе примеров из классической древности и данных филологии,

...что на одной территории Интерамния и чуть южнее поселяются уже в I в. праславянские племена <...> что доказывало бы то, что славяне, если они в I в. н. э. были в Интерамнии, присутствовали и на линии Лика—Дубровник³⁹.

В этом же русле лежат исследования черногорского лингвиста В. Никчевича, который утверждает, что

...присутствие предков сербов и предков хорватов на Балканах по времени было гораздо продолжительнее, нежели считалось до сих пор, что оно даже может достигать эпохи задолго до начала новой эры...⁴⁰

Под влиянием обнаружения остатков культуры балканских автохтонов, а также в результате антропологических и генетических открытий, несмотря на сопротивление со стороны части лингвистов, все чаще звучат утверждения, аналогичные следующему высказыванию Т. Живковича:

Вывод, сделанный нами на основе исторического, археологического и лингвистического материала, то есть помимо антропологических показателей, состоит в том, что автохтоны оставались на пространстве центральной части Балкан в значительно большем количестве, чем предполагалось ранее⁴¹.

3. Винский на основе различных примеров континуитета сделал вывод:

Отчетливая традиция античного наследия манифестируется в виде культурного континуитета, а он едва объясним без определенного археологически возможного, хотя исторически неустановленного, этнического континуитета⁴².

Приведенные примеры и высказывания ученых открывают возможность и для более радикальных выводов, нежели те, которые до сих пор преобладают в историографии. А именно: нельзя представить, что когда-либо могло произойти переселение этнической массы, которая бы была настолько многочисленной, что заняла почти весь Балканский полуостров и говорила на этом пространстве на одном и том же языке. Такую гипотетическую миграцию не подтверждают ни письменные источники, ни археологические материалы⁴³. Невозможно представить, что в V, VI и VII веках, да и когда-либо ранее, внезапно появился неизвестный прежде народ *склавинов*, который был столь многочисленным, что, помимо прочего, занял целиком Балканы. Переселение не одной

³⁷ Simpozij: Predslavenski etnički elementi na Balkanu u etnogenezi južnih Slavena: Posebna izdanja ANU BiH. Knj. XII: Centar za balkanološka ispitivanja. Knj. 4. S. 289.

³⁸ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 229, 230, 241–242. — Ср. также: Поповић И. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1985. С. 13–14, 164.

³⁹ Putanec V. Ubikacija klasičnih toponima Sisopa i Soroga u Zagreb i pitanje prisutnosti Slavena na Balkanu u 1. st. naše ere. Zagreb, 1992. S. 14.

⁴⁰ Nikčević V. Kroatističke studije. Zagreb, 2002. S. 37–39.

⁴¹ Живковић Т. Словени и Ромеји. Београд, 2000. С. 174.

⁴² Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb, 1971. Ser. 3. Sv. V. S. 67.

⁴³ См.: Zelić-Bučan B. Takozvana prva seoba u Dalmaciju — činjenica ili pretpostavka? // Marulić. Zagreb, 1983. God. XVI. Br. 6. S. 613–621.

сотни тысяч жителей с перевозкой продовольствия на расстояния свыше тысячи километров, с многочисленными природными препятствиями, поселение в новых местах обитания, значительно отличавшихся от прежних, было просто физически невозможно.

Из многочисленных остатков доисторической культуры автохтонов⁴⁴ особо следует выделить сохранение нанесения татуировки⁴⁵, празднования дня святого покровителя (*krsna slava*)⁴⁶ и народного музыкального стиля («ойкание»), восходящих к иллирийской эпохе⁴⁷. Этот континуитет культуры автохтонов является важным фактом, так как подтверждает решающее преобладание автохтонного элемента и в этническом смысле.

То, что в течение античного и раннесредневекового периода в действительности не имела места какая-то «великая миграция народа» с севера на балканско-адриатический юг, неопровержимо и окончательно доказали результаты антропологических и генетических исследований. Антрополог Ж. Микич показал, что автохтоны на балканской территории были настолько многочисленны в сравнении с пришельцами, что и после переселений с севера здесь преобладал автохтонный брахикранный тип. Если бы переселенцы этнически преобладали над автохтонами, которых они здесь застигли, то процесс брахикранизации существенно бы замедлился⁴⁸.

Существующие результаты генетических исследований согласуются с антропологическими. Считается, что предки носителей (у европейского населения весьма распространенной) «атлантической» или «западноевропейской» гаплогруппы **R1b** существовали в Европе (и на Балканах) около 13 000 лет назад. У хорватов имеется около 16 % этой гаплогруппы. Носители «динарской» гаплогруппы **I1b*** прибыли с Ближнего Востока (через Малую Азию) и на территорию современной Хорватии, т. е. на территорию Балкан, согласно некоторым оценкам, около 22 000 лет назад. У хорватов, согласно результатам исследований по отдельным регионам, имеется около 33 % носителей этой гаплогруппы. Она присутствует также в Боснии, Сербии и Болгарии.

⁴⁴ Ср.: *Garašanin M., Kovačević J.* Pregled materijalne kulture Južnih Slovena u ranom srednjem veku. Beograd, 1950. S. 138–176, 186–195; *Petrović P., Prošić-Dvornić M.* Narodna umjetnost. Beograd; Zagreb; Mostar, 1983. S. 33; *Vukanović T. P.* Etnogeneza južnih Slovena. Vranje, 1974.

⁴⁵ См.: *Petrić M.* O pitanju porijekla običaja tatuiranja kod balkanskih naroda // Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu. Beograd, 1967. Vol. 39–40. S. 219; *Truhelka C.* Tetoviranje katolika u Bosni i Hercegovini // GZM BiH. 1894. T. VI. № 2. S. 256.

⁴⁶ Об именах, получаемых при крещении, см.: *Kuzmić M.* Krsno ime // Nastavni vjesnik. Knj. XXXV. Zagreb, 1928. S. 202–204, 334–345. — Ч. Трухелка предположил, что *krsna slava* связан своим происхождением с культом духов-хранителей Ларов, которые, как и Гении, всегда были мужского рода (*Truhelka Ć.* Studije o podrijetlu. Zagreb, 1941. S. 80–81).

⁴⁷ См.: *Rihtman C.* 1) O ilirskom porijeklu polifonih oblika narodne muzike Bosne i Hercegovine // Rad Kongresa folklorista Jugoslavije na Bjelašnici 1955. i u Puli 1952. Zagreb, 1958. S. 99–100; 2) Die Hauptmerkmale der konstatierten Schichten in der traditionellen Musik und in den Musikinstrumenten Bosniens und Herzegowina // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine. Knj. XXVI: Odjeljenje istorijsko-filoloških nauka. Knj. 9. Sarajevo, 1965. S. 224. — Ср.: *Gavazzi M.* Kulturna analiza etnografije Hrvata // Narodna starina. Knj. VII. Zagreb, 1928. S. 119.

⁴⁸ *Mikić Ž. M.* Die Ethnogenese der Illyrer in Jugoslawien aus der Sicht der Anthropologie // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte / Hrsg. von W. Bernhard und A. Kandler-Palson. Stuttgart; New York, 1986. S. 88. — Ср. также: *Mikić Ž.* 1) Antropološka struktura stanovništva Srbije. Beograd, 1988. S. 120, 127–129; 2) O fizičkoj antropologiji u Srbiji i rezultatima istraživanja // Glasnik Srpskog arheološkog društva. Beograd, 1995. Br. 10. S. 45–51. — К сожалению, систематические антропологические исследования, начатые Ж. Микичем в 1978 г., ни один из историков, писавших о переселении и этногенезе хорватов, за последние четыре десятилетия не упомянул ни одной фразой. Это, конечно, в значительной степени снижает ценность выводов, представленных в таких работах.

На основе последнего обстоятельства в литературе присутствует вывод о том, что «Хорватия по профилю генетических маркеров сходна с остальными Балканами» (О. Семино).

Носители «славянской» гаплогруппы **R1a**, которая принадлежала разным популяциям, названным «славянами», переселялись на Балканы, главным образом, начиная с античной эпохи, из евразийских степей. Число носителей этой гаплогруппы у хорватов колеблется по разным регионам до 34 %, что означает, что у хорватов (как народа в целом!) этой пришлой гаплогруппы по отношению к остальным гаплогруппам в Хорватии имеется не более одной трети.

Несмотря на столетиями происходившие на балканских территориях этнические переселения, в соответствии с современной распространенностью гаплогрупп представляется возможным делать вывод о том, какие части римской Далмации преимущественно населили *Sklavini—Σκλαβηνοί*. Кажется, что переселенческая («славянская») гаплогруппа **R1a** относительно сильно представлена на прежней территории Либурнии (остров Крк), в то время как во внутренних областях (особенно у боснийских хорватов-католиков) и на изолированных адриатических островах (Брач, Хвар, Корчула) значительно преобладает автохтонная «динарская» гаплогруппа **I1b**⁴⁹. У хорватов мы имеем 6 % носителей «неолитической» гаплогруппы **E3b1**, а также 2 % носителей гаплогруппы **J2e1**, названной «неолитическая 2». Число носителей гаплогруппы **K (M9)** в Хорватии устанавливается между 1 и 2 %, и считается, что она принесена из центральной части Юго-Восточной Азии в позднеантичную эпоху. И. Мартинович-Кларич из Антропологического института в Загребе о результатах проведенных к настоящему времени антропогенетических исследований сообщает:

В нашем исследовании мутаций на Y-хромосоме на территории Юго-Восточной Европы (Марияна Перичич и сотрудники МВЕ, 2005) мы охватили семь разных популяций, хорватов, сербов, бошняков, герцеговинцев, македонцев, албанцев из Косова и цыган из Македонии. Обнаружилось, что большинство мужчин в этой части Европы носят мутации, характеризующие обычные европейские гаплогруппы **I1b***, **R1a**, **R1b**, **E3b1** и **J2e** <...> Наибольшая описанная на сегодняшний день частота гаплогрупп **I1b*** в Европе зафиксирована в Юго-Восточной Европе (в Герцеговине, Боснии, Хорватии, Сербии и Македонии), а наибольшая вариабельность в Центральной (Венгрии и Чехии) и Юго-Восточной Европе. Мы предполагаем, что гаплогруппа **I1b*** стала распространяться из Юго-Восточной Европы по направлению к Южной и особенно Восточной Европе, но широкий интервал, охватываемый временем коалесценции гаплогруппы **I1b*** (11 100 ± 4 800 лет назад), не дает возможности для точного хронологического определения указанного процесса. В том случае, если бы мы желали максимально упростить генетические результаты, утверждая, что гаплогруппа **I1b*** возникла в наших краях, интересно отметить, что она не распространялась на запад Европы (впечатляет, что

⁴⁹ «Согласно имеющимся неопубликованным данным, этого гаплотипа (**Eu 19 (M17)**, т. е. гаплогруппы **I1b***. — И. М.) очень мало в Западной Герцеговине и Далмации между Неретвой и Кркой. Вопреки этому, доля этого гаплотипа достаточно высока в Кордуне, Лике, Кварнере и в Далмации западнее Крки, на территории, принадлежавшей либуриям» (*Jurić I. Genetičko podrijetlo šokačkih rodova na području Vinkovaca* (в печати)). Из совокупных результатов, полученных к настоящему времени, относительно переселений популяций с севера можно сделать вывод, что у современных хорватов преобладают гены разных доисторических автохтонов. В этом смысле И. Юрич заключает, что «генетические знания определенно поддерживают теорию об автохтонности большей части хорватского народа на территории Хорватии» (*Jurić I. Genetičko podrijetlo Hrvata*. II. izdanje. Split, 2005. S. 203, 208).

частота **Иb*** в Италии только около 1%), но больше на восток континента (то есть на территории, которые сейчас населяют славяне). Значит, если и считать эту гаплогруппу автохтонной, это опять означает связь с популяциями, которые сегодня говорят на славянских языках. В этом контексте интересна и гаплогруппа **R1a**, чье время коалесценции в Юго-Восточной Европе оценивается в $15\ 800 \pm 2100$ лет. Невозможно определить, было ли такое время коалесценции обусловлено длительным присутствием гаплогруппы в регионе или смешением различных славянских племен до великих переселений. Иначе говоря, в условиях сегодняшней молекулярной резолуции Y-хромосом, мы не можем оценить, каково было влияние различных миграционных волн в процессе распространения гаплогруппы **R1a**. Гаплогруппа **R1a** могла, например, распространиться по юго-востоку Европы за время ее постледникового распространения из направления Украины, затем в ходе больших миграций между III и I тыс. до Р.Х., и, наконец, во время переселений славян между V и VII вв. Гаплогруппа **E3b1** показывает высокое генетическое разнообразие на небольшом географическом пространстве. В Юго-Восточной Европе мы различаем две группы популяций: популяции адриатическо-динарского комплекса, которые имеют низкую частоту гаплогруппы **E3b1**, и популяции, связанные с системой рек Вардар — Морава — Дунай и показывающие высокую частоту **E3b1**. Большая представленность этой гаплогруппы в популяциях из Сербии, Македонии и Косова может быть связана с путями распространения земледельческого населения вдоль бассейнов больших рек <...> Самый значительный вклад этой части Европы в процессе заселения всего континента и процессе создания современного европейского генофонда — это распространение гаплогруппы **Иb*** в направлении Южной и особенно Центральной и Восточной Европы. Иными словами, Юго-Восточная Европа была ареной значительных доисторических эпизодов потока генов, связывающих и характеризующих современное славянское население Европы, чьи самые значительные компоненты общего генофонда составляют гаплогруппы **R1a** и **Иb***. Интересно отметить, что в то время как у восточных славян в значительной мере присутствует гаплогруппа **N**, у западных и южных славян она отсутствует <...> Мне кажется, что приходит время переопределения понятий «автохтонного» и «славянского» в этногенезе хорватов (как и соседних народов). Уже и с точки зрения генетики мы осознаем, насколько сложным и многослойным является «славянский компонент» современных мужчин Юго-Восточной Европы. Очень легко могу представить, что ратники «гото-склавины» принесли со своими мужскими хромосомами уже и прежде присутствовавшие гаплогруппы **Иb*** и **R1a** (так как обе гаплогруппы, учитывая время коалесценции, мы считаем очень древними, т. е. очень вариабельными; одно из возможных объяснений такого положения — многосторонний поток генов)⁵⁰.

Если судить *только* по генетической структуре, то хорваты не являются «славянским» народом. Однако первоначальное хорватское ядро на Балканах находилось в бывшей Либурии, которая, как можно заключить на основании сделанных до сих пор находок, была в наибольшей степени населена переселенцами с севера — *склавины*. Учитывая то, что название *склавины* содержало и полиэтническое значение, мы не знаем, к какой именно популяции принадлежали эти переселенцы, прибывшие на территорию Либурии из украинских и польских земель⁵¹.

Автохтоны на балканских территориях не были истреблены. Паннония уже за время вторжений германских народов определенно претерпела наибольшие потери в населе-

⁵⁰ Выдержки из письма, которое И. Мартинович-Кларич отправила автору из Загреба 15 сентября 2007 года // Личный архив автора.

⁵¹ Для решения этой проблемы важно и установление процента «славянской» гаплогруппы **R1a** в современных Украине и Польше.

нии⁵², но тезис о ее запустении опровергается результатами археологических раскопок⁵³. Археолог Дж. Баслер заключил, что после вторжения славян и аваров в стране осталось самое меньшее 85 % древнего населения, а славянский компонент не превышал 10–12 %⁵⁴. К. Шегвич, интерпретируя Фому Архидиакона, так писал о сущности хорватского этногенеза:

Народы, которые нахлынули на Римскую империю, не пришли в общей массе, не селились, оставляя прежние жилища и земли, чтобы искать новых земель для обработки. Они приходили сюда, чтобы покорить народ, который будет для них работать. Речь шла не о завоевании земли, а о завоевании народа вместе с землей, на которой он проживал... Это настоящее национальное заблуждение, когда твердят и верят в то, что хорваты и сербы ославянили Балканы, что навязали свой славянский язык и славянское имя <...> Хорваты и сербы навязали свое имя тем, кого они подчинили, посредством того, что их именем прозвалось государство, которое они основали... Этим семь или восемь жуп или триб могли насчитывать самое большее семь или восемь тысяч человек. Они могли своими воинскими доблестями покорить страну, но невозможно предположить, чтобы они были способны ассимилировать многочисленные гетерогенные народы... До сих пор всегда большинство абсорбировало меньшинство⁵⁵.

Антропологические исследования костных останков в средневековых погребениях древнего Хорватского государства и Боснии убедительно доказывают справедливость выводов Дж. Баслера и К. Шегвича. Учитывая, что антропологические исследования ведутся на костных останках эпохи Средневековья, а антропогенетические — среди ныне живущего населения, результаты одних и других не могут полностью совпадать⁵⁶. Однако все мультидисциплинарные исследования неопровержимо доказывают, что на подунайском и балканском пространстве проживало с доисторических времен до Средневековья в преобладающем количестве в основном одно и то же население под разными именами, которые позднее были заменены общим «славянским именем»⁵⁷.

3

То, что склавини или готы, которых источники отождествляют с хорватами, были малочисленны по отношению к автохтонам, подтверждает и небольшая территория, которую они занимали. Согласно Дуклянину и Фоме Архидиакону, ядро под хорватским именем существовало на древней территории яподов в середине VI в., а согласно

⁵² Ср.: *Vinski Z.* Autohtoni kulturni elementi u doba doseljenja Slavena na Balkan // Simpozij: Predslavenski etnički elementi na Balkanu u etnogenezi južnih Slavena: Posebna izdanja ANU BiH. Knj. XII: Centar za balkanološka ispitivanja. Knj. 4. S. 195.

⁵³ См.: *Давидовић-Живановић С.* Mementa arhaeologica et eruditiva. С. 32, 74–76, 78–79.

⁵⁴ Цитата из письма археолога Джуро Баслера, которое было отправлено автору из Сараева 24 апреля 1989 года.

⁵⁵ *Šegvić K.* Oko rođenja Hrvatske: Po Tomi Splitsčaninu i narodnoj pjesmi // Hrvatsko kolo. God. 1927–1928. Zagreb, 1928. S. 224–226.

⁵⁶ Это совершенно понятно, если принять во внимание, что некоторыми из названных территорий долгое время правили турки, которые привозили с собой и расселяли население самого разного этнического происхождения. Люди, принадлежавшие к этим этносам, в течение столетий бежали из-под турецкой власти под венецианскую и тогда чаще всего принимали католическую веру, чтобы уже в эпоху формирования современных наций самоопределились в качестве хорватов.

⁵⁷ *Trifunović S.* Sloveni žive u Panoniji još od antičkog doba: Predavanje u okviru teme «Slovenski predak», održano u mjestu Bačka Topola, 26. siječnja 1996 // www.rastko.org.yu/arheologija (Последнее посещение 08 августа 2007 г.).

Константину Багрянородному — в середине VII века. В литературе ведется дискуссия вокруг проживания хорватов на территориях к северу от Дуная. Между тем, если когда-либо с севера в Яподию и переселилась часть людей под хорватским именем, речь могла идти только о нескольких малочисленных воинских дружинах, о чем свидетельствует и небольшое пространство, которым они первоначально завладели. В историографии, наряду с признанием возможности того, что хорватское имя было принесено с севера на Балканы, высказывалось мнение и о том, что этот этноним возник на Балканах⁵⁸. Однако преобладающей в литературе является иная интерпретация имеющихся источников о миграции на яподскую территорию⁵⁹, согласно которой переселенцы пришли под хорватским именем.

Важно, что все три названных источника в полном согласии между собой помещают это поселение в некогда яподскую часть современной Хорватии. Описание территории, которой правит хорватский бан, в сочинении DAI полностью согласуется с тем описанием территории хорватов, какое дают Хорватская хроника и *Historia salnitana*. Описание в 30-й главе DAI гласит:

Страна их поделена на 11 жупаний: Хлиеванскую (Ливно в Боснии. — *И. М.*), Цетинскую, Имотскую, Пливаньскую, Песентскую, Приморскую, Брибирскую, Нонскую, Книнскую, Сидражскую, Нинскую, а Бан их правит Крбавой, Ликой и Гацкой <...> От реки Цетина начинается Хорватия. Она простирается вдоль моря до пределов Истрии, а точнее — до крепости Лабин, а со стороны гор тянется где-то над фемой Истрия. Граничит она у Цетины и Хлеваны со страной Сербией. Страна Сербия [как бы] прикрывает с материка все остальные страны [из названных], на севере она граничит с Хорватией, а на юге — Бугарией. С того времени, как названные славяне поселились [здесь], овладев всем пространством Далмации, [обитатели] ромейских крепостей живут возделыванием земли на островах⁶⁰.

В этом описании специально выделены Лика, Крбава и Гацка как единое пространство, которым правит хорватский бан и которое можно считать ядром Хорватского государства на Балканах⁶¹.

⁵⁸ Так, Нада Клаич, поддерживая теорию Г. Кунстманна о миграциях с юга на север, полагала, что хорваты — автохтоны на Балканах и что они отсюда переселялись на север. «...Следовало бы установить время, когда отдельные группы хорватов расселились по Центральной Европе. Возможно, оправдано помышлять на период второй половины VI в., когда, как кажется, значительная группа хорватов и сербов — может быть, отступая перед наступлением аваров, оставила свои старые балканские места пребывания... Но не исключено, что все эти переселенческие группы пробивались к Центральной Европе вместе с аварами, а не отступая перед ними!» (*Klaić N. Poganika stara ili vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // Croatica Christiana Periodica. Zagreb, 1988. God. XII. Br. 21. S. 61–62*). На то, что хорваты переселялись с балканской прародины на север, намекает сообщение чешской «Хроники т.н. Далимила» (между 1282 и 1314 г.) о переселении легендарного прародителя Чеха со своими шестью братьями и их многочисленной челядью в Чехию из Хорватии. См.: *Nejstarší česká gumovana Kronika tak řečeného Dalimila / K vyd. přípr. B. Havránek, I. Daňhelka. Praha, 1958. S. 20*.

⁵⁹ Центральная территория яподов, «где разворачивались древнейшие процессы формирования яподского народа», охватывала всю горную Хорватию, т. е. Лику, Огулинско-Плашчанскую котловину и Горски Котар, а также прибрежную территорию от Риеки до Ябланица или Карлобага (*Olujić B. Povijest Japoda. Pristup. Zagreb, 2007. S. 135*).

⁶⁰ *Tomašić N. Život i djela cara Konstantina VII // Vjesnik Kraljevskog hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog zemaljskog arkiva. Zagreb, 1918. Sv. XX. Br. 1–2. S. 63–83*. [В русском переводе статьи текст источника начиная со слов «от реки Цетина» приводится по изданию: *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 133–135. — Грецизированные формы названий Цетины (Зендина, Цендина) и Лабина (Алвона) заменены на современные хорватские. — *Примеч. переводчика*].

⁶¹ *Klaić N. Vinodol od antičkih vremena do knezova krčkih i Vinodolskog zakona. Pazin; Rijeka, 1988. S. 14, 19–20*.

«Банская Хорватия» Константина Багрянородного полностью соответствует территории, которую Хорватская хроника описывает также как особую бановину под названием «Белая Хорватия». *Libellus Gothorum* на этой территории локализует этнос, который именуется белыми хорватами. В 9-й главе (хорватской редакции) при описании того, как Будимир, разделив свое королевство на Приморье и Загорье, поделил Приморье на две части, говорится: «*Od Dalme do Valdemina prozva Hrvate Bile, što su Dalmatini Nižnji*»⁶². На основании этого описания Вьекослав Клаич делал вывод, что Белая Хорватия «...простиралась... от Дуваньского поля на север до Винодола»⁶³. Белые хорваты, как их называет хорватская редакция источника, первоначально занимали собственно континентальный пояс Нижней Далмации, следовательно, только одну из нескольких бановин, существовавших в составе общего гото-склавинского государства. Как верно заметил М. Кузмич, «Белая Хорватия у попа Дуклянина простирается до Цетины, так же, как и Хорватия у императора Константина»⁶⁴.

Указанная территория хорватов в том виде, в каком она изображается в *DAI* и в *Libellus Gothorum*, почти во всех своих деталях отвечает описанию территории, которую, согласно Фоме Архидиакону, заняли готы или *склавины*. «*Склавы или готы*», согласно Фоме Архидиакону, поселились в гористых пределах на севере Далмации, а это соответствовало бы, главным образом, прежней территории яповов, т. е. позднейшей территории Лики, Гацки и Крбавы (наряду с некоторыми другими областями)⁶⁵. Хорватия, в его представлении, — это гористая земля, которая простирается к северу от Далмации. Так, К. Шегвич подчеркивал, что Фома описывал свою «Хорватию» «...словно имел перед глазами Лику и Горски Котар далее до Савы»⁶⁶. В. Новак установил, что текст Фомы о переселении гласил:

Venerant de partibus Polonie, qui Lingones appellantur cum Totila septem uel octo tribus nobilium. Hi uidentes terram Chroatie aptam sibi fore ad habitandum, quia rari in ea coloni Snati (=Snaci) manebant, petierunt et optinuerunt eam a duce suo⁶⁷.

Из этого сообщения Фомы ясно видно, что склавы или готы переселились в страну Хорватию, в которой остались жить редкие обитатели (*coloni*), называвшиеся *Snati* (*Snaci*). Пришельцы этих автохтонов начали подчинять своей власти. В. Новак процитированный отрывок правильно интерпретировал следующим образом:

Итак, кто бы ни был редактором этого места, он хотел добавить имя этих колоннов, которых пришельцы обнаружили в Хорватии, а она, как явствует из всего контекста, есть, несомненно, далматинская Загора, ибо она определяется как *regio montuosa* и

⁶² Ljetopis Popa Dukljanina / Priredio, napisao uvod i komentar V. Mošin. Zagreb, 1950. S. 54.

⁶³ Klaić V. Crvena Hrvatska i Crvena Rusija // Hrvatsko kolo. Knj. VIII. Zagreb, 1927. S. 112.

⁶⁴ Kuzmić M. Povijesne crtice // Nastavni vjesnik. Knj. XXXVIII. Zagreb, 1930. S. 207.

⁶⁵ Согласно В. Новаку, в гористые края, где проживали автохтоны, включались «пространства от Гвозда на юг по направлению к далматинскому побережью в сторону Ливна и Неретвы» (*Novak V. Sitni prilozii* // JIČ. 1936. God. II. Br. 1–4. S. 121).

⁶⁶ Šegvić K. Hrvat, Got, Slav u djelu Tome Splićanina // Nastavni vjesnik. Knj. XL. Zagreb, 1931/32. S. 19. — Особенно важно сообщение Фомы о симбиозе пришельцев с автохтонами: когда смешались пришлые гото-склавины с автохтонами, возник один народ с одним языком. Это означает, что Фома считал, что пришельцы и автохтоны говорили на двух разных языках. Ср.: Šegvić K. Die gotische Abstammung der Kroaten // Nordische Welt. Berlin, 1935. Nr. 9–12. S. 34.

⁶⁷ Novak V. De iis qui Snaci nominantur // JIČ. God. II. 1936. Br. 1–4. S. 119. — Ср.: Budimir M. Nota linguistica // JIČ. God. II. 1936. Br. 1–4. S. 127–134; Čremošnik G. O imenu «Snaci» // JIČ. 1939. God. V. Br. 1–2. S. 182–184; Budimir M. Snaci «Coloni regionis montuosae» // Ibid. S. 185–191.

говорится, что она с северной стороны *adheret Dalmatie*. Значит, эти колонны звались *Snaci*. Они, без сомнения, были автохтонами — *rari coloni*, будучи остатками многочисленного автохтонного сельского массива — скотоводов (или земледельцев?) — в горных областях будущей Хорватии Фомы Архидиакона... К этим землям, несомненно, относятся территории от Гвозда на юг по направлению к далматинскому побережью в сторону Ливна и Неретвы. Тут следует искать тех редких поселенцев, оставшихся снаков, которых обнаружили *septem uel octo tribus nobilium*⁶⁸.

В анонимной «Сплитской хронике» хорваты из Средней Далмации (специально упоминается наряду со Сплитом и Крбава) называют себя и своих земляков «белыми хорватами»⁶⁹.

* * *

Большинство автохтонов на территории современной Хорватии продолжали жить под своими старыми именами и после окончания античной эпохи, в те века, в которые на их территорию будто бы переселились массы *склавинов*. То, что, например, в середине VII в. существовали *Dalmatini*, подтверждает и запись в *Liber Pontificalis*, в которой сообщается, что папа Иоанн IV (640–642) *natione Dalmata*⁷⁰. Важно и сообщение в 30-й главе DAI, согласно которому жители Салоны называются *Δελατινοί*, а не *Ρομαίνοι*⁷¹. Обозначение *Δελατινοί* из DAI может являться также античным термином для обозначения населения большей части римской Далмации. Из имеющихся источников можно с определенностью заключить, что даже в конце VIII в. существовали отдельные политические единицы Либурния и Далмация и что Далмацией являлась территория между Цетиной и Кркой со своим далматским хинтерландом. *Poeta Saxo* (в описании, датированном 803 г.) отделяет Либурнию от Далмации⁷². Название *Dalmati(ni)* в IX в. обозначало крупнейшую часть населения на территории, которую можно обозначить как Далмация в узком смысле. Эта часть населения не была пришлой и, следовательно, являлась «неславянской» популяцией. Из исторического ядра Жития св. Урса следует, что во времена Карла Великого в конце VIII в. на территории далматов существовало полностью самостоятельное, стало быть, и по отношению к Византии независимое государство с населением, которое именовалось *Dalmati(ni)* и которым правил самостоятельный правитель (*rex*). В конце 805 г. мы обнаруживаем и «посланцев далматов» (*legati Dalmatarum*) у императора Карла в Диденхофене⁷³, что также служит доказательством их самостоятельности.

Первоначальная территория хорватов, согласно Фоме Архидиакону и *Libellus Gothorum*, и в течение VIII столетия, и позже была частью Либурнии, которую франки заняли, вероятнее всего, в конце VIII века. Отсюда, из Либурнии, точнее, из ее внутренней части, эти ранее пришедшие *Sklavi(ni)* могли уже с середины VI в. периодически вторгаться на территорию далматов. Однако реально завладеть частью далматской территории они могли только в конце VIII в., а вероятнее всего — в начале IX в., с помощью франков. *Склавины-хорваты* из Либурнии переселялись на территорию дал-

⁶⁸ Novak V. De iis qui Snaci nominantur. S. 119–121.

⁶⁹ См.: Guberina I. Kako je Zvonimirova kruna prešla na glavu madjarskog kralja. Zagreb, 1942. S. 50–51.

⁷⁰ Documenta. P. 277.

⁷¹ ВИНН. Т. II. S. 29.

⁷² Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. II. (L. 801.–1000). Ljubljana, 1906. S. 18.

⁷³ Documenta. P. 310.

матов в эпоху франкской экспансии на восточное побережье Адриатики. Споры о границах, упоминаемые франкскими источниками в первые десятилетия IX в., могли иметь место только между пришельцами, называвшимися *Sklavi(ni)*, с одной стороны, и далматами/далматинцами и романцами — с другой, так как романцы (*Latini*), проживавшие в городах, и далматы за пределами городов все свои возможные споры по границам должны были решить еще задолго до этого. Источник *Vita Hludowici* под 817 г. свидетельствует об определении границ между далматинцами, романцами и склавинами (*de finibus Dalmatorum, Romanorum et Sclavorum*)⁷⁴. Это означает, что в то время на часть территории далматов переселились *склавины*, чье имя, судя по каменным надписям, было на этой территории синонимом имени хорватов. Эти хорваты из Либурнии могли только в качестве франкских союзников, следовательно только в первые десятилетия IX в., завладеть землей далматов, особенно территорией между реками Зрманя и Цетина. Предположение некоторых авторов о переселении хорватов на Балканы из земель, расположенных к северу от Дуная, только в конце VIII или в начале IX в.⁷⁵ не подтверждается ни письменными источниками, ни данными археологии. В старохорватских погребениях на Адриатическом побережье и в ближайших районах хинтерланда, действительно, представлены оружие и украшения каролингского времени, но эти находки могут подтверждать только то, что переселенцы пришли из Либурнии как франкские союзники. Из титулования Борны, точнее, из франкских источников, конкретизирующих существование территорий Либурнии и Далмации, мы можем с уверенностью заключить, что еще в первой половине IX в. в далматских населенных пунктах проживало население, которое и во франкских источниках именовалось *Romani*⁷⁶.

В период франкских завоеваний население в Далмации различалось по особым названиям (*Guduscani, Dalmati*). Так, в *Annales Fuldensis* под 823 г. говорится: «*Liudewitus... iterum in Dalmatas ad Liudemuhslum avunculum Bornae ducis pervenisset, dolo ipsius interfectus*

⁷⁴ Monumenta Germaniae historica / Ed. G. H. Pertz. T. II. Hannoverae, 1829. S. 621. — Г. Перц в сноске под текстом привел и выражение «*Dalmatarum*».

⁷⁵ Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 5–88.

⁷⁶ Константин Багрянородный различает на территории бывшей римской провинции Далмации жителей, которых он называет *Ῥωμαῖοι*, и тех, кого он называет *Ῥωμαῖνοι*. «Романцы, в его представлении, живут в феме Далмация, то есть в городах... они являются для него также дославянским (или доаварским) населением Хорватии, Сербии, Захумья, Неретвы и Дукли. Ромеями же он называет греков» (*Skok P. Kako bizantinski pisci pišu lična i mjesna slovenska imena* // SHP. N. s. 1927. Sv. 1. Br. 1–2. S. 63). В DAI *Ῥωμαῖνοι* «романцы» — это почти исключительно жители далматинских городов и упоминаются они только в главах 29–36. Вообще говоря, первоначально *Ῥωμαῖνοι* — это граждане Рима, а затем так стали называться все жители Италии, получившие римское гражданство. *Ῥωμαῖοι* — это подданные Византийской империи, и они необязательно должны были являться православными. Византийцы, как отмечает Г. Г. Литаврин, называли себя ромеями, а свою империю называли Романией. Сами подданные империи иногда, когда хотели выразить свою этническую и конфессиональную принадлежность, называли себя греками. Они могли пользоваться понятием «греки» также и тогда, когда речь шла о государстве. В Риме и в империи Каролингов византийских подданных именовали греками (*Литаврин Г. Г. Византия и славяне*. 2-е изд. СПб., 2001. С. 594–596). Согласно Йозефу Рунгту, понятие *Ῥωμαῖνοι* обозначало тех, кто принадлежал к разным народам и этническим группам, некогда находившимся под римской властью (*Rungg J. Ortsnamen der Goten, Römer, Franken in Rätien, Noricum, besonders Tirol*. Innsbruck, 1963. S. 131). Византийские авторы в Средние века под словом *Latini* подразумевали всех жителей Западной Европы, имея в виду и их принадлежность к Римской церкви (*Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках* // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 202–204).

est)⁷⁷. Из франкских источников вытекает, что до Борны существовали две отдельные политические единицы — Либурния и Далмация, которые под властью Борны стали единым государственным образованием посредством территориального расширения, осуществленного с согласия франков⁷⁸. Из формулировок франкских источников становится ясным, что во втором десятилетии IX в. на территории Далмации проживали: 1) пришлые хорваты (*склавины*), 2) романцы в городах (иногда называемые и *Latini*) и 3) нероманизированные автохтоны далматы/далматинцы во внутренней области. Если бы понятие «Далмация» охватывало только приморские города, в которых романцы в таком случае являлись бы далматинскими романцами или далматами (далматинцами), тогда нельзя было бы объяснить, как в таком случае *склавины* могли называться далматинскими *склавинами*, если они проживали за пределами этих городов. Иными словами, при интерпретации, согласно которой Далмацией назывались только приморские города, *склавины*, которые жили вне этой предполагаемой Далмации, могли именоваться только *склавинами*, но никак не далматинскими *склавинами*.

Из свидетельства Готтшалка также вытекает, что в первой половине IX в. в Далмации, наряду с *латинами*, обитавшими в городах, подвластных Византии, проживали еще *Dalmatini* и *Scravi* (хорваты)⁷⁹. Из замечания Готтшалка, что Далмация — «весьма протяженная земля», можно с определенностью заключить, что в IX в. территориальное понятие Далмации не сводилось только к нескольким далматинским городам. Готтшалк жителей далматинских городов определенно называл *латинами*. По его словам, кроме *латинов*, подвластных греческой империи, в Далмации проживали также *Dalmatini*, тогда как Трпимир фигурирует у него как *rex Sclavorum*. Бесспорно то, что *латины* — это обитатели приморских городов (*homines Latini*). Также верно и то, что *Dalmatini homines* — это «обитатели хинтерланда», но — не хорваты. Готтшалк называет Трпимира *rex Sclavorum*, а не *Dalmatinorum*. Следовательно, *Scravi(ni)* — это хорваты, а *Dalmati(ni)* — остатки автохтонной популяции. И другие источники подтверждают, что названия *Dalmatini* и *Scravini* в IX в. не были синонимами. Так, Иоанн Диякон сообщает, что около 876 г. на истрийские города совершили нападение «наихудшие народы склавинов и далматинцев»⁸⁰.

Автохтоны *Dalmati(ni)* существовали как особая общность и в X–XI вв., и этим понятием, как следует из византийских источников, не обозначались жители прибреж-

⁷⁷ Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. II. (L. 801.–1000). — В разных рукописях находятся: *Liudemhuslum*, *Liudemislum*, *Liudemuslum*, *Liudemunhslum*, *Ludemuhslum* (Ibid).

⁷⁸ Suić M. Granice Liburnije kroz stoljeća. S. 285–289. — М. Суйч в этой работе отмечает, что после 821 г. имя Либурнии совершенно исчезает со страниц источников.

⁷⁹ Ср.: Lambot D. C. Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescalc d'Orbais. Louvain, 1945. P. 684; Grmek D. M. Dva filozofa, Gottschalk i Hasdai Ibn Šaprut o Hrvatima u vrijeme narodnih vladara // Prilozi za istraživanje hrvatske filozofske baštine. Zagreb, 1994. God. XX. Br. 1–2 (39–40). S. 435–448.

⁸⁰ Documenta. P. 365. — Важно отметить, что эти *Dalmatini* не являлись жителями далматинских городов. Владимир Кошчак в связи с этим известием точно подметил: «Уже из самих цитированных слов, что “тогда наихудшие племена славян и далматинцев начали разорять истрийскую область”, с трудом можно заключить, что под ними подразумеваются и граждане далматинских городов. Во всяком случае, это исключается из продолжения известия... в котором нападавшие, которые опустошили истрийские города Умаг, Новиград, Сипар и Ровинь и против которых венецианский дож Урсо Партичиано двинул флот из 30 кораблей и отразил их, зовутся славянами (два раза “Sclavos”))» (Koščak V. O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // HZ. 1984. God. XXXVII(1). S. 222). Действительно, трудно вообразить, чтобы из всех или же из нескольких небольших и друг от друга достаточно удаленных приморских городов, рассеянных вдоль Адриатического побережья, собрались воины, так называемые далматы, и пошли вместе со склавинами разорять Истрию.

ных городов. М. Суич, ссылаясь на «Жизнеописание Василия I» Константина Багрянородного середины X в., в котором упоминается «море далматов», заключает:

Далматы здесь — это жители не только византийской фемы, но и исторической провинции Далмации, по имени которой в эпоху ранней империи и возникло название «*Dalmaticum mare*»⁸¹.

В сохранившихся грамотах первый раз только в начале второй половины X в. хорватские правители обозначаются как короли хорватов и далматинцев⁸². Если бы *Dalmatini* были те же самые люди, что и «хорваты», тогда бы такое различие в титуле было бессмысленным. Если бы этот королевский титул относился к обитателям городов, называвшимся *Romani (Latini)*, тогда бы правители назывались королями хорватов и романцев или хорватов и латинов, а не королями хорватов и далматинцев. В грамотах со времени короля Петра Крешимира IV параллельно с прежним обозначением «король хорватов и далматинцев» начинает употребляться и формула *rex Chroatiae et Dalmatiae*. То, что понятие «Далмация» не охватывало только несколько городов и островов, можно с ясностью заключить и на основании того, что король Петр Крешимир IV в грамоте, изданной в Нине в 1069 г., называет все море вдоль Адриатического побережья «своим далматинским морем» (...*nostram propriam insulam in nostro Dalmatico mari sitam, que uocatur Mauni...*)⁸³. Хорватия и Далмация являлись геополитическим целым, что подтверждается и словом *regnum*⁸⁴.

4

М. Суич точно установил участие в этногенезе хорватов, наряду с «малочисленным хорватским суперстратом», южнославянского компонента, и, в особенности, палеобалканского субстрата⁸⁵. Исходя из информации DAI, можно предполагать и возможное, хотя и не вполне доказанное, аварское участие в хорватском этногенезе, которое особенно акцентировали в своих трудах Душан Попович и Нада Клаич. В известной степени в хорватском этногенезе участвовали и готы, которые продолжили свое пребывание на территории Либурнии и после окончания готско-византийских войн. Из сви-

⁸¹ *Suić M. Dalmaticum mare // Radovi Zavoda JAZU u Zadru. Zadar, 1983. Sv. 29–30. S.13.*

⁸² «Звонимир, как и другие хорватские князья и правители, был, стало быть, королем хорватов и далматинцев. Мужич в этом далматинском имени видит старую далматинскую и далматскую популяцию, которая и позднее присутствовала на территории хорватского государства. С этим мы можем согласиться, так как сегодня мы знаем, что приличное, хотя более точно и неизвестное, число древнего населения выжило, в особенности те, кто не находился возле старых античных магистралей, функционировавших и в Средневековье... Как человек, занимавшийся вопросами истории далматов в античности, я, таким образом, принимаю результаты исследований коллеги Мужича и других специалистов относительно нашего раннего Средневековья, да и делматов или далматов я считаю одним из важных компонентов этногенеза хорватов на центральной территории раннего хорватского государства» (*Zaninović M. Predgovor drugom izdanju Mužičeve knjige Hrvatska povijest devetoga stoljeća // Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. II. izdanje. Split, 2007. S. 15–16.*)

⁸³ *Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije. Zagreb, 1967. Sv. I. S. 112–114.*

⁸⁴ *Klaić V. Regnum Croatiae et Dalmatiae // Sveslavenski zbornik. Zagreb, 1930. S. 80.* — Множественное число *regna* употреблялось только с 1359 г. (*Šišić F. Povijest Hrvata... S. 523.*)

⁸⁵ «Для формирования хорватского этноса важны в первую очередь этнические группы яподов (главным образом, Лика), либурнов (Кварнер, Хорватское Приморье, Равни Котари и Буковица), далматов (средняя Далмация от Крки до Цетины с далматинской Загорой) и до некоторой степени ардианов (по обоим берегам Неретвы). Гораздо меньшую роль играли истры...» (*Suić M. Neke historijske determinante u formiranju hrvatskog etnosa // Naše teme. 1979. Knj. XXIII. Br. 2. S. 367.*)

детельства Прокопия следует, что готы в VI в. и позднее присутствовали в северозападной части бывшей римской Далмации и что они здесь проживали в перемешку с автохтонами, с которыми с течением времени соединились в один народ. Первоначальное ядро, носившее имя хорватов, если оно и само не было по происхождению готским, находилось в теснейшей военно-политической ассоциации с германскими готами⁸⁶. Хорватские имена правителей, особенно те, что зафиксированы на каменных надписях, часто имеют германское (готское) окончание на *-mer (-mereis)*⁸⁷. У хорватов эти имена происходят из германского наследия, причем, скорее всего, наследия готов, которые могли распространить их среди правителей разных «славянских» государств. То, что эти окончания, скорее всего, германского происхождения, обнаруживается и в том, что имена хорватских правителей вообще не могут быть истолкованы в присущем хорватскому языку смысле⁸⁸. Также и факт существования готских (германских) названий и значений для относительно большого числа глаголических букв указывает на то, что эта письменность могла возникнуть в некоем политическом объединении или военном союзе, с одной стороны, хорватского и, с другой стороны, какого-то германского этноса⁸⁹. Все вышеназванное свидетельствует о том, что, по крайней мере, вначале правящим слоем этого объединения были готы. Первое полное упоминание имени хорватов на каменном фрагменте относится ко второй половине IX в., когда в надписи на архитраве алтарной преграды из дороманской церкви на Црквине в Шопоте Бранимир именуется как *dux cruatoru(m)*⁹⁰. Между тем, такая первоначальная форма записи этнонима указывает на реальную возможность его германского происхождения⁹¹. Хорваты на территории Крбавы, Лики и Гацки были, согласно Фоме Архидиакону, арианами, что также указывает на тождественность готам или особую к ним близость.

Хорватское имя со временем распространилось и за пределами либурнийско-далматской территории. Географическое положение Лики, Гацки и Крбавы было очень удобным для распространения власти и имени хорватов в современные Славонию, Бос-

⁸⁶ К названию «готы» следует подходить очень осторожно, так как оно не обязательно должно было передавать этническую принадлежность. И местная старожильческая популяция могла перенять готское имя. Вообще говоря, название «готы» после Теодориха больше обозначало социальный слой, нежели этническую общность.

⁸⁷ Приведенное окончание происходит из готского языка, в котором *mereis* значит «славный» или «великий». Ср.: *Holthausen F. Gotisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934. S. 70.*

⁸⁸ У германцев это личные имена, составленные из двух частей, из которых одна — это окончание *-mar, -mer, -mir* и т. п. У готов окончание существовало и на *-mir*, и на *-mer*, и эти окончания варьировались (*Wrede F. Über die Sprache der Ostrogoten in Italien. Strassburg, 1891. S. 58.*)

⁸⁹ Как отмечал Йосип Хамм, «следы готского рунического письма — конечно, в достаточно ограниченной степени — косвенно обнаруживаются и в азбучном порядке и в названиях некоторых букв глаголического алфавита» (*Hamm J. Postanak glagoljskoga pisma u svijetlu paleografije // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. Split, 1996. S. 206.*)

⁹⁰ *Delonga V. Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. Split, 1996. S. 166–167.* — На каменной решетке лестничной ограды амвона из церкви монастыря св. Варфоломея находится надпись: «*clv dux hroator(um)*», которая датируется второй половиной X в. (*Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... S. 108–109.*)

⁹¹ Ср. *Hrothi* в: *Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd I: Personennamen. München, 1966. S. 885–920.* — Б. А. Зибс приводит следующие германские личные имена, образованные от одного корня: *Hrotbald, Hruadbero, Hruatboto, Hruadgast, Hroadcrim, Hrodhad, Hruadloh, Hruadlaug, Hruadbert* и др. (*Siebs B. E. Die Personennamen der Germanen. Schaan-Liechtenstein, 1983. S. 111.*) Однако, по замечанию Д. С. Поповича, во времена императора Константина информатор на местности должен был слышать имя хорватов не в форме «хрывать», а в форме «хорваты», так как только это второе название могло дать повод для его этимологии имени хорватов — от греческого *χώρα* (*Popović D. Prilozi čitanju i razumevanju raznih starina. S. 1048.*)

нию и прибрежный пояс. На территории средневековой Славонии в источниках засвидетельствованы семейные и личные имена, как и топонимы «...которые, несомненно, произведены от этнонима “хорваты”». Все топонимы *Horvati* на этой территории «...необязательно означают, что все эти поселения всегда населяли этнические хорваты в средневековом смысле, но мы можем предположить, что люди, чье этническое происхождение было хорватским, только основали эти поселения или владели ими». Эти миграции одиночек или небольших «военно-аристократических» семейных групп или родов «из основного хорватского восточноадриатического и западнодинарского региона в паннонские области» могут датироваться «самое позднее временем непосредственно после того момента, когда Хорватское королевство в конце XI в. перешло под власть Арпадов»⁹². В принятии хорватского этнонима решающей была принадлежность населения на современном хорватском динарском, средиземноморском и паннонском пространстве к одной и той же католической вере.

* * *

Современные хорваты, судя по сохранившимся у них остаткам культуры автохтонов, антропологическим и антропогенетическим характеристикам, по большей части являются потомками балканского автохтонного населения, которому с римских времен было извне дано общее наименование «иллирийцы». Первоначальные хорваты, существование которых на территории Либурии *Libellus Gothorum* и *Historia Salonitana* относят к VI в., в первой половине IX в. завладели с помощью франков территорией далматов и основали государство, в котором была реализована ассимиляция хорватов и далматов под хорватским этнонимом, позднее распространившимся и на паннонское пространство. Таким образом, современный хорватский народ возник как новая этническая общность на Балканах этническим соединением и социальной интеракцией пришедших с севера воинских контингентов «гото-склавинов» и проживавших здесь различных популяций более многочисленных автохтонов.

Summary

It is indubitable according to the sources, that especially from the middle of the sixth century, parts of some ethnic groups from the north of Europe settled in the Middle Balkans. Written sources and archaeological remains testify to the coming of the Goths to the territory of roman Dalmatia, and their rule in this area. Procopius says that the Goths in Dalmatia and Liburnia, after the end of their rule in the 6th century, were induced by the byzantine commander Constantianus to stay, so that they did not emigrate from those regions. Anthropological and craniometric investigations confirm that a **slight** number of new inhabitants settled in the middle part of the present croatian area. It is impossible to imagine that in the 5th, 6th and 7th century, or indeed anytime

⁹² *Petković D.* Hrvatsko ime u srednjovjekovnoj Slavoniji — prema nekoliko primjera u diplomatskim izvorima od 13. do 15. stoljeća. // SHP. Split, 2006. Ser. III. Sv. 33. S. 243.

earlier, all of a sudden there appeared the until then unknown *Sclavini*, who were so numerous, that they conquered, in addition to other areas, the entire Balkans. Such a migration is confirmed neither by historical sources, nor by archaeological findings. The continuity of numerous remains from the «illyrian era» of prehistoric culture of the indigenous inhabitants unquestionably proves the supremacy in the ethnic sense of the autochthonous element. It was physically impossible to transport many hundred thousand inhabitants over a distance of more than thousand kilometres, with many natural barriers and the problem of food transport, and to resettle them in new territories essentially different from their previous ones. Multidisciplinary investigations, especially the anthropological and anthropogenetic ones, prove without a doubt, that in the Danube and Balkan area, from the prehistoric times to the Middle Ages lived preponderantly the same population under various names, who were later designated by the common «Slavic» name.

From the three mediaeval sources concerning migration to the present croatian area (Constantine Porphyrogenitus, *Libellus Gothorum*, Thomas Archdeacon) it can be concluded, that by the name *Sclavi(ni)* — *Sklabenoi*, were designated especially the immigrants coming to the Balkan. However, those immigrants were also known under other names (Scythians, Avars, Goths), which makes it probable, that the appellation *Sclavi(ni)*—*Sklabenoi*, by which they were known in some latin and byzantine sources, may have also a polyethnic meaning. According to the script *De administrando imperio* the first conquest of Dalmatia was slavico-avarian, and the second was carried out only by the Croats, who also carried out the second conquest of Salonae. In view of the fact that the Croats reconquered Dalmatia from the Avars, who were called by Constantine Porphyrogenitus also Slavs, it is obvious that these Croats were not identical with the Avars, respectively the Slavs, who had conquered Dalmatia before the Croats.

According to Thomas Archdeacon the Goths settled in this area, whom some call also *Sclavi(ni)*, and whom Thomas also calls Croats. His *Gothi et nichilominus Sclavi* completely correspond to Dukljanin's designation *Gothi qui et Sclavi*. It cannot be by chance that from the writings of Thomas Archdeacon (as well as from the writings of the priest Dukljanin in their latin wording) it could be concluded, that to these two authors the names Goths and Slavs had (also) the same meaning. According to Dukljanin and Thomas Archdeacon the ethnic nucleus under the Croatian name existed in the territory of Iapodia in the middle of the 6th century, or according to Constantine Porphyrogenitus in the middle of the 7th century. It is important that all these three sources in complete agreement locate the Croats in the earlier iapodian part of present-day Croatia. The description in the writing *De administrando imperio* of the territory of Croatia under the suzerainty of the croatian *ban* corresponds completely to the description of the croatian territory in *The Croatian Chronicle* and *Historia salonitana*. All these three sources in particular single out Lika, Krbava and Gacka as a unified area which could be considered as the nucleus of the early croatian state. This motherland of the Croats was, according to Thomas Archdeacon and the *Libellus Gothorum*, also during the 8th century a part of the liburnian hinterland which very probably the Franks had occupied already by the end of the 8th century. The *Sclavi(ni)* from Liburnia, respectively from its hinterland, already from the middle of the 6th century were undertaking occasional raids into the territory of the Dalmati. But they were able really to occupy a part of the Dalmatian land only at the end of the 8th century, or most probably at the beginning of the 9th century with the help of the Franks.

The majority of the indigenous inhabitants continued even after the antiquity to live under their old names. In the age of frankish conquests in Dalmatia and in the neighbouring countries the population was distinguished by their special names (*Guduscani*, *Dalmati*). Disputes about

differentiation, mentioned in the frankish sources dating from the first decades of the 9th century, could exist only between the newcomers called Sclavi(ni) and the existing native population called Dalmati and Romani. The Romani (Latini) in the towns and the Dalmati outside the towns must have settled long before the 9th century all their possible disputes concerning their borders. From the frankish sources it is evident, that up to the time of Borna two separate historico-political entities had existed, Liburnia and Dalmatia, which became under Borna with frankish consent one political community. From the wording of the frankish sources it is apparent, that in the second decade of the 9th century lived on the wider territory of the Dalmati (Dalmatini) the following people: 1. the newly settled Croats (Sclavini), the Romani in the towns (sometimes also called Latini), and 3. in the hinterland the non-romanized indigenous Dalmati (Dalmatini). Gottschalk's testimony corroborates that in the first half of the 9th century in Dalmatia were living besides the Latini in the towns, also Dalmatini and Sclavi (Croats). The autochthonous Dalmati (Dalmatini) existed as a separate people also during the 10th and 11th century, and this name, as confirmed also by the byzantine sources, did not designate the inhabitants of the coastal places. For the first time in the second half of the 10th century the croatian rulers are referred to in the extant documents as the kings of Croats and of Dalmatini. If *Dalmatini* were the same people as Croats such a differentiation in the name would have no sense. Croatia and Dalmatia became then one geopolitical whole, which is proved by the title «kingdom» (*regnum*).

In the croatian ethnogenesis the paleobalkan element is especially important, which is evident by the fact that the anthropological type of the prehistorical indigenous population is preponderant among the Croats. In the ethnogenesis of the Croats participate to a certain extent also the Goths who, after the gothic-byzantine wars, continued to live in the territory of Liburnia. The primeval nucleus under the croatian name, even if it was not itself of gothic ancestry, existed in very close military and political community with the germanic Goths. The names of the croatian rulers, especially those found on stone inscriptions, have frequently the germanic (gothic) ending on *-mer* (*-mereis*). The existence of gothic (germanic) names and meanings of comparatively great number of glagolitic letters proves that this alphabet could have originated only in a political community or military alliance between the croatian ethnos, on one hand, and some germanic ethnos, on the other.

The croatian name spread in the course of time even outside of the liburnian-dalmatian area. The geographical position of Lika, Gacka and Krbava was very favourable to the spreading of the croatian dominion, and together with it to the spreading of the croatian name to present-day Slavonia, Bosnia and coastal belt. The same Catholic faith of the people who were living in what are nowadays the dinaric, mediterranean and panonian areas has specially contributed to the feeling that they belong to the same people. Consequently, the present croatian people stemmed in the Balkan by the merger of the warrior units of the «Gotho-Sclavins» coming from the north of Europe, with the numerous indigenous population found in that area. Judging by the remains of their autochthonous prechristian culture and by their anthropological-genetic traits, the Croats are ethnically for the most part descendants of the ancient balkan population, to whom from the roman time the collective name of «Illyrians» has been imposed.

Summary was translated by Branimir Lukšić.

Д. Е. Алимов

**«ПЕРЕСЕЛЕНИЕ» И «КРЕЩЕНИЕ»:
К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ХОРВАТСКОЙ
ЭТНИЧНОСТИ В ДАЛМАЦИИ**

В книге *The Making of the Slavs* Флорин Курта сделал основным предметом своего исследования формирование этничности у тех групп людей, которых византийские авторы VI–VII вв. именовали в своих сочинениях *склавинами* и *антлами*¹. Хотя значение книги далеко не исчерпывается тем, что ее автор применил в отношении ранних славян свойственный современной социальной антропологии конструктивистский подход к пониманию феномена этничности², в настоящей статье нам хотелось бы подчеркнуть именно этот важный аспект исследования Ф. Курты, имеющий непосредственное отношение к проблеме, которую нам хотелось бы осветить. Как показал Ф. Курта, в VI в. на территории, прилегавшей с севера к Дунайскому лимесу, в обстановке напряженного военного противостояния местных групп населения с византийцами, осуществившими при Юстиниане грандиозную программу укрепления своей дунайской границы, происходил интенсивный процесс групповой идентификации, ставшей основой формирования этнической идентичности, или этнических идентичностей. Однако изученные Ф. Куртой артефакты, служившие, по его мнению, символами возникавшей здесь групповой идентичности, не могут дать ответа на вопрос, каким именно образом определяли себя сами ее носители. Поэтому автор книги задается вполне резонным вопросом:

¹ Curta F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region*, с. 500–700. Cambridge; New York, 2001. — См. рецензию: Петров Н. И. Этничность древних славян: Историческая реальность или инвенция византийцев? Обзор монографии Флорина Курты «Становление славян» // Университетский историк: Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 193–196.

² О современных подходах к этничности см., например: Скворцов Н. Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.

«Можем ли мы прилагать название “славянский” к этой (или этим) этнической идентичности (этническим идентичностям)?»³ По мнению Ф. Курты, есть весомые основания полагать, что эта идентичность, которую мы сейчас, следуя за дошедшими до нас письменными известиями, обычно именуем славянской, «...была гораздо более сложной», чем сконструированная византийской историографией пара *склавины—анты*⁴, тем более что славянский язык, как специально подчеркивает Ф. Курта, первоначально отнюдь не являлся фактором этнической идентификации групп, по отношению к которым византийские авторы стали использовать собирательное обозначение *склавины*⁵. Таким образом, под пером Ф. Курты славянская этничность перестает быть тем «особым типом этничности», каким она неизбежно становится при сопоставлении распространенного представления о ранних славянах как носителях стабильной и объемлющей чуть ли не всех членов общества этнической идентичности, основанной на языковом единстве, с исключительно подвижной и текучей картиной конструируемых элитами гентильных идентичностей, наблюдаемой в западной части Европы. Коль скоро появление в письменных источниках собирательного обозначения *склавины* было вызвано необходимостью дать название «сложной конфигурации» этнических общностей, которые вследствие подъема социальных элит в задунайских популяциях заявили о себе, по образному выражению Ф. Курты, «в тени юстиниановских крепостей», то, стало быть, нет нужды говорить об особом типе славянской этничности, объясняя его социально-экономическими условиями, как это делает В. Поль⁶, или вовсе исключать славян из числа этнических общностей, полагая, что так называли профессиональных воинов, использовавшихся аварами для охраны границы каганата с Византией, как предлагал О. Прицак⁷. Представляется, однако, что принятие или непринятие того или иного объяснения процесса становления славянской этничности во многом зависит от того, какие ответы будут получены на ничуть не менее сложный вопрос, каким образом славянская идентичность распространялась и поддерживалась в Европе на протяжении следующих нескольких веков, прошедших со времени появления первых упоминаний о славянах в письменных источниках. Необходимость применения использованной Ф. Куртой методологии в исследовании следующих этапов этнической истории на территории, где в раннее Средневековье фиксировалось наличие славянской этнической идентичности, кажется нам тем более очевидной, что сам Ф. Курта отнес — разумеется, условно — завершение процесса «создания славян» к тем временам, когда в «Повести временных лет» вместе с яркой манифестацией славянского самосознания была ясно очерчена картина славянского мира, такого, каким его видел обладавший этим само-

³ *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 344.

⁴ *Ibid.* P. 350.

⁵ Допуская, что славянский язык мог впоследствии использоваться в качестве одного из этнических маркеров, Ф. Курта считает это гораздо более поздним явлением, утверждая, что ранние славяне стали славянами не вследствие того, что они говорили по-славянски, а в результате того, что славянами их называли другие (*Ibid.* P. 346).

⁶ *Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Archaeologia Polona*. 1991. Т. 29. P. 39–49. — Исходя из тех же представлений о широком распространении славянской этнической идентичности, Е. Госсковский усмотрел здесь сходство с распространением религии, приводя пример арабов и исламизации: *Gassowski J.* Early Slavs — nation or religion? // *Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter* / Hrsg. von W. Pohl und M. Diesenberger. Wien, 2002. S. 269–274.

⁷ *Pritsak O.* The Slavs and the Avars // *Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo*. Vol. XXX: Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. Spoleto, 1983. P. 353–435.

сознанием автор⁸. Задача эта, разумеется, невероятно сложная. В эпоху раннего Средневековья заявило о себе множество общностей, относивших себя и/или относимых другими к «славянам». Однако обстоятельства возникновения многих из этих общностей и, следовательно, соотношение соответствующих им идентичностей с идентичностью славянской подчас остаются неясными⁹. В настоящей статье нам хотелось бы проиллюстрировать неизбежно возникающие при обращении к этому комплексу проблем методологические трудности одним очень показательным, с нашей точки зрения, примером, а именно проблемой формирования этничности далматинских хорватов, обычно записываемых в историографии в число раннесредневековых «славянских» этносов. Основной акцент при этом мы сделаем на проблемах, возникающих перед историками при попытке объяснить этот процесс исходя из сообщений об их «переселении» в Далмацию и «крещении», содержащихся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей».

В ряду вопросов, относящихся к проблематике формирования на территории бывшей римской провинции Далмации хорватского этнополитического организма, перед исследователями прежде всего возникал вопрос о том, что представляла собой общность первоначальных носителей имени «хорват» на момент ее первого появления на территории Балкан. В числе ответов на этот вопрос, предлагавшихся в историографии, долгое время доминировало определение данной общности как «племени» или группы родственных друг другу «племен». Подобный взгляд, согласно которому хорватами первоначально именовалось лишь одно из нескольких славянских «племен», пришедших на Балканы и принявших общее имя хорватов, был широко представлен в историографии второй половины XIX – первой половины XX века¹⁰. При этом одни авторы считали хорватов частью славянских «племен», расселявшихся на Балканах еще со времен аварского завоевания и постепенно освободившихся из-под власти аваров, другие же полагали, что хорватские «племена» пришли в Далмацию позднее других славян, которых они освободили от аварского владычества¹¹. В то же время, развивая тезис о том, что пришедшие в Далмацию «племена» хорватов составили господствующий социальный слой в созданном ими политическом образовании¹², некоторые авторы стали рассматривать хорватов в качестве «племенной» общности, глубоко

⁸ *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 350. — О проявлении славянского этнического самосознания в «Повести временных лет» см., например: *Толстой Н. И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М., 1993. С. 4–12; *Петрухин В. Я.* Славяне и Русь: идентификация и самоидентификация в начальном летописании // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 49–59.

⁹ Здесь нельзя не упомянуть о коллективном труде, авторы которого предприняли значительные усилия для разрешения этой сложной проблемы: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. — Однако, в отличие от Ф. Курты, они исходили из представления о существовании у так называемых «ранних славян» славянской этнической идентичности, что неминуемо должно было сказаться на рассмотрении обстоятельств возникновения других этнических идентичностей в среде славяноязычного населения.

¹⁰ Данная концепция была подробно обоснована Ф. Рачким, считавшим, что появившиеся на Балканах хорваты «этнографически составляли только одно племя», генетически делившееся на пять или семь племен (*Rački F. Hrvatska prije XII. vieka glede na zemljišni obseg i narod* // Rad JAZU. 1881. Knj. 57. S. 130–131).

¹¹ Обзор историографии до 1925 г. см.: *Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. II. izdanje.* Zagreb, 1990. S. 236–265.

¹² Этот тезис был выдвинут В. Клаичем: *Klaić V. Hrvatska plemena od XII. do XVI. stoljeća* // Rad JAZU. 1897. Knj. 130. S. 1–85.

отличной от земледельцев-славян. В хорватах они видели более или менее славянизированную этническую общность иранского происхождения, чья эффективная военная организация позволила ей победить аваров и установить свою прочную власть над населением Далмации¹³. Хотя в послевоенной историографии известные по источникам XI–XIV вв. родственные коллективы хорватской знати, включавшиеся ранее в число древних славянских (хорватских) «племен», уже не именовали «племенами», предпочитая использовать в их отношении иные термины («братство», «патронимия» и др.)¹⁴, возникновение этих родственных групп нередко относили к эпохе, современной появлению хорватов на Балканах. Раннее же хорватское политическое образование в Далмации предпочитали именовать «племенным союзом»¹⁵, намекая, таким образом, на то, что в его составе существовали некие «племена», будь то компоненты того конгломерата, который под именем хорватов появился в Далмации, или некие славянские общности, застигнутые хорватами уже в процессе занятия «новой родины»¹⁶. С этого же времени в историографии прочно закрепилось мнение, остающееся и до сих пор довольно популярным, что появление хорватов в Далмации было второй волной славянского расселения на этой территории, а сами хорваты к тому времени уже давно являлись крупным славянским «племенем»¹⁷. В современной историографии сложение славянского «племени» или «племенного союза» хорватов нередко относят к периоду славянизации ираноязычного населения в Восточной Европе, полагая, что появление части некогда единого «племенного союза» на берегах Адриатики стало следствием его дезинтеграции в период миграций¹⁸.

¹³ Особенно активно идею о «племени» или «племенах» хорватов-завоевателей развивал Л. Хауптманн, считавший хорватов славянизированными иранцами. См.: *Hauptmann Lj.* 1) *Dolazak Hrvata* // *Zbornik kralja Tomislava*. Zagreb, 1925. S. 86–127; 2) *Karantanska Hrvatska* // *Ibid.* S. 297–317; 3) *Kroaten, Goten und Sarmaten* // *Germanoslavica*. Brno, 1935. Vol. 3. S. 95–127, 315–353; 4) *Seoba Hrvata i Srba* // *JiC*. 1937. Br. 3. S. 30–61; 5) *Podrijetlo hrvatskoga plemstva* // *Rad HAZU*. 1942. Knj. 273. S. 19–112. — К подобной трактовке был близок и С. Сакач, видевший в хорватах общность воинственных кочевников иранского происхождения, сходную с кочевническими ордами. См., например: *Sakač S. K.* *The Iranian Origins of the Croats According to C. Porphyrogenitus* // *The Croatian Nation in its Struggle for Freedom and Independence*. Chicago, 1955. P. 30–46. — Об иранской теории происхождения хорватов см. подробно: *Guldescu S.* *History of Medieval Croatia*. The Hague, 1964. P. 33–43; *Košćak V.* *Iranska teorija o podrijetlu Hrvata* // *Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak*. Zagreb, 1995. S. 110–116.

¹⁴ См. об этом: *Ефремов Е. А.* Патронимия у хорватов в XI – первой четверти XIII в. // *УЗ ВГПИ*. 1963. Вып. 22. С. 10–22.

¹⁵ См., например: *Бабић В.* Хрватске земље у ранофеудално доба // *Историја народа Југославије*. Књ. I. Београд, 1953. С. 169.

¹⁶ См., например: *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. С. 168–170.

¹⁷ См., например: *Grafenauer B.* 1) *Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata* // *HZ*. 1952. God. V (1–2). S. 1–56; 2) *Hrvati u Karantaciji* // *HZ*. 1959. God. XI–XII. S. 207–231; 3) *Zgodnjefevdalna družbena struktura jugoslovanskih narodov in njen postanek* // *ZČ*. 1960. Letnik XIV. S. 35–95; *Lowmiański H.* *Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e.* Т. II. Warszawa, 1964. S. 114–200.

¹⁸ См., например: *Седов В. В.* 1) *Анты* // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. М., 1987. С. 20; 2) *Славяне: Историко-археологическое исследование*. М., 2002. С. 192–193, 236–237, 484–493; *Войтович Л. В.* 1) *Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя* // *Україна в Центрально-Східній Європі (3 найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*. Київ, 2004. Вип. 4. С. 105–132; 2) *Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. Начальные этапы формирования государственности* // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006. СПб., 2006. С. 6–39; *Майоров А. В.* 1) *Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов: Великая Хорватия и белые хорваты* // *Rossica Antiqua*. 2006. С. 40–73; 2) *Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона*. СПб., 2006.

При всех различиях в позициях исследователей, называвших хорватов «племенем», «племенами» или «племенным союзом», понятно, что все они предполагали существование хорватской этнической общности еще до того, как имя «хорват» появилось на территории Далмации. При этом исследователи, естественно, далеко не всегда уточняли, какой именно социальный смысл вкладывали они в понятие «племя». Между тем во второй половине XX в. понятие племени стало предметом острых дискуссий в социальной антропологии¹⁹. В результате поддержку ряда антропологов получил взгляд М. Фрида, согласно которому племя как форма социальной организации являлось результатом воздействия на первобытный социум уже сложившихся государственных структур соседних обществ²⁰. Представление о племени как о вторичной форме социальной организации привело к исключению некоторыми авторами соответствующей стадии из эволюционного ряда «локальная община—племя—вождество»²¹. На этом фоне закономерно встает вопрос об оправданности использования термина «племя» и для обозначения этнических общностей²². Кроме того, уже давно было замечено, что в этнографических описаниях «племенами» нередко именовались самые разные по своему происхождению и характеру общности, обладавшие самоназванием, включая родственные группы, локальные общины, общности, сложившиеся на основе региональной, социальной, профессиональной или политической принадлежности²³. Подобное же явление, как нетрудно убедиться, долгие годы наблюдалось и в изучении европейского раннего Средневековья. Все это объясняет отказ некоторых современных исследователей от использования столь противоречивого термина²⁴.

¹⁹ Об этой дискуссии см., например: *Ширельман В. А.* Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.* М., 1982. С. 226–230.

²⁰ См., например: *Кортаев А. В.* Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном, по материалам Северо-Восточного Йемена) // *Альтернативные пути к цивилизации.* М., 2000. С. 275–277.

²¹ См. об этом: *Крадин Н. Н.* Вождество: Современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности.* М., 1995. С. 20–21.

²² Как отмечал Л. Е. Куббель, наибольшая плотность информационных связей, обеспечивающих существование этнической общности в условиях первобытного общества, присутствует в тех племенах, которые представляют собой этнопотестарные организмы (*Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.* М., 1982. С. 139). Однако, как справедливо заметил В. А. Попов, «классические племена» или племена – этносоциальные организмы (по терминологии Ю. В. Бромлея) вполне подпадают под понятие «вождество» (*Попов В. А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX вв.: Проблема генезиса и характера стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990. С. 107–109). Так, например, восточнославянские этнополитические образования, обычно именовавшиеся в литературе «племенами» и «союзами племен», представляли собой именно вождества (см.: *Дворниченко А. Ю.* О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua.* 2006. С. 184–195). Все это, конечно, не означает, что зачаточные формы этнического самосознания не могли присутствовать и в более рыхлых образованиях типа «сегментарного племени» (см.: *Куббель Л. Е.* Указ. соч. С. 129–130; *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. 2-е изд. М., 2008. С. 246–252), но исследователи славянского раннего Средневековья «племенами» и «союзами племен», как нетрудно заметить, именовали именно этнополитические организмы.

²³ См. об этом: *Томаповская О. С.* Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты изучения // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.* М., 1982. С. 183–207.

²⁴ См., например: *Tréštik D.* 1) *České kmeny: Historie a skutečnost jedné koncepce* // *Studia Mediaevalia Pragensia.* Praha, 1988. Vol. I. S. 129–143; 2) *Křest českých knížat roku 845 a christianizace Slovanů* // *ČČH.* 1994. Ročník 92. S. 424, poz. 3. — Недавно А. А. Горский, высказавшись против именованья «племенами» возникших на территориальной основе славянских общностей VIII–IX вв., счел, однако, правильным применение данного термина к хорватам, сербам и дулебам, усматривая в них праславянские общности, распавшиеся в эпоху расселения славян. См.: *Горский А. А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

В недавнее время в историографии стал проявляться взгляд на первоначальную хорватскую общность как на аналог раннесредневековым германским *gentes*²⁵, которые, как в свое время показал Р. Венкус, являли собой не гомогенные родовые организмы, а гетерогенные этнополитические общности, политически, социально и идеологически конструируемые на основе воинской группы, сплотившейся вокруг харизматического вождя²⁶. Хотя подобное понимание формирования этнополитических организмов раннесредневековой Европы распространилось в науке уже относительно давно²⁷, к так называемым «славянским племенам» оно и сейчас порой применяется с серьезными оговорками²⁸, что отсылает нас к двум, остающимся все еще актуальными, вопросам — об универсальности модели этногенеза Р. Венкуса и об общественном строе так называемых «ранних славян»²⁹. Вместе с тем традиция усматривать в появившихся в Далмации хорватах ни что иное как воинский контингент существует уже более ста лет³⁰. Существенным, однако, является то, что прежде исследователи, считавшие хорватов относительно небольшим воинским сообществом, но никак не «племенем», по крайней мере, в том смысле, какой вкладывался в это понятие их оппонентами, настаивали на неславянском — готском и/или иранском — происхождении пришельцев³¹.

С. 13. Примеч. 10. — Исследователь исходит из того, что «племя» в традиционном смысле слова должно представлять собой общность, основанную на кровнородственных связях. Сформулированное А. А. Горским отличие между «праславянскими племенами» хорватов, дулебов и сербов и «новообразованиями», к числу которых исследователь относит полян, древлян, северян и т. п., сильно напоминает разграничение «племен» и «народностей» в теории этноса Ю. В. Бромлея. См.: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография*. М., 1973. С. 139–142. — Закономерен, однако, вопрос, насколько весомы аргументы, дающие право считать, что хорваты, сербы и дулебы не были такими же «новообразованиями»?

²⁵ *Ančić M. U osvjetljenje novog doba: Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod // Hrvati i Karolinzi*. Dio I. Split, 2000. S. 77.

²⁶ *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln; Graz, 1961. — Как справедливо отметил Ф. Курта, акцентирующая на политических факторах возникновения этнических общностей концепция Р. Венкуса обнаруживает известную близость к конструктивистскому подходу к этничности, выработанному приблизительно в этот же период времени в социальной антропологии. См.: *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 18–20.

²⁷ См. об этом: *Pohl W. Conceptions of Ethnicity...* P. 39–49; *Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–555*. Cambridge, 1997. P. 13–42.

²⁸ Так, определенные сомнения в применимости к славянским земледельческим общностям разработанной Р. Венкусом концепции высказывал Д. Тржештик: *Třeštitik D. Vznik Velké Moravy: Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871*. Praha, 2001. S. 10. — Противоположным примером может служить статья П. Штиха, в которой возникновение раннесредневековых этнополитических организмов альпийских славян объясняется в полном соответствии с концепцией Р. Венкуса: *Štih P. Plemenske in državne tvorbe zgodnjega srednjega veka na slovanskem naseljenem prostoru v Vzhodnih Alpah // Slovenci in država*. Ljubljana, 1996. S. 24–26.

²⁹ Современное состояние проблемы блестяще обрисовал Ф. Курта, предложив свое видение «славянского» политогенеза: *Curta F. The Making of the Slavs...* P. 311–334.

³⁰ Так, в самом начале XX в. известный социолог Л. Гумплович, разработавший влиятельную в свое время теорию о происхождении государственной организации вследствие завоевания, определил протохорватов не как племя или племенную группу, а как сообщество воинов, являвшихся к тому же не славянами, а славянизированными готами: *Gumplowicz Lj. Politička povijest Srba i Hrvata // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra*. Split, 1996. S. 183–192. (Работа впервые опубликована в 1903 г.)

³¹ *Županić N. Bela Srbija // Narodna starina*. Zagreb, 1922. Knj. I. S. 107–118; *Šegvić K. Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska / Preveo i priredio V. Nuić*. Split, 1997. (Работа была впервые опубликована в 1935 г.) — Готскую теорию развивал в это время также Й. Рус, считавший протохорватов славянизированными готами, мигрировавшими в конце VI в. из Белой Хорватии на территорию Далмации, уже занятую к тому времени родственными им готами. См.: *Rus J. 1) Kralji dinastije Svevladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614*. Ljubljana, 1931; 2) *Slovanstvo in vislanski Hrvatje od 6. do 10. stoletja // Etnolog*. Ljubljana, 1932. Zv. 5. S. 31–45. (Польский перевод: *Rus J. Słowianie i wiślańscy Chorwaci od VI do X stulecia // KH. Lwów, 1934. Rocznik XLVIII. Z. 2. S. 286–298*) — Ввиду вероятного иранского происхождения имени «хорват» некоторые исследователи были склонны усматривать в хорватах иранский элемент, появившийся в Далмации в составе политического

Существенной новацией во взглядах на происхождение хорватской общности стало появление концепции, согласно которой хорваты до создания на территории Далмации хорватского политического образования этнической общностью не являлись. Согласно мнению ряда исследователей, первоначальные носители имени «хорват» представляли собой определенный социальный слой Аварского каганата, наделенный военными функциями и контролировавший окраины аварской политики³². Впоследствии, как предполагает данная интерпретация хорватского «этногенеза», после падения каганата имя «хорват» стало обозначать уже не социальный слой, а «локальные группы воинов», участвовавшие в этногенетических процессах³³. Хотя в определении конкретного статуса протохорватов взгляды исследователей, не считающих их этнической общностью, существенно разнятся, сама по себе гипотеза о том, что «хорватами» на территории Далмации первоначально именовались представители политической элиты, продолжает получать поддержку исследователей³⁴. Главный вопрос, который неизбежно всплывает при такого рода интерпретации хорватского «этногенеза», заключается в том, как в данном случае отделить социальную идентичность от этнической.

Итак, даже самого беглого взгляда на современное состояние проблемы возникновения этнополитического организма далматинских хорватов достаточно, чтобы понять, какую важную роль играют в предлагаемых вариантах ее разрешения не вытекающие непосредственно из сведений источников о хорватах представления исследователей о том, что такое «этногенез» вообще, что такое «этническая общность» в раннее Средневековье и существовал ли особый тип этничности в «славянских» обществах. Различные интерпретации характера первоначальной хорватской общности принимают при

готского войска. О готско-иранском происхождении хорватов с обзором историографии см.: *Guldescu S. History of Medieval Croatia*. P. 17–71. — Интерпретация протохорватской общности в качестве готского, либо находившегося под эгидой готов воинского контингента продолжает находить сторонников и в современной историографии. См: *Mužić I. 1) Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // Hrvati i Goti*. S. 79–80; 2) *Hrvati i autohtonost*. VII. izdanje. Split, 2001. S. 48–50, 145–146, 281–283; 3) *Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. II. izdanje. Split, 2007. S. 145–146.

³² *Kronsteiner O. Gab es unter den Alpenslaven eine kroatische ethnische Gruppe? // Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1978. Bd 24. S. 137–157; *Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum*. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantien und Pannonien. Wien; Köln, 1979. S. 9; *Pohl W. 1) Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn*. T. I / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1985. S. 293–298; 2) *Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr.* München, 1988. S. 261–268; 3) *Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak*. Zagreb, 1995. S. 86–96. — Похожую концепцию разрабатывает и Л. Маргетич, усматривающий в протохорватах политическую элиту каганата в VII в.: *Margetić L. Dolazak Hrvata*. Split, 2001. S. 185–216. — С Аварским каганатом связал происхождение хорватов и О. Прицак, согласно которому они являли собой аланский клан, игравший важную роль в каганате благодаря своим торговым и политическим функциям: *Pritsak O. Kroatien und Kroaten während des neunten Jahrhunderts: Das Entstehen einer christlichen Nation // Počeci kršćanskog i društvenog života u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeća. Drugi međunarodni simpozij o crkvenoj povijesti u Hrvata*. Split, 1990. S. 23–39.

³³ *Pohl W. Osnove hrvatske etnogeneze...* S. 94.

³⁴ Так, недавно Д. Дзино в оказавшем немалое влияние на автора настоящих строк блестящем очерке, где по сути дела, впервые в историографии намечены подступы к последовательному рассмотрению становления раннесредневековой хорватской этничности в рамках конструктивистской парадигмы, предложил трактовать древнейшую хорватскую идентичность в качестве «новообразованной политической или региональной идентичности» местной элиты (*Dzino D. «Biti», «Činiti» i «Znati»: Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku (Predgovor uz knjigu «Hrvatska povijest devetoga stoljeća» Ivana Mužića // Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. Split, 2006. S. 17). К мнению о том, что «хорватами» первоначально именовалась «элита», а не «этническая общность», склоняется и Ф. Курта: *Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250*. Cambridge, 2006. P. 141.

этом во внимание один и тот же, давно известный науке круг письменных источников, особое место среди которых занимает трактат императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» середины X в., в двух главах которого — 30 и 31-й — содержатся довольно обстоятельные известия о ранней истории хорватов, включая их «переселение» и «крещение».

«ПЕРЕСЕЛЕНИЕ»

Хотя источник сведений трактата об истории хорватов неизвестен, особенности изложения, присущие 30-й главе, делают вполне приемлемой гипотезу о том, что она опирается в ряде своих известий на историческую традицию самих хорватов³⁵. Вопрос о том, какие именно сюжеты из ранней истории хорватов, представленные в 30-й главе, базируются на хорватской традиции, а какие нет, давно является дискуссионным. Однако пассаж, рассказывающий собственно о переселении хорватов в Далмацию и их победе над аварами, такого рода споров не вызывал: в историографии его безоговорочно относили к элементам хорватской традиции³⁶. Рассказ о «переселении» хорватов, содержащийся в 31-й главе, отличается, главным образом, отсутствием упоминания о семи хорватских вождях, вместо которых фигурирует отец архонта Порги, а также приписыванием главенствующей роли в этом «событии» императору Ираклию (610–641)³⁷.

В более поздних источниках — латинской редакции Летописи попа Дуклянина, Хорватской хронике и Хронике Фомы Сплитского — «этногенез хорватов» изображается совершенно иначе³⁸. Согласно преобладающей точке зрения, эти источники отражают более поздние этапы развития этногенетических представлений, являя собой, главным образом, книжные конструкции³⁹. Согласно другому, менее распространенному взгляду, они, напротив, содержат более древнюю и аутентичную картину событий,

³⁵ В историографии распространено мнение, что 30-я глава была составлена несколько позднее других глав неизвестным автором, являвшимся, по всей видимости, уроженцем Далмации. См. комментарий О. А. Акимовой: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; Пер. Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 368–369.

³⁶ Рассказав о древней родине хорватов — Белой Хорватии — и обитающих там «белохорватах» автор 30-й главы сообщает: «Один из родов, отделясь от них, а именно — пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга, — вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов» (*Константин Багрянородный. Указ. соч.* С. 130 (текст), 131 (перевод)).

³⁷ *Константин Багрянородный. Указ. соч.* С. 136 (текст), 137 (перевод). — Сходство известий венецианских хроник — *Chronicon altinate* и Иоанна Дьякона — об активной деятельности императора Ираклия в регионе Адриатики с тем, что сообщает об Ираклии император Константин, позволило Н. Будаку высказать предположение, что в основе известий трактата о деятельности императора Ираклия была традиция жителей далматинских городов (*Budak N. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // Ethnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 71–76*).

³⁸ См.: Летопис Попа Дуклянина / Уредио Ф. Шишић. Београд; Загреб, 1928. С. 293–296 (латинская редакция), 383–388 (Хорватская хроника); *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana / Digessit Dr. Fr. Rački. Zagrabiae, 1894. P. 25–26; Фома Сплитский. История архиепископов Сплита и Салоны / Вступ. статья, пер., коммент. О. А. Акимовой. М., 1997. С. 35.*

³⁹ См., например: *Акимова О. А. Развитие средневековых представлений о происхождении хорватов // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988. С. 28–34; Katičić R. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae // SHP. Split, 1987. Ser. III. Sv. 17. S. 20–22; Margetić L. Historia Salonitana i Historia Salonitana Maior — neka pitanja // HZ. 1994. God. XLVII (1). S. 2–3; Budak N. Tumačenje podrijetla... S. 71–76.*

нежели та, что зафиксирована в труде императора Константина⁴⁰. Хотя последняя точка зрения вызывает серьезные возражения, не подлежит сомнению то обстоятельство, что отдельные элементы отраженных в них этногенетических представлений восходят к более раннему периоду. Так, в Хронике Фомы Сплитского, написанной в середине – второй половине XIII в., сообщается о прибытии в Далмацию вместе с готским вождем Тотилой из земель Полонии семи или восьми «знатных племен (*tribus nobilium*), зовущихся лингонами», что находит известное соответствие в словах 30-й главы труда Константина Багрянородного о семи хорватских вождах⁴¹. По всей видимости, в Хронике архидиакона Фомы, помимо прочих источников, использовались элементы той традиции, которая легла в основу известий 30-й главы труда Константина Багрянородного⁴².

Попытки вписать известия трактата императора Константина о переселении хорватов в картину далматинского прошлого, восстанавливаемую по крайне скудным сведениям других, более ранних, источников, неизменно наталкивались на трудности, впрочем, не настолько значительные, чтобы в историографии был потерян кредит доверия к данному источнику. Если существование хорватской «прародины» где-то за пределами Далмации нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть сведениями других, более ранних, чем трактат императора Константина, источников, то с предполагаемым переселением хорватов на Балканы дело обстоит иначе. Так, несмотря на все приложенные историками старания, до сих пор не может найти удовлетворительного объяснения отсутствие каких-либо намеков на переселение хорватов в Далмацию в письменных источниках VII–IX веков. Другим труднообъяснимым моментом, как уже множество раз отмечалось в историографии, является то обстоятельство, что, если верить трактату императора Константина, антиаварски настроенным хорватам каким-то образом удалось пройти в Далмацию из расположенной к северу от нее Белой Хорватии, несмотря на то что эти земли отделялись от Далмации центральными областями Аварского каганата, в которых аварская власть осталась непоколебимой вплоть до конца VIII века. Объяснения, дававшиеся этому обстоятельству в историографии, как известно, были весьма разнообразны. Если одни авторы усматривали в нем наглядное противоречие известий императора Константина историческим реалиям, полагая, вопреки этим известиям, что хорваты появились в Далмации вместе с аварами, если не раньше, то другие, напротив, защищали авторитет императора, приводя множество объяснений тому, как хорваты могли переместиться с севера на юг, не столкнувшись при этом с аварским ядром в Паннонии⁴³. «Переселение хорватов» связывали с приго-

⁴⁰ Такова, например, позиция И. Мужича, предпринявшего, пожалуй, самую солидную в новейшей историографии попытку обосновать достоверность известий этих источников об «этногенезе» хорватов. См. примеч. 24.

⁴¹ *Thomas Archidiaconus*. Op. cit. P. 25–26. (Русский перевод: *Фома Сплитский*. Указ. соч. С. 35.)

⁴² См., например: *Hauptmann Lj.* Podrijetlo hrvatskoga plemstva. S. 88–96; *Klaić N.* Marginalia uz problem doseljenja Hrvata // *Hauptmannov zbornik (Razprave SAZU. Knj. V)*. Ljubljana, 1966. S. 32–33; *Košćak V.* O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // *HZ*. 1984. God. XXXVII (1). S. 211–212; *Katičić R.* *Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae*. S. 21–22.

⁴³ Подробный обзор гигантской историографии проблемы за более чем столетний период см.: *Новаковић Р.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво: (Историјско-географско разматрање). Београд, 1978. С. 215–350. — Об исследованиях последних десятилетий см.: *Švab M.* Današnje stanje historiografije o rojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // *Etnogeneza Hrvata*. S. 54–60; *Ферјанчић Б.* Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво: (Осврт на нова тумачења) // *ЗРВИ*. 1996. Књ. XXXV. С. 117–125; *Heyduk J.* Źródła do tzw. etnogenezy Chorwatów dalmatyńskich w świetle nowej literatury // *SA*. 2003. Т. XLIV. S. 33–51.

товлениями авар к осаде Константинополя, будто бы заставившими их оттянуть силы из западных областей каганата⁴⁴, или с поражением авар в ходе этой самой осады⁴⁵. Предлагались также и иные исходные пункты⁴⁶, и не пролежавшие по землям аварской Паннонии маршруты хорватских мигрантов⁴⁷. Наконец, в последние десятилетия стала довольно популярной гипотеза о том, что хорваты оказались в Далмации только в конце VIII в., в годы победоносных войн Карла Великого с аварами⁴⁸.

Не ставя здесь своей задачей разбор аргументации этих, несомненно, остроумных и нередко солидно фундированных гипотез, отметим следующее: все они основываются на допущении, что такие элементы устной традиции или концепты письменных источников, как «переселение», «война», «победа» и т. п., адекватно описывают исторические реалии, под которыми понимаются события, явившиеся наиболее важными эпизодами в истории «народа хорватов». Понятно, что такой подход почти полностью соответствовал представлениям самого ученого императора и его анонимного продолжателя — вероятного автора 30-й главы, а также тех хорватов или жителей Далмации, от которых, в конечном счете, эта информация попала в Константинополь⁴⁹. Хотя скептическое отношение к сведениям трактата Константина Багрянородного о переселении хорватов на территорию Далмации было довольно распространено в историографии еще во второй половине XIX в., следствием этого, как правило, являлось провозглашение данных известий «недостовверными», и лишь относительно недавно исследователи стали открыто сомневаться в адекватности доминировавшего прежде подхода к интерпретации этих известий⁵⁰. Какова же альтернатива доминировавшему в историографии

⁴⁴ См.: Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta...

⁴⁵ См.: Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata. S. 86–127.

⁴⁶ См.: Klaić N. 1) O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // ZČ. 1984. Letnik 38. S. 253–270; 2) Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavju u djelu *De administrando imperio* cara Konstantina VII. Porfirogeneta // SHP. Split, 1985. Ser. III. Sv. 15. S. 52–53.

⁴⁷ См. коммент. Ф. Дворника: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*. Vol. II: Commentary. London, 1962. P. 124.

⁴⁸ См.: Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Zagreb, 1977. Vol. 8. S. 5–88. — См. развернувшуюся по итогам этой работы полемику: Suić M. Ocjena radnje L. Margetića «Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata» // Ibid. S. 85–95; Antoljak S. Obnovljeno i nadopunjeno tumačenje jednoga pasusa u 30. glavi Porfirogenetova *De administrando imperio* // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Скопје, 1979–1980. Кн. 5–6. С. 63–86; Koščak V. Pripadnost istočne obale Jadrana do splitskih sabora 925–928 // HZ. 1980–1981. God. XXXIII–XXXIV (1). S. 291–355; Margetić L. Marginalije uz rad V. Koščaka «Pripadnost istočne obale...» // HZ. 1983. God. XXXVI (1). S. 255–286; Koščak V. O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // HZ. 1984. God. XXXVII (1). S. 211–234; Klaić N. O problemima... S. 253–270; Margetić L. Još o dolasku Hrvata // HZ. 1985. God. XXXVIII. S. 227–240; Klaić N. Najnoviji radovi... S. 31–60; Koščak V. Dolazak Hrvata // HZ. 1987. God. XL(1). S. 339–383; Štih P. Karantanija = stara domovina Hrvatov? // ZČ. 1987. Letnik 41. S. 529–549; Margetić L. Još o pitanju vremena dolaska Hrvata // ZČ. 1988. Letnik 42. S. 234–240; Štih P. K polemiki o vprašanju časa prihoda Hrvatov // ZČ. 1989. Letnik 43. S. 111–117; Margetić L. O nekim pitanjima naše ranosrednjovjekovne povijesti // ZČ. 1990. Letnik 44. S. 121–123. — В недавнее время эпохой франко-аварских войн датировал появление хорватов в Далмации М. Анчич: Ančić M. U osvit novog doba. S. 74–80.

⁴⁹ Отличие можно наблюдать лишь в том, что в историографии некоторые элементы хорватской традиции, такие как сюжет о пяти братьях и двух сестрах, который, в отличие от «переселения» или «победы над аварами», выглядел неправдоподобно, обычно записывались в разряд легенд.

⁵⁰ Важным в этой связи представляется замечание Л. Маргетича, сделанное им в 1990 г. при подведении итогов дискуссии о переселении хорватов, о том, что совершенно не исключено, что «тезис о “приходе” хорватов вообще ошибочно поставлен и что решение вопроса этногенеза хорватов и возникновения их государства следует искать в других социальных и исторических обстоятельствах и фактах...» (Margetić L. O nekim pitanjima naše ranosrednjovjekovne povijesti. S. 123).

подходу к проблеме формирования этнической общности далматинских хорватов, предполагавшему наличие в ее истории скрытой от нас мраком неизвестности добалканской и дохристианской эпохи?

Этногенетические предания, как известно, не только весьма своеобразно отражают исторические реалии, но и несут важную идеологическую функцию, объясняя происхождение и поддерживая сохранение этнической общности⁵¹. Характерные для таких преданий элементы легко распознаются и в рассказе о переселении хорватов. Так, ряд элементов предания (мотив одного рода, состоящего из братьев и сестер, число «семь», наличие героя — эпонима общности), очевидно, должны были подчеркивать единство группы⁵². С другой стороны, уже само перечисление имен вождей должно было указывать на значимость ее отдельных составляющих, кого бы или что бы они собой не представляли. Как показывают исследования этногенетических преданий различных раннесредневековых *gentes*, важным элементом их представления о прошлом являлся также миф об исходе с территории некой «прародины»⁵³. Локализация этой прародины на севере могла в связи с этим являться результатом позднейшей рационализации, исходившей либо от самих хорватов, либо от византийцев, знавших о существовании хорватских групп на севере. К числу элементов, характерных для этногенетических преданий, следует отнести и мотив длительной войны и завершившей ее победы над могущественным противником, с которой начинается история нового «народа»⁵⁴.

Таким образом, хорватское этногенетическое предание, дошедшее до нас в изложении автора 30-й главы трактата «Об управлении империей», обнаруживает значительное сходство с другими памятниками жанра *origo gentis*. Мы позволим себе оставить в стороне дискуссионный вопрос о том, насколько адекватна историческим реалиям во всех своих деталях концепция формирования раннесредневековых *gentes*, разработанная Р. Венкусом. В самых общих чертах мы можем представить себе хорватский «этногенез» как постепенное превращение относительно небольшой воинской группы

⁵¹ См., например: *Leciejewicz L. Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim* // SA. 1990. Т. XXXII. S. 142; *Тржешич Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция* // *Studia Balcanica*, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. София, 1991. С. 35; *Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur Origo Gentis* // *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern*. Т. 1 / Hrsg. von H. Wolfram, W. Pohl. Wien, 1990. S. 30–31; *Hedeager L. Migration period Europe: the formation of a political mentality* // *Rituals of power: from Late Antiquity to the Early Middle Ages* / Ed. by F. Thews and J. L. Nelson. (The Transformation of the Roman World. Vol. 8). Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 18–24.

⁵² См., например: *Тржешич Д. Славянские этногенетические легенды...* С. 41.

⁵³ В действительности же «переселение народа» могло сводиться к закреплению в том или ином районе относительно небольшой воинской группы, становившейся ядром общности, конституируемой на новом месте путем принятия соответствующей идеологии различными по своему происхождению элементами. Результаты исследований некоторых «миграций» V–VI вв. показали, что перемещения воинских групп четко фиксируются лишь в областях, расположенных в относительной близости к римскому лимесу, причем именно римские (византийские) власти зачастую играли основную роль в привлечении этих групп в те или иные приграничные районы в целях обороны от других варваров. См., например: *Amory P. People and Identity...* P. 28–29.

⁵⁴ Как показал Х. Вольфрам, в этногенетических легендах раннесредневековых германских общностей событием, символизирующим рождение или выход на историческую сцену новой общности, часто являлась победа над могущественным врагом, причем этот враг оставался главным для исторической традиции данной общности, иногда даже вопреки историческим реалиям. Х. Вольфрам объясняет это сохранением памяти о том, что заявивший о себе новый «народ» первоначально был частью более большой общности, от которой он насильно отделился, ускорив тем самым ее падение (*Wolfram H. Razmatranja o «origo gentis»* // *Etnogeneza Hrvata* / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 50–51).

в этнополитическую общность. Однако, раннесредневековые общности, как известно, редко находились в стабильном состоянии, неоднократно проходя сквозь серьезные трансформации, каждая из которых в понимании последователей Р. Венкуса могла бы быть названа «этногенезом»⁵⁵. Дает ли нам *origo gentis Chroatorum* достаточно информации для того, чтобы хотя бы гипотетически реконструировать исторический контекст, в котором осуществлялся хорватский «этногенез»? Думается, что на этот вопрос можно ответить положительно. Если вынести за скобки все те элементы хорватского этногенетического предания, которые, как можно убедиться, находят многочисленные аналогии в других памятниках жанра «*origo gentis*», в нашем распоряжении для обнаружения реалий, в которых формировалась *gens Chroatorum*, останутся только имена легендарных хорватских вождей и стойкая оппозиция «хорваты — авары».

Все высказанные в историографии суждения относительно того, кого или что могли символизировать собой семь легендарных вождей, хотя подчас и базировались на серьезном изучении этимологии имен, по понятным причинам остаются сугубо гипотетическими. Определенно можно говорить лишь о том, что имена хорватских вождей, что бы они в действительности не означали, не являются славянскими⁵⁶. Оппозиция же «хорваты — авары» опять-таки дает нам необходимую информацию для того, чтобы попытаться вписать интересующий нас «этногенез» в более или менее знакомый исторический контекст. Стоит отметить, что сама по себе ситуация конфликта вполне могла являться фактором, способствовавшим конституированию нового этнополитического организма. Так, от аваров отделилась и сформировавшаяся на периферии каганата, в районе Сирмия, гетерогенная общность, возглавленная болгарским вождем Кувером, как о том подробно рассказывает вторая книга «Чудес св. Димитрия Солунского»⁵⁷. О похожем пути формирования новой этнополитической общности — *gens Winidorum* — рассказывает и «Так называемая Хроника Фредегара» в своем известном пассаже о «сыновьях гуннов», возглавивших восстание против аварских властей⁵⁸. Если же верить известиям патриарха Никифора, Великая Болгария Кубрата также была консолиди-

⁵⁵ Так, Й. Ярнут насчитывал пять таких крупных трансформаций в истории «лангобардов», каждая из которых, по его мнению, может быть названа «этногенезом»: *Jarnut J. Die langobardische Ethnogenese // Typen der Ethnogenese... S. 97–102.* — Вместе с тем в историографии уже обращалось внимание на неполную ясность того, что именно следует называть «этногенезом» применительно к исключительно сложной этнической истории раннесредневековых *gentes*. См.: *Bowlus C. R. Ethnogenesis Models and the Age of Migrations: a Critique // Austrian History Yearbook. 1995. Vol. XXVI. P. 152–154.* — Справедливо, в частности, замечание П. Эмори: «...существует вопрос, как определить “полный” этногенез. Если этнические группы все время находятся в движении, если членство в них и критерии этого членства все время изменяются, тогда в них постоянно совершается этногенез» (*Amory P. Op. cit. P. 38*). Разумеется, речь идет о весьма условном понятии, отказаться от использования которого, однако, проблематично.

⁵⁶ Как отмечает Р. Катичич, эти имена «не допускают никакой славянской этимологии» (*Katičić R. Filološka razmatranja uz izvore o zašecima hrvatske države // SHP. Split, 1986. Ser. III. Sv. 16. S. 89*).

⁵⁷ Свод. Т. II. С. 170–171 (пер. О. В. Ивановой).

⁵⁸ Там же. С. 366–367 (пер. В. К. Ронина). — На сходство обстоятельств возникновения раннего хорватского политического образования и «державы» Само указал Я. Штайнхюбель, справедливо заметив, что обе политики были образованы группами, интегрированными в аварский социум: *Steinhübel J. Pôvod a najstarše dejiny Nitrianskeho kniežatstva // НС. 1998. Roč. 46. Č. 3. S. 382–383.* — Ф. Курта усматривает в рассказе Хроники Фредегара о происхождении политики венодов Само легенду жанра *origo gentis*, призванную объяснить появление нового политического фактора, беспокоившего Австразию Дагоберта. См.: *Curta F. Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: Medieval Gens or «Scourge of God»? // ЕМЕ. 1997. Vol. 6. P. 148–151.* — При этом остается неясным, базировался ли рассказ хрониста на этногенетической традиции самих «венодов».

рована как сила, противопоставившая себя аварам⁵⁹. Похожие последствия имел и более поздний конфликт в Хазарском каганате: согласно 39-й главе все того же трактата Константина Багрянородного, кавары, вошедшие в качестве отдельной этнополитической единицы, возглавлявшейся своим «архонтом», в состав венгерского политического объединения Леведии, сформировались как особая общность в результате своего отделения от хазар⁶⁰. Вместе с тем у нас нет веских оснований считать, что война «хорватов» с аварами, действительно, имела место, т. е. была более реальной, чем описываемая далее в этом же источнике война хорватов с франками, нередко провозглашаемая в историографии вымыслом хорватской традиции, смешавшей Хорватию с Посавьем. Речь могла идти и о постепенном ослаблении аварской власти, создавшем условия для кристаллизации новой политики на периферии каганата. Однако то обстоятельство, что хорватское этногенетическое предание ставит в начало хорватской истории именно конфликт с аварами, важно само по себе. Оно свидетельствует о том, что, во-первых, далматинские хорваты в середине X в. именно к этому периоду относили начало своего исторического бытия и, во-вторых, что для носителей хорватской этнической идентичности противопоставление себя аварам было особенно значимо. В данном контексте хорватская идентичность может быть понята как идентичность врагов авар. О том, что оппозиция «хорваты — авары» была актуальна для Далмации и спустя более чем сотню лет после окончательного падения каганата, свидетельствует известие 30-й главы о проживании в Хорватии «остатков аваров»⁶¹. Сохранение аварской идентичности среди тех, кто относил себя к *gens Chroatorum*, по понятным причинам, представляется невозможным. Скорее всего, данное сообщение отражает приписывание аварской идентичности какой-то политически организованной группе, прежде лояльной властям каганата, но оказавшейся под властью хорватов. Есть основания полагать, что речь в данном случае шла о социальной верхушке соседней с хорватами этнополитической общности гудусканов, включенной к началу IX в. в состав хорватского вожества, но сохранившей при этом автономный статус⁶². Подобное прочтение хорватского *origo gentis* вкупе с трудно разрешимыми противоречиями, порождаемыми версией о переселении хорватов из земель, расположенных к северу от Аварского каганата, на земли, лежащие к югу от его ядра, склоняет к тому, чтобы считать первоначальную хорватскую (или лишь впоследствии осмысленную в качестве таковой) группу интегральным элементом аварской социально-политической структуры.

Однако, если предположить, что некая группа эволюционировала в этнополитическую общность лишь вследствие конфликта, разразившегося внутри Аварского каганата, или просто потери аварской верхушкой контроля над Далмацией, встает вопрос о том, что она собой представляла до своего отделения от аваров. Представляется исключительно трудным дать на него даже гипотетический ответ. У нас, разумеется, не может быть никакой уверенности в том, что группа, положившая начало хорватской этнополитической общности и изображавшаяся в середине X в. как один

⁵⁹ См.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 153 (текст), 161 (перевод).

⁶⁰ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 162 (текст), 163 (перевод).

⁶¹ Там же. С. 130 (текст), 131 (перевод).

⁶² Подробнее см.: Алимов Д. Е. «Вона дux Guduscanorum»: К вопросу о характере княжеской власти в Далматинской Хорватии в первой четверти IX в. // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2006. Вып. VI. С. 5–21.

хорватский «род» со «своим народом» (или «войском»), обладала на момент отделения от аваров сознанием своего единства и общим самоназванием, хотя и такой вариант не может быть исключен⁶³. В условиях «суперсложного вождества»⁶⁴, каким, по всей видимости, являлся Аварский каганат, родовые подразделения были тесно связаны с военной организацией⁶⁵, что давало необходимый потенциал для появления в условиях ослабления контроля со стороны центральной власти новых этнополитических организмов. Эволюция такого рода в случае с хорватами вполне допустима, как и упоминавшаяся выше гипотеза о наличии в каганате социального слоя «хорватов», позволяющая объяснить появление хорватских групп в районах, расположенных на более или менее значительном удалении от ядра каганата по разные стороны от него (Западные Балканы, Карантания, Чехия и Силезия, Украинские Карпаты). Скудная информация, извлекаемая из имен хорватских вождей, как кажется, не дает веских оснований для того, чтобы отвергать хотя бы одну из предложенных в историографии основных гипотез относительно компонентов того конгломерата, который в середине X в. изображался в качестве пришедшего в Далмацию «народа хорватов», хотя наличие в составе «хорватской» общности появившихся в Далмации в составе гетерогенного «аварского» войска ираноязычных и тюркоязычных элементов представляется особенно вероятным⁶⁶. Однако, каким бы ни был характер первоначальной хорватской идентичности, необходимо подчеркнуть, что только с ее политизацией («хорваты» = враги авар), но никак не раньше, открылся путь для становления той этнической общности, которая будет известна в Далмации под именем хорватов.

Процесс усвоения хорватской идентичности подконтрольными хорватам общинами автохтонного и славяноязычного населения Далмации должен был протекать достаточно медленно. Вместе с тем никаких других «племенных» наименований на первоначально контролировавшейся хорватами территории также не зафиксировано, так

⁶³ Нам известно о наличии в рамках каганата общностей, обладавших собственной этнической идентичностью. Существенным, однако, является то, что формирование этих общностей предшествовало включению их в состав каганата. Интегрированность в аварскую социально-политическую структуру, очевидно, не только не мешала, но и помогала, по крайней мере, некоторым из них сохранять свою этническую идентичность, на что справедливо обращает внимание П. Хивер: Heather P. Disappearing and reappearing tribes // Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman World. Vol. 2). Leiden, 1998. P. 101–102. — Последнее обстоятельство делает особенно сложным разграничение в данных условиях этнической и социальной идентичности, что характерно для так называемых «кочевых империй». Ср., например, с семантикой самоназвания «татары» в условиях Улуса Джучи: Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. М., 2001. С. 85–100.

⁶⁴ О содержании данного термина, введенного Н. Н. Крадиным для обозначения социальной организации так называемых «кочевых империй», см.: Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 328–332.

⁶⁵ См., например, предложенную недавно реконструкцию системы управления в Хазарском каганате: Тортика А. А. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (конец VIII – начало X в.): историческая реконструкция // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 296–318.

⁶⁶ Достаточно близкие некоторым из имен хорватских вождей тюркские имена подыскал финский лингвист Й. Миккола. См.: Mikkola J. J. Avarica // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1927. Bd 41. S. 158–159. — Вместе с тем, само название «хорват», согласно наиболее аргументированным вариантам его этимологии, является иранским. Обзор мнений см., например: Майоров А. В. Великая Хорватия... С. 85–94. — Во II–III вв. в Приазовье имя «Хорват», как о том свидетельствуют знаменитые надписи из Танаиса, использовалось в качестве антропонима, восходя, вероятно, к обозначению одной из местных иранских родственных групп. См. подробно: Škegro A. Two public inscriptions from the Greek colony of Tanais at the mouth of the Don river on the Sea of Azov // Review of Croatian History. Zagreb, 2005. Vol. 1. Nr 1. P. 9–28.

как не существовало, по-видимому, и самих «племен» (=этнополитических организмов), чье существование бы предшествовало появлению здесь властных структур хорватского вожества. Древнейшее известное нам свидетельство использования имени «хорват» политической элитой на территории Далмации относится, возможно, к началу IX в., если верна соответствующая датировка надписи на детали алтарной преграды из церкви св. Марты в Биячи⁶⁷. Как явствует из грамот Трпимира⁶⁸ и Мунцимира (892)⁶⁹, надписи с именем князя Бранимира (879 – ок. 892) из Шопота близ Бенковца⁷⁰, а также надписи из Кулы Атлагича⁷¹, в середине – второй половине IX в. название «хорват» определенно являлось элементом официального титула местного правителя: *dux Chroatorum*, *dux Cruatorum*. В грамоте хорватского князя Трпимира середины IX в. в связи с описанием территории, на которую распространялась юрисдикция Сплитской церкви, было впервые засвидетельствовано сложившееся к этому времени понятие *regnum Chroatorum*⁷². Важно, что, наряду с названием «хорваты», в титулатуре хорватских правителей использовалось и название «славяне». В надписях из Нина⁷³ и из Ждрапня близ Скрадина⁷⁴, где упоминается хорватский правитель Бранимир, он именуется «дуксом славян» (*dux Sclavorum*). Неизвестно, сложилось ли подобное наименование только в результате воздействия романской или франкской традиции⁷⁵, или здесь отразился

⁶⁷ Delonga V. Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. Split, 1996. Kat. 10.

⁶⁸ Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije. Sv. I / Uredio M. Kostrenčić. Sakupili i obradili J. Stipišić i M. Šamšalović. Zagreb, 1967. S. 4–5. — Грамота датируется большинством исследователей 852 г. на основании указания, что она была дана в XV индикт. Л. Маргетичем приведены достаточно убедительные аргументы в пользу более ранней датировки создания грамоты — между 839 и 844 годом. См.: Margetić L. 1) Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3-8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. Split, 1993. God. 30. Br. 1. S. 48; 2) Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 145–146.

⁶⁹ Diplomatički zbornik... S. 23.

⁷⁰ Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... Kat. 130.

⁷¹ Ibid. Kat. 162.

⁷² Diplomatički zbornik... S. 5. — Некоторые авторы считали это место позднейшей интерполяцией, сильно сомневаясь в том, что в середине IX в. земли вплоть до Дуная находились в церковной юрисдикции Сплита. Обзор мнений см.: Klaić N. O Trpimirovoj darovnici kao diplomatskom i historijskom dokumentu // VAHD. 1960. Sv. 62. S. 123. — Предположение это как будто находит некоторое подтверждение и в результатах филологического анализа О. Перич, позволившего установить наличие в тексте петиции двух языковых слоев. См.: Perić O. Jezični slojevi Trpimirove isprave // Жива антика. Скопје, 1984. Год. 34. Т. 1–2. S. 168–169. — Справедливо, однако, замечание Н. Будака, что *regnum Chroatorum* — это архаичное выражение, более соответствующее реалиям IX в., в то время как в эпоху, когда предположительно могла бы быть сделана интерполяция, т. е. в XIII в. и позднее, использовалось выражение *regnum Croatiae (et Dalmatie)* (Budak N. Prva stoljeća... S. 76).

⁷³ Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... Kat. 174.

⁷⁴ Ibid. Kat. 228.

⁷⁵ Бенедиктинский проповедник Готтшалк, который в период между 846 и 848 г. побывал в Хорватии, называет хорватского правителя Трпимира «королем славян» (*Tripemirus rex Sclavorum*) (Hrvati i Karolinzi. D. I. Split, 2000. S. 295). Таким образом, несмотря на факт своего пребывания при дворе хорватского правителя и — как следствие этого — хорошее знакомство с хорватскими реалиями, Готтшалк предпочел именовать этнополитическую общность, во главе которой стоял Трпимир, «славянами», очевидно, следуя обозначению, привычному для франков. О Готтшалке и обстоятельствах его пребывания в Хорватии см.: Katić L. Saksonac Gottschalk na dvoru kneza Trpimira. Zagreb, 1932. S. 2–8; Ivanišević M. Povijesni izvori // Starohrvatski Solin. Split, 1992. S. 34; Rapanić Ž. Solinska epizoda europske povijesti // VAHD. 1992. Sv. 85. S. 92–97. — В адресованных в Хорватию письмах папы Иоанна VIII (872–882) хорватские князья также именуется правителями славян (Diplomatički zbornik... S. 10, 12). В именовании хорватов славянами еще в X–XI вв. Е. П. Наумов усматривал влияние романской традиции далматинских городов: Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 177.

один из уровней этнического самосознания, присущий элите хорватского политического образования той эпохи. Так или иначе, но наличие обоих обозначений в титулатуре Бранимира наводит на мысль, что и хорватами, и славянами в этот период обозначали одну и ту же этнополитическую общность. Если, как полагает Ф. Курта, «славяне» стали славянами не потому, что они говорили на славянском языке, а потому, что их так называли другие, то превращение хорватов в «славянский народ» могло осуществляться иначе, нежели это обычно представляется в историографии, то есть не путем восприятия хорватами славянской идентичности в результате ассимиляции и не вследствие того, что эта идентичность была изначально свойственна группе, ставшей впоследствии в Далмации известной под именем хорватов.

Вместе с тем извне к общности, по крайней мере, правящий слой которой давно именовал себя «хорватами», на протяжении всего IX в. применялись только названия *Scavi* и — в редких случаях — *Dalmatini*. Почему? Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в особенностях использования названных этнонимов, свойственных каждому конкретному источнику, но никак не в том, что имя «хорват» будто бы не являлось в то время названием этнической общности, служа обозначением политической элиты. Очевидно, что подобное противопоставление теряет смысл, когда речь идет об обществах, в которых этнический дискурс был присущ, главным образом, элитам, причем этническая, социальная и политическая идентичности нередко были неразрывно связаны. Независимо от этого обстоятельства, на страницах раннесредневековых нарративов имя правящей элиты могло и распространяться, и не распространяться на все население соответствующей политики⁷⁶. Подобное явление мы, видимо, и наблюдаем в трактате Константина Багрянородного, когда название «хорваты», неоднократно прилагавшееся к «народу», используется также для обозначения политической элиты⁷⁷. Однако об этническом самосознании населения, подвластного в интересующий нас период хорватам, источники судить не позволяют, а потому у нас, естественно, нет оснований не только приписывать ему хорватскую, славянскую или какую-либо иную этническую идентичность, но и вообще предполагать наличие у него «этнического самосознания» как такового⁷⁸, если, конечно, не считать этническим сознание принадлежности к родственной группе или локальной общине.

⁷⁶ Ср., например, весьма показательную ситуацию с полисемантичностью понятия *gens Francorum* в условиях королевства/королевств Меровингов: Goetz H.-W. Gens, kings and kingdoms: the Franks // Regna et gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl; with the collaboration of S. Kaschke. Leiden; Boston, 2003. P. 334–337. — По наблюдениям А. А. Горского, на Руси уже в начале X в. наименование «русь» использовалось как в узком (для обозначения знати), так и в широком (для обозначения всего народа) значениях. См.: Горский А. А. Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской знати // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 228–230. — При этом исследователь отмечает: «Сопоставление данных об этническом самосознании древнерусской знати со сведениями об ее этническом составе наталкивается на противоречие: в X в. в составе дружинного слоя Руси видную роль играют люди скандинавского происхождения, в первой половине этого столетия они, казалось бы, даже численно преобладали (во всяком случае, в окружении киевского князя), но следов особого этнического сознания в дружинной среде обнаружить не удастся: знать не отделяет себя этнически от рядового (т. е. славянского) населения; и представители элиты, и простолудины считаются «Русью»» (Там же. С. 231).

⁷⁷ В 29-й главе император Константин упоминает «хорватов и прочих славянских архонтов» (*Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 116 (текст), 117 (перевод)).

⁷⁸ Об условности понятия «этническое самосознание» применительно к традиционным обществам см., например: Калигин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 46–47.

Процессам, приведшим к появлению новых этнических идентичностей на западе Балкан, несомненно, способствовало длительное отсутствие на этой территории сколько-нибудь действенного контроля со стороны аварских властей. На территориях, в течение более длительного периода находившихся под аварским контролем, ситуация складывалась совсем иная. В этой связи показательно сходство, которое политическое образование, расположенное в среднем течении Савы, обнаруживает с так называемым Нитранским княжеством на юго-западе Словакии. Хотя обстоятельства формирования обеих политий остаются не до конца ясными, археологические данные позволяют с достаточной долей вероятности связывать эти процессы с упадком Аварского каганата около 800 г.⁷⁹ В изображении имеющихся источников в качестве субъектов политической деятельности и в Посавье, и в области Нитры фигурируют не этнополитические общности, а правители⁸⁰. Очевидно, что в рамках возникших здесь политий так и не успели сложиться стабильные, обладавшие самоназванием общности, сопоставимые с *gentes* Западных Балкан и севера Центральной Европы. Вместе с тем и в Посавской Паннонии, и в районе Нитры в эпоху Средневековья и раннего Нового времени устойчивым самоназванием жителей были локальные варианты этнонима «славяне», что вновь заставляет серьезно задуматься о месте славянской идентичности в Аварском каганате и ее соотношении с идентичностью аварской⁸¹.

«КРЕЩЕНИЕ»

В то время как в 31-й главе трактата императора Константина «крещение хорватов», как и их «переселение», привязывается ко времени правления Ираклия⁸², в 30-й главе, базирующейся в данном случае на хорватской традиции, «крещение» отнесено ко времени, когда хорваты освободились от франкского господства⁸³. Если «крещение хорватов» при императоре Ираклии, за неимением современных событиям источников, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, то описание «крещения хорватов» в 30-й главе вступает в очевидное противоречие с картиной, восстанавливаемой по сведениям других источников. Если принять распространенное в историографии толкование, получается, что хорватская традиция смешала Далмацию, чей правитель Борна (=Порин), как явствует из современных событиям франкских источников, был верным франкским

⁷⁹ Подробнее см.: *Třeštík D. Vznik Velké Moravy...* S. 107–135.

⁸⁰ Как справедливо заметил в связи с этим Д. Тржешттик, «Людевит, очевидно, не правил никаким племенем, его власть была самостоятельной, она ни в коем случае не исходила от племени, как это было в современной ему Карантании» (*Тржешттик Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)* М., 1991. С. 80).

⁸¹ Поддерживая гипотезу, согласно которой распространение славянского языка в южной части Центральной Европы было обязано его использованию в качестве *lingua franca* в Аварском каганате, Ф. Курта полагает, что еще до падения каганата под ударами франков авары стали славяноязычными (*Curta F. The Slavic lingua franca (linguistic notes of an archaeologist turned historian) // East Central Europe/L'Europe du Centre-Est*. 2004. Vol. 31. Part 1. P. 147). — В связи с этим особенно актуальным становится вопрос о времени начала использования славянского языка в качестве символа этнической идентичности и о возможной корреляции этого явления с распространением славянской идентичности на пост-аварском пространстве.

⁸² *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 136 (текст), 137 (перевод).

⁸³ После рассказа о будто бы имевшем место восстании хорватов против франкской власти, вылившемся в семилетнюю войну, в которой хорваты одержали победу, автор 30-й главы говорит о хорватах: «С того времени, оставаясь самовластными и независимыми, они попросили Рим о святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов» (*Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 132 (текст), 133 (перевод)).

вассалом и воевал с Людевитом Посавским, с Посавской Паннонией, причем имевшее место в действительности поражение Людевита было заменено здесь вымышленной победой хорватов⁸⁴. Принимая же интерпретацию Ф. Шишича, отождествлявшего Порина с Бранимиром и относившего к 870-м гг. войну хорватов с франками⁸⁵, приходится сталкиваться с отсутствием сведений о такой войне в других источниках и невозможностью отнесения крещения ко времени, когда в Хорватии уже давно существовало свое епископство с центром в Нине⁸⁶.

При отсутствии бесспорных свидетельств христианизации хорватов в VII в. обилие вещественных памятников, связанных с деятельностью в Хорватии франков или обнаруживающих франкское влияние, а также такие признаки франкского влияния в церковной жизни Хорватии IX в., как посвящения церквей, германские (франкские) имена клириков, связь с Аквилеей Нинской епископии, нередко трактовались в историографии как свидетельства того, что христианизация хорватов началась около 800 г. с приходом франкских миссионеров⁸⁷. При этом исследователи не задавались вопросом, свидетельствуют ли эти данные об обращении в христианство язычников или о распространении франкского церковного влияния среди христиан.

Между тем сами франкские источники не содержат никакой информации о крещении кого-либо из хорватских правителей. Важно отметить и полное отсутствие достоверной информации о каких-либо выступлениях против христианизации. Учитывая то, что источники достаточно полно освещают хорватскую историю IX в., с большой долей уверенности можно полагать, что сколько-нибудь выраженная языческая оппозиция в среде хорватской знати отсутствовала вовсе. Среди открытых археологами погребений, которые хотя бы предположительно могут быть отнесены к VII–VIII вв., подавляющее большинство составляют погребения с использованием ингумации, причем сходство их с позднеантичными настолько велико⁸⁸, что зачастую вообще не позволяет отделить погребения автохтонов от погребений пришельцев⁸⁹. Изменения в погребальном обряде, обычно интерпретируемые как результат христианизации, следовало бы на этом фоне трактовать более осторожно, так как не может быть уверенности в том, что более ранние погребения принадлежали язычникам. Эти изменения могли явиться следствием интенсивного воздействия появившихся с приходом франков церковных структур на население, уже давно являвшееся христианским.

⁸⁴ Обзор мнений см.: *Ронин В. К.* Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» // ВВ. 1983. Т. 44. С. 61–63; *Kolaric J.* Historiografija o pokrštenju Hrvata // Počeci kršćanskog i društvenog života u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeća. Drugi međunarodni simpozij o crkvenoj povijesti u Hrvata. Split, 1990. S. 48–49.

⁸⁵ Франкского «архонта» Коцилина Ф. Шишич отождествлял с блатенским князем Коцелом, вассалом франков: *Šišić F.* Povijest Hrvata... S. 356–360, 386–387.

⁸⁶ См., например: *Mandić D.* Pokrštenje Hrvata // *Mandić D.* Rasprave i prilozii iz stare hrvatske povijesti. Rim, 1963. S. 126; *Ронин В. К.* Франко-хорватские отношения... С. 62–63.

⁸⁷ См., например: *Klaić N.* Povijest Hrvata... S. 203–206.

⁸⁸ См.: *Jelovina D.* Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine. Split, 1976. S. 76–77, 147–148.

⁸⁹ На основании обнаруженного в погребениях с ингумацией погребального инвентаря исследователями обычно делался вывод о языческом характере ранних ингумаций. Однако, как отметил А. Милошевич, часто встречающиеся в древних хорватских погребениях керамические сосуды не могут являться надежным показателем принадлежности погребений язычникам, так как аналогичные сосуды были обнаружены в ряде позднеантичных погребений, бесспорно принадлежавших христианам (*Milošević A.* Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Split, 2000. Dio I. S.109).

Таким образом, у нас нет веских оснований говорить о том, что в истории хорватского этнополитического организма в действительности когда-либо имело место событие, представлявшее собой переход «народа хорватов» из язычества в христианство. Как же следует в этом случае интерпретировать известия о «крещении хорватов»? Х. Вольфрам обратил внимание на то, что в некоторых этногенетических преданиях вслед за описанием события, символизирующего выход на историческую сцену нового «народа», — чаще всего таким событием является переход через реку или победа над могущественным неприятелем — говорится также о смене религии или культа, причем и это событие изображается как одномоментное⁹⁰. Нетрудно заметить, что к примерам, которые привел Х. Вольфрам, очень близки и описания крещения хорватов в 31 и 30-й главах трактата императора Константина. Если, согласно 31-й главе, хорваты приняли крещение из Рима вскоре после своей победы над аварами, то, согласно 30-й главе, хорваты попросили Рим о крещении сразу после победы над франками⁹¹.

Поэтому если за известиями о «крещении хорватов» и скрываются какие-то исторические реалии, то они не могут быть интерпретированы как принятие христианства уже сформировавшимся этносом/этнополитическим организмом. Вместе с тем упоминание в 31-й главе императора Ираклия, в правление которого Аварский каганат, действительно пережил крупный внутренний конфликт, а также, очевидно, неславянское имя архонта Порги⁹², гипотетически могут быть вписаны в исторический контекст, в котором происходило становление этничности хорватов. Крещение некоей отделившейся от каганата группы могло служить своего рода идеологическим оформлением разрыва с аварами, одновременно приближавшим ее к Византии, как это, судя по всему, произошло в это же время с верхушкой болгар⁹³. Позволительно поставить вопрос: не могла ли Византия, заинтересованная в обретении действенного противовеса ава-

⁹⁰ *Wolfram H. Razmatranja o Origo Gentis*. S. 51.

⁹¹ Подобное восприятие прошлого было характерным для этногенетических традиций. Например, в исторической традиции Булгарского эмирата на Средней Волге как событие, тесно связанное с принятием булгарами ислама, предстает их война с хазарами, по другим источникам неизвестная. См. об этом: *Измайлов И.* Средневековые булгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность // *История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань, 2006. С. 636–637. — Аналогично с хорватами можно усмотреть и в том, что исламизация булгарской элиты, как известно, предшествовала прекращению их зависимости от хазар и приему булгарским правителем посольства из Багдада, в ходе которого состоялось признание нового исламского государства со стороны Халифата.

⁹² Предложенные славянские формы предполагают сильное искажение имени в греческой передаче. Обзор мнений см.: *ВИИНЖ. Т. II. С. 42*. — С. Сакачем была предложена иранская этимология имени (*Sakač S. K. The Iranian Origins...* P. 45). Еще в изданном в 1876 г. труде С. А. Гедеонова обращалось внимание на сходство имени хорватского архонта с именем мордовского правителя Пургаса, действовавшего в XIII в. (*Гедеонов С. А.* *Варяги и Русь*. 2-е изд. М., 2004. С. 393). Оставляя проблему происхождения имени «Порга» на суд лингвистов, заметим только, что имя «Пурга» (*purga < *porga*) было известно в качестве названия одного из крупных удмуртских родов. Происхождение этого родового имени, связываемого некоторыми исследователями с уграми, остается дискуссионным. См.: *Тепляшина Т. И.* К вопросу об этнониме *por* // *Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967*. С. 261–264; *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. С. 36–37; *Напольских В. В.* Йёгра: (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // *Антропологический форум*. СПб., 2005. № 3. С. 260–263.

⁹³ О крещении в Византии в правление императора Ираклия болгарского хана Кубрата, который, согласно Никифору, также восстал против авар, см. подробно: *Златарски В.* *История на българската държава през средните векове*. Т. I. Ч. I. 3-е изд. София, 1994. С. 85–95; *Артамонов М. И.* *История хазар*. 2-е изд. СПб., 2001. С. 221–230. — Как справедливо предполагал Е. П. Наумов, «крещение хорватов» должно было являться крещением правящей элиты, но никак не «народа», как это было и в случае с булгарами. См.: *Наумов Е. П.* *Общественно-политические сдвиги в сербских и хорватских землях и христианская миссия на Балканах // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси*. М., 1988. С. 74.

рам, сыграть определенную роль в «легитимации» новой политической силы на восточном побережье Адриатики⁹⁴? Вопрос этот остается без ответа, хотя о некоторой активизации церковной жизни на восточном берегу Адриатики около середины VII в. говорить вполне позволительно⁹⁵.

Важно подчеркнуть, что процесс утверждения наименования «хорваты» в Далмации совпал по времени с интенсификацией «христианизации» ее гетерогенного населения, выразившейся, в частности, в широком церковном строительстве, осуществлявшемся хорватским князем и представителями знати, и создании стабильной церковной организации. Таким образом, можно говорить о том, что хорватский этнополитический организм как таковой сложился уже в процессе христианизации, что, конечно, отличает далматинских хорватов от ряда других раннесредневековых *gentes* Центральной Европы (карантанцев, мораван, чехов и др.), оформившихся до принятия новой религии гентильной элитой.

Концепты «переселения» и «крещения» хорватов, как, вероятно, и их «войн» и «побед» над аварами и франками, заимствованные историками из средневековых источников, в первую очередь трактата Константина Багрянородного, неспособны, будучи поняты буквально, дать адекватное объяснение процессам, разворачивавшимся в VII–IX вв. на территории Далмации. Тем не менее отдельные сведения этих источников, такие как упоминание аваров, франков, имена хорватских вождей, позволяют гипотетически и очень приблизительно воссоздать исторический контекст, в котором происходило конструирование хорватской этничности. Что еще более важно, элементы хорватской традиции, несомненно, отражающие значимые для самих хорватов параметры их идентичности (враги и победители авар и франков, христиане, преданные Риму), позволяют в какой-то мере понять механизм этого процесса. Сущность его заключается в том, что утвердившаяся на периферии Аварского каганата, но последовательно отделявшая себя от авар, христианизированная, но противопоставлявшая себя франкам, гетерогенная элита сформировала свою особую идентичность, которая в конечном счете и позволила ей, вместе с оказавшимся под ее властью населением Далмации, превратиться как в собственных глазах, так и в глазах наблюдателей извне в «народ хорватов».

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема 7. 1. 08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

⁹⁴ Исследователи, доверявшие сведениям 31-й главы, интерпретировали их в том смысле, что пришедшие на Балканы хорваты заключили договор с Византией и какое-то время сохраняли статус ее федератов, защищая империю от аваров и лангобардов. См.: *Dabinić A. Državopravni odnos Hrvata prema istočnom carstvu // Rad HAZU. 1941. Knj. 270. S. 49–148; Katičić R. Filološka razmatranja... S. 89–92.*

⁹⁵ Хроника Фомы Сплитского ставит крещение хорватских вождей в заслугу Иоанну Равеннскому, первому сплитскому архиепископу, занимавшемуся в середине VII в. возрождением церковной жизни в Далмации (*Thomas Archidiaconus. Op. cit. P. 33–35; Фома Сплитский. Указ. соч. С. 42–43*). Р. Катичич убедительно показал, что некоторые детали повествования хрониста об Иоанне Равеннском восходят к древним записям Сплитской церкви, которые можно отнести к VII–VIII векам. См.: *Katičić R. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae. S. 31–32, 38–39.* — Дополнительные аргументы в пользу историчности Иоанна Равеннского и датировки его деятельности серединой VII в. см.: *Bužančić R. Toma Arhiđakon i njegove vijesti o Ivanu Ravenjaninu // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Split, 2004. S. 269–286; Basić I. Venerabilis presul Iohannes. Historijski Ivan Ravenjanin i začeci crkvene organizacije u Splitu u VII. stoljeću // Povijesni prilozi. Zagreb, 2005. Sv. 29. S. 7–28.*

Summary

Though the importance of Curta's book cannot be reduced to the fact that its author has applied the instrumentalist approach to the genesis of the early Slavs' ethnicity, this aspect of the book should be especially stressed. If we accept Curta's explanation of Slavic «ethnogenesis», there is no need to treat the early Slavs' identity as a special case of ethnicity because to do so is to draw a conclusion on the basis of the comparison of the early Slavs conceived as bearers of stable ethnic identity embracing nearly all the members of their society with fluent identities of «Germanic» *gentes* constructed by warrior elites. However, in the case of acceptance of Curta's explanation of Slavic «ethnogenesis» another question should inevitably raise: how should one explain the diffusion and maintenance of Slavic identity in Europe within the next few centuries which passed since the Slavs had been mentioned in written sources for the first time? We would like to illustrate the methodological difficulties connected with this range of problems by the example of the early medieval Croats in Dalmatia usually considered to be one of «Slavic» ethnic groups.

A brief survey of the main approaches to the problem of the genesis of the ethnopolitical community of the Dalmatian Croats points to their dependence on notions of what is «ethnogenesis» in general, what is ethnic group in the early Middle Ages and whether there existed a special type of ethnicity in «Slavic» societies. Various interpretations of the character of the initial Croatian community («tribe», *gens*, non-ethnic group) take into consideration one and the same written sources, among which the treatise of Constantinus Porphyrogenitus «De administrando imperio» (c. 950) occupies the special place. In its two chapters — 30 and 31 — it gives detailed information on the early history of the Croats, including their «migration» and «conversion».

Attempts of bringing the story about the migration of the Croats of «DAI» to conformity with the picture of Dalmatia's past, obtained from extremely poor evidence of the other, earlier, sources, encountered great difficulties. Nevertheless, different hypotheses suggested in historiography with the purpose of solving the contradictions were based on the assumption, that such elements of oral tradition or concepts of written sources as «migration», «war», «victory», etc., adequately described historical reality. It is clear, that such an approach almost completely corresponded to that of the emperor himself and his anonymous continuer, the probable author of chapter 30, and also to that of those Croats or inhabitants of Dalmatia from whom, finally, this information has got to Constantinople. Though the skeptical attitude to the story of «DAI» about the settlement of the Croats on the territory of Dalmatia has been widespread enough in the historiography in the second half of the XIX century, as a rule, it simply led to declaring the emperor's information «doubtful», and only rather recently some scholars began to doubt openly in adequacy of the predominant approach to the interpretation of the source.

Ethnogenetic legends, as is known, carry the important ideological function, explaining an origin and maintaining preservation of an ethnic group. Characteristic elements of such legends are easily recognized in the story about the migration of the Croats. Thus, the Croatian ethnogenetic legend that has reached us in the exposition of the author of chapter 30, is very similar to other narratives of the genre of *origo gentis*. In general outline we can imagine the Croatian «ethnogenesis» as a gradual transformation of a small military group into an ethnopolitical community. However, early medieval communities, as is known, were in a stable condition very seldom, repeatedly passing through serious transformations, each of which, according to R. Wenskus's followers, could be named «ethnogenesis». If we leave aside all those elements of the Croatian ethnogenetic legend that have numerous analogies in other narratives of the genre of *origo gentis*, in our disposal

for detecting realities in which *gens Chroatorum* was formed, there are only the non-Slavic names of the legendary Croatian chiefs and the opposition «Croats vs. Avars». Such an approach impels us to consider the initial Croatian (or only subsequently conceived as such) group to be an integral element of the Avar sociopolitical structure. Whatever was the character of the initial Croatian identity, it is necessary to emphasize, that a way for the making of the ethnic group, which will be known in Dalmatia under the name of the Croats, has opened only with its politization («Croats» as the enemies of the Avars), and not in any way earlier.

At the same time, from the outside to the group, at least, ruling layer of which for a long time called itself *Chroati*, during all IX century only the names *Sclavi* and — in rare cases — *Dalmatini* were applied. Why? It seems, that it is necessary to search for the answer to this question in a usage of those names, peculiar to each concrete source, but in any way in the circumstance that *Chroati* was not at that time the name of an ethnic group, serving as a designation of political elite. It is obvious, that there is no point in such an opposition when it is a question of societies in which the «ethnic» discourse was inherent, mainly, in elites, and ethnic, social and political identity have been quite often indissolubly connected. Irrespective of this circumstance on pages of early medieval narratives the name of ruling elites could both extend, and not extend on all the population of a polity depending on a situation. As for the population subjected to the Croats during the period under discussion, there is no ground not only for attributing the Croatian, Slavic or any other ethnic identity to it, but also for assuming the presence of «ethnic self-consciousness» in the true sense of the word at all.

While in the 31-st chapter of «DAI» the «baptism of the Croats», as well as their «migration», is attributed to the time of Heraklius, according to the 30-th chapter based in this case on the Croatian tradition, «conversion» took place in the time when the Croats were liberated from Frankish supremacy. While it is impossible, for the lack of contemporary sources, neither to confirm, nor to deny the «baptism of the Croats» under Heraclius, the description of the «baptism of the Croats» in the 30-th chapter clashed obviously with a picture obtained from the evidence of the other sources.

In the circumstances of absence of indisputable material evidence of christianization of the Croats in VII century an abundance of artifacts connected with activity of the Franks or revealing their influence, and such attributes of Frankish influences as dedications of churches, Germanic (Frankish) names of clergymen, ties of the first Croatian bishopric in Nin with Aquileia, were often treated in historiography as indication, that christianization of the Croats has begun with the arrival of Frankish missionaries c. 800. Thus scholars were not asked by a question, whether these data testify to the conversion in christianity of the pagans or about distribution of Frankish church influence among the Christians.

Meanwhile, Frankish sources do not contain any information on conversion of anyone of Croatian chiefs. It should be noted that there is no trustworthy evidence about any resistance to christianization too. On this background changes in the funeral ceremony, usually interpreted as a result of christianization, should be treated much more carefully as there cannot be a confidence that earlier burials belonged to pagans. These changes could be the result of intensive influence on the population, which was already Christian, of church structures that have appeared in Dalmatia with Frankish missionaries' arrival. Thus, we do not have strong reasons to believe that in the history of the Croatian ethnopolitical organism the event that could be described as the conversion of the «nation» of the Croats from paganism to Christianity took place actually. Therefore, if there are any historical realities behind the story about the «conversion of the Croats», they cannot be interpreted as acceptance of Christianity by already generated ethnopolitical community. It is impor-

tant to emphasize, that the process of maintenance of the name «Croat» in Dalmatia has coincided on time with intensification of «christianization» of its heterogeneous population, expressed in particular, in the wide church building, carried out by the Croatian princes and noblemen, and creation of the stable church organization. Thus, it is possible to argue that the Croatian ethnopolitical organism as such has been formed only in the process of christianization that, certainly, distinguishes the Dalmatian Croats from some other early medieval *gentes* of the Central Europe.

The concepts of «migration» and «conversion» of the Croats as, possibly, of their «wars» with, and «victories» over, the Avars and the Franks, borrowed by modern historians from medieval sources, first of all, from Constantinus Porphyrogenitus's treatise, cannot give us an adequate explanation to the processes developed in the territory of Dalmatia in 600–900 A. D. Nevertheless, some information of «DAI», such as the mention of the Avars and the Franks, the names of Croatian chiefs, allow us to outline hypothetically and very approximately the historical context in which the Croatian ethnicity was constructed. That is even more important, some elements of the Croatian tradition, demonstrating parameters of identity which were significant for the Croats themselves, allow us to understand to some extent the mechanism of this process. Its essence is that the heterogeneous warrior elite affirmed on the periphery of the Avar qaganate, but separated from the Avars, christianized, but opposed to the Franks, has produced its own identity which has finally allowed it, together with the population of Dalmatia subjected to its authority, to turn both in its own eyes, and in opinion of observers from the outside, in what can be called the «Croatian nation».

А. С. Кибинь

ЯТВЯГИ В X–XI ВВ.: «БАЛТСКОЕ ПЛЕМЯ» ИЛИ «БЕРЕГОВОЕ БРАТСТВО»?

По праву оказавшееся в центре внимания историков многих стран, исследование Ф. Курты является прекрасным примером сочетания современных подходов с должным вниманием к письменным и археологическим источникам. В первую очередь, «Создание славян» наглядно показывает, как могут возникать новые этнические группы и как их можно изучать. Хотя предмет нашей статьи напрямую не связан с темой этой книги, мы попытаемся показать «создание ятвягов», отчасти вооружившись ее методикой. Как и в случае со славянами¹, это «создание» включало в себя как представление извне (соседями), так и самоидентификацию, а главной его причиной были перемены политического, социального и культурного контекста на определенной территории.

Интересное значение слова *ятвезь* было не так давно записано диалектологами у жителей Волковысского района Гродненской области — на местном говоре оно означает «речной якорь»: «У ятвезі е жалезо, рыбалоў спушчая яго на ніз на ланцугу, і лотка застаўляюцца»². Как получилось, что термин, который в Средневековье был именем этнической группы, стал обозначать лодочное приспособление? Оставляя этот вопрос без ответа, В. Н. Топоров в своем «Прусском языке» призвал учитывать данные волковысского говора при рассмотрении вопроса об истоках термина *ятвяги*³.

С одной стороны, в данной статье предпринята попытка выполнить этот маленький завет знаменитого балтиста, с другой стороны, наша задача шире — обратившись к особенностям употребления термина в письменных памятниках X–XIII вв., мы

¹ Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500-700. Cambridge; New York, 2001. P. 335

² Сцяшковиц Т. П. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972. С. 576.

³ Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь: I – К. М., 1980. С. 19.

попробуем выяснить его происхождение, а затем рассмотрим вопрос о его функционировании для обозначения групповых различий в X–XI веках.

Не удивительно, что представления о ятвягах со временем изменялись. Еще в XVI в. в историографии ВКЛ и Польского королевства складывается миф о безудержно воинственных обитателях Подляшья и Понеманья, неустанно боровшихся с князьями Руси и Польши и почти целиком павших в неравной битве с ними («Народ ятвягов был настолько воинственным, что [они] не беспокоились о смерти и убийстве, и потому из-за любви к войне и чрезмерного стремления к битве погибли»⁴). Мифологизированный образ лесных и болотных дикарей, живших грабежами, охотой и рыбной ловлей, влиял на представления ученых вплоть до конца XIX в.⁵, и еще в 1890 г. можно было прочесть, что

...проводя большую часть жизни на войне или на охоте, ятвяг, этот вечный бродяга, умирал далеко от своего дома, в дремучем лесу или в открытом бою. Кости его не покоятся на родовом кладбище, под высоким курганом или в тщательно сложенной каменной могиле. Они легли там, где его застала смерть, и исчезли бесследно⁶.

Историки периода романтизма в XVIII и XIX в. выдвигали различные догадки, от кого происходит «таинственный» народ, о котором осталось столь мало известий, — от «дикой и запальчивой сарматской орды» языгов⁷ или варваров-костобоков, обитавших к северу от границ Римской империи⁸.

На смену подобным поверхностным построениям во второй половине XIX в. появляются первые попытки серьезных исследований, основанных на интерпретации исторических источников, данных языка и материальной культуры⁹. Хотя объем самих этих сведений был и остается по-прежнему относительно невелик, за минувшие более чем сто лет литература по ятвяжской проблеме пополнилась сотнями книг и статей. Невозможно здесь ее охватить полностью, важно отметить следующее: в подавляющем большинстве исследований ятвяги определялись и понимались как *балтское племя* (варианты: *древнепрусское племя*, *литовское племя*) — достаточно монолитная группа, четко отграниченная от соседей, обладавшая общностью происхождения, особым языком, культурой, территорией и самоназванием. Поэтому усилия исследователей на протяжении XX в. были брошены на то, чтобы описать особенные язык, территорию, археологическую культуру и самоназвание — все те признаки, которыми, как предполагалось, ятвяги обладали.

⁴ Strykowski M. Kronika. Królewiec, 1582. S. 205.

⁵ Ср.: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. М., 2001. С. 172; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I. М., 2001. С. 91; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. I: История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 56.

⁶ Авенариус Н. П. Дрогичин Надбужский и его древности // Материалы по археологии России. 1890. Вып. 4. С. 1–42.

⁷ Naruszewicz A. Historia narodu polskiego, od początku chrześcijaństwa. Т. II. Warszawa, 1803. S. 420–423.

⁸ Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Т. II. Wilno, 1837. S. 167–169.

⁹ Куклинский С. И. Заметки о западной части Гродненской губернии // Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом. Вып. III. СПб., 1858. С. 47–111; Sjögren A. Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen: Ein Beitrag zur Geschichte Osteuropas um die Mitte des XIII. Jahrhunderts // Mémoires de l'académie impériale des sciences de St-Petersbourg: Sixième série: Sciences politiques, histoire et philologie. Т. IX. Saint-Petersbourg, 1859. P. 161–356; Вольтер Э. А. О Ятвягах // Ежегодник русского антропологического общества при императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1908. С. 1–9.

По поводу языка ятвягов мнения исследователей разделились: одни считали их восточными балтами («литовским племенем»)¹⁰, другие — западными, близкими к пруссам¹¹, а третьи выделяли отдельную ятвяжскую языковую группу, переходную между литовской и прусской¹². Именно переходный характер между реконструируемым «прусским» и литовским языками обнаружила лексика приписанного в 1984 г. ятвягам словарика «Pogańskie gwary z Nagewu» (если, вслед за З. Зинкявичюсом, верить в его аутентичность¹³). Кроме этого, в 90-е гг. XX в. потомками ятвягов были признаны носители островного зетельского говора литовского языка, на котором еще недавно разговаривали жители нескольких деревень Дятловского района Гродненской области¹⁴.

Вопрос о выделении ятвяжской территории оказался еще сложнее, чем о классификации языка. Распространенной в исследованиях последних десятилетий стала точка зрения, согласно которой они обитали в Северо-Восточной Польше к северу от Нарева, в верховьях Бебжи и Черной Ганьчи, в Сувалкии и прилегающих районах Мазурского поозерья. В польской и литовской литературе принято считать, что название (лит. *jotvingiai*, пол. *jaćwiegowie*) охватывало территорию «большого племени», которое делилось, в свою очередь, на четыре части («малых племени»): в северо-западной части — *судовов*, на северо-востоке — *дайनावов*, на юго-западе — *поллексян* или *полешиан* и собственно *ятвягов* — в центре¹⁵.

Вместе с тем археологический материал с территории, считавшейся основным местом обитания ятвягов, поставил перед исследователями загадку. Находки позволили выделить археологам так называемую «Судовскую культуру», которая с конца I в. до конца VIII в. прошла несколько этапов развития, после чего это пространство погружается в археологический вакуум. Исчезают воинские захоронения, коренным образом перестраивается поселенческая структура (население уходит с открытых участков, прячется в лесах и болотах), и лишь немногочисленные находки керамики позволяют судить о сохранении здесь обитателей¹⁶. Ни одно городище или могильник, датированные IX – серединой XI в., в Сувалкии не известны. Чем объясняется этот перерыв в несколько столетий? Ряд новых могильников здесь основывается лишь во второй половине XI века¹⁷. Тогда же, или несколько позднее, начинается жизнь на ряде городищ (самые ранние находки из Еглинца датируются XII в.)¹⁸.

При этом, не все ученые были склонны ограничивать территорию ятвягов исключительно Северо-Восточной Польшей. Исследования гидронимии и топонимии на территории Верхнего Понеманья (северо-запад современной Белоруссии) показали, что ранее его обитатели были балтоязычными, их окончательная славянизация произошла

¹⁰ Brückner A. Starożytna Litwa: Ludy i Bogy. Warszawa, 1904. S. 27; Вольтер Э. А. Указ. соч. С. 7, 9; Rozwadowski J. O stosunku języków bałtyckich i słowiańskich // Rocznik Slawistyczny. T. V. Kraków, 1912. S. 1–24.

¹¹ Отрембский Я. Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 3–8.

¹² Kamiński A. Jaćwież: Teritorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953. S. 154–166.

¹³ Зинкявичюс З. Польско-ятвяжский словарь? // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984.

¹⁴ См.: Vidugiris A. Zietelos lietuvių šnekta. Vilnius, 2004. P. 42–45.

¹⁵ Nalepa J. Jaćwiegowie: Nazwa i lokalizacja. Białystok, 1964; Tautavičius A. Jotvingiai, dainaviai, sūdaviai, poleksėnai ir... // Lietuvos mokslas. 1994. Nr 2. Kn. 1(2). P. 5.

¹⁶ Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. «Sudovia in qua Sudovitae»: The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // Archaeologia Lituana. Vilnius, 2006. Vol. 7. P. 201.

¹⁷ Ibid. P. 201.

¹⁸ Iwanowska G., Niemyjska A. Pendants from the earthwork at Jegliniec: Jatving links with North and North-East European culture environment // Archaeologia Lituana. Vilnius, 2004. Vol. 5. P. 92–108.

значительно позже, чем в других белорусских регионах¹⁹, и последним осколком этого ранее непрерывного балтского ареала был упомянутый зетельский говор²⁰. С ятвягами местное дославянское население отождествил советский археолог В. В. Седов, приписавший им и их славянизированным потомкам особый вид встречающихся в Понеманье археологических памятников — каменные курганы и каменные могилы, датируемые XI–XVI веками²¹. Несмотря на то что часть польских и советских исследователей выступили против того, чтобы отодвигать границу ятвяжского расселения так далеко на восток²², идея о том, что балтское племя ятвягов заселяло территорию будущей Гродненщины, находит сторонников и сегодня²³.

Вне зависимости от того, включается Верхнее Понеманье в состав ятвяжского ареала или нет, считается, что уже в VIII–IX вв. началась его славянизация, первыми свидетельствами которой являются городища Лососна-Велька и Радогоща, керамика которых связывается с культурой Луки-Райковецкой и датируются IX–X вв. Поселения же в Индуре, Волковыске, Кульбачино и Костенево, возникновение которых датируется второй половиной X в., рассматриваются в связи с вхождением региона в зону влияния Руси²⁴.

Пожалуй, единственное, что не вызывает споров в современной историографии, — термин *ятвяги* восходит к единому балтскому самоназванию, которое затем было заимствовано в славянский язык. Прежде чем подвергнуть критике это положение, ответим на вопрос: почему же практически во всех исследованиях ятвяги представляются как постоянная во времени этническая единица с обязательным наличием собственных самоназвания, языка и территории?

Здесь следует сказать, что в роли своеобразного шаблона, с помощью которого в XX в. исследовались и описывались «догосударственные» этнические группы, выступала концепция о *племенах* как первой стадии этнического развития человеческого общества, согласно которой основанные на родовых связях «племена» относительно статичны, обладают общностью происхождения, собственными самоназванием, единым языком или диалектом, культурой, территорией и подразделяются на малые племена и роды. Но в результате исследований последних десятилетий стало очевидно, что эта стройная схема искажает понимание раннесредневековой истории. Мы исходим в данной статье из следующих положений²⁵:

1. Раннесредневековые этнические группы не были неизменными монолитными объединениями, а, напротив, являлись гетерогенными структурами с меняющимся составом.

¹⁹ *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Обзор лингвистической литературы см.: *Мядзведзеў А. М.* Да пытання аб паходжанні беларусаў (па дадзеных археалогіі і мовазнаўства) // ГАЗ. 1998. № 13. С. 10–15.

²⁰ *Vidugiris A.* 1) Iš Zietelos ir pietų aukštaičių leksikos sąsajų // *Vakarų baltų kalbos ir kultūros relikvai*. Klaipėda, 1996. P. 82–89; 2) *Zietelos lietuvių šnekta*. P. 42–45.

²¹ *Седов В. В.* 1) Курганы ятвягов // СА. 1964. № 4. С. 36–51; 2) Ятвяги // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. М., 1987. С. 411–419.

²² *Kamiński A.* Jaćwież... S. 37–39; *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 71; *Nalepa J.* Jaćwiegowie; *Ochmański J.* Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI wieku. Poznań, 1981.

²³ *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 30–42; *Квятковская А. В.* Ятвяжские могильники Белоруси (XI–XIV вв.). Вильнюс, 1998. С. 5; *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства. Жэшаў, 2000. С. 84; *Vidugiris A.* Zietelos lietuvių šnekta. P. 42–45.

²⁴ *Піваварчык С. А.* Да этнічных працэсаў на Панямонні ў раннім сярэднявеччы // ВЗН. 1999. № 11. С. 235–245.

²⁵ См.: *Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Debating the Middle Ages: Issues and Readings*. Blackwell Publishers, 1998. P. 13–24; *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 14–35.

2. Сложно сказать, насколько вообще правильно говорить об *этнических группах*: очерчивание их четких границ становится невозможным, поскольку эти границы существовали, в первую очередь, не в реальном пространстве, а были «воображаемыми». Ключевым понятием исследования становится *этническая идентичность* как выражение принадлежности к особой группе, отличаемой от других.

3. Выражение и проявление этнической идентичности всегда зависело от конкретной ситуации, и она может быть точно обозначена как «ситуационный конструкт». Это означает и то, что в разных обстоятельствах один и тот же человек мог отождествлять себя с различными группами и выступать членом разных групп. В идентификации различных крупных коллективов реальное кровное родство не играло основополагающей роли — важнее было родство *воображаемое*.

4. Основой для самоидентификации была особая картина мира, свойственная каждому человеку, выраженная, в том числе, в разделяемых им мифах и верованиях, в различных смыслах, которыми наделялись люди, элементы материальной культуры и институты, делившиеся на «своих» и «чужих».

5. По мнению историков «венской школы исторической этнографии» Р. Венкуса, Х. Вольфрама и В. Поля, конструирование этнических различий происходило в тесной связи с возникновением претендующих на особое положение социальных групп, институтов, политических структур и их идеологическим оформлением, т. е. обоснованием своего существования и действий. Но в собирании групп играла роль не только эта «политика», но и «традиция», эссенцией которой был миф об общем происхождении, способный сплотить и поставить под одно знамя людей разного происхождения. Носителем традиции был относительно небольшой коллектив, названный Венкусом «ядром традиции» (*traditionskern* — как правило, военная элита), сохранявший ее и передававший другим группам, вовлеченным в процесс «собираения».

6. Справедливо подчеркивается также некоторыми авторами, что в создании группы не менее важны совместное действие и символическое выражение коллективной солидарности в материальной культуре.

7. Необходимо учитывать, что в исторических источниках один и тот же «этноним» может употребляться в различных значениях (политическом, социальном, культурном или языковом), меняющихся со временем и в зависимости от описываемой ситуации. О многих этнических группах нам известно исключительно из посторонних описаний — под примененными в них обозначениями часто скрываются не реальные самоидентификации, а образы ментальной географии, сформированные для отражения сложной и изменчивой реальности, которую необходимо как-то понять и обозначить. В других случаях употребление определенных этнонимов свидетельствует именно о использовании его самой группой, при этом образы, существующие в чужой культуре, могут оказывать взаимное влияние на представления тех коллективов, для описания которых они существуют (яркий пример такого влияния — создание славян в сочинениях византийских авторов, согласно концепции Ф. Курты).

Таким образом, вместо монолитных этнических групп как непрерывных игроков истории, исследование которых становится невозможным, в центре внимания оказываются процессы их «собираения» (возникновения новых политических организмов), «реконструкции» (связанной с передачей коллективной памяти и традиции) и восприятия извне.

Исходя из сказанного, наша первая задача — проследить развитие этнонима *ятвяги*, выяснить направление заимствования и распространения в разных письменных и устных традициях и определить, когда под этим термином может скрываться реальная самоидентификация, а когда — лишь образ ментальной географии.

Обращение к письменным источникам показывает, что принятая в некоторых исследованиях классификационная схема, согласно которой *ятвяги*, *судовы*, *дайновы* и *поллексяне* (*полешане*) были четырьмя частями одного целого «племени», не соответствует действительности: в XIII в. все эти названия функционировали в разных языковых традициях для обозначения одной и той же реальности.

Название *ятвяги* в течение нескольких столетий после первого появления на страницах источников бытует исключительно в летописной традиции Древней Руси. Известий, дошедших с X–XII вв., всего четыре, они разделены значительными промежутками времени и касаются лишь военных акций русских князей: похода 983 г. («Иде Володимеръ на ѡтваги . и побѣ^а ѡтваги . и взѡ землю ихъ»²⁶), затем похода 1038 г. («Ѡрославъ иде на Ѡтваггы») ²⁷, похода 1112 г. («Ходи Ѡрославъ сынъ Стополчъ . на Ѡтваггы второе . и побѣди га»²⁸) и похода 1196 г. («Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичъ . на ѡтваггы . ѡтомъщиватьса . бѡхоуть бо воевали . волость его И тако Романъ вниде в землю ихъ . вни же не могоучи стати противоу силѣ его . и бѣжаша во свои тверди . а Романъ пожегъ волость ихъ и ѡтомъстивса возвратиса во своа си») ²⁹.

Как мы видим, из перечисленных сообщений невозможно понять, что это за группа и где она обитает. Но в 1196 г. уже сообщается о ятвяжских «твердях», а также, хотя и косвенно, о походах самих ятвягов на Волынь. С начала следующего столетия сведения о них становятся гораздо более подробными и регулярными³⁰. Из упоминаний XIII в. очевидно, что в это время русские летописцы так называют группы балтоязычного населения (чаще — в палатализованной форме *ятвезе*), обитавшего на территории современной Северо-Восточной Польши, а также в части Юго-Западной Литвы, с которыми вели войны галицко-волынские и мазовецкие князья. Очевидно, что в указанный период на «ятвяжской» территории происходило выдвигание и соперничество локальных военных лидеров, подобных «волхву» Скомонду³¹, способных повести за собой значительные военные силы и проводить внешнюю политику от имени отдельных групп. Данные летописей и западных источников также показывают, что невозможно говорить об их политическом и этническом единстве, — ятвяжских «князей» были десятки, а идентификация ятвягов происходила в рамках небольших территориальных образований (*злинцы*, *покенцы* и *крисменцы*)³². В битвах с русскими, польскими,

²⁶ ПСРЛ. Т. I. М., 2000. Стб. 82. — В Радзивилловской, Академической — «ятвягы». В Ипатьевской: «Иде Володѣмиръ на ѡтвагы . и взѡ землю ихъ» (ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 69).

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 153. — Иногда на основании сообщения свода 1479 г. («Ходи великий князь Ярослав на Ятвяги и не може ихъ взяти») исследователи считают этот поход неудачным (*Пашуто В. Т.* Образование литовского государства. М., 1959. С. 11). Однако скорее следует предполагать здесь плод собственных умозаключений сводчика XV в. — все более ранние известия совпадают по полноте с традиционной редакцией «Повести Временных Лет» и Начальной летописи.

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 289.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 701.

³⁰ Основным источником по истории ятвягов является так называемая Галицко-Волынская летопись, сохранившаяся в составе Ипатьевской летописи и других списков (ПСРЛ. Т. II. Стб. 715–937).

³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 799.

³² Там же. Стб. 810, 833.

литовскими князьями и отрядами немецкого Ордена период ятвяжской независимости заканчивается. После того как пала в 1283 г. последняя ятвяжская твердыня, современники практически забывают о них как о политическом противнике.

К XIII в. термин *ятвяги* проникает и в латинские источники. По-видимому, из рассказа побывавшего на Руси путешественника о нем узнал в Англии Гервазий Тильбурский, разместивший между Польшей и Ливонией языческий народ *ярменсов* (*sed et inter Poloniam et Livoniam sunt pagani, qui Jarmenses dicuntur*)³³. С середины XIII в. *Jaczwyagi*, *Yaczwagy* и др. известны по документам канцелярии Конрада Мазовецкого, имевшего постоянные связи с русскими князьями³⁴. Тогда же слово начинает употребляться в папской канцелярии и источниках орденского происхождения³⁵.

Отсутствие в Польше этого названия до середины XIII в. не означает, что ранее здесь не существовало особого термина для обозначения обитателей лесистых и болотистых территорий к северу и северо-востоку от Мазовии. Во-первых, начиная с гибели св. Войцеха Адалберта в 997 г., в латинской книжности широко распространяется название *прусы* (*prusci, prutheni*). Во-вторых, когда в конце XII в. Казимир отправляется в поход на союзных дорогичинскому князю язычников, они названы Кадлубком *pollexiani* («...эти полексяне/полешане — народ гетов или пруссов, народ жесточайший, свирепее всех диких зверей, недоступный из-за охраняющих доступ обширных лесов, густых пущ и смоляных болот»³⁶). Этот же термин используется в куявских и орденских источниках по отношению к ятвягам в середине XIII века³⁷. Исходная форма *pollexiani* (лат.) не ясна — ряд исследователей настаивали на славянском его происхождении (согласно С. Зайончковскому и Х. Ловмянскому — от территориального обозначения *Полесье*)³⁸, другие — на балтском (согласно Е. Налепе, слово произведено от названия реки *Лэк*)³⁹, но очевидно, что обозначение употреблялось на территории Польши до того, как было вытеснено названием *ятвяги*.

Особый термин, *судовы* (лат. *sudovitae*, нем. *sudowen*) использовался в орденской традиции. Именно так в большинстве случаев названы те, кто в русских летописях XIII в. именуются ятвягами⁴⁰, хотя орденские документы знают и два предыдущих названия.

Что же касается балтских языков, на которых разговаривало большинство населения, называемого в XIII в. ятвягами, то в них нет никаких свидетельств употребления термина *jatvingiai*, или *jotvingiai*, реконструируемого лингвистами. Те группы и их территория, которые так обозначались по-славянски, в литовских («восточнобалтских») диалектах назывались *дайनावой* (*dainavà*). О тождестве этих понятий (а совсем не о том, что Дайнава — часть Ятвягии) говорят как акт Миндовга 1259 г. (*Denowe tota, quiam etiam Jetwesen vocant*)⁴¹, так и современные данные зетельского говора, в

³³ См.: Kamiński A. Op. cit. S. 16; Zajczkowski S. O nazwach ludu jądźwingów // Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu. Toruń, 1953. T. XVIII. Zesz. 1–4. S. 180.

³⁴ См.: Kamiński A. Op. cit. S. 14.

³⁵ См.: Ibid. S. 17; Zajczkowski S. Op. cit. S. 179–181.

³⁶ MPH. T. II. Lwów, 1872. P. 421.

³⁷ Kamiński A. Op. cit. S. 19–20; Zajczkowski S. Op. cit. S. 183.

³⁸ Zajczkowski S. Op. cit. S. 184; Łowmiański H. Pogranicze Słowiańsko – jaćwieskie // Acta Baltico – Slavica. 1966. Vol. III. S. 89–90.

³⁹ Nalepa J. Jaćwiegowie... S. 47–49.

⁴⁰ SRP. T. I. Leipzig, 1861. P. 51, 52, 73, 92, 125–131, 137–143, etc.; Kamiński A. Op. cit. S. 25–32; Zajczkowski S. Op. cit. S. 179; 188–191.

⁴¹ «Дайнава вся, которую также некоторые называют Ятвезью» (Preußisches Urkundenbuch / Hrsg. von A. Seraphim. Königsberg, 1909. Bd. 1. Hf. 2. S. 70. Nr 79).

котором деревня в 5 км от Дятлово/Зетелы, называемая по-славянски *ятвезь*, носит имя *Dainavà*.

В балтском топонимическом материале на территории современной Литвы из всех четырех рассмотренных терминов отражены лишь названия *судовы* и *дайनावы* (существует множество деревень под подобными названиями в Среднем и Верхнем Понеманье⁴²), но не известно ни одного топонима, производного от реконструируемого лингвистами балтского названия *jatvingiai* или *Jatva*. При этом на территории Верхнего Понеманья зафиксированы десятки топонимов типа *Ятвезь*, отражающих славянское название, свидетельствующие, что оно употреблялось в местном славянском диалекте по отношению к балтоязычному населению⁴³.

Итак, снова подчеркнем, что все четыре упомянутых названия имеют свою историю происхождения и особенности употребления (поэтому нельзя назвать их синонимичными), но во всех случаях они отражают взгляд извне с четырех сторон приблизительно на одну и ту же реальность и обозначают обитателей Сувалкии с окрестными территориями. Внутри этого «ятвяжского» пространства подлинную роль в групповой идентификации играли не эти названия, а более малые территориальные обозначения, производные от топонимов (Крисмен, Покима).

Такова была политическая ситуация в XIII в. Но мы не можем автоматически проецировать ее на более ранние столетия, поскольку летописные сведения о ятвях X–XI вв. ограничены, а по археологическим данным очевидно, что обстановка в этих землях сильно отличалась от XIII в. Недостаток информации о ятвях в более раннее время может восполнить обращение к этимологии самого рассматриваемого названия.

Несмотря на то что источники не позволяют говорить об употреблении термина *ятвяги* балтами, подавляющее большинство исследователей искали именно балтскую его этимологию — казалось логичным, что группа, разговаривающая в XIII в. на балтских языках, должна иметь и балтское самоназвание. В XIX — первой половине XX в. было выдвинуто множество вариантов его этимологии, но поскольку они либо необоснованны, либо просто фантастичны, мы не будем уделять им внимание⁴⁴. Больше других было распространено мнение Е. Налепы, который в 1964 г. реконструировал ятвяжское племенное самоназвание в виде **Antivingas* от предполагаемого гидронима **Antia* («ятвяжское» название реки Черной Ганьчи), но и оно не устроило лингвистов — польский исследователь не учел, что во всех, даже наиболее ранних, упоминаниях названия носовой гласный в первом слоге отсутствует⁴⁵. Обоснованной критике подвергся и Е. Охманский, видевший в корне названия **jātvingas* балтский гидроним **Aitvā*⁴⁶.

Значительную поддержку получила версия, выдвинутая в 1925 г. К. Бугой, реконструировавшим самоназвание **jātvingas* из ятвяжского **Jātṽ* «земля ятвягов», которое,

⁴² См.: *Kamiński A.* Op. cit. S. 63.

⁴³ Ibid. — См. также: *Непокупный А. П.* Балто-северославянские языковые связи. Киев, 1976. С. 105–111; *Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988. С. 195–213.

⁴⁴ Т. Нарбутт производил его от лит. *juodai vēžiai* «черные раки», Н. Окелевич — от лит. *jautis* «вол», Й. Басанавичюс — от лит. *getve* «пастбище», А. Брюкнер — от лит. *ietis* «копье», Е. Кухарский — от прусск. *azva* «кобыла»; и т. д. Критику этих гипотез см.: *Ochmański J.* Nazwa jaćwiegów // Europa—Słowiańszczyzna—Polska: Studia ku uczczeniu profesora Kazimierza Tymienieckiego. Poznań, 1970. P. 200–201; *Топоров В. Н.* Прусский язык. С. 19.

⁴⁵ *Ochmański J.* Op. cit. P. 202; *Топоров В. Н.* Прусский язык. С. 18.

⁴⁶ *Топоров В. Н.* Прусский язык. С. 18.

по мнению исследователя, было связано с предположительно существовавшим одноименным названием реки⁴⁷. Но, несмотря на то что многих исследователей это объяснение устроило, В. Н. Топоров, хоть и принял версию Буги как гипотезу, называл глоссу **jatv-ing-* в прусском «сугубо условной реконструкцией»⁴⁸. Его сомнения были основаны, в первую очередь, на отсутствии топонимических подтверждений бытования этого балтского названия⁴⁹, а также, видимо, и на том, что на всем «ятвяжском» пространстве отсутствует гидроним **Jātvā*.

Не менее весомый аргумент против привел В. Мажюлис: суффикс *-ing* не является продуктивным для балтской этнонимии, все известные балтские групповые обозначения (например, *lietuvis*) произведены по иной модели, руководствуясь которой литовский лингвист реконструировал самоназвание ятвягов в форме **jatuvīs*⁵⁰. Окончание же славянского *ятвяг* он считал не балтским, а связанным с древнерусскими этносоциальными обозначениями *колбяг*, *варяг* и *буряг*, в которых оно имеет древнесеверное происхождение⁵¹. Поскольку В. Мажюлис поддерживал гипотезу К. Буги о существовании балтского названия **Jat(u)va*, его реконструкция выглядит не менее искусственно⁵², однако замечания по поводу сходства окончания в слове *ятвяг* с другими древнерусскими этносоциальными терминами очень ценны и направляют наш дальнейший поиск.

Древнесеверное происхождение названий *варяг*, *колбяг* и *буряг* можно считать установленным. Широко известное *варяг*, имевшее в древнерусском языке значение «пришлый чужестранец, дружинник», наиболее вероятно, происходит от древнесеверного *váringr* — «член союза, корпорации» (от *vár* «верность, порука, обет, клятва»)⁵³.

Термин *колбяги*, известный из Русской Правды, обозначал этносоциальную группу, сложившуюся в Приладожье не ранее второй половины X в. из пришлых скандинавов, местных и пришлых финнов, потомков волховско-сясьской «руси», которые занимались сельским хозяйством, промыслами, сбором дани, торговлей и службой в византийских и русских войсках и с 1020-х по 1070-е гг. входили в сферу влияния ладожского ярлства⁵⁴. В исландских сагах это название известно в форме *Kyulfingr* (этимологически связано с древнесеверным *kylfa* «дубина»), что буквально можно переводить как «дубинщик»⁵⁵. Третье название, *буряги*, в отличие от двух предыдущих, реконструировано на основании топонимов и не отражено в письменных источниках. По-видимому, обозначало оно группы населения, обслуживающего волоки на пути из варяг в греки, или же отдельную торговую корпорацию (этимологически восходит либо к *bår* «волок», либо к *bur* «дом»)⁵⁶.

⁴⁷ *Būga K.* Lietuvių kalbos žodynas. Z. 2. Kaunas, 1925. P. LXXXVII.

⁴⁸ *Топоров В. Н.* Прусский язык. С. 15.

⁴⁹ Там же. С. 15–19.

⁵⁰ *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas, I–K. Vilnius, 1993. P. 7–13.

⁵¹ *Ibid.*

⁵² Кроме уже предъявленных сомнений, удивительно, как корень слова и его суффикс могут быть заимствованы по отдельности из двух разных языковых традиций в третью.

⁵³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964. С. 276.

⁵⁴ *Мачинский Д. А.* Колбяги «Русской правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988. С. 52–54; *Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах (X–XVI вв). Петрозаводск, 1996; *Кулешов В. С., Мачинский Д. А.* Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 207–227.

⁵⁵ *Фасмер М. Р.* Указ. соч. Т. II. С. 287.

⁵⁶ Там же. Т. I. С. 250.

Во всех этих случаях славянскому *-eg* (-аг) на конце слова соответствует скандинавский суффикс *-ingr*, и, надо полагать, *ятвяги* не являются исключением в этом ряду.

Каково же происхождение корня этого слова? Рассматривая летописные известия о *ятвягах*, мы не упомянули о самом древнем источнике, содержащем этот «этноним». В договоре князя Игоря 944 г. с Византийской империей, текст которого приведен во всех списках ПВЛ, один из нескольких десятков послдов, заключавших мир «от рода Рускаго» с греками, носит имя *Ятвяг Гунарев*⁵⁷. Большинство имен этого договора (в том числе и *Гунар*, которого представлял *Ятвяг*) имеют выраженное древнесеверное происхождение:

Мы от рода рускаго· съли и гостье· Иворь соль Игоревь· великаго князя Рускаго· и обьчии сли· Вуефасть Святославль сына Игорева· Искусеви Ольги княгини Слуды Иго-
ревь· нети Игоревь· Оулѣб Володиславль Каницарь Передьславинь Шихъбернь·
Сфанъдръ· жены Улѣблѣ Прасьтѣнь Турьдуви Либиарь Фастов· Гримь Сфирьковъ
Прасьтѣнь· Акунь· нети Игоревь Карь· Тудковъ· Каршевь· Турьдовъ· Егри Евлисковъ·
[Воист] Воиковъ· Истръ· Аминодовъ· Прасьтѣнь· Берновъ· Ятвягъ Гунаровъ Шибридъ·
Алдань Коль Клековъ· Стегги Етоновъ· Сфирка· Алвадь Гудовъ· Фудри Гуадовъ·
Мутурь Оутинь· купець Адунь· Адулбъ· Иггивладъ· Олѣбъ, Фрутань· Гомоль· Куци·
Емигъ· Турьбидъ· Фурьстѣнь· Бруны· Роалд Гунастръ· Фрастѣнь· Игельдь· Турьбернь·
Моны· Руалд· Свѣнь· Стирь· Алдань· Тилена· Пубьксарь· Вузлѣвь· Синко· Боричъ·
послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людии Рус-
кия земля⁵⁸.

Показательны слова Ф. Б. Успенского:

Очевидно, что носитель имени Ятвяг мог получить такое имя, происходя из племени ятвягов и оказавшись в инокультурной среде, или так могли назвать человека, обла-
давшего внешним сходством с ятвягами, торговавшего с ятвягами, имевшего с ними
любые другие неродовые связи⁵⁹.

В последние более чем сто лет господствует убеждение, что имя *Ятвяга Гунарева* произведено от балтского этнонима, и он считается либо дружинником-ятвягом на службе русского князя, либо даже наместником Киева в Ятвяжской земле⁶⁰. Но, как мы успели заметить, считать сам термин *ятвяги* балтским нет никаких оснований, а окончание его указывает на древнесеверное происхождение. В отличие от позднейших авторов, исследователи XVIII–XIX вв. учитывали общий антропонимический контекст договора и выдвигали скандинавские соответствия имени *Ятвяг*: некоторые таким считали *Астмяг* (*Astiäg*)⁶¹, другие — *Haufthing*⁶². Эти реконструкции далеки от убедительности, но важно, что уже тогда была замечена тождественность окончаний в словах *ятвяг*, *вяряг* и *колбяг*. В связи со сказанным, к вопросу о происхождении этого имени в договоре 944 г. необходимо возвратиться.

⁵⁷ В различных списках имя написано по-разному: *Ятвѣагъ*, *Ятвѣагъ*, в Лаврентьевском — даже *Ятвѣагъ* *Гунаровъ* (написание испорчено, как и в статье того же списка 983 г. «Иде Володимеръ на *Ятвѣаги*») (ПСРЛ. Т. I. Стб. 47, 82)). В Хлебниковском списке *Ятвѣагъ* *Ноунаревъ*, хотя в Ипатьевском — *Ятвѣагъ* *Гунаревъ* (ПСРЛ. Т. II. Стб. 35).

⁵⁸ Орфография упрощена, разночтения не указываются (ПСРЛ Т. I. Стб. 46–47; ПСРЛ. Т. II. Стб. 35–36).

⁵⁹ Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 61. Примеч. 30.

⁶⁰ См.: Пащито В. Т. О возникновении Литовского государства // Известия АН СССР. Серия исторических и филологических наук. 1952. Т. IX. № 1. С. 42.

⁶¹ Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. St Petersburg. 1844. P. 9–13.

⁶² Довернуа А. О происхождении Варягов-Руси // ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 75–76.

На наш взгляд, наибольшее фонетическое подобие славянской форме *Ятвяг* обнаруживает имя *Játvígr*, упоминаемое в Саге о Кнютлингах⁶³ и соответствующее англосаксонскому *Eádwíg / Edwy* (*eád* «удачливый», *wíg* «война»)⁶⁴.

Не может быть случайным и сходство этого имени с исследуемым этнонимом. Поскольку *-vígr* не объясняет возникновения носового гласного в славянском *-ваг*, вероятно, что славянское *ятвяг* как название группы восходит к древнесеверному *játvingr*, патронимическому производному от имени *Játvígr* и означающему либо «потомок Ятвяга», либо «человек Ятвяга».

Вне зависимости от конкретной этимологии термина, для нас в первую очередь важно признание его древнесеверных (или шире, германских) корней. Перед нами встает основной вопрос: что за группа под этим названием фигурирует в источниках X–XI вв., и как имеющее подобную этимологию название стало обозначать людей, говоривших на балтских наречиях?

Ответить на него, как нам представляется, можно, учитывая уникальные данные волковысского говора и археологических раскопок, проведенных белорусскими археологами за 60–90-е гг. XX века. В начале статьи было указано, что в современном волковысском говоре *ятвезь* значит «речной якорь». Зафиксировано слово исключительно на небольшой территории вокруг Волковыска, поэтому нет сомнения, что оно возникло именно здесь в результате переноса названия с группы на один из атрибутов, с ней ассоциируемых. Следовательно, диалектизм является отзвуком ситуации, когда в окрестностях Волковыска по реке Росси и ее притокам ходили лодки, снабженные железными якорями, которые по преданиям назывались местными жителями *ятвяжскими*. Такая ситуация в Верхнем Понеманье могла сложиться лишь однажды.

Во второй половине – конце X в., когда традиционно считавшаяся ятвяжской территорией Сувалкия продолжает пребывать в археологическом вакууме, в Верхнем Понеманье существуют поселения в Лососне-Велькой (гмина Кузница-Бялостоцкая, Польша), Радогоще в 15 км от Новогрудка и основываются новые городища Индура на Свислочи, Кульбачино в Щучинском районе, а также Муравельник в Волковыске⁶⁵.

Культура обитателей Кульбачинского и Волковысского (Муравельник) городищ обнаружила четко выраженное скандинавское влияние. Именно связанные с северной военно-дружинной культурой находки в совокупности с керамикой позволили датировать эти памятники концом X – первой половиной XI века. К предметам, относящимся к указанному времени, принадлежат ланцетовидные наконечники стрел и копий с орнаментированной втулкой с Кульбачинского городища⁶⁶, шпоры, ланцетовидные наконечники копий и стрел, железный ключ и подвески

⁶³ *Jómsvíkingasaga ok Knytlínga*. Kaupmannahöfn, 1828. P. 190.

⁶⁴ *Bosworth J., Toller T. N.* An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Oxford, 1898. P. 224.

⁶⁵ *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. С. 62–90; *Пивоварчык С. А.* 1) Беларуская Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.ст.). С. 17; 2) Да этнічных працэсаў... С. 237; *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005. С. 87–106.

⁶⁶ *Пивоварчык С. А.* Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X–XIII вв.) // ГАЗ. 1994. № 3. С. 190–201.

в стиле Борре с Муравельника⁶⁷, а также случайная находка — меч из окрестностей Гродно⁶⁸.

Я. Г. Зверуго, руководитель раскопок в Волковыске, считал его и другие городища опорными пунктами Руси, начавшей в X в. колонизацию региона⁶⁹. Но интерпретации этих поселений как русских противоречит отсутствие преемственности между ними и собственно русскими городами: жизнь в Кульбачино, Индуре, на Муравельнике и Радогоще прекращается около середины XI в., большинство из этих городищ гибнут в огне пожаров. И как раз в середине – второй половине XI в. возникают новые крепости, которые полностью меняют географию политических центров: основывается Городен (Гродно), возводятся укрепления в Новогрудке, а затем (во второй половине – конце XI в.) — в Волковыске (на Шведской Горе) и Слониме. В XII в. эти поселения станут городами, которые будут определять политическое и культурное развитие региона. С начала XII в. Городен появляется на страницах летописей как место княжения князя Всеволодка Ярославича.

Волковысское слово *ятвезь* указывает на судоходство как на одно из основных занятий ятвягов. Археологи В. А. Булкин и В. Н. Зоценко высказывали предположение, что Неман служил торговой магистралью на пути из варяг в греки еще до начала развития пути по Волхову и Двине⁷⁰. Хотя более ранних, чем X в., находок из Понеманья, связанных со Скандинавией, не обнаружено, и общее их количество гораздо меньше, чем в бассейне Двины или Волхова, археологические материалы подтверждают вывод, что Неман был одной из магистралей, связывающих Куршское побережье Балтийского моря с Полесьем и более южными территориями.

В конце VIII в. в Полесье возникает открытое поселение в Городище (12 км от современного Пинска); постепенно разрастаясь, в X в. оно занимает господствующее положение в регионе благодаря развитию торговли и ремесла⁷¹. Кроме различных связей с Прибалтикой, Средней Азией и Средиземноморьем культура Городища имеет и скандинавское влияние (на это указывает находка вилки с загнутыми зубцами, подобной которой входили в VIII–X вв. в шведские банкетные наборы). По мнению археолога О. В. Иова, основной функцией Городища было обслуживание Днепро-Неманского торгового пути. Жизнь на поселении прекратилась в конце X – начале XI века⁷².

⁶⁷ Зверуго Я. Г. 1) Древний Волковыск X–XIV вв. Минск, 1975. С. 43; 2) К вопросу о ранних этапах истории городов Понеманья // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 62; Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006. С. 39. Рис. 25.

⁶⁸ Николаев Н. В. Меч X века из Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 81–82. — К скандинавским находкам ранее причисляли шлем из Слонима, но, согласно последним исследованиям, его скорее следует связывать с балтскими дружинными древностями XII–XIII вв.: Плавинский М. Слонимский шлем (Датаванне и паходжанне) // Гістарычны Альманах. Т. VIII. Гродна, 2003. С. 137–144.

⁶⁹ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X–XIV вв. С. 136. — В отличие от Я. Г. Зверуго, С. В. Белецкий и Ю. М. Лесман подчеркивали возможность присутствия в населении городища Муравельник североевропейского «варяжского» элемента: Белецкий С. В., Лесман Ю. М. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. 1979. № 1. С. 312. — Я. Г. Зверуго выступил против выделения особого «варяжского» периода в истории Волковыска, хотя и признал наличие в нем выходцев из Скандинавии: Зверуго Я. Г. К вопросу о ранних этапах истории городов Понеманья. С. 62.

⁷⁰ Булкин В. А., Зоценко В. Н. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь в IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 123.

⁷¹ Иоў А. В., Вяргей В. С. Гандлёва-эканамічныя сувязі насельніцтва заходняга Палесся у IX – пач. XI ст. // Гістарычна-археалагічны зборнік Памяці Міхася Ткачова. Мінск, 1993. Ч. 1. С. 117–134.

⁷² Там же. С. 126.

Находка же наконечника ножен меча с городища Франополь (Брестский район Брестской области), возникшего во второй половине X в., на котором помещено стилизованное изображение последней битвы Одина и Фенрира, представляющее образец развития скандинавских изобразительных традиций в балтской среде, имеет четкие параллели на Балтийском побережье Самбии⁷³. И снова ситуация повторяется: после сожжения городища Франополь в результате военного нападения на рубеже X–XI вв., в этом регионе появляется форпост русских князей — Берестье, самые ранние слои и укрепления которого относятся к началу XI в.⁷⁴, а первое летописное упоминание — к 1017 году.

Итак, именно население сожженных в конце X и середине XI в. поселений можно, на наш взгляд, отождествить с ятвягами, упомянутыми в сообщениях 983 и 1038 года. Этим именем, как показывают приведенные данные, называлась смешанная по составу поликультурная военно-торговая группировка, возникшая во второй половине X в. в Верхнем Понеманье и Северном Полесье, которая занималась, подобно колбягам в Приладожье, войной, промыслами и обеспечением речной торговли по Неману, соединявшему самбийский торговый центр Кауп (существовал с начала IX в. до 1016 г.⁷⁵) с днепровским и бужским бассейнами (Киевом и Червеньскими городами).

Без сомнений, *ятвяги* не представляли языкового и культурного единства. В их составе можно предполагать наличие германоязычного компонента (выходцев из Скандинавии и их потомков), балтоязычного (как местных жителей, так и пришлых с Балтийского побережья), а также славяноязычного — керамика многих из упомянутых городищ указывает на связи с более южными территориями, в первую очередь с Волинью⁷⁶. В данном случае мы имеем дело в определенном смысле с социальным термином, обозначающим род занятий: ятвяжская дружинная культура не многим отличалась от культуры варягов или Руси.

Вместе с тем возникновение отдельного наименования для этой группы свидетельствует о необходимости особой самоидентификации для ее представителей, которая отражала сплоченность коллектива и его противопоставленность другим. По-видимому, «собрание» ятвягов следует относить ко второй половине X в., когда возникли упомянутые ятвяжские городища и открытые поселения. Определенно можно сказать, что этот процесс совершился к началу 980-х гг., когда Владимир предпринял военный поход и «взял землю их». Этот поход был связан с предыдущим занятием Червеньских городов в 981 (979?) г.⁷⁷ и вызван стремлением поставить под контроль весь Бужско-Неманский торговый путь. Сожжение городищ Франополь, Городище и основание Берестья, как кажется, хорошо вписывается в картину русской экспансии конца X в., которая могла и не ограничиваться одним упомянутым походом. Следы разорения этого времени найдены и в Волковыске — вал на городище Муравельник разделен на два уровня следами пожара, уничтожившего укрепления конца X в., тогда же сгорело

⁷³ Кулаков В. И., Иов О. В. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 211. 2001. С. 77–84.

⁷⁴ Лысенко П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. Минск, 2001. С. 21, 91.

⁷⁵ Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М., 2003. С. 213.

⁷⁶ Малевская М. В. Указ. соч. С. 139–144.

⁷⁷ Общепринятую летописную хронологию поставил недавно под вопрос А. В. Назаренко. По его мнению, датированный 981 г. поход на ляхов и взятие Червеньских городов следует относить к 979 г.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 393–408.

и селище на Шведской горе. Если на Шведской горе жизнь на время замерла (именно здесь в конце XI в. будет возведен русский Волковыск), то городище Муравельник было дополнительно укреплено и продолжало использоваться до середины XI века.

В политике на ятвяжском направлении в конце X – начале XI в. особую роль играл сын Владимира Святополк, княживший, согласно летописи, в Турове (самый ранний слой которого относится к XI в.⁷⁸), обладавший и Берестьем, как следует из первого упоминания города в 1017 году⁷⁹. В результате установления контактов Святополка с польским (гнезненским) князем Болеславом Храбрым в начале 1009 г. с миссией к ятвягам отправился св. Бруно Кверфуртский, путешествие которого закончилось 9 марта его убийством «в пограничье Руси и Литвы»⁸⁰. Как мы попытались показать, именно Святополк был правителем, больше всех заинтересованным в деятельности Бруно на этой территории⁸¹. Вскоре после 1009 г. правитель Турова, женившись на дочери Болеслава, начал проводить враждебную политику по отношению к отцу, в результате чего был подвергнут аресту вместе с женой и прибывшим из Польши епископом Райнберном. Когда же Владимир в 1015 г. умер, началась борьба Святополка в союзе с Болеславом за Киев против брата Ярослава, новгородского князя, закончившаяся в 1019 г. победой последнего. Святополк потерял владения и погиб, однако Берестье осталось под контролем Польши. Видимо, попали в сферу влияния Польши также и ятвяги.

Не исключено, что после смерти Болеслава и дезинтеграции польского политического объединения в 30-х гг., регион вошел в сферу влияния мазовецкого князя Мецлава, союзником которого кроме ятвягов были литовцы⁸². Характерно, что именно на связи с Мазовией указывают находки украшенной штампом керамики X – первой половины XI в. с городищ Индура и Муравельник⁸³. В 1031 г. Ярослав Киевский захватил у Мешка II Червеньские города, в состав которых, возможно, зачислено и Берестье. Ятвяги тогда остались вне сферы влияния русского князя, хотя поход на них, как и полстолетия назад, не заставил себя ждать. Эта экспедиция, как считается, стала прямым следствием заключения в 1038 г. союза Ярослава Мудрого и Казимира Обновителя, женившегося на сестре киевского князя, направленного против союза Мецлава с ятвягами и литовцами. В 1038 г. Ярослав «иде на ятвягы», через два года был совершен поход на Литву, еще через год — в Мазовию (1041). Окончательная победа над Мецлавом была одержана в 1047 г., когда в результате действий русских отрядов он был убит.

Именно с последствиями событий 30–40-х гг. и стоит связывать столь заметные перемены поселенческой структуры Верхнего Понеманья. В это время разрушаются поселения в Индуре, Кульбачино, Муравельнике, Радогоще, и затем во второй половине XI в. в глубине земли ятвягов на Немане возводится Городен, который становится главным русским форпостом в регионе, контролировавшем «янтароносный» Неманский торговый путь⁸⁴.

⁷⁸ См.: *Лысенко П. Ф.* Указ соч. С. 96; *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Указ. соч. С. 307. — Ряд авторов считали местом княжения Святополка не Туров, а Городище, однако эта точка зрения нуждается в более серьезном обосновании: *Климчук Ф. Д.* Некоторые дискуссионные вопросы средневековой истории Надъясельдья и Погорыня // *Palaeoslavica*. Cambridge, Mass., 2004. Vol. XII. Nr 1. P. 22–25.

⁷⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 15.

⁸⁰ MGH. SS. Lipsiae, 1925. T. 3. P. 80.

⁸¹ *Кібінь А. С.* Апошняя місія св. Бруна // *Белорусский сборник*. Вып. 4. СПб. (в печати).

⁸² *Włodarski B.* Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich // *Zapiski historyczne*. Kwartalnik poświęcony historii Pomorza. T. XXIV: Rok 1958–1959. Zeszyt 2–3. Toruń, 1959. S. 14–18.

⁸³ *Малевская М. В.* Указ. соч. С. 144.

⁸⁴ См.: *Ворошич Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954. С. 197.

Особо стоит отметить, что традиционно считавшаяся основной ятвяжской территорией Сувалкия до середины XI в. остается в археологическом вакууме, и лишь с этого времени здесь появляются первые могильники. Возможно, это свидетельствует о перемещении сюда ятвяжских групп из Понеманья. Показательно, что даже в более поздний период существуют определенные контакты Сувалкии со Скандинавией — подвески с ятвяжского городища Еглинец, датируемые XII в., обнаруживают сходство с изготовленными на территории Швеции⁸⁵.

Итак, к середине XI в. ятвяги как политически независимая группировка (или несколько группировок), занимавшаяся в Понеманье и Полесье судоходством и промыслами, прекратила свое существование. С середины XI в. этот термин стал экзоэтнонимом, обозначающим балтоязычное языческое население Северо-Восточной Польши, Побужья и Верхнего Понеманья.

Ятвяги не были изначально «балтским племенем». Невозможно раз и навсегда обозначить круг лиц, который включало это название, — его значение менялось не только с течением времени, но и в зависимости от того, кто и где представлял ятвягов. В научных кругах XX в. бытовал образ древнего «балтского племени», в среде интеллектуалов XVI–XIX вв. — образ воинственных «лесных дикарей». Из источников XIII в. возникает актуальный образ ментальной географии, структурировавший сложную политическую ситуацию в балтских обществах бассейна Немана, Бебжи, Нарева, Голдапи и других рек Сувалкии и Мазурского поозерья. Еще один образ, который мы попытались создать в этой статье, можно условно назвать «береговым братством» — ятвяги в X в. были народом-бандой, основным занятием которого были судоходство, промыслы и война в бассейне Верхнего Немана, Побужья и Поприпятья.

Summary

The term *Jatviags* (Lithuanian *jotvingiai*, Polish *jaćwięgowie* or *jadzwingowie*) is considered in the last half-century Polish and Lithuanian historiography to be the name of the *big tribe* that lived in Suwałki region and consisted of four components, the so-called *small tribes*, — *Sudovians* in the northwest, *Dainavians* in the northeast, *Pollexiani* or *Polesianie* in the southwest, and *Jatviags* in the centre. Meanwhile, the archaeological evidence of the region considered to be the *Jatviags'* basic territory points to the lack of any active cultural life in this region in the period from the end of the 8th to the middle of the 11th century. In this connection it should be noted that some researchers believed that the *Jatviags'* territory included not only the territory of present-day northeastern Poland and southwestern Lithuania, but also the region of the Upper Nioman (Nemunas) river basin (the northwestern part of present-day Belarus), where the majority of hydronyms and many toponyms are of Baltic origin.

The analysis of the written sources shows that the scheme, according to which *Jatviags*, *Sudovians*, *Dainavians* and *Pollexiani* (*Polesianie*?) were four parts of a single *tribe*, does not correspond to the facts. Each name has its own origin and tradition of its usage. In the end of the 12th and in the 13th century all these names are used for designating the inhabitants of approximately one and the same territory (Suwałki region and neighboring territories), each of them reflecting the view from the outside (accordingly from Russian, Teutonic, Lithuanian, and Polish side). At this moment these lands came into the period of the rise of local military leaders, who often were the enemies of

⁸⁵ Iwanowska G., Niemyjska A. Pendants from the earthwork at Jegliniec... P. 103, 106.

Russian, Mazovian, and Teutonic troops. It should be stressed that in this *Jotvingian* space the above-mentioned names did not play the real part in groups' self-identification. The groups arisen in this region had local territorial designations derivative from place-names (such as *Krismen*, *Pokima*).

What groups were named *ятвягу* (*Jatviags*) in Russian chronicles under the years 983 and 1038? The term *Jatvingiai* (*Jotvingiai*) is considered by many linguists to be originally the Baltic self-name borrowed later to the Slavic language. But such Lithuanian (Baltic) term *jotvingiai* is not mentioned in the sources. The hypothesis suggested by K. Būga, who reconstructed the term in 1925, had no serious arguments: there are no traces of the river **Jat(u)va* from which he produced the term and there is no evidence of using such a term in the Baltic language in toponymy (whereas there exist dozens of toponyms reflecting the Baltic form *Dainava*, and the Slavic form *Jatvež*).

Meanwhile, the ending of Old Russian (Old Slavic) *Jatviag* (*ятвягъ*) resembles other Old Russian ethnosocial terms, *Variag* (Varangian), *Kolbiag*, and *Buriag*, which are Old Norse by origin (*váringr*, *kylfingr* and, probably, *buringr* or *báringr*). In all these cases Slavic *-eg* corresponds to the Scandinavian suffix *-ingr*. The Scandinavian origin of the term *Jatviag* is corroborated by its first mention in the treaty of 944 of Kievan prince Igor with the Byzantine Empire where the name of one of ambassadors of Rus' was *Jatviag Gunarev*. The majority of the names mentioned in the text of the treaty are Scandinavian. In our opinion, the name *Játvígr* mentioned by *Knytlínga saga*, which consists of two Germanic stems (O. N. *Játgeirr*; *Játmundr*, A. S. *Eádwíg*, W. G. *Hedwige*), is the most similar phonetically to the Slavic form *Jatviag*. Slavic *Jatviagi* as the group name goes back to O. N. patronymic derivative *játvingar* meaning «the descendants of Játvígr», or «the people of Játvígr».

In the modern *Vaŭkavysk* idiom of the Belarusian language the word *Jatvež* means «a river anchor». This alludes to river navigation as one of characteristic employments of the Jatviags. From the beginning of the 10th century in the Upper Nioman basin there existed settlements in *ŁosoŃna Wielka* (gmina *Kuźnica-Białostocka*), and *Radagošča* (in 15 km from *Navahrudak*). *Indura* on the river *Svislač*, *Kulbačyna* (in *Ščučyn* district), and *Muravelnik* in *Vaŭkavysk* were founded in the second half of the 10th century. The culture of inhabitants of *Kulbačyna* and *Muravelnik* sites displayed Scandinavian influence. The interpretation of these settlements as Russian is at variance with the absence of continuity between them and true Russian strongholds in this region (*Grodna*, *Šviedskaja hara in Vaŭkavysk*, *Slonim*, and *Navahrudak*). The life in *Kulbačyna*, *Indura*, *Muravelnik* and *Radagošča* stopped c. 1050, the majority of these sites were burnt and then *Grodna* and *Navahrudak* were erected. In the same way, finds from the settlements in *Polesye* and *Podlasie* (*Gorodišče* and *Franopol'*) point to communications with the Baltic coast via *Nioman*. In these settlements the life stopped in the end of the 10th century, when *Bereste* was built.

The population of the settlements burnt in the end of the 10th and the middle of the 11th century can be identified with Jatviags, mentioned in *Povest' vremennykh let* under the years 983 and 1038. This name was a designation of a polycultural military-trading group (or groups) that existed in the 10th and 11th centuries before this territory was conquered by the Rus' princes. After the region had been conquered, in Russian chronicles the term became a designation of basically Baltic-speaking population of the Upper Nioman basin and *Suwałki* region. The Jatviags were enemies, allies, and subordinates of Rus'. The meaning of this name varied not only eventually, but also depending on *who* represented them. The Jatviags were not the «Baltic tribe». In the 13th century sources the name *Jatviags* was an image of mental geography structuring a difficult political situation in Baltic societies of the basin of the Upper Nioman, *Bebrza*, *Narew*, *Gołdap* and other rivers of *Suwałkia* and the Land of *Mazurian lakes*. The Jatviags of the 10th and 11th centuries can be defined as a «coastal brotherhood» because in this period they were a group of river traders and warriors in the basin of the Upper Nioman, *Podlasie*, and *Polesie*.

Ф. Курта

АРХЕОЛОГИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (VI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VII в.)*

«Славянин — сын и продукт болот». С тех самых пор, как заметка Яна Пейскера была опубликована в Кембриджской «Средневековой истории» 1926 г. издания¹, историки, равно как и археологи, использовали результаты лингвистических исследований, чтобы вписать этническую историю славян в болотистые земли южной Беларуси. В отсутствие письменных источников для VI–VII вв., археология часто использовалась для иллюстрации выводов, уже полученных лингвистикой. «Лингвистически-ориентированная археология» VI–VII вв. на территории Украины, Беларуси и России была доминирующей парадигмой в изучении ранних славян в Советском Союзе начиная с 1950-х гг. и остается самой заметной аналитической концепцией в постсоветские десятилетия².

* Перевод статьи Флорина Курты *The archaeology of identities in Old Russia (ca. 500 to ca. 650)*, впервые опубликованной в журнале *Russian History* (2007. Vol. 34. P. 31–62), выполнен В. Е. Поповым. Выражаем благодарность издателю, господину Чарльзу Шлаксу (*Charles Schlacks Jr.*), за любезное разрешение опубликовать перевод статьи в настоящем издании.

¹ *Peisker J.* The expansion of the Slavs // *The Cambridge Medieval History* / Ed. by H. M. Gwatkin and J. P. Whitney. New York; Cambridge, 1926. P. 426. — Резко критикуя теории Пейскера о социальной и политической организации древних славян, Любор Нидерле, однако, повторил его мысль о миграции славян из припятских болот. См.: *Niederle L.* 1) Des théories nouvelles de Jean Peisker sur les anciens Slaves // *Revue des études slaves*. 1922. Vol. 1. P. 19–34; 2) *Manuel de l'antiquité slave. L'histoire*. Paris, 1923. Vol. 1. P. 49.

² *Curta F.* From Kossinna to Bromley: Ethnogenesis in Slavic archaeology // *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages* / Ed. by A. Gillett. Turnhout, 2002. P. 201–218. — В. В. Седов связывал со славянами культуру так называемых «длинных курганов» в Северо-Западной России на основании проведенного А. А. Зализняком лингвистического анализа берестяных грамот из Новгорода, все из которых датируются временем после 1000 года. См.: *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 363. — Результаты исследований Зализняка см.: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Споры о славянской, балтской или финно-угорской атрибуции определенных археологических комплексов показывают, что этничность сохраняет первостепенное значение для археологов и историков, изучающих раннее Средневековье. Концепция «идентичности» лишь недавно была включена в постсоветский археологический дискурс, и, как показал Диттмар Шорковитц, она не изменила фундаментальной направленности прежних этногенетических исследований³. Другие формы (групповой) идентичности, такие как пол или возраст, в основном, игнорировались большинством последних работ, касающихся истории и археологии России VI–VII веков.

В этой статье я предполагаю рассмотреть некоторые наиболее интересные методы новейших исследований, относящихся к рассматриваемому периоду и региону. Мое намерение состоит в том, чтобы подчеркнуть альтернативные объяснения тем драматическим изменениям в материальной культуре Западной Евразии, которые происходили в VI – первой половине VII вв. (Рис. 1). Культурно-исторический подход завел ученых в тупик, так как чрезмерная озабоченность этничностью заслонила другие, очень интересные аспекты материальной культуры. После критического обзора предпосылок, лежащих в основе наиболее значительных работ о древних славянах (например, В. В. Седова), я введу новые категории анализа, такие как возраст и пол. Эти понятия, возможно, позволят нам понять уникальные феномены раннего Средневековья, такие как исключительные детские погребения, клады серебряных и бронзовых аксессуаров женской одежды и женские погребения с плавильными инструментами или оружием.

Поиск славянских корней отодвинул славянские древности в доисторический период — феномен, который недавно соответствующим образом был обозначен как *удревнение*⁴. Б. А. Рыбаков, профессор истории Московского университета и директор Института археологии, первым приписал древним славянам обнаруженные в Украине клады серебряных и бронзовых артефактов, которые Александр Спицын назвал «древностями антов»⁵. Аргументом Рыбакова было то, что археологическое распределение этих кладов совпадало с описанием Иорданом территорий, населенных антами. Более того, он связал славян с археологическими находками, обнаруженными в начале XX в. у Черняхова Викентием Хвойкой (1850–1914), украинским археологом чешского происхождения⁶. Связь между славянами и так называемой черняховской культурой с воодушевлением отстаивали после войны советские археологи как в России, так и в Украине.

³ Schorkowitz D. 1) Die Herkunft der Ostslaven und die Anfänge des Kiever Reiches in der postsowjetischen Revision // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Bd 48. S. 569–601; 2) Rekonstruktionen des Nationalen im postsowjetischen Raum. Beobachtungen zur Permanenz des Historischen // *Inventing the Pasts in North Central Europe. The National Perception of Early Medieval History and Archaeology* / Ed. by M. Hardt, Ch. Lübke, and D. Schorkowitz. Bern, 2003. S. 273–333.

⁴ Schorkowitz D. Die Herkunft der Ostslaven... S. 570.

⁵ Рыбаков Б. А. 1) Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1. С. 319–337; 2) Ранняя культура восточных славян // *Исторический журнал*. 1943. № 11–12. С. 73–80. — О «древностях антов» см.: Спицын А. А. Древности антов // *Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского* / Под ред. В. Н. Перетца. Л., 1928. С. 492–495. — О политическом оппортунизме Рыбакова см.: Новосельцев А. П. Мир истории или миф истории? // ВИ. 1993. № 1. С. 23–31; Höslér J. Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte. München, 1995. S. 25–26.

⁶ О Хвойке см.: Шовкопляс Г. М. Вікентій В'ячеславович Хвойка — видатний український археолог // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію: (До 150-річчя від дня народження) / За заг. ред. Н. Г. Ковтанюк. Київ, 2000. С. 4–25.

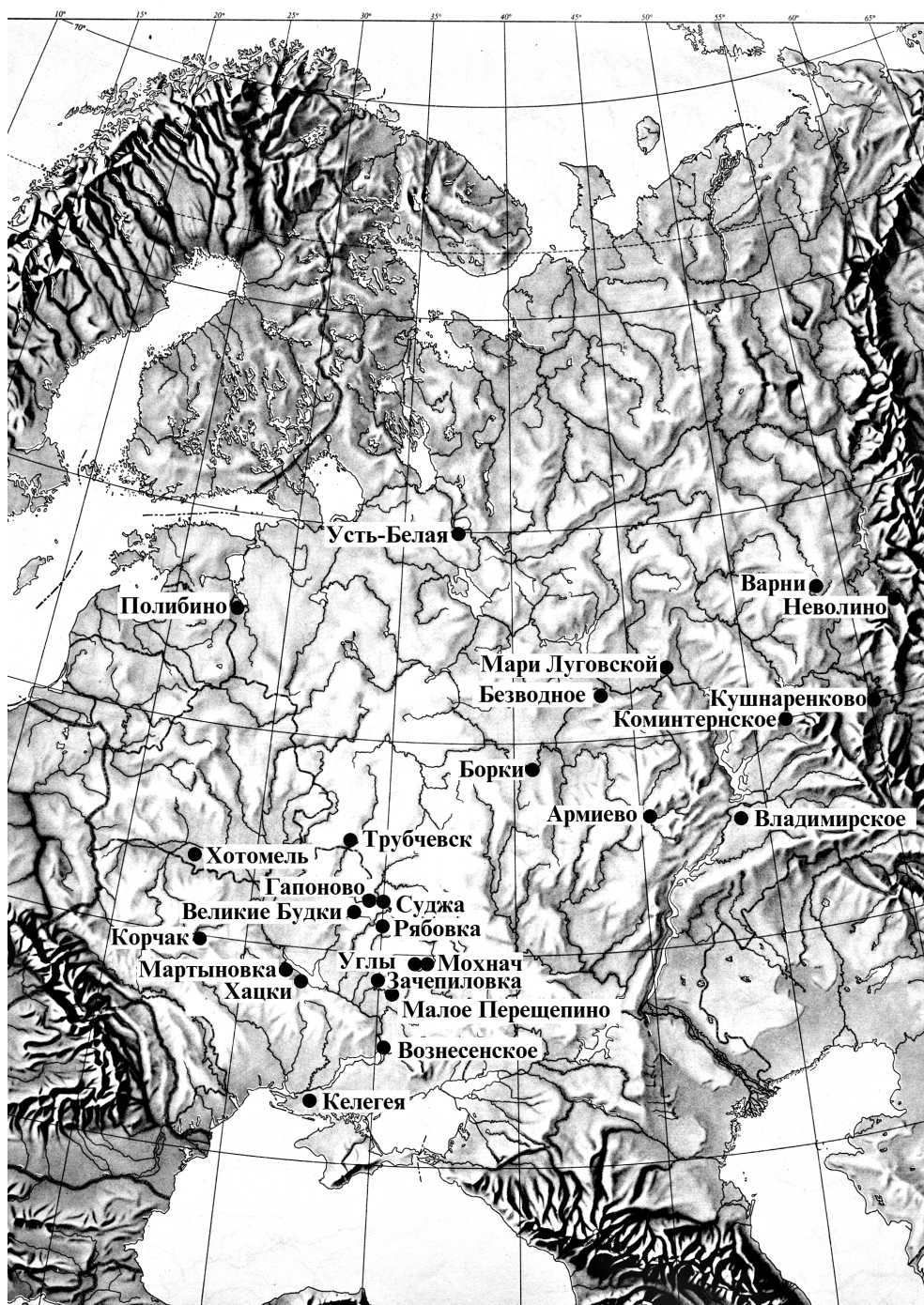


Рис. 1. Восточная Европа, VI – первая половина VII в. Местоположение основных объектов, упомянутых в тексте

Драматические политические перемены, последовавшие за распадом Советского Союза, мало изменили — если изменили вообще — археологический дискурс древних славян. Безусловно, после провозглашения независимости в 1991 г. *удревнение* проявляется более заметно в Украине, чем в России. Именно украинцы, а не просто славяне, связываются теперь с черняховской культурой, так как еще со времен Грушевского и Брайчевского анты рассматривались как прямые предки современных украинцев⁷. В Беларуси идея балтского субстрата, перекрытого славянским завоеванием, была воспринята рядом археологов, которые поддержали заявку своей страны на независимость в годы, предшествовавшие избранию президентом Александра Лукашенко. Тенденцией последнего времени было датировать славянское завоевание центральной и северной частей Беларуси намного более ранним временем, чем было принято у советских ученых.

С другой стороны, попытки В. В. Седова отнести славянскую колонизацию Северо-Западной России к относительно раннему периоду⁸ были встречены со скепсисом со стороны многих российских и эстонских археологов, которые отклонили как его хронологию, так и его атрибуцию так называемых «длинных курганов» древним славянам⁹.

Существует несколько проблем в текущем изучении древних славян в Беларуси, Украине и России. Самое главное, большинство современных споров, относящихся к истории VI–VII вв. на территории нынешних России, Беларуси и Украины, основано на предположении о постоянной и неизменной связи между этничностью и культурой. «Славяне», согласно этому предположению, — не группа людей с идентичностью, зависевшей от определенных исторических обстоятельств, а дискретная, почти биологически заданная группа с узнаваемыми и характерными культурными практиками в языке, материальной культуре и социальной и политической организации, по которым они могут быть опознаны. Искать древних «славян», таким образом, значит искать «древнеславянскую» керамику, броши и т. п.

Этот подход не оставляет места для современного акцента на материальной культуре как активно использовавшейся для коммуникации и формирования культурной идентичности. И объективные культурные различия с этой точки зрения не представ-

⁷ Баран В. Д. Славяно-украинские древности // Украинцы: Макет тома серии «Народы и культуры» / Отв. ред. А. П. Пономарев. М., 1994. С. 36–70. См.: Грушевский М. Киевская Русь. СПб., 1911; Брайчевский М. Ю. Проблема антів // Український історик. 1997. № 34. С. 56–60.

⁸ Sedov V. 1) Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Ostseefinnen // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs: Papers Presented by the Participants in the Soviet-Finnish Archaeological Symposium, 10–16 May 1990 in Tallinn / Ed. by V. Lang and J. Selirand. Tallinn, 1992. P. 62–77; 2) Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 60-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород, 1994. С. 127–137.

⁹ Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белоозерье // СА. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура / Под ред. В. В. Седова, А. В. Чернецова. М., 1993. С. 135–143; Исланова И. В. Этнокультурные процессы в Удомельском Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья // Новгород и новгородская земля. История и археология. 1994. № 8. С. 18–23; Буров В. А. К проблеме этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов (Псковско-новгородская группа) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 1996. № 1. С. 6–10. — Об эстонских длинных курганах см.: Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн, 1992. — Об эстонской критике идей Седова см.: Лиги П. 1) Культура длинных курганов в свете данных палеодемографии // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste seeria. 1989. Vol. 38. No. 4. Lk. 316–322; 2) «Active Slavs» and «Passive Finns»: A reply // Fennoscandia Archaeologica. 1994. Vol. 11. P. 104–112.

ляются эпифеноменальными, подчиненными социальной интеракции, в связи с которой они, большей частью, и должны быть объяснены, как сейчас принято в антропологии этничности со времен публикации основополагающих книг Фредрика Барта и Абнера Коэна¹⁰. Этничность в настоящее время определяется как непрременная ориентация на прошлое, на коллективное происхождение, «социальная конструкция примордиальности»¹¹. Таким образом, этнические проявления — это старательно срежиссированные призывы к предсуществовавшим культурным практикам, изобретение (заново) норм. С другой стороны, изменения в поддержании этнических границ часто объясняются с точки зрения неравномерного распределения власти. Чем больше неравенство во власти между группами, тем выше степень поддержания границ. В настоящее время ясно, что стили одежды и «традиции» становятся значимыми особенно в контекстах меняющихся властных отношений, которые побуждают к проявлениям групповой идентичности¹².

Фактически само понятие идентичности чуждо большинству археологов, занимающихся историей Западной Евразии в VI–VII веках. И хотя оно уже устоялось в антропологической и этнологической литературе, опубликованной на русском языке в последние годы¹³, *идентичность* никогда не является главной темой в археологических публикациях, касающихся Средних веков¹⁴. Для российских и украинских археологов этничность уместна только в контекстах, определяемых такими терминами, как «история», «процессы» и «ситуация». Этничность никогда не определяется относительно «идентичности» или «самости»¹⁵.

Другими словами, вопросам этнического континуитета и дискретности уделяется теоретическое и эмпирическое внимание только в качестве связанных с этничностью моделей коллективного поведения. Способ индивидуального восприятия и коллективного конструирования этнической идентичности привлекает мало внимания, если привлекает вообще. Этничность, таким образом, является данностью, требующей описания, но не объяснения¹⁶.

¹⁰ Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organisation of Culture Difference / Ed. by F. Barth. Bergen; London, 1969; *Cohen A.* Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns. London, 1969. — Превосходный обзор самых влиятельных теорий этничности в антропологии см.: *Banks M.* Ethnicity: Anthropological Constructions. London; New York, 1996.

¹¹ *Alverson H. S.* The roots of time: a comment on utilitarian and primordial sentiments in ethnic identification // *Ethnic Autonomy — Comparative Dynamics. The Americas, Europe and the Developing World* / Ed. by R. L. Hall. New York; Oxford; Toronto, 1979. P. 15.

¹² *McGuire R. H.* The study of ethnicity in historical archaeology // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1982. Vol. 1. P. 172.

¹³ См., например: Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. М., 2002; *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. *Файзуллин Ф. С.* Этничность и этническая идентичность. Уфа, 2005.

¹⁴ Единственная известная мне публикация российского археолога, рассматривающая именно «идентичность», — это: *Makarov N. A.* Northern Rus': Exploring identity in the medieval past // *Centre, Region, Periphery. Medieval Europe Basel 2002* / Ed. by G. Helmig, B. Scholkmann, M. Untermann. Vol. 2. Basel, 2002. P. 287–297.

¹⁵ Литература об «этнической атрибуции» огромна, и здесь можно упомянуть только два наиболее релевантных названия: *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999; *Зеленева Ю. А.* Мордовский погребальный обряд как источник изучения этнокультурных процессов в Волго-Окском регионе в V–XI вв.: Итоги и перспективы исследования // *Вопросы этнической истории Волго-Донья: Материалы научной конференции* / Под ред. А. В. Расторопова, А. З. Зинникова. Пенза, 1992. С. 63–67.

¹⁶ См.: *Shanin T.* Ethnicity in the Soviet Union: analytical perceptions and political strategies // *Comparative Studies in Society and History*. 1989. Vol. 31. P. 409–424; *Tishkov V. A.* Inventions and manifestations of ethno-nationalism in Soviet academic and public discourse // *Assessing Cultural Anthropology* / Ed. by R. Borofsky, B. Dobson, and M. Jarrett. New York, 1994. P. 443–453. — См. также: *Curta F.* From Kossinna to Bromley... P. 213–215.

Подобный объективистский уклон, возможно, виноват в отсутствии интереса к другим формам групповой идентичности, таким как возраст. Безусловно, младенцы и дети почти не встречаются в археологическом материале погребений VI–VII вв., либо потому что их не хоронили в пределах одного могильника вместе с взрослыми членами того же сообщества, либо потому что их хоронили на небольшой глубине и их погребения затерялись со временем. Однако в некоторых случаях мы как будто видим осознанную попытку включить детские погребения в пределы могильника и каким-то образом выделить их. Например, в Усть-Белой, кремационном могильнике VI–VII вв. с могильными насыпями, расположенном на юго-восточном берегу озера Белое в Северной России, круглая насыпь более чем десяти метров в диаметре содержала единственную могилу младенца (возрастом до одного года), тогда как два детских погребения (возрастом от трех до семи лет) были зарыты в соседней насыпи. Во всех трех случаях

кремированные человеческие останки были смешаны с некремированными костями животных¹⁷.

Похожая ситуация зафиксирована в Рябовке под Тростянцом на Левобережной Украине, северо-западнее Харькова, где в 1990 г. был раскопан небольшой могильник той же эпохи. Одно из четырех обнаруженных там погребений содержит скелет ребенка десяти-одиннадцати лет (вероятно, мальчика) без сопутствующего погребального инвентаря. Однако эта могила выделялась лошадиным скелетом, погребенным поверх человеческих останков — признак принесенной по этому случаю жертвы (Рис. 2)¹⁸.

Еще более убедительный пример — погребение V–VI в., зарытое в курган эпохи бронзы, раскопанный у Владимирского под Хворостянкой на реке Чагра, левом притоке Волги, в районе Самарской Луки (Рис. 3). Ребенок трех-пяти лет был похоронен вместе с фрагментом удила, семью трехгранными наконечниками стрел, декоративными креплениями из бронзы, украшенными человеческими лицами, а также золотыми креплениями, декорированными чешуйчатым орнаментом. Последний

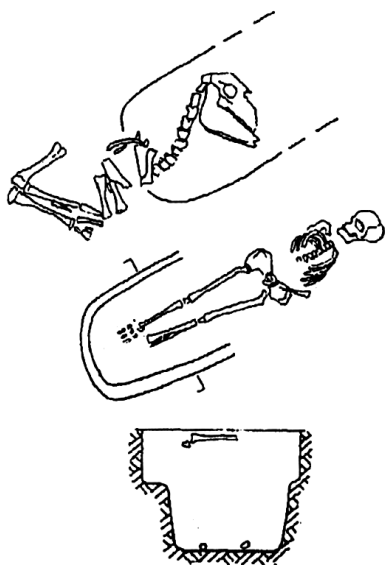


Рис. 2. Рябовка (Украина). Детское погребение с лошадиным скелетом. По: *Обломский А. М., Тертиловский П. В.* Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // *Кочевники урало-казахстанских степей* / Под ред. А. Д. Таирова. Екатеринбург, 1993.

¹⁷ См.: *Башенькин А. Н.* Сопки и длинные курганы... С. 138–139. — Похожая ситуация зафиксирована в кургане 12 кремационного могильника в Климентовичах у Шепетовки (Северо-Западная Украина). См.: *Musianowicz K.* Cmentarzysko kurhanowe z VI–VIII w. w Klimentowiczach koło Szepietowki (USSR) // *Wiadomości Archeologiczne*. Warszawa, 1975. Т. 39. S. 328.

¹⁸ *Обломский А. М., Тертиловский П. В.* Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // *Кочевники урало-казахстанских степей* / Под ред. А. Д. Таирова. Екатеринбург, 1993. С. 170; 168 (рис. 1/3). — Этот могильник был датирован VI в. на основе погребального инвентаря из соседнего погребения, которое также содержало лошадиные кости.

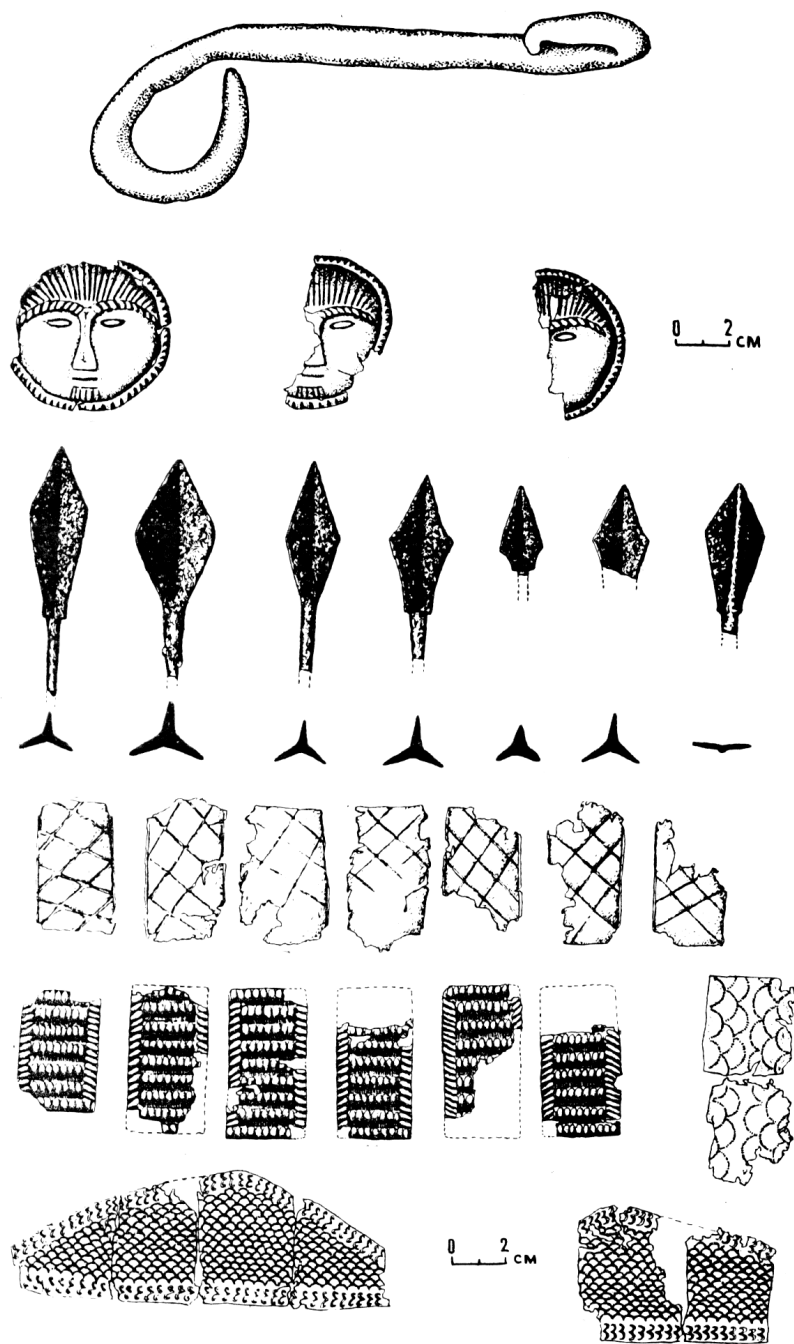


Рис. 3. Владимирское (Россия). Детское погребение с золотыми седельными креплениями. По: Скарбовенко В. А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья / Под ред. С. Г. Басина и др. Куйбышев, 1979.

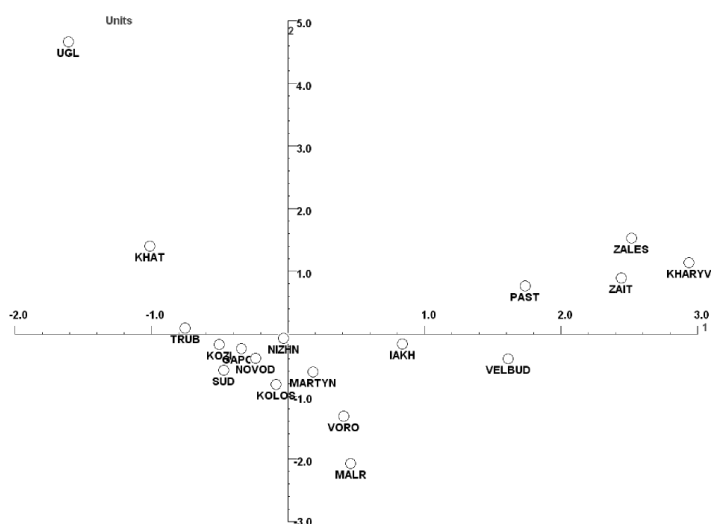


Рис. 4. Диаграмма анализа соответствий восемнадцати обнаруженных в России и Украине серебряных и бронзовых кладов VI–VII вв. Сокращения: GAPON — Гапоново; IAKH — Яхныки; KHARYV — Харивка; KHAT — Хацки; KOLOS — Колосково; KOZI — Козиевка; MALR — Малый Ржавец; MARTYN — Мартыновка; NIZHN — Нижняя Сыроватка; NOVOD — Новая Одесса; PAST — Пастырское; SUD — Суджа; TRUB — Трубчевск; UGL — Углы; VELBUD — Великие Будки; VORO — Воробьевка; ZAIT — Зайцево; ZALES — Залесье.

этому погребению. В отсутствие какой-либо контекстной информации чрезвычайно трудно истолковать такого рода погребения, отмеченные либо курганами, либо лошадиными скелетами и упряжью. Тот факт, что такой подход не распространяется исключительно на младенцев и детей, позволяет предположить скорее связь с социальным статусом, чем с какими-либо возрастными ритуалами, но так же возможно, что по неизвестным причинам эти дети удостоились формы погребения, которая обычно относилась исключительно ко взрослым.

Приписанная идентичность также может объяснить некоторые интересные случаи женских погребений. В последнее время в российской и украинской археологии выражена тенденция рассматривать гендерные категории как пары противоположностей и как объекты («женщины» vs. «мужчины»). По большей части, археологи сосредотачиваются на материальных коррелятах пола и рассматривают погребальный инвентарь исключительно с точки зрения функциональности: погребенные с мечами должны быть воинами, а погребенные с пряслицами — пряжами.

В последние годы наблюдалось некоторое пристрастие к «женскому костюму», особенно к головным украшениям, которые рассматриваются как в некотором роде уни-

покрывал также переднюю луку седла¹⁹, что соответствует многочисленным примерам из очень богатых «княжеских могил» конца IV–V вв., обнаруженных в евразийских степях²⁰. Хотя, в отличие от Рябовки, и не сопровождаемое конским скелетом, детское погребение во Владимирском содержит множество артефактов, которые чаще встречаются в могилах богатых воинов. Высокий статус был, кроме того, подчеркнут тем, что могильная яма была вырыта в доисторическом кургане, что так же, как и в Усть-Белой, вероятно, говорило об особом отношении к

¹⁹ Скарбовенко В. А. Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья / Под ред. С. Г. Басина и др. Куйбышев, 1979. С. 165–168. Рис. 1, 2, 3.

²⁰ См.: Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.) СПб., 1994. С. 46–50. — О раннесредневековых деревянных седлах с бронзовыми или золотыми креплениями см. также: Kiss A. Archäologische Angaben zur Geschichte der Sättel des Frühmittelalters // Alba Regia. 1984. Vol. 21. S. 189–207.

Hoard

Input Correlation: 0.2802 Output Correlation: 0.7672 % Variance: 21.7708

BSMSBMPPFPMTFFPEBCPWTHPBEBTFE
 UTOTROEELIEQUIIEAEHEIOELEARO IA
 CRJRAUUNABNUBBBNRAANRRLAARARBR
 KANACNNDT-DNE--DRDIDECMTDRCC-R
 -PTP-TT-EI-T AS---N- - E--- O-
 2-4-F25H-IB3 NTT2A S T -G7W US
 10PL91ABCE3 IER M P W SL I AT
 RA TR L MMA E IA LA

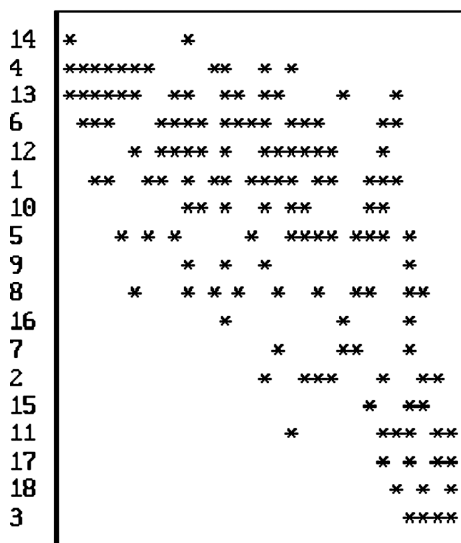


Рис. 5. Упорядоченная матрица диаграммы на рис. 4

форма, по которой в археологическом материале узнавались женщины определенных этнических групп, подобно этнографической классификации «национального костюма»²¹. Эта униформа была реконструирована после того, как в научный оборот вошли результаты раскопок нескольких погребений, обнаруженных в лесостепной полосе,

²¹ См.: Сабурова М. А. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. 1974. № 2. С. 85–97; Седов В. В. Женские головные уборы восточных славян (по курганным материалам) // Сборник в честь на акад. Димитър Ангелов / Под ред. на В. Велкова и др. София, 1994. С. 236–241; Щеглова О. А. Женские уборы из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 1999. № 5. С. 287–312; Хайрединова Э. А. Женский костюм с южнорусскими орлиноголовыми пряжками // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2000. Вып. 7. С. 91–133; Шутова Н. И. Женская одежда населения бассейна Чепцы в конце I тыс. н. э.: (Опыт реконструкции) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (Из истории костюма): Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14–18 марта 2000 г. / Под ред. Д. А. Сташенко. Самара, 2000. С. 133–136; Попова М. Г. Женский убор населения Заволочья в XI–XV вв. // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры: Шестые чтения памяти Анны Мачинской, Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г. / Под ред. Д. А. Мачинского. СПб., 2002. С. 178–183.

Условные обозначения:

1 — Гапоново; 2 — Яхныки; 3 — Харивка; 4 — Хацки; 5 — Колосково; 6 — Козиевка; 7 — Малый Ржавец; 8 — Мартыновка; 9 — Нижняя Сыроватка; 10 — Новая Одесса; 11 — Пастырское; 12 — Суджа; 13 — Трубчевск; 14 — Углы; 15 — Великие Будки; 16 — Воробьевка; 17 — Зайцево; 18 — Залесье.

Сокращения: BEAD-AM — бусы, янтарь; BEAD-GLA — бусы, стекло; BRAC-FLA — браслет, сплюснутые концы; BRAC-WI — браслет, расширенные концы; BUCK-2 — поясная пряжка класса II «Суцидава-Берое»; CHAIN — цепь, бронза; EARR-2 — серьга, спиральный конец, тип 2; EARR-7 — серьга, бронза, тип 7; EARR-STA — серьга, подвеска в форме звезды; FIB-ANIM — фибула, украшения в виде головы животного; FIB-IC — «славянская» изогнутая фибула, класс II C по Вернеру; FIB-OVAL — фибула с овальным щитком; FIB-STEM — фибула с изогнутым венчиком; HELM — шлем; MOUNT-29 — ажурное поясное крепление, тип 29; MOUNT-33 — ажурное поясное крепление, тип 33; MOUNT-40 — ажурное поясное крепление, тип 40; MOUNT-51 — ажурное поясное крепление, тип 51; PEND-BEL — подвеска в форме колокола, бронза; PEND-HAT — шляпообразная подвеска; PEND-SPE — очковидная подвеска; PEND-TRA — подвеска в форме трапеции, бронза; PLATE-BR — фрагмент бронзовой тарелки; PLATE-SI — фрагмент серебряной тарелки; STRAP-1 — наконечник ремня, серебро; STRAP-PR — сдвоенный наконечник ремня, серебро; TORC — ожерелье, серебро; TORC-TW — ожерелье, крученный стержень; TUBE — трубка, бронза; WIRE — проволока, бронза.

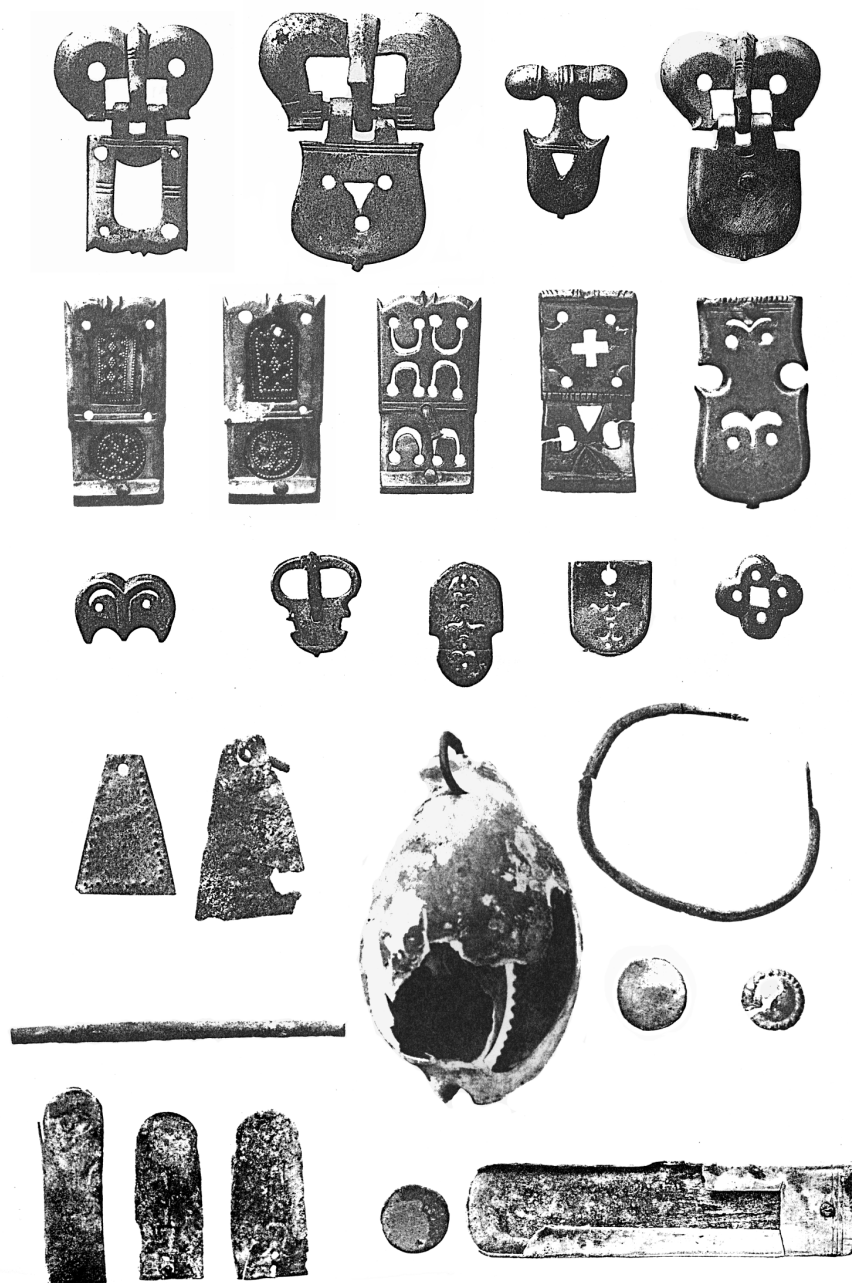


Рис. 6. Хацки (Украина), некоторые артефакты из клада серебра и бронзы: псевдопряжки, поясная пряжка класса II «Суцидава-Берое», ажурные поясные крепления (среди них типы 29, 33, 40 и 51), бронзовые подвески в форме трапеции, браслет со сплюснутыми концами, бронзовая трубка, подвеска в виде раковины каури, круглые поясные крепления и серебряные наконечники ремня. По: *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. СПб., 1901.

и серебряных и бронзовых кладов VI–VII вв., найденных исследователями в лесостепной зоне России и Украины²².

Поскольку некоторые клады (Суджа, Гапоново и Трубчевск) содержат пары неидентичных фибул, известных также по женским погребениям в Крыму, Ольга Щеглова предложила рассматривать эти клады как наборы принадлежностей церемониального женского платья, используемых также в погребальных ритуалах²³. Щеглова, конечно, права, связывая обнаруженные в кладах аксессуары женского платья с аксессуарами из погребений того же времени. Однако, за исключением только погребенной в Мохначе женщины двадцати пяти-тридцати лет, ни у одного из скелетов, обнаруженных в упоминаемых Щегловой погребениях, не был должным образом определен пол. Другими словами, связь между «женским костюмом» и найденными в кладах принадлежностями остается недоказанной.

В своем исследовании об украинских и русских кладах Щеглова выделила две хронологические группы, которые она затем подразделила на региональные подгруппы²⁴. При анализе соответствий²⁵ — технике, позволяющей упорядочивать множества, если используемые в анализе артефакты менялись со временем — становится очевидным, что действительно существуют две группы кладов (Рис. 4–5)²⁶. Самые ранние клады, как, например, Хацки (Рис. 6) или Углы, характеризуются несколькими артефактами

²² Погребения: *Авенариус Н. П.* Поставмукские курганы // Записки русского археологического общества. 1896. № 8. С. 184–185 (Поставмуки); *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1901. Т. 3. С. 148–149 (Балаклия); *Корзухина Г. Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. 5. С. 359 (Мартыновка); *Аксенов В. С., Бабенко Л. И.* Погребение VI–VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3. С. 111–121. — О кладах см.: *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепропетровского Левобережья. 1990. С. 162–204; *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001. P. 213–223.

²³ *Щеглова О. А.* О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: Источники, аналогии, результаты // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (Из истории костюма): Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14–18 марта 2000 г. / Под ред. Д. А. Стащенко. Самара, 2000. С. 136–141.

²⁴ *Щеглова О. А.* О двух группах...; *Гавриутухин И. О., Щеглова О. А.* Группы днепровских раннесредневековых кладов // *Гавриутухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 53–57, 241–242. — Щеглова включила в свой анализ два набора (Смородино и Мена), которые, несомненно, являются погребениями, а не кладами, а также множество случайных находок, относительно которых не существует дополнительной информации, чтобы причислить их к кладам. Два других клада (Вильховчук и Цыпляево), анализируемых Щегловой, исключены из моего анализа в силу статистически незначительного количества категорий артефактов в каждом из них.

²⁵ Об анализе соответствий см.: *Shennan S.* Quantifying Archaeology. Edinburgh, 1990. P. 283–286; *Bolviken E.* et al. Correspondence analysis: An alternative to principal components / *Bolviken E., Helskog E. R., Helskog K., Holm-Olsen I. M., Solheim L., Bertelsen R.* // World Archaeology. 1982. Vol. 14. P. 41–60. — Образец применения данного метода к анализу кладов см.: *Nielsen K. H.* Correspondence analysis applied to hoards and graves of the Germanic Iron Age // Multivariate Archaeology. Numerical Approaches to Scandinavian Archaeology / Ed. by T. Madsen. Aarhus, 1988. P. 37–54. — Используя анализ соответствий, можно проанализировать совместно отношения между кладами, между типами, а также между типами и кладами, представить их на одной диаграмме рассеяния или на серии диаграмм путем нанесения на пару ортогональных осей.

²⁶ Статистическое исследование структуры кладов основано на информации, собранной из следующих источников: *Гавриутухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад... С. 7, 11–21 (Гапоново); *Брайчевский М. Ю.* К вопросу о генетических связях ювелирного ремесла антов и Киевской Руси // Краткие сообщения Института археологии Академии Наук Украинской ССР. 1952. № 1. С. 45–46, 48 (рис. 2/1–3, 5–6); *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 79–80; ил. I (Яхныки); *Березовец Д. Т.* Харівський скарб // Археологія. 1952. № 6. С. 109–115 (Харивка); *Parczewski M.* Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach

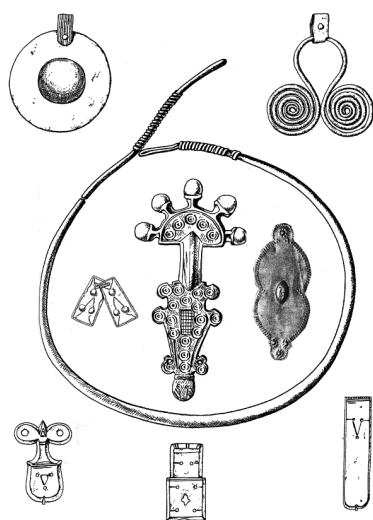


Рис. 7. Суджа (Россия), некоторые артефакты клада серебра и бронзы: шляпообразная подвеска, очковидная подвеска, серебряное ожерелье, трапециевидные бронзовые подвески, «славянские» пальчатые фибулы класса II C по Вернеру, фибула с овальным щитком, ажурные поясные крепления (один типа 29), серебряный наконечник ремня. По: Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. 1996.

VI в., такими как поясные пряжки класса II «Суцидава-Берое»²⁷. Немного более поздние собрания, например Суджа (Рис. 7) или Гапоново, содержали «славянские» пальчатые фибулы классов II C и II D по Вернеру или так называемые «геральдические поясные наборы» с ажурным украшением, все датированные началом VII века²⁸.

Напротив, более поздние клады содержат серьги с подвесками в форме звезды, аналогичные которым датируются по монетам серединой и второй половиной VII века²⁹. Интерпретация такой комбинации чрезвычайно сложна из-за отсутствия дополнительной информации. Тем не менее ясно, что смысл серебряных и бронзовых кладов не оставался неизменным. Тот факт, что схожие собрания артефактов находятся на большом расстоянии друг от друга³⁰ в областях, разделенных сотнями километров, приводит к важным вопросам о подвижности населения, распространении стилей и, в конечном счете, о значении кладов (Рис. 8).

него Поднепровья // Археологические вести. 1992. № 1. С. 127–130 (Великие Будки); Ugrin E. Le trésor de Zalésie. Louvain-la-Neuve, 1987. P. 11–41 (Залесье).

²⁷ О хронологии суцидавской группы пряжек с ажурным украшением см.: Fiedler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992. S. 73; Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec: Ergebnisse der deutsch-bulgarisch-österreichischen Ausgrabungen 1934–1937. München, 1992. S. 186; Varsik V. Zu manchen Problemen der Verbreitung byzantinischer Schnallen im mittleren und unteren Donaunraum // Actes du XII-e Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques, Bratislava, 1–7 septembre 1991 / Ed. by J. Pavuj. Vol. 4. Bratislava, 1993. P. 208–209; Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest, 2001. S. 97.

²⁸ О «славянских» пальчатых фибулах класса II C по Вернеру см.: Curta F. The Making of the Slavs... P. 266–267. — О «геральдических поясных наборах» см.: Uenze S. Die spätantiken Befestigungen... S. 191; Somogyi P. Typologie, Chronologie und Herkunft der Maskenbeschläge: zu den archäologischen Hinterlassenschaften osteuropäischer Reiterhirten aus der pontischen Steppe im 6. Jahrhundert // Archaeologia Austriaca. 1987. Vol. 71. S. 138.

²⁹ В *Zemianský Vrbovok* с монетами, чеканенными для императора Константа II (641–668): Svoboda B. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovkú // Památky archeologické. 1953. Roč. 44. S. 33–44. — В *Priseaca* с монетами, чеканенными для императоров Константа II (641–668) и Константина IV (668–685): Butoi M. Un tezaur de monede și obiecte de podoabă din secolul al VII-lea descoperit în comuna Priseaca // Studii și comunicări (Pitești). 1968. T. 1. F. 97–104.

³⁰ Например, клады в Трубчевске, Колоскове (Левобережная Украина) и Воробьевке (Правобережная Украина), обнаруженные на расстоянии более 400 км друг от друга.

krakowskiego Muzeum Archeologicznego // Archaeoslavica. 1991. Vol. 1. S. 119–120; Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки... С. 372–373 (Хашки), 359 (Малый Ржавец и Воробьевка), 376–377 (Пастырское), 395–397 (Новая Одесса), 397–402 (Козиевка), 403 (Нижняя Сыроватка), 403–405 (Суджа), 418 (Углы), 418–420 (Колосково), 420 (Зайцево); Pekarskaja L. V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994. S. 50–90 (Мартыновка); Приходнюк О. М., Падун В. А., Тихонов Н. Г. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Под ред. И. Эрдельи. Киев, 1996. С. 79–91 (Трубчевск); Горюнова В. М. Новый клад антского времени из Сред-



Commentarii

Рис. 8. Распространение серебряных и бронзовых кладов VI–VII вв. в районе Среднего Днепра на территории современных Украины и России

Интересно отметить, что и ранние, и более поздние клады были найдены как в Правобережной, так и Левобережной Украине, в последней особенно в районе Верхнего Сейма, Сулы, Псела и Ворсклы. Это предполагает континуитет практики формирования кладов в течение, по крайней мере, ста лет. Несмотря на то что до сих пор интерпретация этих кладов как «древностей антов» исключительно популярна среди украинских археологов³¹, она не может быть принята по той простой причине, что большинство собраний датируется временем после 600 г., когда анты уже перестали существовать с политической точки зрения³².

Ни в одном из этих собраний нет ничего определенно утилитарного, и в некоторых случаях можно, используя материал погребальных комплексов того же периода, заключить, что некоторые — если не все — обнаруженные в кладах категории артефактов были атрибутами женской одежды. Более поздние клады демонстрируют связь с очень богатыми погребениями VII в., которые считались могилами мужчин, так как они содержали оружие и конскую упряжь³³. Отсутствие погребений женщин с высоким статусом в VII в. предполагает, что прежде заметная роль женских погребальных обрядов уступила место новым формам репрезентации власти. В чем же тогда заключается смысл кладов, по крайней мере самых ранних из них, в которых атрибуты женской одежды играли настолько важную роль?

Конечно, серебряные клады не были собраниями необработанного серебра или «серебряных палочек». Сломанные предметы редки, а отходы металлообработки полностью отсутствуют³⁴. То, что некоторые из этих собраний были обнаружены в определенных местах, часто рядом с водой или в болотистых местностях, убедительно указывает на votivное приношение³⁵. Как минимум в трех случаях (Гапоново, Великие Будки и Хацки) артефакты были аккуратно обернуты в ткань (или шелк, как в хацковском кладе). Более того, продуманный выбор предметов, обычно обнаруживаемых в двух или более экземплярах, и ценность, придаваемая византийскому серебру, как в случае мартыновского клада, кажется, заставляют предполагать здесь пример демонстративного потребления, известного антропологам как потлач.

Во времена социальной и политической напряженности подобного рода потребление выполняло множество функций, как, например, празднование обрядов посвящения или

³¹ *Стицьки А. А.* Древности антов.; *Баран В. Д.* Скарби VI–VIII ст. Анті чи Русь? // *Археологія*. 1998. № 1. С. 15–28.

³² В последний раз анты упоминаются в исторических источниках в связи с походом аварского полководца Аспиха в 602 г. См.: *Curta F.* The Making of the Slavs... P. 105.

³³ См.: *Айбабин А. И.* Погребение хазарского воина // *СА*. 1985. № 3. С. 191–205; *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. 1999. С. 111–136.

³⁴ Единственное исключение — это клад в Великих Будках, который содержал фрагменты брошей, браслетов, ожерелий и пряжек, интерпретированные как сырье для местного ремесленника, который, вероятно, изготовил остальные, целые артефакты, обнаруженные в этом кладе. Однако клад был найден в заполнении землянки давно покинутого поселения, относящегося к трем первым столетиям нашей эры. Как и в Гапоново, все объекты были обернуты в ткань, что указывает на то, что и фрагменты, и целые артефакты были одинаково важны. См.: *Горюнова В. М.* Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // *Археологические вести*. 1992. № 1. С. 126–140; *Горюнова В. М., Родичкова В. Е.* Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // *Stratum plus*. 1999. № 4. С. 167–219.

³⁵ Клады в Харивке, Судже, Трубчевске и Цыпляеве были обнаружены на берегах прилегающих рек, т. е. в тех местах, которые в Средние Века, скорее всего, были заболочены. Клад в Малом Ржавце был найден в доисторическом кургане, расположенном между городом Каневом и рекой Россавой. Должно быть, он был зарыт таким же образом, как и погребения того же времени, — в доисторические курганы.

наследования сана. Разумеется, это была привилегия аристократии и, вероятно, предусматривала использование запасов еды и каких-либо других ценностей, не сохранившихся в археологическом материале. Щедрые подношения, такие как клады серебра, размещенные в местах, откуда предметы невозможно было вернуть назад, скорее, были способом закрепить статус и претендовать на связанный с этим престиж. Изначально атрибуты женской одежды были настолько же общепотребительны для такого рода социального поведения, насколько сами женщины — для демонстрации статуса мужчин своих общин. И в Правобережной, и в Левобережной Украине мужские погребения этой эпохи (с лошадиными скелетами или без них) очень бедны по сравнению с кладами серебра. Напротив, в середине и конце VII в. мужчины переняли эту роль на себя, и исключительно богатые погребения (Малая Перещепина, Зачепиловка, Вознесенка, Келегеи) с огромным количеством золотого (а не серебряного) погребального инвентаря затмили все богатство серебряных кладов.

Подобная смена гендерных ролей зафиксирована восточнее по обоим берегам Средней Волги, между реками Ветлугой и Самарой. Известны «геральдические поясные наборы» из богатого могильника, раскопанного в верхнем течении реки Чепца в Северо-Восточной Удмуртии. Их связь с высоким статусом подтверждается тем фактом, что на этом кладбище все могилы, содержавшие «геральдические поясные наборы», были вырыты на большей глубине, чем остальные³⁶. Более того, существует доказательство прямого соответствия между погребальным инвентарем и кладами. Атрибуты женской одежды, характерные в то время для целого региона между реками Ветлугой и Вяткой, также встречаются в кладах этой эпохи, как, например, Безводное под Нижним Новгородом³⁷. В районе Нижней Камы «геральдические поясные наборы» встречаются в кремационных могильниках, относящихся к именьковской культуре, таких как Коминтернское в Юго-Восточном Татарстане. Подвески в форме лошади и бусинки указывают на контакты с общинами в районе Перми на Средней Каме. С другой стороны, погребение 5 содержало диск из шлифованной раковины, имитирующий круглые серебряные подвески, подобные тем, что были обнаружены в богатом женском погребении в районе реки Белой в соседнем Башкортостане, которые обычно относят к турбаслинской культуре (Рис. 9)³⁸.

³⁶ Семенов В. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Под ред. М. Г. Атаманова и др. Ижевск, 1982. С. 49–50. — О «геральдических наборах» в Варни см. также: Гаврилухин И. О., Иванов А. Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Под ред. А. Г. Иванова. Ижевск, 1999. С. 105–119. — Один из погребальных комплексов, раскопанных в Варни, представлял собой катакомбную могилу, другой содержал доказательства votивного приношения берестяных сосудов. Связи со степным и лесостепным регионами к западу подтверждаются, с другой стороны, многочисленными находками в районе Средней Камы и Перми сасанидских драхм и византийских монет. См. об этом: Kovalev R. K. Commerce and caravan routes along the northern Silk Road (Sixth–ninth centuries). Part I: The western sector // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2005. Vol. 14. P. 63–65. — Такие связи были возможными благодаря взрыву торговли мехами с севера в VI в.. См.: Noonan T. S. The fur Road and the Silk Road: The Relations between Central Asia and Northern Russia in the Early Middle Ages // *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert* / Ed. by Cs. Bálint. Budapest, 2000. S. 297.

³⁷ Архипов Г. А. Проблемы ранней этнической истории марийцев // Этногенез и этническая история марийцев / Под ред. Т. А. Товашова. Йошкар-Ола, 1988. С. 61–62 (с примерами из Мари-Луговского могильника).

³⁸ Казаков Е. П. Об этнокультурных контактах населения западного Прикамья с народами Урало-Прикамья в IV–XII вв. н. э. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Под ред. М. Г. Ивановой, В. Е. Владыкина, В. А. Кананина. Ижевск, 1991. С. 114. — Такие диски чаще встречаются в могилах молодых женщин и, вероятно, украшали верхний слой одежды на груди.

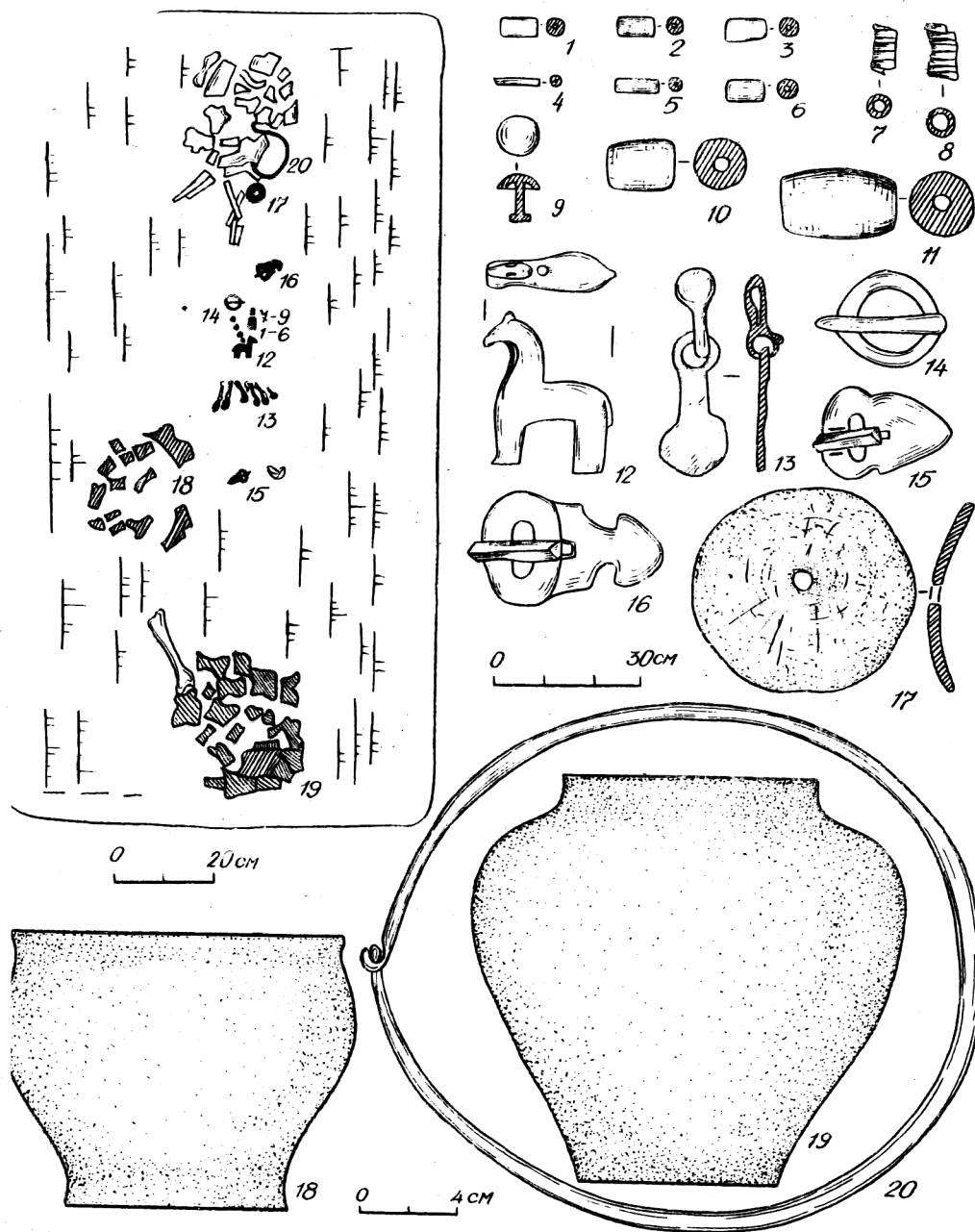


Рис. 9. Коминтернское (Татарстан), погребение 5. По: Казаков Е. П. Об этнокультурных контактах населения Западного Прикамья с народами Урало-Прикамья в IV–XII вв. н. э. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Под ред. М. Г. Ивановой, В. Е. Владыкина, В. А. Кананина. Ижевск, 1991.

Эти погребения, в свою очередь, характеризуются артефактами с символикой, удивительно схожей с той, что зафиксирована для ряда могильников в районе между реками Волгой, Ветлугой и Вяткой. Например, случайно обнаруженная в 1936 г. в Уфе погребальная камера содержала разбросанные останки женского скелета вместе с такими богатыми артефактами, как два золотых медальона, инкрустированных драгоценными камнями, и золотая диадема (Рис. 10). Слева от скелета находился глиняный ковш для заливки расплавленного металла³⁹.

Подобные артефакты нередко встречаются в могильниках, раскопанных в нынешней Республике Марий Эл, которые также демонстрируют острую гендерную дифференциацию, подчеркнутую различной ориентацией соответственно женских и мужских погребений⁴⁰. Например, в погребении 35 раскопанного в 1960-х гг. могильника в Мари-Луговой недалеко от Визимьяр (запад Марий Эл) археологи обнаружили два скелета: женский и детский. Среди относящегося к женскому скелету погребального инвентаря был литейный ковш. Такие артефакты, часто вместе с плавильными инструментами, характерны для богатых женских погребений. В погребении 134 Безводнинского могильника, раскопанного под Нижним Новгородом в 1960–1970-е гг., ковш располагался рядом с черепом, на котором археологи обнаружили также искусно украшенную диадему, сделанную из бронзовых подвесок, прикрепленных к берестяной головной повязке (Рис. 11). Во время погребения молодая женщина была одета в шелк и имела в ушах две серебряные серьги. На ее правой груди была круглая серебряная подвеска, а вокруг талии — пояс с составными накладками, украшенными бронзовыми креплениями. Удила и костяная пряжка для конской упряжки также подтверждают высокое социальное положение молодой женщины, погребенной в

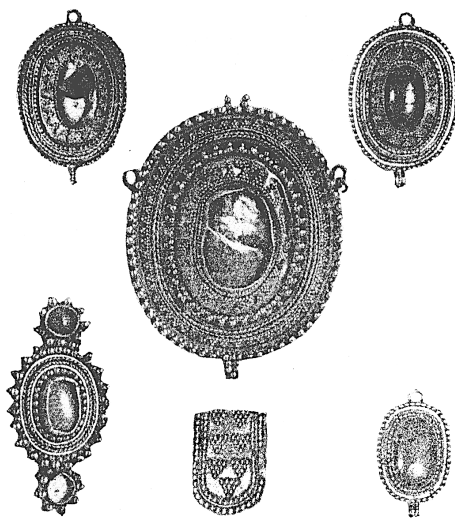
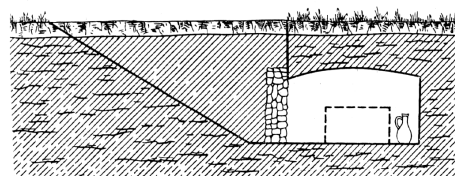
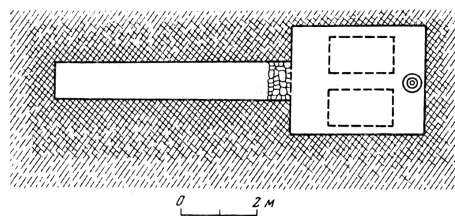


Рис. 10. Уфа (Башкортостан), могильная камера 8. По: Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1970.

³⁹ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1970. С. 163–164; 170 (рис. 1), 181 (рис. 7/1–2). — О турбаслинской культуре и находках, относящихся к уфимской могильной камере, см.: Сунгатов Ф. А. Население среднего течения р. Белой в V–VIII вв. (турбаслинская культура). Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1995. [Рукопись]. Опубликовано: Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура: (По материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа, 1998.

⁴⁰ См.: Архипов Г. А. Проблемы ранней этнической истории... С. 68–69.

могиле 134⁴¹. Похожий набор был обнаружен также в могильниках на Средней Оке у Муроме и на реке Тезе около Иванова⁴².

Археологические данные из женских погребений бассейна Средней Волги и Камы наводят на мысль, что в раннем Средневековье плавка и изготовление аксессуаров одежды были преимущественно женским занятием. Богатые женские погребения, сопровождающиеся литейными ковшами, свидетельствуют о том, чтоковка и литье цветных металлов (в особенности меди) были занятиями, связанными с женщинами с высоким социальным статусом. На протяжении VI и начала VII в. льячки встречаются только в могилах молодых женщин, в то время как в погребальном инвентаре последующих столетий подобные орудия связываются только с мужскими скелетами. Леонилла Голубева справедливо связала эту перемену в погребальных обрядах с изменением гендерных ролей, связанным с подъемом раннесредневековых сателлитов Волжской Булгарии. В таком случае эта ситуация непосредственно сопоставима с исчезновением в районе Среднего Днепра наборов аксессуаров женской одежды VI – начала VII в. и последующим смещением акцента в сторону демонстрации необычайного богатства погребениями мужчин, воинов.

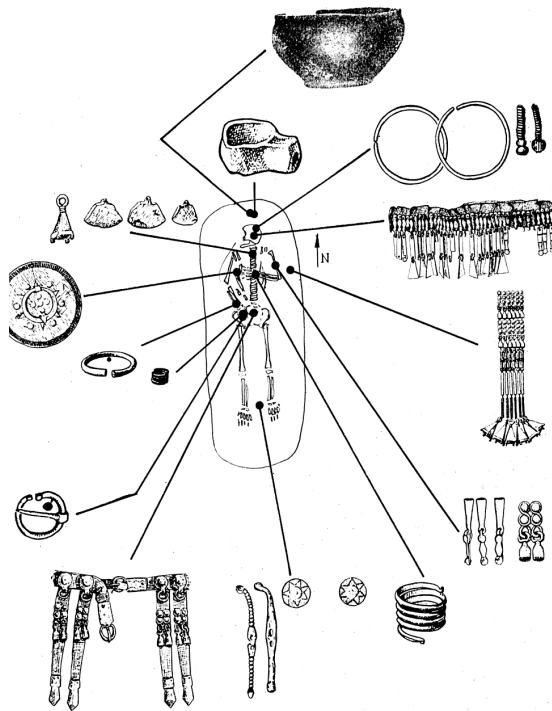


Рис. 11. Безводное (Россия), погребение 134. По: Краснов Ю. А. Безводнинский могильник: К истории горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980.

Это сравнение еще больше подкрепляется материалом той же эпохи из Приволжской возвышенности в Пензенской области России. В большом могильнике, раскопан-

⁴¹ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник: К истории горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980. С. 175–176. — Удила в могилах женщин с высоким статусом отмечены восточнее, в районе Перми. В женском погребении из большого могильника в Неволينو обнаружены и удила, и две драхмы, позднейшая из которых была отчеканена для Хосрова I в 579 г. (см.: Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. С. 60). Напротив, в могильниках того же времени в районе реки Белой в современном Башкортостане женщины высокого статуса были погребены с частями конских скелетов (череп и раздробленные ноги). Наилучшим образом это демонстрирует погребение 2 в Кушнаренково, в котором обнаружили двенадцать «геральдических наборов» и две обувные пряжки с сердцеобразными щитками, датированные VI и началом VII века. Погребение 2 можно рассматривать как женский эквивалент погребального обряда, связанного преимущественно с мужскими погребениями, как зафиксировано в могиле 27 из того же могильника. См.: Генzig В. Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Под ред. Р. Г. Кузеева, Н. А. Мажитова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа, 1977. С. 94, 105; 95 (рис. 4), 93 (рис. 3/1–23), 104 (рис. 10/2).

⁴² Голубева Л. А. 1) Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4. С. 75–89; 2) Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси / Под ред. Б. А. Тимошука. М., 1988. С. 31–34.

ном в 1920-е гг. и затем снова в 1960-е гг. в Армиево, около Шемьшейки, на Верхней Сура, было обнаружено женское погребение с литейным ковшом (Рис. 12). Однако сопутствующий погребальный инвентарь не отвечает представлениям о высоком статусе погребения. С другой стороны, некоторые из предметов, обнаруженных вместе с плохо сохранившимся женским скелетом в погребении 173, очень похожи на богатое женское погребение из Безводного: на талии — пояс, возможно, с составными накладками, украшенными бронзовыми креплениями; две броши в форме почти сомкнутого кольца и круглая подвеска на груди; на обеих руках — кольца из скрученного бронзового провода (Рис. 13)⁴³. Единственный найденный в Армиево пояс, украшенный «геральдическим набором», происходит из мужского погребения, выделяющегося также оружием (наконечники копий и стрел и однолезвийный меч) и теслом (Рис. 14).

И оружие, и тесло, кажется, служили маркером пола и, возможно, статуса, как показывает их расположение в погребениях без скелетных останков, которые вполне могли быть кенотафами. Например, в погребении 178 меч вместе с ножнами и декоративными креплениями находился в западной части могильной ямы, в положении, очень похожем на положения меча в погребении 191 (Рис. 15). Там же были найдены наконечники копий и стрел, а также тесло, все удивительно напоминающее предметы из погребения 191⁴⁴.

Один из наиболее устойчивых стереотипов археологии раннего Средневековья заключается в том, что погребения с оружием не содержат ювелирных украшений, и, наоборот, неиз-

вестны погребения с аксессуарами женской одежды, содержащие оружие. Согласно этим представлениям, украшения и оружие надо рассматривать как взаимно исключающие признаки соответственно женского и мужского пола. Только недавно эти представления были оспорены, и материалы из Армиевского могильника, безус-

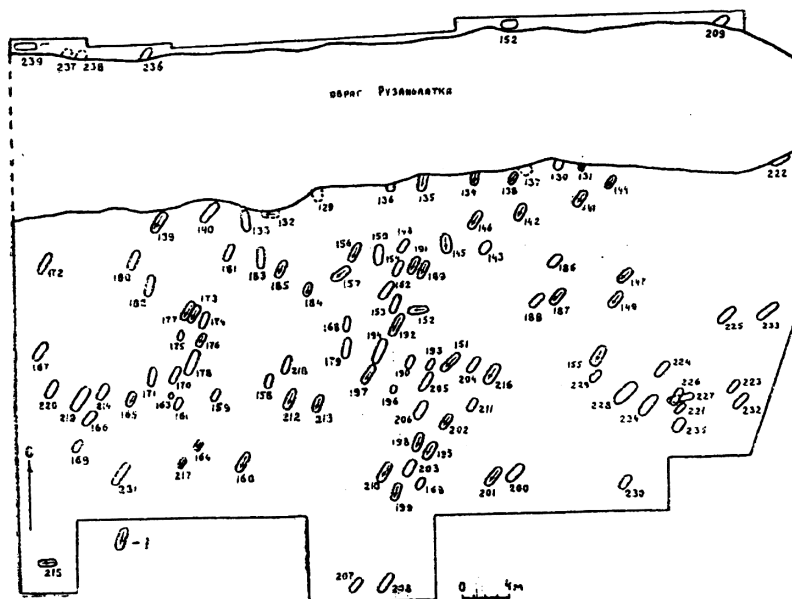


Рис. 12. Армиево (Россия), раннесредневековый могильник. По: Полесских М. Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. / Под ред. Г. А. Федорова-Давыдова. Саранск, 1979.

⁴³ Полесских М. Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. / Под ред. Г. А. Федорова-Давыдова. Саранск, 1979. С. 29–30.

⁴⁴ Там же. С. 31–32; 34 (рис. 21, 23).

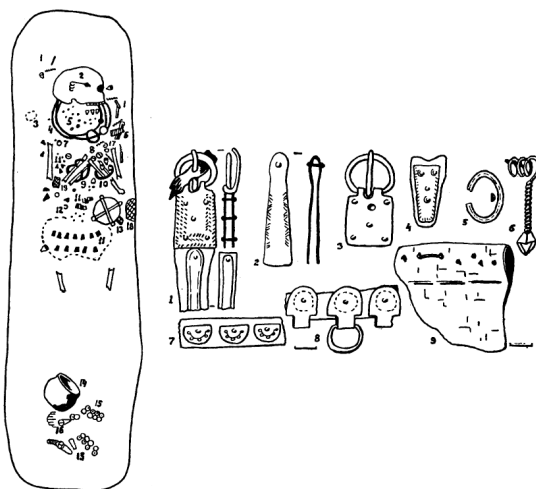


Рис. 13. Армиево (Россия), погребение 173. По: *Полесских М. Р. Армиевский могильник.*

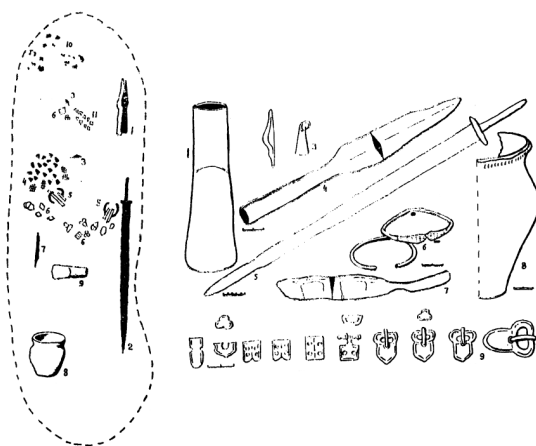


Рис. 14. Армиево (Россия), погребение 191. По: *Полесских М. Р. Армиевский могильник.*

ловно, подкрепляют эту критику⁴⁵. Женщина из могилы 177 была похоронена с типичными для женских погребений артефактами, такими как броши в форме почти сомкнутого кольца, крученое ожерелье, стеклянные бусы или атрибуты звенящих нашивок (Рис. 16). Подобно погребению богатой женщины в Безводном, после смерти у ног женщины в погребении 177 в Армиево были положены удила в качестве *pars pro toto*, в знак символического жертвоприношения лошади. Однако в погребении 177 также обнаружили артефакты, неожиданное присутствие которых в женском погребении не может быть просто объяснено как *pars pro toto*. Подобно мужскому погребению 191 и кенотафу в погребении 178, слева от скелета лежал однолезвийный меч, а возле черепа — два наконечника копий и два наконечника стрел. В погребении 177 не было теса, однако археологи обнаружили остатки лука слева от черепа⁴⁶.

Как объяснить эту ситуацию? Приводя пример из удмуртского фольклора XIX в., Леонилла Голубева утверждала, что погребение в Армиево показывает, что в обществах, населявших район Средней Волги в VI и VII веках, женщины участвовали в военных действиях и, как следствие,

⁴⁵ Lucy S. J. Housewives, warriors and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // *Invisible People and Processes. Writing Gender and Childhood into European Archaeology* / Ed. by J. Moore and E. Scott. London; New York, 1997. P. 150–168; особенно P. 159.

⁴⁶ *Полесских М. Р. Армиевский могильник...* С. 39–39; 42 (рис. 27). — Связь оружия (меч, топор) с артефактами, обычно сопутствующими женским погребениям, такими как декоративные серебряные диски, серебряные ожерелья или броши в форме незамкнутого кольца, также подтверждается в погребениях 54 и 101 биритуального могильника, раскопанного в 1892 г. А. В. Селивановым в Борках у Спасска Рязанского в районе Рязани. Эта связь, кажется, смутила также и А. А. Спицына: он нерешительно приписал останки скелета в могиле 54 мужчине. Напротив, с могилой 101 ситуация вполне ясна: в ней обнаружены два скелета, женский и мужской, один сверху другого. Мужчина был похоронен с мечом. Женщина — с топором и удилами. См.: *Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы.* СПб., 1901. С. 79 («мужское?»), 85; ил. XIX/12 (броши в форме незамкнутого кольца в погребении 54), XX/11 (меч в погребении 54).

могли после смерти сопровождаться оружием так же, как и мужчины⁴⁷. Но погребение никогда не является непосредственным отражением социальной действительности, и,

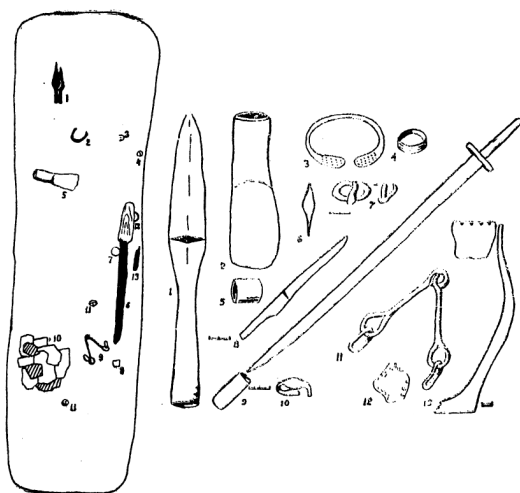


Рис. 15. Армиево (Россия), погребение 178. По: Полесских М. Р. Армиевский могильник.

показывают как систему стандартных репрезентаций, так и манипулирование кодом, структурирующим гендерное значение материальной культуры. Таким образом, метафорическое присвоение материальной культуры, относящейся обычно к погребениям мужчин высокого статуса, возможно, было средством обозначить высокий статус умерших женщин⁴⁹. Похожим образом детские погребения с необычным погребальным инвентарем (как, например, седельные украшения) или отмеченные курганами могут указывать на то, что некоторые дети были удостоены погребального обряда, предназначенного для взрослых, скорее всего, чтобы подчеркнуть их относительный статус.

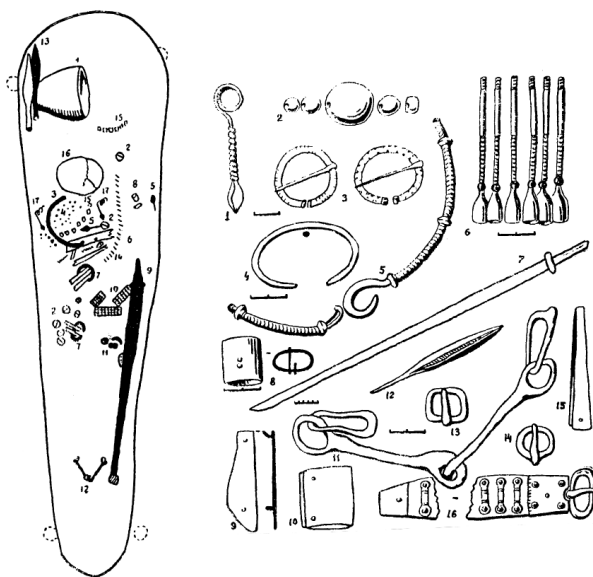


Рис. 16. Армиево (Россия), погребение 177. По: Полесских М. Р. Армиевский могильник.

⁴⁷ Голубева Л. А. Женщины-литейщицы... С. 78–79.

⁴⁸ См.: Díaz-Andreu M. Gender identity // The Archaeology of Identity: Approaches to Gender, Age, Status, Ethnicity and Religion. London; New York, 2005. P. 13–42; особенно P. 39.

⁴⁹ В армиевском могильнике две женщины высокого статуса похоронены рядом друг с другом (могилы 173 и 177) и близко к (мужскому?) кенотафу в погребении 178.

Этничность не может быть оторвана от других факторов, формирующих социальные идентичности. В то время как этничность переплетена с вопросами господства, иерархии и социальной стратификации, разделение по полу и возрасту может выступать как раз в качестве яркого маркера социального статуса. При обращении к проблемам идентичности в Восточной Европе VI – первой половины VII в. задача, стоящая перед археологами, состоит не в том, чтобы определить родину какой-либо этнической группы, а в том, чтобы посмотреть на отдельных людей прошлого как на обладающих самосознанием субъектов собственного социального поведения и социальных образований, в которых они участвовали.

Summary

The evidence of selected burial assemblages (graves of children and women) dated between 500 and 650 is examined in detail in the light of the recent debates surrounding the study of identity in archaeology. Following a critical review of the assumptions underpinning some of the most important studies on the early Slavs, the essay introduces new categories of analysis, such as age and gender. These concepts may enable us to understand unique phenomena of the early Middle Ages, such as exceptional children burials, hoards of silver and bronze accessories of female dress, and female burials with smelting implements or weapons. It is suggested that deposition of weapons in female graves does not necessarily indicate that the women in question were warriors. Power and status in a particular social and economic context may have been marked in death by a particular burial rite, which was normally associated with males, but which might have been accorded to females who had achieved the requisite status. The metaphorical appropriation of material culture usually associated with high-status male burials may thus have been a means to signify the high status of deceased females. Similarly, children's graves with unusual grave goods (such as saddle ornaments) or marked out with mounds could indicate that certain children were given burial rites reserved to adults, most likely in order to mark their relative status. Ethnicity cannot be teased out from the other strands that interact to form social identities. While ethnicity is interwoven with questions of dominance, hierarchy, and social stratification, gender and age divisions can be just as powerful markers of social status. When dealing with issues of identity in Eastern Europe between *ca.* 500 and *ca.* 650, the challenge for archaeologists is not to identify the homeland of any one ethnic group, but to take into consideration individuals in the past as self-aware authors of their own social conduct and of the social formations in which they participated.

F. Curta

THE MAKING OF THE SLAVS BETWEEN ETHNOGENESIS, INVENTION, AND MIGRATION

Ethnogenesis, especially the ethnogenesis of the Slavs, is still a popular research topic, and not just in Russia. While presenting new material and arguments, the essays above are a good illustration of that popularity, and they offer much that will require careful consideration by future students of early Slavic history. Instead of responding to each and every one of the points raised by contributors to this volume, I shall confine my comments to highlighting some lines of reasoning which are either particularly promising or problematic¹. In the meantime, it bears emphasizing that more nuanced approaches to ethnogenesis and unexpected evidence keep emerging from studies from several countries and in several languages. Ethnicity is now viewed by both archaeologists and historians as fundamentally performative, which explains the emphasis placed on identity as a category of historical analysis (for the absence of an archaeology of identity in Russia, see my paper in this volume)². The critique of the ethnogenesis model embraced by many German and

¹ I will specifically and deliberately leave out Petr Shuvalov's critique of the archaeological and especially numismatic arguments in chapter 4 of the *Making of the Slavs*. My reasons for doing so have less to do with his misrepresentation of what I wrote than with his misunderstanding of economy, especially ancient economy, combined with a blatant ignorance of recent studies of sixth- to seventh-century Byzantine coins in the Balkans. See, for example: *Duncan G. L.* *Coin Circulation in the Danubian and Balkan Provinces of the Roman Empire AD 294–578*. London, 1993; *Curta F.* *Invasion or Inflation? Sixth- to Seventh-century Byzantine Coin Hoards in Eastern and Southeastern Europe* // *Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica*. 1996. Vol. 43. P. 65–224; *Oberländer-Târnoveanu E.* *La monnaie byzantine des VIe-VIIIe siècles au-delà de la frontière du Bas-Danube. Entre politique, économie et diffusion culturelle* // *Histoire & Mesure*. 2002. Vol. 17. Nr 3–4. P. 155–196. — Ironically or not, Shuvalov's own work is at variance with his critique of my work; see: *Шувалов П. В.* *Случайные флуктуации или преднамеренный отбор? (Три клада фолисов последней четверти VI в.)* // *Stratum plus*. 1999. № 6. С. 104–110.

² *Mirnik Prezelj I.* *Re-thinking ethnicity in archaeology* // *Slovenija in sosednje dežele med antiko in karolinško dobo. Začetki slovenske etnogeneze* / Ed. by R. Bratož, H.-D. Kahl. Ljubljana, 2000. S. 581–603; *Profantová N.* *Kulturní diskontinuita a možnosti její interpretace jako etnické změny (problém tzv. slovanské expanze): Problém symbolického systému sebeidentifikace elity a jeho nedostatečného poznání* // *Archaeologia historica*. 2003. Vol. 28. S. 19–31; *Barford P. M.*

Austrian scholars inspired by Reinhard Wenskus's work has now drawn attention to the need to treat written sources as texts, using traditional means of textual analysis, as well as current theoretical approaches to literary analysis (e. g., narratology) in order to establish the cultural context and to define authorial purpose³. Much has recently been written in that vein about Jordanes, but there are already signs of change in scholarly approaches to the works of other authors mentioning the Slavs, especially Procopius⁴. The implications of such a «literary turn» for the analysis of written sources remain to be seen, but it has already become clear that in order to make any progress the research on (Slavic) ethnogenesis needs to distance itself from the practice of perpetuating the stereotypes embedded in the late antique ethnography. Meanwhile, new approaches to the construction of ethnicity through material culture and ethnicity have also transformed our understanding of the relations between the late antique Empire and the barbarians. Ongoing research should clarify how the militarization of the sixth-century Balkans affected the rise of new ethnic groups on the northern frontier of the Empire⁵. A hitherto neglected approach to language contact promises dramatic changes in the study of early medieval languages and their relation to ethnic identities⁶. And, as some now maintain, throughout the early Middle Ages (Common) Slavic may have been used as a *lingua franca*, that too would have obvious implications for the notion of a Slavic ethnogenesis and migration⁷.

Identity and material culture. Did the early Slavs follow the rules or did they make up their own? // East Central Europe/L'Europe du Centre-Est. 2004. Vol. 31. Part 1. P. 77–123; Pohl W. Die Namen der Barbaren: Fremdbezeichnung und Identität in Spätantike und Frühmittelalter // Zentrum und Peripherie — gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte: Materialien des 13. internationalen Symposiums «Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donauraum», Zwettl, 4.–8. Dezember 2000 / Hrsg. von H. Friesinger und A. Stuppner. Wien, 2004. S. 95–104; Васильев М. А. Анты, словене, немцы, греки: Славянский культурно-лингвистический мир и его соседи в раннесредневековое время // Славяноведение. 2005. № 2. С. 3–19; Степанов Ц. Етноси, съжителства, етногенезиси в раннесредновековна Европа: (Предизвикателствата на фактите и на историографските тези) // История. 2006. № 4–5. С. 35–42; Bálint Cs. Az ethnos a kora középkorban (a kutatás lehetőségei és korlátai) // Századok. 2006. Évf. 2. O. 1–70; Tabaczyński S. Procesy etnogenetyczne jako problem badawczy archeologii // Archeologia o początkach słowian: Materiały z konferencji, Kraków 19–21 listopada 2001 / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków, 2005. S. 37–50; Härke H. Ethnicity, «Race» and Migration in Mortuary Archaeology: An Attempt at a Short Answer // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. 2007. Vol. 14. P. 11–18.

³ For a brief survey of the debate, see: Gillett A. Ethnogenesis: A Contested Model of Early Medieval Europe // History Compass. 2006. Vol. 4. Nr 2. P. 241–260.

⁴ Fundamental for the new treatment of Jordanes's work as a literary text is now: Goffart W. Jordanes' Getica and the Disputed Authenticity of Gothic Origins from Scandinavia // Speculum. 2005. Vol. 80. P. 379–398. — For Procopius, see Kaldellis A. Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia, 2004; Brodka D. Die Geschichtsphilosophie in der spätantiken Historiographie. Studien zu Prokopios von Kaisareia, Agathias von Myrina und Theophylaktos Simokattes. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; New York, 2004; Revanoglou E. M. Geographika kai ethnographika stoicheia sto ergo tou Prokopiou Kaisareias. Thessaloniki, 2005.

⁵ Dunn A. W. Was there a militarisation of the southern Balkans during Late Antiquity? // Limes XVIII. Proceedings of the XVIIIth International Congress of Roman Frontier Studies / Ed. by P. Freeman. Oxford, 2002. P. 705–712; Curta F. Frontier Ethnogenesis in Late Antiquity: The Danube, the Tervingi, and the Slavs // Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages / Ed. by F. Curta. Turnhout, 2005. P. 173–204; Kirilov Ch. The Reduction of the Fortified City Area in Late Antiquity: Some Reflections on the End of the «Antique City» in the Lands of the Eastern Roman Empire // Post-Roman Towns, Trade, and Settlement in Europe and Byzantium / Ed. by J. Henning. Berlin; New York, 2007. P. 3–24.

⁶ The approach is spelled out in: Thomason S. G. Language Contact: An Introduction. Washington, 2001. — For an exemplary application of the approach to an early medieval situation, see: Townend M. Language and History in Viking-age England: Linguistic Relations Between Speakers of Old Norse and Old English. Turnhout, 2002. — For the implications of that approach for the history of Slavic languages, see: Curta F. The Slavic *lingua franca* (Linguistic Notes of an Archaeologist Turned Historian) // East Central Europe/L'Europe du Centre-Est. 2004. Vol. 31. Part 1. P. 125–148.

⁷ Pritsak O. The Slavs and the Avars // Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto Medioevo. Spoleto, 1983. P. 353–435; Lunt H. G. 1) On Common Slavic // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1984–1985. Књ. XXVII–XXVIII. С. 417–422; 2) Slavs, Common Slavic, and Old Church Slavonic // Litterae Slavicae Medii Aevi.

For migration is the real bone of contention. That that is indeed the case needs no better illustration than Paul Barford's paper. As he points out, a polemical debate is currently taking place in Poland between advocates of a Polish *Urheimat* of the Slavs (primarily linguists or linguistically trained historians) and those students of Kazimierz Godłowski who embraced the idea that the Slavs had come to Poland from an *Urheimat* located in Subcarpathian Ukraine⁸. Both positions are therefore predicated upon the idea that the Slavs must have come from somewhere, a more or less large area in Eastern Europe, which may be viewed as their primordial homeland. Barford in any case thinks that the «migrationists» are wrong, but he still believes that «until some time before the mid-sixth century, when they appear before the eyes of the East Romans on the Danubian plain... the Slavic speaking groups were separated from the Roman world by three to five hundred kilometers of steppe, forest steppe and mountains», although, of course, no evidence exists for such a statement. Historians are now moving away from the idea that there ever was such a thing as the Great Migration⁹. Barford still believes that since «this was after all the *Völkerwanderungszeit*», «some Slavic speaking groups... moved south and southwest to the areas faced by Justinian's frontiers». Again, no evidence of migration from the north exists for the «areas faced by Justinian's frontiers», a point that Barford himself acknowledges. Nevertheless, the problem with Barford's idea is even deeper. It has long been noted that for an ethnic group to exist, a name must be attached to it, which represents two concomitant processes taking place in any ethnogenesis: self-identification and recognition by others. For the Slavs to exist anywhere, one would expect a certain group of people to call themselves by that name or be called as such by others. We do not know anything about how the inhabitants of the «areas faced by Justinian's frontiers» called themselves in their own language. All we have is the testimony of sixth-century authors, such as Procopius, who claim that those were Sclavenes. Whether or not the Sclavenes spoke a Slavic language, we at least know who those people were, even though our only source of knowledge about that is what is reported by outsiders. What about the regions of Europe, for which there is no such report? The problem, as Barford rightly notes, «is that "the Slavs" is as much a linguistic concept as an ethnic or archaeological one». No source written in the sixth century or earlier mentions the Slavs in what is now Poland. For the sixth century, there are in fact no ethnic names to be associated to the territory of present-day Poland. We also have no way of knowing how inhabitants of the settlement sites of Barford's «Central Polish groups» called themselves. Nor is it possible to put any ethnic names on the «Mogila group», which appeared at some point in south-eastern Poland, allegedly from outside the territory of present-day Poland. What then is the basis for calling any or all of those peoples «Slavs»? If I correctly understand Dmitrii Polyvianni's argument, the very use of that name is historically associated with the classification methods and

Francisco Venceslao Mares Sexagenario Oblatae / Hrsg. von J. Reinhart. München, 1985. S. 185–204. — See also: *Nichols J.* The linguistic geography of the Slavic expansion // *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*. Bratislava, August–September 1993. Literature, Linguistics, Poetics / Ed. by R. A. Maguire and A. Timberlake. Columbus, Ohio, 1993. P. 377–391.

⁸ *Parczewski M.* 1) Praojczyzna Słowian w ujęciu źródłoznawczym // *Cień Światowita czyli pięć głosów w sprawie etnogenezy Słowian* / Red. A. Kokowski. Lublin, 2002. S. 22–68; 2) Remarks on the Discussion of Polish Archaeologists on the Ethnogenesis of Slavs // *Archaeologia Lituana*. 2003. Vol. 4. S. 138–142; *Kaczanowski P.* Uwagi do stanu badań nad zagadnieniem praojczyzny Słowian // *Archeologia o początkach Słowian: Materiały z konferencji, Kraków, 19–21 listopada 2001* / Red. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków, 2005. S. 13–18; *Makiewicz T.* W sprawie aktualnego stanu badań nad problemem kontynuacji kulturowej pomiędzy starożytnością a wczesnym średniowieczem w Polsce. Punkt widzenia autochtonisty // *SA*. 2005. T. 46. S. 9–38. — For Barford's own position in the debate, see: *Barford P. M.* Crisis in the Shadows: Recent Polish Polemic on the Origin of the Slavs // *SA*. 2003. T. 44. S. 121–155.

⁹ See, for example: *Goffart W.* *Barbarian Tides: The Migration Age and the Later Roman Empire*. Philadelphia, 2006.

patterns of Byzantine authors. When referring in a ninth-century inscription (otherwise written in Greek) to the «Slavs under imperial rule» and the «Slavs who live along the sea coast, and are not ruled by the emperor», the Bulgar ruler Omurtag (or the stone carver he employed for the job) had in mind an audience of Byzantines, not of Bulgars¹⁰. The same appears to be true about Constantine of Preslav writing in Old Church Slavonic in the 900s about the «Slavic people soaring high, having all turned toward baptism»¹¹. Denis Alimov's exceptional analysis of the historiographic topics of «migration» and «Christianization» in reference to the Croats in Dalmatia makes a similar argument from the other, Latin-speaking side of the evidence. In three out of five inscriptions mentioning his name, Branimir, a ruler otherwise known from five letters of Pope John VIII dated between 879 and 882, is described as ruling over some group of people¹². Two of them (the inscriptions found in Nin and Ždrapanj near Skradin) call Branimir *dux Slavorum* and *dux Clavitorum*, respectively¹³. Most scholars have interpreted those mangled ethnic names to refer to the Slavs (Sclavi), but not much ink was spilled over the explanation of those misspellings. A third inscription found in Šopot near Benkovac has Branimir's name associated with such titles of *comes* and *dux Cruatorum*¹⁴. Why was Branimir a ruler of the Slavs in some inscriptions and of the Croats in others? Given that most papal documents and contemporary Frankish sources have no knowledge of the Croats, it is possible that Branimir's title in the Nin and Ždrapanj inscriptions is simply the result of a Roman or Frankish usage¹⁵. Alimov believes however that «Slavs» and «Croats» were two names for one and the same ethnopolitical community. But as John Fine has long observed, the variation in Branimir's title may not be accidental¹⁶. Few among those who studied the inscriptions have paid sufficient attention to their archaeological context and the possible audience for their messages. All five inscriptions with Branimir's name originate from churches and were carved onto architraves and gables of altar screens. None of them was dedicated to Branimir himself, whose name appears only as a means to authenticate (and date) the dedication

¹⁰ For the Greek text of the inscription, see: *Beshevliev V.* Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963. S. 190–206; English translation from: *Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria, Seventh-Fifteenth Century: The Records of a Bygone Culture. Leiden; Boston, 2008. P. 8.

¹¹ Constantine of Preslav, *Alphabetical Prayer* // *Кыев К. М.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974. С. 170–174 (English translation from: *Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria... P. 60). — It is important to note in this context that in the *Annunciation of the Gospel*, Constantine employed the plural («Slavic peoples») when encouraging his audience to listen to the Word «that prepares us to know God». See: *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 147–150 (English translation from: *Petkov K.* The Voices of Medieval Bulgaria... P. 62).

¹² For both letters and inscriptions, see: *Matijević-Sokol M., Sokol V.* Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira. II. izdanje. Zagreb, 2005. S. 35–57, 63–74.

¹³ *Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. Split, 1996. S. 207–208, 252–254. — For the Branimir inscriptions see also: *Rapanić Ž.* Bilješke uz četiri Branimirova natpisa // SHP. Split, 1981. Ser. III. Sv. 11. S. 179–190; *Margetić L.* Branimirov natpis iz 888. godine i međunarodni položaj Hrvatske // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Zagrebu. 1990. Sv. 40. Br. 1. S. 5–16; *Zekan M.* Pet natpisa kneza Branimira s posebnim osvrtom na nalaz iz Otrisa // Kačić: Zbornik Franjevačke provincije Presvetoga Otkupitelja. 1993. Sv. 25. S. 405–420.

¹⁴ *Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici... S. 166–167.

¹⁵ To Godescalc of Orbais, Trpimir (one of Branimir's predecessors, who ruled between ca. 845 and 864) was also a *rex Sclavorum*. See: *Lambot C.* Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescals d'Orbais. Louvain, 1945. P. 169.

¹⁶ *Fine J. V. A.* Croats and Slavs: theories about the historical circumstances of the Croats' appearance in the Balkans // BF. 2000. Bd 26. S. 211. — To be sure, Fine also believes that *dux Sclavorum* is a genuine expression of Slavic ethnic self-awareness and, as such, a proof that I was wrong when writing that «the first clear statement that “we are Slavs” comes from the twelfth-century *Russian Primary Chronicle*» (*Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001. P. 350). — See his review of my book in *Canadian-American Slavic Studies*. 2004. Vol. 38. Nr 3. P. 337–338.

on behalf of some other donor¹⁷. In other words, Branimir's title matters to the donor as a means to confirm publicly the act of the donation. The name of the donors is preserved entirely in two of the five inscriptions (those found in Šopot and Ždrapanj) and only partially in another¹⁸. The donors of the altar screen in Ždrapanj are *zhupan* Priština (*Pristi[na] iupanus*), who was most certainly a Croat, and his un-named wife¹⁹. By contrast, the donor in the case of the Šopot inscription is a certain abbot named Theudebert, who is said to have put up the altar screen «for the salvation of his soul». Much has been made of the abbot's name, as supposedly indicating foreigner of Frankish origin²⁰. Whatever his place of birth, the donor was clearly a monk, possibly of the Benedictine order, and he characteristically asked the reader of the inscription to pray for his sins (*[quis] []eget oret pro me peccator[e]*). The audience of Theudebert's inscription was thus one of people capable of reading Latin, not of speakers of Slavic, be they «Croats» or «Slavs». It is important to note at this point that, although a «native», *zhupan* Priština was equally addressing a Latin-reading audience, who may have been more familiar with his title (*iupanus*) than with the name of the people over whom Branimir is said to have ruled (*Clavitiini*, an allegedly corrupted form of *Sclaveni*). That in the inscription carved on his behalf, Priština mangled the name of the people to whom he allegedly belonged, but not his title or social rank, is a strong argument in favor of Alimov's persuasive idea of «Croats» being the name adopted by an elite in the process of inventing a history and identity for the justification of its own power. Much like Omurtag, *zhupan* Priština and Abbot Theudebert employed «Slavs» as an ethno-political category, which made much more sense to an audience of «outsiders» (Greek- or Latin-speaking foreigners) than to one of «natives». In other words, «Slavs» was an etic, not an emic category. This, however, did not prevent its use by «natives» in contexts and circumstances in which assuming a name coined by «outsiders» could advance one's social or political goals²¹.

Polyvianni's superb book on the cultural specificity of medieval Bulgaria has long demonstrated that a significant part of that peculiarity was the use of Byzantine cultural patterns for the formulation of «native» (or «national») expression of culture²². Now Polyvianni would go as far

¹⁷ The standard phrase including Branimir's name is preserved relatively well in the inscription from the Church of St. Ambrose in Nin: (*T*)emporibus domno B(r)animiro dux Slavorum. See: Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... S. 207.

¹⁸ Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... S. 217–218.

¹⁹ For the title of *zhupan* in ninth-century Croatia, see: Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge; New York, 2006. P. 139–141.

²⁰ Matijević-Sokol M., Sokol V. Hrvatska i Nin... S. 70.

²¹ Let me employ here two modern analogies in order to clarify the point. No one among those called in the United States «Hispanics» actually uses that label to define himself or herself, for he or she is always of Cuban, Colombian, Venezuelan, or Peruvian origin. Much like «Slavs», «Hispanic» is a label created by outsiders for purposes that were initially foreign to all or any of the interests of those to whom that label referred. Similarly, «Indians» was initially not a name willingly used or even accepted by those called so by the European settlers to North America, people who would otherwise employ for themselves such names as Potawatomi, Kwakiutl, or Hopi. However, when, in more recent times, at stake were political or economic interests depending upon the classification produced for that purpose by the United States government, both Hispanics and (American-) Indians quickly assumed that identity forced upon them in order to further their group interests. Indeed, to this day, both «ethnic» groups — otherwise completely artificial creations based on «umbrella» terms — operate effectively in the political field manipulating that identity, which has by now been recognized by others, from politicians to media pundits.

²² *Польвианный Д. И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности. Иваново, 2000. — See also: *Польвианный Д. И.* Византийско-славянская общность в представлениях болгар X–XIV вв. // Славяне и их соседи: Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время: Сб. статей к 70-летию акад. Геннадия Григорьевича Литаврина / Под ред. Б. Н. Флори, Е. М. Ломидзе, Н. С. Захарьиной. М., 1996. С. 100–108.

as to claim that even the «Slavic *excursus*» in the *Russian Primary Chronicle* may be viewed as an attempt to obtain recognition by the same cultural means that have consecrated the Slavs in the political discourse of early Byzantium. He may be right as far as the use of the Byzantine chronicle of George the Monk is concerned, but the Rus' chronicler's approach is different from both Procopius of Caesarea (see below) and Constantine of Preslav or others writing in the Cyrillo-Methodian tradition. Unlike all of them, the chronicler assigned to the Slavs a homeland on the Danube, no doubt modeling the history of the Slavs after that of the Hebrews in the Old Testament (twelve tribes spreading out over the face of the earth from an original homeland). Moreover, he used «Slavs» as a name for a territory, along with Epirus, Illyricum, and Lychnitis²³. His goal was clearly not just to link the Slavic Rus' to the lands where the Slavs had received the Word in their own language, but also to advance the idea of a new Chosen People²⁴. It is that that I had in mind when writing that with the *Russian Primary Chronicle*, another story begins, namely that of the «national» use of the Slavs «for claims to ancestry»²⁵.

But let us return to Barford's paper about the Polish lands. According to him, «linguistic and other types of evidence seem to show that Slavic languages were being spoken over a wide area of east-central Europe by the ninth century at the latest». What about the sixth century? Do we know anything for sure about the language(s) spoken in what is now Poland? Honest scholars have long given a negative answer to such questions²⁶. It would be a mistake, as Barford is right to point out, to associate river names of archaic Slavic type with any specific archaeological culture. If so, then it would be equally mistaken to associate such names with the Slavs as known from the written sources. Barford writes: «We are therefore faced with the paradoxical situation that the area may have been occupied by Slavs who were not in the slightest interested in wearing so-called "Slavic fibulae"». In the light of my remarks above, it is curious that Barford did not see a much simpler explanation for his paradoxical situation: those rejecting «Slavic fibulae» were not Slavs, at least not like those who not only wore «Slavic fibulae», but were also called Slavs (Sclavenes) by contemporary, early Byzantine authors. This remains true even if, as Barford invites us to do, one shares the widespread belief that Slavic was spoken in what is now Poland during the sixth century (a belief otherwise based on no evidence whatsoever). «Slavs did not become Slavs because they spoke Slavic, but because they were called so by others»²⁷.

Similar problems emerge from Petr Shuvalov's contribution. Like Barford, Shuvalov believes in the existence of a «(Baltic-)proto-Slavic population» somewhere in the forest belt of Eastern Europe, even though the very existence of any such population remains to be demonstrated, for it is not attested by any source. Much like Barford's Slavic-speaking groups «moving south and

²³ Lunt H. G. What the Rus' Primary Chronicle Tells us About the Origin of the Slavs and of Slavic Writing // HUS. 1995. Vol. 19. P. 335.

²⁴ Avenarius A. Začiatky slovanov na strednom Dunaji: autochtonistická teória vo svetle súčasného badania // HČ. 1992. Roč. 40. Č. 1. S. 1–16; Tolochko O. P. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 178.

²⁵ Curta F. The Making of the Slavs... P. 350. — In that respect, in his desire to prove that language is the most significant aspect of (any) ethnicity, B. J. Darden (*Darden B. J. Who were the Sclaveni and where did they come from?* // BF. 2004. Bd 28. S. 135–137) completely misses the point. His interpretation of the *Russian Primary Chronicle* is therefore anachronistic, to say the least.

²⁶ Schenker A. M. Were there Slavs in Central Europe before the Great Migration? // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31–32. P. 359–374; Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław, 1991.

²⁷ Curta F. The Making of the Slavs... P. 346.

southwest to the areas faced by Justinian's frontiers», Shuvalov's Balto-*proto-Slavs* «spilled» over the fertile lands of the forest-steppe belt in the aftermath of the Hunnic invasion of the late fourth century. But unlike Barford, Shuvalov is upset by my supposedly flummocky formulations, «especially the INVENTION OF THE SLAVS». He writes: «Curta denies the *proto-Slavs* the possibility of migrating from the north». Shuvalov sees no problem with the old «model» of Slavic ethnogenesis advanced by Russian scholars such as Mark Shchukin and Dmitrii A. Machinskii. That the Slavs were aware of being Slavs without having to be invented by Byzantine authors results (so Shuvalov) from an episode in Theophylact Simocatta's *History*. Given the weight of this piece of evidence in Shuvalov's line of arguments, the episode is worth citing in full:

On the following day, three men, Sclavenes by race (ἄνδρες τρεῖς Σκλαυηνοὶ τὸ γένος), who were not wearing any iron or military equipment, were captured by the emperor's bodyguards. Lyres were their baggage, and they were not carrying anything else at all. And so the emperor enquired what was their nation (βασιλεὺς διηρώτα τί τὸ ἔθνος αὐτῶν), where was their allotted abode, and the cause of their presence in the Roman lands. They replied that they were Sclavenes by nation and that they lived at the boundary of the western Ocean (οἱ δ'εὖ τὸ μὲν ἔθνος ἔφρασαν πεφυκέναι Σκλαυηνοὶ πρὸς τῷ τέρματι τε τοῦ δυτικοῦ ὠκεανῶν); the Chagan had dispatched ambassadors to their parts to levy a military force and had lavished many gifts but refused him the alliance, assenting that the length of the journey daunted them, while they sent back to the Chagan for the purpose of making a defense these same men who had been captured; they had completed the journey in fifteen months; but the Chagan had forgotten the law of ambassadors and had decreed a ban on their return; since they had heard that the Roman nation was much the most famous, as far as can be told, for wealth and clemency, they had exploited the opportunity and retired to Thrace; they carried lyres since it was not their practice to gird weapons on their bodies, because their country was ignorant of iron and thereby provided them with a peaceful and trouble-free life; they made music on lyres because they did not know how to sound forth on trumpets. For they would quite reasonably say that for those who had no knowledge of warfare, musical pursuits were uncultivated, as it were²⁸.

This Shuvalov takes as a proof that the Slavs were calling themselves by that name and were fully aware of their own ethnic identity. He astutely, yet rhetorically asks «how could those northerners, who had never before visited the Danube region», have been able to tell Emperor Maurice that they «were Sclavenes by nation» if not fully aware of that very fact²⁹. Shuvalov clearly took the text at face value, without even questioning its authenticity³⁰. That the Sclavenes claimed that they had heard «that the Roman nation was much the most famous, as far as can be told, for wealth and clemency» raised no red flags for him. He does not seem to have been troubled at all by the contradiction between the fact that the country of the Sclavenes is said to have been «ignorant of iron» and the intention of the qagan of the Avars «to levy a military force» from among those same peace-loving Sclavenes. Nor does he seem to have noted the striking similarity

²⁸ Theophylact Simocatta. *History* 6.2, 10–15: Theophylacti Simocattae. *Historia* / Ed. C. de Boor; Re-ed. P. Wirth. Stuttgart, 1972. P. 223–224; English translation: *The History of Theophylact Simocatta* / Engl. transl. by Mary and Michael Whitby. Oxford, 1986. P. 160–161..

²⁹ Shuvalov wrongly attributes the statement about the Slavs being a «tribe» (γένος, translated as «race» by Mary and Michael Whitby) to the emperor, when in fact that is Theophylact Simocatta's authorial voice.

³⁰ Doubts about the authenticity of this episode have first been raised by: Kollautz A. Die Idealisierung der Slawen bei Theophylakt als Beispiel seiner ethnographischer Darstellungsweise // *Rapports du III-e Congrès international d'archéologie slave*. Bratislava, 7–14 septembre 1975 / Ed. by B. Chropovský. Vol. 2. Bratislava, 1980. P. 189–204. — For more recent doubts, see: Dulnicz M. Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe. Eine archäologische Studie. Neumünster, 2006. S. 28.

between this story and Tacitus' description of the Fenni, who like Theophylact's Slavs, had no iron³¹. More importantly, he let himself duped by Theophylact's otherwise worn-out narrative strategy: For the Sclavenes to say that they lived at the boundary of the western Ocean, they must have known that there was also an eastern and southern ocean. In other words, the lyre-players, who (and on this point Shuvalov understood Theophylact correctly) had never before visited the Roman Empire, must have had some solid knowledge of Greek and Roman geography, from Herodotus to Ptolemy. Perhaps more importantly, when asked about it, they must have been aware not only of the fact that they were «Sclavenes by nation», a point Shuvalov was much too quick to pick, but also of such abstract categories of ethnographic classification as ἔθνος. For all their peaceful and trouble-free life on the beaches of the western Ocean, Theophylact's Slavic musicians seem to have kept themselves busy studying all those works of Greek and Roman ethnography in preparation for their interview with Emperor Maurice.

As *The Making of the Slavs* states (P. 18), the transactional nature of ethnicity resides in that, «in the practical accomplishment of identity, two mutually interdependent social processes» are at work, «that of internal and that of external definition (categorization)». The argument is that the Slavs cannot be recognized by others as such, without knowing themselves that they are Slavs. Conversely, there is no point for any group of humans to affirm being Slavs, if by doing so, they are not going to be distinguished from, and recognized by others who are not Slavs. In this typically social interactionist perspective, objective cultural difference is always a by-product of something else, largely to be explained with reference to social interaction. It is important to understand, however, just how the «others» come to perceive «us» as Slavs when «we» declare ourselves to be Slavs. In other words, for ethnic identity to be visible (literally), the very process of ethnic formation must involve the manipulation of material culture, be that dress, food, house architecture, or pottery decoration. The self-conscious use of specific cultural features as diacritical markers distinguished an ethnic group from others. Ethnic boundaries are therefore created in specific social and political configurations by means of material culture styles.

Andrej Pleterski's impassioned plea would have us shift the emphasis from ethnicity to religion. To him, since the internal categorization in the process of ethnic formation is fundamentally subjective, there is no necessary material culture correlate. Instead, he suggests that the we regard the archaeological evidence as pointing to religious, and not ethnic phenomena. Pleterski proposes that the room structure of a cluster of Slavic settlements (*zhupa*, «nest») be viewed as based on fundamental religious principles, primarily three distinct sanctuaries dedicated to three different deities. Ethnic identity would thus be just another name for membership in a religious community, an idea which echoes similar claims made in recent studies on early Slavic ethnicity³². Moreover, Pleterski suggests that religious structures may have been responsible for the rise of the first leaders in Slavic society, a process he believes to date back to the fourth century, given that the word *knez* in Slavic is a Gothic loan. This of course is a very tempting hypothesis. Unfortunately, there is no evidence to substantiate it. There are so far no early Slavic sanctuaries or any special-purpose buildings known from any part of Eastern Europe³³. The description which Procopius gives of the

³¹ Anna L. de. The Peoples of Finland and Early Medieval Sources: The Characterization of «Alienness» // Suomen varhaishistoria: Tornion kongressi 14.–16.6.1991 / Ed. by K. Julku and M. H. Korhonen. Rovaniemi, 1992. P. 11–22 (with reference to Tacitus, *Germania* 46).

³² Gąssowski J. Dawni Słowianie — naród czy religia? // Aetas media, aetas moderna: Studia ofiarowane profesorowi Henrykowi Samsonowiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Red. A. Bartosiewicz et al. Warszawa, 2000. S. 257–262.

³³ Not a single one of the structures discussed by Irina P. Rusanova (*Русанова И. П. Истоки славянского язычества. Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Чернівці, 2002*) can be securely dated to the sixth or seventh century.

religious beliefs of the Sclavenes and the Antes is in fact a watered-down version of Greek paganism, with little, if any relation to the actual beliefs of the sixth-century barbarians living north of the Lower Danube³⁴. Whatever archaeological evidence exists of ritual or magical practices, they seem to be strongly associated with domestic activities taking place in individual households, and not with special-function structures or buildings, such as sanctuaries³⁵. Finally, the *tročan* of the nineteenth- or twentieth-century Slovenian folklore can hardly be regarded as evidence of the religion of the early Slavs in the sixth, and much less in the fourth century (if one can even speak of Slavs at that time)³⁶.

Almost in opposition to Petr Shuvalov, Boris Todorov rightly insists upon *origines gentium* accounts in Byzantine sources to be analyzed not as «objective reports of real events», but as «later constructions» of a rather intellectual, if not altogether bookish, nature. Barring new insights into the way in which Byzantine authors, such as Constantine VII Porphyrogenitus and Theophanes Confessor, obtained their information about «native» versions of local history, what their accounts of *origines gentium* can tell about ethnic history is naturally limited. But they do seem to illuminate Byzantine attitudes towards the ethnic groups whose history they purport to tell.

I find myself in general agreement with Todorov's propositions. Our opinions differ, however, on the sources of information used for *origines gentium*. Todorov contests the very evidence of such texts for the «collective memory of the empire's neighbors», as well as its interpretation. Thus he suggests that, while the purpose of such texts was to justify imperial claims, serious doubts exist about the authenticity of much of the information they provide. The reasoning is unclear. Though he probably made up the association between the Serbs and Emperor Heraclius or the etymology of the ethnic name «Dukljans» («Diocletians», allegedly derived from the name of Emperor Diocletian), Emperor Constantine did not make up the word «servula» (apparently referring to the pig-skin footwear of Balkan peasants) from which the name of the «Serbs» is supposedly derived³⁷. Similarly, he could not have concocted out of thin air the names of the five brothers (Kloukas, Lobelos, Kosentzis, Mouchlo, and Chrobatos) and of two sisters (Touga and Bouga) who are said to have split from the Croats «beyond Bavaria, where the Belocroats are now» and have come with their folk to Dalmatia. Nor is it possible to treat as Emperor Constantine's invention the information on the Pechenegs contained in chapter 37 or that on the Milingoi and Ezeritai of Peloponnesus to be found in chapter 50 of the *De administrando imperio*. As Danijel Dzino rightly shows, the general goal of that work was didactic. Emperor Constantine's purpose was to educate his son, as clearly spelled out in the Proem:

Lo, I set a doctrine (διδασκαλίαν) before thee, so that being sharpened thereby in experience and knowledge, thou shalt not stumble concerning the best counsels and the common

³⁴ Loma A. Procopius about the Supreme god of the Slavs (Bella VII 14.23): Two Critical Remarks // ЗРВИ. 2004. Кн. 41. С. 67–70.

³⁵ Stamatii I. Les petits pains en glaise — discussion sur la mentalité des habitants de l'établissement de Lazuri datant du Haut Moyen Age // Transylvanian Review. 2001. Vol. 10. Nr 2. P. 83–95; Stanciu I. Tonbrote' als Indiz für die Wanderung und die magisch-ritueller Glauben und Praktiken der frühen Slawen // Eastern Review. 2001. Vol. 5. P. 123–154. — See also: Váňa Z. Archeologické doklady kultu a magie u Slovanů // Slovenská archeológia. 1988. Roč. 36. Č. 2. S. 343–352.

³⁶ The fallacy of anachronistically linking sixth-century accounts of migrations from across the Danube into the Balkans to nineteenth- or early twentieth-century linguistic or folkloric phenomena in Balkan countries is also evident in Ivan Mužić's insistence upon the different map distribution of the pair of words *vatra* / *oganj* or the historical significance of the *krsna slava*. The problem with both examples is of course that there is no way to date them with any precision. Without chronological precision, one should instead be cautious about using any ethnographic or linguistic parallels for historical reconstruction.

³⁷ DAI 29, 32: *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. trans. by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. P. 122, 153.

good: first, in what each nation has power to advantage the Romans, and in what to hurt, and how and by what other nation each severally may be encountered in arms and subdued; then, concerning their ravenous and insatiate temper and the gifts they demand inordinately; next, concerning also the difference between other nations, their origins and customs and manner of life, and the position and climate of the land they dwell in, its geographical description and measurement, and moreover concerning events which have occurred at various times between the Romans and different nations...³⁸

Dzino points out that because of its didactic character, *De administrando imperio* relies heavily on a didactically useful form of ethnographic classification. Although generally drawing inspiration from the model of the late antique ethnography, Emperor Constantine pays little if any attention to such details as the «ancient» history of the «nations» described. His is a much more practical goal, namely to classify and explain, not to display his knowledge of the ancient authors:

And if in setting out my subject I have followed the plain and beaten track of speech and, so to say, idly running and simple prose, do not wonder at that, my son. For I have not been studious to make a display of fine writing or of an Atticizing style, swollen with the sublime and lofty, but rather have been eager by means of every-day and conversational narrative to teach you (διδάξαι) those things of which I think you should not be ignorant, and which may without difficulty provide that intelligence and prudence which are the fruit of long experience³⁹.

To classify is to give names to political categories. As Dzino persuasively argues, «Croats» was a name for those, who in the aftermath of the Carolingian encroachment into Southeastern Europe, regarded themselves (and were regarded by others) as neither «Romans» («Dalmatians»), nor «Slavs». In that respect, Boris Todorov is quite right: in Emperor Constantine's narrative, *origines gentium* function as a justification for such political categorization. But unlike Todorov, Dzino claims — quite rightly, in my opinion — that the story of the five brothers and two sisters moving from the land of the «Belocroats» into Dalmatia is not a fabrication⁴⁰. Instead, it must have been a local version of Croat history, one that served the interests of local elites and justified the tribal or clan distinctions within the new Croatian polity. Emperor Constantine simply put a new spin on it, thus giving the myth a new meaning within the context of his scholarly effort towards ethnographic explanation and teaching of good government. But where did Emperor Constantine learn about the story of Kloukas, Lobelos, Kosentzis, Mouchlo, Chrobatos, Touga, and Bouga? It has long been noted that the detailed information about the Magyars («Turks») in chapters 38 and 40 of the *De administrando imperio* may well derive from conversations with the Magyar envoys accompanying *harka* Bulcsu to Constantinople, in 948, where he received baptism with no other than Emperor Constantine Porphyrogenitus himself as sponsor at the baptismal font⁴¹.

³⁸ *Constantine Porphyrogenitus*. *De administrando imperio*. P. 45, 47.

³⁹ DAI 1: *Constantine Porphyrogenitus*. *De administrando imperio*. P. 49.

⁴⁰ DAI 30; *Ibid.* P. 143.

⁴¹ *Pecz V*. 1) A magyarok ősi neve Konstantinos Porphyrogenetosnál // *Egyetemes Philologiai Közlöny*. 1896. O. 385–389, 800–806; 2) A magyarok ősi neve Konstantinos Porphyrogenetosnál // *Ibid.* 1898. O. 209–221; *Fiók K*. *Sabartoiásfaloi*. A magyarok régi neve Konstantinos Porphyrogenetosnál // *Századok*. 1896. Évf. 30. O. 607–616; *Fehér G*. Magyarország területe a X. század közepén Konstantinos Porphyrogenetos *De administrando imperio*ja alapján // *Ibid.* 1922. Évf. 56. O. 351–380; *Moravcsik Gy*. Szövegkritikai megjegyzések Konstantinos Porphyrogenetos magyar fejezeteihez // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1936. O. 285–293; *Kristó Gy*. Konstantinos Porphyrogenetos und die Herausbildung des ungarischen Stammesbundes // *Acta Antiqua et Archaeologica*. 1981. T. 23. O. 77–83; *Várady L*. Revision der Ungarn-Image von Konstantinos Porphyrogenetos // *BZ*. 1989. Bd 82. S. 22–58; *Váczy P*. The Byzantine emperor Constantine VII Porphyrogenitus and the saga of the Hungarian conquest // *Antaeus*. 1990. Vol. 19–20. P. 251–256;

I think it is not too far-fetched to imagine Emperor Constantine relying on informants from Dalmatia, perhaps one of those «Croats who wish to engage in commerce, traveling round from city to city, in Paganía and the gulf of Dalmatia and as far as Venice»⁴². This by no means implies that the accounts of Croatian history to be found in *De administrando imperio* are a transcription of the testimony of Emperor Constantine's informant. But it would be equally misleading to ignore that certain categories of information in *De administrando imperio* could not have been found either in the works of ancient ethnographers or, for that matter, in the imperial archives.

Whatever his sources, Emperor Constantine's general attitude towards authentic information appears to be somewhat different from that of Procopius of Caesarea. As Anthony Kaldellis has recently showed, the latter's *excursus* on the Hephtalites, who are compared in civilization to the Romans and the Persians «is undeniably peculiar; the Roman reader would probably find it utterly preposterous. I believe that it is entirely an invention of Procopius. None of the information available to him would have justified it»⁴³. Sergei Ivanov disagrees with that. He simply dismisses the testimony of Procopius' own work without engaging with the analysis that substantiated its significance in the *Making of the Slavs*. To him, it is without any question that the «Slavic *excursus*» in the *Wars* is entirely the result of the personal interviews Procopius had with Sclavene and Antian mercenaries in Italy. Ivanov even claims to know the precise date of those interviews, namely April 537. According to him, «the barbarians communicated to Procopius their own self-designations, Slavs and Antes, as well as the name which they themselves initially used for both tribes, *Sporoi*». Whether or not one shares the appraisal of my work as «deliberate manipulation of facts», Ivanov's treatment of Procopius at this point is a far cry from his older views on the *Wars*. In his 1991 comment on the passage (*Wars* VII.14.29) in which Procopius mentioned *Sporoi* as the old common name of both Sclavenes and Antes, Ivanov astutely noticed Procopius' playful intentions, for he derived *Sporoi* from the «sporadic» settlements of the Sclaveni and the Antes⁴⁴.

Antonopoulos P. Ho autokratōros Konstantinos Z' ho Porphyrogenetos kai hoi Oungroi. Athens, 1996; *Zimonyi I.* Constantinus Porphyrogenitus *De administrando imperio* magyar fejezetének török háttéréről // *Studia varia. Tanulmányok Szádeczky-Kardoss Samu nyolcvanadik születésnapjára* / Szerk. F. Makk, I. Tar, Gy. Wojtilla. Szeged, 1998. O. 159–166; *Kristó Gy.* Konstantinos Porphyrogenetos über die Landnahme der Ungarn // *Byzanz und Ostmitteleuropa, 950-1453. Beiträge zu einer table-ronde des XIX Internationalen Congress of Byzantine Studies, Copenhagen 1996* / Hrsg. von G. Prinzing und M. Salamon. Wiesbaden, 1999. S. 13–22.

⁴² DAI 31: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio.* P. 151.

⁴³ *Kaldellis A.* Procopius of Caesarea... P. 72. — Turning the Hephtalites into civilized humans amounts to diminishing the civilized character of those with whom Procopius compares them, namely the Romans. In other words, the goal of Procopius' narrative strategy is not to justify imperial claims, but to criticize the very basis for such claims, at least under the rule of Justinian.

⁴⁴ *Иванов С. А., Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Прокопий Кесарийский // *Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I: (I–VI вв.)* / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1991. С. 227–228. — True, Ivanov claims that *Sporoi* is a *hapax*, deriving from some Slavic self-designation. Needless to say, there is absolutely no evidence for that, either in the text of the *Wars* or in any other source (*pace* George Vernadsky, there is no connection between Procopius' *Sporoi* and Jordanes' *Spali*). It seems to me to be much easier to explain Procopius' playful etymology in terms of his own narrative goals. His remark about the *Sporoi* comes at the end of the «Slavic *excursus*» in which he mentions, among other things, that the Sclavenes and the Antes «live in pitiful hovels which they set up far apart from one another, but as a general thing, every man is constantly changing his place of abode» (*Wars* VII 14.24; English translation: Procopius of Caesarea. *Wars* / Ed. by J. Haury; Engl. transl. by H. B. Dewing. Vol. 5. Cambridge, Mass.; London, 1924. P. 271). *Sporoi* is a quite adequate name for those whom Procopius viewed as living sporadically, each man at a large distance from his neighbor and constantly on the move. This is further substantiated by the examination of Procopius' usage of the word he employs for the Sclavene and Antian «hovels»: *καλύβαι*. In two other contexts in which he employs the same word (*Wars* II 19.32 and IV 6.10), reference is made either to temporary shelters for soldiers on campaign, or to houses of nomads.

He now sees the story of the *Sporoi* as nothing less than a myth about origins. In his eyes, Procopius' playful etymology has turned into one of those *origines gentium* discussed by Boris Todorov, for Ivanov strongly believes Procopius' to be a «native», authentic story.

The shift in emphasis from Ivanov's earlier endorsement of a (moderate) instrumentalism to his current primordialist views is quite clear in his discussion of language. He contests that «language in general did not play any consolidation role»⁴⁵. Against this, Ivanov argues that «people were not indifferent as to what language they spoke». However, at the beginning of his paper, he also argued that «one does not know that one speaks, say, proto-Slavic, unless of course one is a linguist». This seems to contradict all the sociolinguistic evidence available: in a bilingual situation, when one switches from one language to another, one always conceptualizes that transition in some way, even if the name attributed to one or the other of the two languages is simply «our language». But one could not speak any language without calling it by some name, and thus applying to the linguistic map the same categories of classification as those used for the ethnic map. Be as it may, the question again is how to take Procopius' statement about Sclavenes and Antes having «the same language, an utterly barbarous tongue (ἔστι δὲ καὶ μία φωνὴ ἀτεχνῶς βάρβαρος)»⁴⁶. This Ivanov interprets to mean that «the Antes were not initially speakers of Slavic, [but] ultimately adopted the Slavic language». There is, however, no mention in Procopius of what was the language that both Sclavenes and Antes spoke: the only adjective modifying the noun φωνή is βάρβαρος. This is unusual for Procopius, who always uses the noun φωνή together with some ethnic attribute, i. e., always mentions a language of some kind: Latin, Gothic, Armenian, Phoenician, Persian, or Greek⁴⁷. That Procopius had knowledge of at least some of those languages is beyond any doubt. He described a horse whose body was dark gray, except for this head, which was white: «Such a horse the Greeks call “phalius” and the barbarians “balan”». The barbarians in question are the Goths, for Procopius explains that the Goths understood that they needed to shoot at that particular kind of horse, since it was Belisarius'⁴⁸. By contrast, nothing suggests that he knew the linguistic value of «barbarous», when applied to the language spoken by Sclavenes and Antes. To claim that the language referred to by Procopius was what we now call (Common) Slavic is an over-interpretation, at the very least, and a gross mistake, at most. All that Procopius tells us is that, to his ears, the language that both Sclavenes and Antes spoke was «utterly barbarous». This is to be read as an ethnic stereotype («barbarians cannot speak but barbarous languages»), not as a bit of information resulting from Procopius' «long and detailed conversations» with Slavene and Antian mercenaries in Italy. This is further confirmed by what he has to say about further similarities between Antes and Sclavenes:

Nay further, they do not differ at all from one another in appearance. For they are all exceptionally tall and stalwart men, while their bodies and hair are neither very fair or blonde, nor indeed do they incline entirely to the dark type, but they are all slightly ruddy in colour. And they live a hard life, giving no heed to bodily comforts, just as the Massagetae do, and,

⁴⁵ Ivanov sends the reader to page 344 of the *Making of the Slavs*, where in fact I wrote nothing of the sort. Instead, I rejected the idea that, in the case of the Slavic ethnic, language was a «precondition for the rise of ethnic communities», as Soviet ethnographers had it.

⁴⁶ Wars VII 14.26; English translation: *Procopius of Caesarea*. Wars. Vol. 5. P. 270.

⁴⁷ Latin: Wars II 1.7, II 23.6, III 1.6, V 14.4, VII 14.36, and VIII 5.13. Gothic: Wars III 2.5 and V 10.6–13. Armenian: Wars VII 26.24. Phoenician: Wars IV 10.20. Persian: Wars VIII 10.8. Greek («Hellenic»): Wars II 25.4.

⁴⁸ *Procopius of Caesarea*. Wars V 18.6. — For another case of bilingualism, see: Wars VI 1.13–19 (Gothic and Latin spoken by the Goths).

like them, they are continually and at all times covered with filth; however, they are in no respect base or evil-doers (πονεροὶ μέντοι ἢ κακοῦργοι), but they preserve the Hunnic character in all its simplicity (ἀλλὰ κἄν τῷ ἀφέλει διασώζουσι τὸ Οὐννικὸν ἦθος)⁴⁹.

Simplicity was a typically barbarian feature to Procopius⁵⁰. That he mentioned the Sclavenes and the Antes as neither base, nor evil-doers raises a red flag as to his intentions. Πονηρία is an attribute he typically associated with such characters as John the Cappadocian, Emperor Justinian, or tyrants, in general⁵¹. His remarks are therefore to be read as an attempt to turn the Sclavenes and the Antes into *bons sauvages*, the mirror into which the wicked Romans need to look in order to understand their moral degradation. What about the physical features? The ruddy complexion of the Sclavenes and the Antes looks more like Procopius' direct reference to the Budini of Herodotus⁵², while his comment about them being «exceptionally tall and stalwart» is nothing but a stereotype, which he had already applied to the «Gothic nations», all of which were «tall and handsome to look upon»⁵³. The «Gothic nations» — Goths, Vandals, Visigoths, and Gepids — although distinguished from one another by their names, «do not differ in anything else at all». Like Sclavenes and Antes, they all «use the same laws and practice a common religion». Similarly, they all speak «one language called Gothic»⁵⁴. The parallel is too important to be ignored: in describing the Sclavenes and the Antes—including their language — Procopius does not look over his reporter notes of interviews with Slavene and Antian mercenaries, but applies the same stereotypes about barbarians that he uses for the description of the «Gothic nations». Moreover, the parallel implies that, like the «Gothic nations», the Sclavenes are not one single «nation», but a multitude of tribes, which he specifically mentions as such when narrating the return of the Heruli to Thule⁵⁵. Similarly, the Antes were not a single «tribe», but «many and countless»⁵⁶. Far from «boldly affirming their relation to the Sclavenes», as Sergei Ivanov would have us believe, the Antes had their own country, clearly separate from that of the Sclavenes⁵⁷. Were then Procopius'

⁴⁹ Wars VII 14. 27–28; English translation: *Procopius of Caesarea*. Wars. Vol. 5. P. 271, 273.

⁵⁰ Wars VII 34.23. Ἀφέλεια is a trait of the Tetraxite Goths and of the Abasgi (Wars VIII 4.11 and VIII 3.14-15). — Similarly, when Procopius mentions that Sclavenes and Antes do not «wear even a shirt or a cloak, but gathering their trews up as far as their private parts they enter into battle with their opponents», this is by no means a description of ethnographically specific customs. After all, the same is said about the barbarian soldiers (in general) who fought in Belisarius' army: «And not one of them had a cloak or any other outer garment to cover the shoulders, but they were sauntering about clad in linen tunics and trousers» (Wars II 21.6).

⁵¹ John the Cappadocian: Wars I 25.9. Justinian: Secret History VIII 22. Tyrants: Wars IV 18.1. — For Sclavenes and Antes as the opposite of tyrants, see also: *Revanoglou E. M. Geographika kai ethnographika stoicheia*. P. 208.

⁵² Herodotus IV 108.1. See: *Revanoglou E. M. Geographika kai ethnographika stoicheia*. P. 206 with n. 1191.

⁵³ *Procopius of Caesarea*. Wars III 2.4. «Stallwart» are also the inhabitants of Brittia (Wars VIII 20.28). — All those nations were alike because they lived in the North. For Procopius' use of the theory of climes, see: *Benedicty R. Die Milieu-Theorie bei Prokop von Kaisareia // BZ. 1962. Bd 55. S. 1–10.*

⁵⁴ Wars III 2.2-6; English translation: *Procopius of Caesarea*. Wars / Ed. by J. Haury; Engl. transl. by H. B. Dewing. Vol. 3. Cambridge, Mass.; London, 1916. P. 9, 11. — It is interesting in this respect to note the similarities in terms of religion. According to Procopius, the Sclavenes and the Antes sacrifice to rivers and nymphs and some other spirits, making divinations in connection with such sacrifices (τὰς τε μαντείας ἐν ταύταις δὴ ταῖς θυσίαις ποιοῦνται; Wars VII 14.24). The same is however said about the Franks, who, although Christian, practice human sacrifice, «and it is in connection with these that they make their prophecies» (ταυτῆ τε τὰς μαντείας ποιούμενοι; Wars VI 25.10). For Procopius' concept of divination, see *Revanoglou E. M. Geographika kai ethnographika stoicheia*. P. 200–201.

⁵⁵ *Procopius of Caesarea*. Wars VI 15.2: ἤμειψαν μὲν τὰ Σκλαβηνῶν ἔθνη ἐφηξίης ἅπαντα. That by ἔθνη Procopius meant politically independent entities results from his mention, within one and the same paragraph, of the thirteen «tribes» living in Thule, each with its own king.

⁵⁶ Wars VIII 4.9; English translation: *Procopius of Caesarea*. Wars. Vol. 5. P. 84.

⁵⁷ Wars VII 14.17.

Antes «also Slavs», as claimed by Ivanov? And what exactly is the relation between Procopius' Sclavenes and Ivanov's Slavs?

Ivanov takes issue with my conclusion that the «Slavs did not become Slavs because they spoke Slavic, but because they were called so by others». He states that «the Slavs became Slavs, because they called themselves Slavs». This is to turn again to the realm of «linguistic beliefs», rather than facts, for no evidence exists that any Slavic-speaking people in the early Middle Ages called themselves «Slavs». Nor do we know what was the name which Procopius' Sclavenes used for themselves, although most historians presume that Procopius employed that very name, with which the Sclavenes called themselves. As I conceded in the *Making of the Slavs*, «it might be that “Sclavene” was initially the self-designation of a particular ethnic group» (P. 119). It is nonetheless significant that in Romanian and Albanian, two languages for which we may safely presume an early contact with the idiom in use among the Sclavenes, *șchiau* and *Shqâ* derive not from Σκλαβήνος/Sclavenus, but the shorter form Σκλάβος/Sclavus, which is undoubtedly of Byzantine origin⁵⁸. Be as it may, naming and classifying a group of people as Sclavenes was a Byzantine, not Sclavene practice. In that respect, I believe that Ivan Mužić's approach to the confusion between Goths and Croats (or Slavs) in medieval sources is inadequate, while I find Aleksei Kibin's paper on the Yatvingians most illustrative of the process at work in the case of the sixth- and seventh century Slavs. Both authors deal with late sources, the *Chronicle of the Priest of Dioclea* and the *Historia Salonitana* of Archdeacon Thomas of Spalato, in Mužić's case; and the *Russian Primary Chronicle* (or the *Hypatian Chronicle*), in Kibin's case. However, Mužić's taking the sources at face value is not very convincing.

The confusion between Goths and Slavs (or Croats) is not a direct mirror of what had happened in the early Middle Ages, but the result of the several bookish influences, which have been painstakingly delineated by Neven Budak and which would form the basis for the kind of historiography that A. I. Filiushkin rightly called «Illyrianist»⁵⁹. Most believe that the *Chronicle of the Priest of Dioclea* is a reliable source for more recent periods, such as, for example, the late eleventh- and early twelfth-century history of southern Dalmatia⁶⁰. However, that same source is completely unreliable when it comes to earlier periods, specifically to those which concern Ivan Mužić. Inconsistencies, obscurities and downright fictional characters have permanently damaged the reputation of the *Chronicle*, which is now believed to be the work of Gregory, Archbishop of Bar⁶¹. Like the unknown author of the *Bulgarian Apocryphal Chronicle*, Archbishop Gregory was not interested in separating fact from fiction, but in writing a report of Dalmatian history that could support the claims to superiority of his see over that of Split, no doubt in the context of the re-elevation

⁵⁸ Schramm G. Venedi, Antes, Sclaveni, Sclavi: Frühe Sammelbezeichnungen für slawische Stämme und ihr geschichtlicher Hintergrund // JGO. 1995. Bd 43. S. 192; Brezeanu S. Schei/Șchei. Ethnonymie et toponymie roumaines // Revue des études sud-est-européennes. 2002. Vol. 40. P. 67.

⁵⁹ Филишкин А. И. Представление о славянском этногенезе у восточноевропейских средневековых авторов // Этногенез и этнокультурные контакты славян / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1997. С. 317, 322. — See also: Budak N. Prilog valorizaciji humsko-dukļanskog kulturnog područja u prvim fazama njegova razvitka (do 12. st.) // SHP. Split, 1986. Ser. III. Sv.16. S. 127; Katičić R. Uz početke hrvatskih početaka: Filološke studije o našem najranijem srednjovjekovlju. Split, 1994. S. 253–266; Heyduk J. Źródła do tzw. etnogenezy chorwatów dalmatyńskich w świetle nowszej literatury // SA. 2003. T. 44. S. 46.

⁶⁰ Živković T. Dioclea between Rascia and Byzantium in the First Half of the 12th century // ЗРВИ. 2006. Књ. 43. С. 451–465 (reprinted in: Živković T. Forging Unity: The South Slavs Between East and West: 550–1150. Belgrade, 2008. P. 293–334).

⁶¹ Peričić E. Sclavorum Regnum Grgura Barskog: Ljetopis Popa Dukljanina. Zagreb, 1991.

of Bar to the status of archbishopric and of the Dukljan-papal contacts of the late 1100s⁶². To accept at face value the evidence of the *Chronicle* is at best naïve and at worst suspect.

Tibor Živković has shown how in at least two cases — the account of the Council on the Duvanjsko Polje and the legend of Pavlimir Belo — Archbishop Gregory made up stories designed to serve a political purpose, namely the demonstration of the long-established supremacy of Dioclea over Rascia and the subordination of its ecclesiastical organization to the Archbishopric of Bar⁶³. Archbishop Gregory claims that a Croatian king named Tomislav defeated in battle the Hungarian king Attila⁶⁴. Should we believe him? And if we dismiss that as being unreliable information, why should we accept at face value what Archbishop Gregory has to say about Silimir and Bladina and their Slavic-speaking Goths? What is ultimately the difference between reading the twelfth-century *Chronicle* of Archbishop Gregory as a genuine and veridic account of what had happened in Dalmatia in the sixth century and taking at face value the account of King Arthur and his father, Uther the Conqueror in the equally twelfth-century *History of the Kings of Britain* by Geoffrey of Monmouth? Mužić does not seem to be troubled by such questions and comparisons, and his uncritical approach to sources written six centuries after the events narrated makes his otherwise interesting idea of native Croats (or at least Croatian Slavs) look very dubious. The thesis has meanwhile received a theoretically much more sound treatment by Danijel Dzino and has a good chance of stirring much debate, especially since it does not contradict what others have written from a rather different point of view⁶⁵.

This is certainly not the time to evaluate the idea, which historians and archaeologists alike will have to consider in great detail. However, no one could seriously raise any doubts about the survival of the local, «late antique» population of the northwestern Balkans after ca. 600. Were these Goths, especially those Goths that Archbishop Gregory had in mind? While Mužić seems ready to jump to that conclusion, few would follow him. Equally suspect in my mind are attempts to read ethnicity (-ies) in haplotypes and old names. Names such as Mutimir or Branimir may well be just as «Germanic» (or Gothic) as Mezamer (or Mezamir), the name of the Antian envoy killed by the Avars in the early 560s⁶⁶. No connection can however be established by such means between the Goths and the Croats⁶⁷. As for genetics, the main problem is the high degree of uncertainty involved in the identification of group affiliation on the basis of biological data. First, as modern studies have shown, there is no complete overlap between haplotypes and ethnicity⁶⁸. While haplotypes may be able to show a degree of similarity between any given population and its recent neighbors, they do not in fact map the ethnic diversity within that same population. More

⁶² *Živković T.* О првим поглављима Летописа Попа Дукљанина // ИЧ. 1997. Књ. 44. С. 11–34.

⁶³ *Živković T.* О такозваном saboru на Duvanjskom polju // Zbornik za istoriju Bosne i Hercegovine. 2004. Sv. 4. S. 45–65; *Živković T.* Легенда о Павлимиру Белу // ИЧ. 2004. Књ. 50. С. 9–32.

⁶⁴ *Mošin V.* Ljetopis pora Dukljanina: Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika». Zagreb, 1950. S. 58; *Peričić E.* Sclavorum Regnum Grgura Barskog. S. 258.

⁶⁵ See: *Fine J. V. A.* Croats and Slavs... S. 205–218.

⁶⁶ For Mezamer's name, see: *Strumins'kyj B.* Were the Antes Eastern Slavs? // HUS. 1979. Vol. 3–4. P. 792–793; *Werner R.* Zur Herkunft der Antes: Ein ethnisches und soziales Problem der Spätantike // Kölner historische Abhandlungen. 1980. Bd 28. S. 590; *Wiita J. E.* The Ethnika in Byzantine Military Treatises: Ph. D. dissertation, University of Minnesota. Minneapolis, 1977. P. 262.

⁶⁷ By the same token, *pace* Polyviannyi, I do not believe that the name of *bagatur bagaina* Slavna mentioned in a ninth-century Bulgar funerary inscription is any indication of that official's Slavic ethnicity. See: *Beshevliev V.* Die protobulgarischen Inschriften. S. 292–293.

⁶⁸ *Renfrew C.* The Roots of Ethnicity. Archaeology, Genetics, and the Origins of Europe. Rome, 1993.

importantly, the study of haplotypes of any modern population cannot inform about any other populations in the past, especially since no data have so far been collected from the skeletal remains of medieval populations. Finally, Mužić's positivist stance undermines his otherwise instrumentalist approach to ethnicity. If ethnicity is in the genes, then why did the name (and «culture») of the population in the northwestern Balkans have to change from Goths to Slavs (or Croats)?

Kibin' has a very different approach to ethnic names. As he points out, despite many claims to the contrary, Yatvingians (*ятвяги*) was one of four names (the other three being Sudovians, Dainovians, and Pollexiane) given to one and the same group of people inhabiting the region of Suwałki, on the present-day northeastern border of Poland. Much like *варяги* and *колбяги*, the origin of the word Yatvingian is Scandinavian, not Baltic or Slavic. In other words, this was not a self-designation and certainly not a name of Baltic, «native» origin. That during the second half of the thirteenth century, the word designated a political and ethnic entity perceived by Rus' princes, Mazovian dukes, and crusading orders as *the enemy* is an indication that the original meaning had meanwhile changed. But the Rus' chronicler who first mentioned the Yatvingians did not fabricate their initial identity. The late tenth- and early eleventh-century archaeological record of the region around Vawkavysk in northeastern Belarus may be interpreted as indicating the presence of retinues of warriors, the same warriors against whom Prince Vladimir directed his expedition of 983. Archaeology clearly supports Kibin's suggestion that Yatvingians was an all-encompassing label, which the chronicler applied while painting with a broad brush the image of the enemy. In fact, the reality on the ground was clearly much more complex.

Similarly, my argument in the *Making of the Slavs* was not that the name «Sclavene» was a Byzantine invention, but that the «Sclavenes» (as an ethno-political category) were invented by the Byzantines. There is much misunderstanding in Sergei Ivanov's critique of my approach, which is ultimately based on an error of translation. To both Ivanov and Shuvalov (but neither to Polyviannyi, nor to Kibin'), the English word «invention» means in Russian *изобретение*, a word which in English may be translated as «contrivance» or «fabrication» (Ivanov even writes of «propagandistic devices», using such words as *уловка*, which means «subterfuge» or «flim-flam»)⁶⁹. He does not seem to be aware of the other, etymologically older meaning of the word «invention», namely «discovery» (as in the «Invention of the Cross» by St. Helena). Invention-as-discovery is what I had in mind when writing: «The making of the Slavs was less a matter of ethnogenesis and more one of invention, imagining and labeling by Byzantine authors».

⁶⁹ Adding insult to injury, Petr Shuvalov even insists that in English «invention» means only «fabrication». Such insistence turns him into ridicule, for Shuvalov is utterly wrong. «Invention» means first and foremost «the action of coming upon and finding; the action of finding out; discovery (whether accidental or the result of research and effort)». This is in fact no surprise, for the word ultimately derives from the Latin verb *inuenio*, *-ire*, which means «to come upon», «to find out», or «to discover», as in Cicero's famous adage, *inuenio coniurationem*. This is not contradicted by what we know about the earliest attestation of the word in English, a gloss in a mid-fourteenth-century manuscript of the *Life of St. Stephen*: «Saynt Steuyn inuencioun: Þat es þe finding of his body» (*Altenglische Legenden* / Hrsg. von C. Horstmann. Heilbronn, 1881. S. 30). The most frequent use of «invention» in modern English is in such phrases as «scientific invention», which thoroughly preserves the initial meaning of the word. Invention-as-discovery is also widely used in the media jargon, both in Britain and in the United States. Catchy book titles such as *The Invention of the Native American Literature* (Ithaca, 2003) or *Vermeer and the Invention of Seeing* (Chicago, 2001) most certainly refer to something else than «contrivance» or «fabrication». One currently speaks of the «invention of religion» in American politics, while the horse in Southeast Asia and Southern Africa is regarded as a British colonial invention.

As Table 4 (pp. 115–116) in the *Making of the Slavs* shows, the first *independent* raid of the Sclavenes known from the sources is that of 545. According to Procopius, in 530 Chilbudius was «ordered to keep watch so that the barbarians of that region (the Danube frontier) could no longer cross the river, since the Huns and Antae and Sclaveni had already made the crossing many times and done irreparable harm to the Romans»⁷⁰. From this, Ivanov draws the conclusion that the Sclavenes must have been a threat well before Chilbudius' campaigns against them in the early 530s⁷¹. But Chilbudius did not move against the Sclavenes alone, and Procopius himself lists the Sclavenes after the Huns and the Antes, who were apparently perceived as more dangerous. Moreover, after the death of Chilbudius in 533, those crossing the river Danube «just as they wished» were not the Sclavenes, but «barbarians» in general⁷². Be that as it may, Ivanov's arguments are set against a straw man, for my only claim was that the first recorded raid of the Sclavenes was that of 545⁷³. More importantly, Procopius did not write his remarks about Chilbudius in either 530 or 545. If Chilbudius campaigned against Huns, Antes, and Sclavenes, then the conclusion is that in 530 the Sclavenes were not the only, or even the main problem. Although there certainly were Sclavenes north of the Danube before 545, they seem to have become a major military and political problem only after that. AD 545 is therefore important for the demonstration in the *Making of the Slavs* because the Sclavenes appear to have reacted to a political and military situation, namely the implementation of Justinian's fortification program and his alliance with the Antes, not because the Sclavenes first appeared on the «historical stage» at that date⁷⁴.

There is no contesting of the possibility that the Sclavenes may have in fact participated in barbarian raids across the Danube before 545. But the Sclavenes were not on the mind of those who built the forts in the Balkans. The forts themselves are a response to a particular threat, namely that of rapid raids by horsemen. Here, too, precise chronology is critical for the broader history of the Danube frontier. When the Sclavenes began to raid the Balkan provinces by themselves, Justinian's fortifications were already in place. In the absence of any indication that between 545 and 558, the Sclavenes joined marauding expeditions organized by others (Huns, Bulgars, or Cutrigurs), the Sclavene reaction to the changing circumstances in the Balkans (the implementation of the fortification program) would mean something very different from their reaction to military campaigns organized against them by Chilbudius in the early 530s.

⁷⁰ Wars VII 14.2; English translation: *Procopius of Caesarea*. Wars. Vol. 5. P. 263.

⁷¹ A similarly uncritical treatment of Procopius appears in: *Liebeschuetz J. H. W. G. The Lower Danube Region under Pressure: From Valens to Heraclius // The Transition to Late Antiquity on the Danube and Beyond / Ed. by A. G. Poulter*. Oxford, 2007. P. 111 with n. 77. — He postulates «extensive raiding by Sclavenes in the 520s and later 530s». This may well have been so, but there is absolutely no evidence of that in any of our existing sources.

⁷² Wars VII 14.6; English translation: *Procopius of Caesarea*. Wars. Vol. 5. P. 264.

⁷³ Similarly, there is no use of the phrase «Slavic colonization» in the *Making of the Slavs*, and no conclusion «that the sixth-century Slavic society was at a very low level of development». I have not denied the veracity of the *Miracles of St. Demetrius*, either on page 54 of the *Making of the Slavs*, or anywhere else.

⁷⁴ Sergei Ivanov uses a quote from page 339 in order to show that I «amazingly» ignored the Sclavene threat to which Justinian's program of fortification responded. The quote, however is truncated: «These measures were not taken in response to any major threat, for Roman troops were still in control of the left bank of the Danube, possibly through bridge-heads such as those of Turnu Severin (Drobeta) and Celei. This is shown by the edict 13, issued in 538, which clearly stated that troops were still sent (if only as a form of punishment) north of the Danube river, "in order to watch at the frontier of that place"». By truncating the quote, Ivanov has altered its meaning in order to adapt it to his own line of arguments. He thus attributed to me statements that I have never made.

=====
Studia Slavica et Balcanica Petropolitana
=====

These remarkably diverse and stimulating contributions make one thing crystal clear. Historians of the early Middle Ages in Eastern Europe are entering a new era in which new concepts, new data, and new approaches will foster new insights and correct old ones, so long as we are attentive to when and where the evidence is coming from, to the complexity, chronology and context of the data. The hope indirectly expressed in the *Making of the Slavs* that the model of analysis proposed there could be brought to bear on the great question of early medieval ethnicity, to test and improve our understanding of later periods, is becoming reality far more swiftly and broadly than I would have ever dared to imagine.



М. И. Жих

Майоров А. В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 209 с. ISBN 5-288-03948-8

Трудно найти другой период, который сыграл бы столь же важную роль в истории славянства, как эпоха Великого расселения VI–VII вв. В это время славяне, ранее компактно проживавшие в Одеро-Днепровском регионе в относительном удалении от центров античной цивилизации, вышли на широкую историческую арену, попали на страницы византийских, западноевропейских и восточных источников и заселили огромные пространства в Центральной, Восточной и Южной Европе. Старые праславянские племенные объединения распались, и из их осколков возникали новые общности. Иногда бывало так, что осколки одного и того же праславянского племенного объединения оказывались за сотни километров друг от друга.

Один из таких этниконов — *хорваты* — примечателен тем, что является, пожалуй, наиболее широко распространившимся по территории континента: хорваты известны раннесредневековым источникам в Восточной Европе, на Балканах, в Чехии и Польше, даже в Германии, т. е. в землях и восточных, и западных, и южных славян. Важно отме-

титель, что расселение хорватов относится к более раннему времени, чем разделение славянства на эти три ветви (лингвисты относят его к VII–VIII векам)¹.

Учитывая столь широкое расселение хорватов, проблема их происхождения и миграций приобретает большое значение: в судьбе этого племени как бы в уменьшенном виде отражается ранняя история *всего славянства*. Тем не менее, несмотря на очевидную важность темы, в *отечественной* историографии не существовало до сих пор ни одного монографического исследования, специально посвященного генезису и начальной истории хорватов. И вышедшая недавно работа петербургского историка А. В. Майорова заполняет этот историографический пробел.

Книга А. В. Майорова состоит из двух частей. В первой рассматриваются древнейшие письменные известия о хорватах. Наибольший интерес представляют данные, содержащиеся в принадлежащем перу византийского императора Константина Багрянородного сочинении «Об управлении империей» (948–952). Историю происхождения и расселения хорватов император рассказывает в двух главах своего труда: 30-й и 31-й². Этот источник примечателен тем, что содержит относительно целостную развернутую концепцию хорватской истории. Поэтому анализ его известий в книге А. В. Майорова занимает значительное место³.

Первым делом ученый пытается выяснить степень достоверности известий Константина Багрянородного о происхождении и расселении хорватов⁴. Исследователь показывает необоснованность предлагавшихся реконструкций ранней истории хорватов⁵, полностью отвергающих сведения византийского источника и не оставляющих, по словам А. В. Майорова, «места для каких-либо особых этнополитических образований хорватов, объединявших весь этнос в период, предшествовавший его разделению на отдельные локальные группировки в процессе славянского расселения». Историк считает, что подобные концепции «страдают односторонностью» и игнорируют сообщаемые им факты «относительно характера расселения хорватов, осваивавших новые территории в результате военных побед над их прежними обитателями, в частности победы над аварами в Далмации». По мнению А. В. Майорова,

...такие факты не могут быть полностью устранены или пересмотрены... Хорваты прибыли в Центральную Европу не слабо организованной массой переселенцев, спасающихся от вражеского нашествия, а, напротив, имели достаточно сильную в военнополитическом отношении организацию, дававшую им определенные преимущества перед другими народами в борьбе за новые территории⁶.

Обращаясь к непосредственному анализу известий, содержащихся в труде византийского императора, А. В. Майоров рассматривает проблему соотношения понятий

¹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 6–30.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; Пер. Г. Г. Литаврина. М., 1989. С. 131, 135–136.

³ Майоров А. В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2006. С. 11–23, 43–54, 62–79.

⁴ Там же. С. 11–14.

⁵ Например: Jagić V. Ein Kapitel aus der Geschichte der südslawischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1895. Bd XVII. S. 47–48; Brückner A. Wzory etymologii i krytyki źródłowej // Slavia. Praha, 1924–1925. T. 3. S. 209–211; Седов В. В. 1) Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 326; 2) Славяне: Историко-археологическое исследование // Седов В. В. Избранные труды. М., 1995. С. 488–490.

⁶ Майоров А. В. Указ. соч. С. 13–14.

*Белая и Великая Хорватия*⁷ и приходит к выводу, что, вопреки утверждению самого Константина Багрянородного, они не тождественны друг другу. Здесь мы имеем дело с контаминацией двух первоначально не связанных понятий. Предикат *Великая*, по мнению исследователя, означает «Древняя» и указывает на прародину хорватов, где существовало их этнополитическое образование, объединявшее весь хорватский этнос⁸. В случае же с предикатом *Белая* мы имеем дело с влиянием «цветовой символики географического ориентирования азиатских кочевых народов»⁹, в которой понятие белого цвета связано с Западом. Следовательно, *Белая Хорватия* — это Западная Хорватия.

Таким образом, по А. В. Майорову, эти два названия — *Белая и Великая Хорватия* — обозначают совершенно различные понятия как в географическом, так и в хронологическом отношении¹⁰. Каким же образом стала возможна их контаминация? Как можно локализовать *Белую и Великую Хорватию*? При ответе на первый из этих вопросов А. В. Майоров указывает, что

...соединение предикатов *великая и белая* в названии Хорватии может быть допустимо только с точки зрения далматинских хорватов — ближайших соседей Византии. Для них *Белая* (= западная) Хорватия, располагавшаяся в районах Северного Прикарпатья, была одновременно и *Великой* (= старой) Хорватией. Как бы то ни было, оснований для отождествления *Великой и Белой Хорватии* нет никаких¹¹.

Ряд исследователей помещает *Белую Хорватию*, которую они отождествляют с *Великой Хорватией*, на землю, примерно соответствующую современной Чехии¹². Мнение это А. В. Майорову представляется недостаточно аргументированным¹³. Весьма любопытно, что территориально *Белая Хорватия* Константина Багрянородного полностью совпадает с Древнечешским государством¹⁴, которого наш источник поразительным образом не знает. Отсюда напрашивается вывод, что *Белой Хорватией* император называет именно Чехию, на территории которой в то время действительно проживала одна из ветвей хорватов, имевшая свое значительное политическое образование¹⁵.

Таким образом, по мнению автора, в Византии *Белая Хорватия* была ошибочно принята за древнюю прародину хорватов вследствие позднейшего отождествления двух разных и первоначально не связанных понятий. Помещать на территорию Чехии реальную прародину хорватов никаких оснований нет — она находилась явно восточнее, что еще в конце XIX в. показал В. Ягич¹⁶. Как полагает А. В. Майоров, она располагалась «в Восточном Прикарпатье и, возможно, также в Закарпатье»¹⁷. Об этом свиде-

⁷ Там же. С. 14–42.

⁸ Там же. С. 36–42.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 174–176.

¹¹ Там же. С. 14–15.

¹² См., например: Słownik starożytności słowiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. Т. I. Cz. 2. S. 255–256; *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 370 (коммент. № 14 О. А. Акимовой, Б. Н. Флори), 377–378 (коммент. № 18 О. А. Акимовой, Б. Н. Флори).

¹³ *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 49–61.

¹⁴ См.: Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n. e. Т. II. Warszawa, 1964. S. 163–168.

¹⁵ Ср.: *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

¹⁶ *Jagić V.* Op. cit. S. 47–89.

¹⁷ *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 176.

тельствует вся совокупность данных о происхождении и начальной истории хорватов, и именно в этот регион есть основания помещать *Великую Хорватию* Константина Багрянородного¹⁸.

Не менее важно и проведенное исследователем тщательное сопоставление данных о соседях венгров, показавшее, что в данных главах сочинения Константина Багрянородного хорваты локализуются именно в Прикарпатье. Об этом же свидетельствуют и другие — польские и немецкие — источники¹⁹. Таким образом, исследование А. В. Майорова, на наш взгляд, убедительно показывает, что древнейший пласт данных о хорватах и их происхождении, о котором говорится у Константина Багрянородного, отражает информацию об их прародине, находившейся в Прикарпатье.

Проблемам собственно этногенеза и ранней истории хорватов посвящена вторая часть рецензируемой книги. Здесь важнейшим вопросом для ученого является происхождение самого этнонима *хорваты*. Относительно данного имени было высказано множество предположений, большая часть из которых ныне имеет чисто историографический интерес. Наиболее обоснованной на сегодняшний день является иранская этимология, которую принимает и А. В. Майоров²⁰. Отталкиваясь от нее и учитывая тот факт, что некий антропоним *Хорват*, принадлежавший, судя по всему, выходцам из племени хорватов, дважды упоминается в надписях из Танаиса²¹, ученый делает вывод, что первоначально хорватами называлось некое объединение северопричерноморских иранских племен, жившее к востоку от Дона²².

Этот вывод приводит исследователя к необходимости объяснения восприятия славянами этого иранского этнонима, что выводит его на изучение проблемы славяно-иранских связей первых веков н. э. в целом²³. Давно и многократно учеными отмечалось сильное языковое и культурное влияние иранского мира на предков восточных и южных славян, свидетельствующее об их длительном соседстве и взаимодействии с иранцами, что наиболее ярко отразилось в черняховской археологической культуре. Как убедительно показал В. В. Седов, она представляла собой зону славяно-иранского этнокультурного симбиоза²⁴, откуда и вышли предки восточных и южных славян.

А. В. Майоров принимает концепцию В. В. Седова о славяно-иранском этнокультурном симбиозе в рамках черняховской культуры и существенно развивает ее²⁵. Ученый прослеживает постепенный процесс проникновения славян в Карпато-Днестровский регион и их взаимодействие с другими здесь проживавшими и продвигавшимися сюда этносами. В результате сложилась прикарпатская группировка славян, составившая один из локальных районов черняховской археологической культуры. При этом

¹⁸ Там же. С. 62–79.

¹⁹ Там же. С. 67–76.

²⁰ Там же. С. 85–90.

²¹ См.: Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. II. СПб., 1890. С. 237, 261; Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л., 1965. С. 736–737, 764.

²² Майоров А. В. Указ. соч. С. 91, 135.

²³ Там же. С. 102–132.

²⁴ Седов В. В. 1) Славяне и иранцы в древности // История, культура, этногенез и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации, М., 1978. С. 227–240; 2) Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 78–100; 3) Славяне в древности. М., 1994. С. 233–286; 4) Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 150–198.

²⁵ Майоров А. В. Указ. соч. С. 102–117.

исследователь отмечает, что «славянская экспансия осуществлялась не только мирными средствами, но и путем военных захватов»²⁶.

А. В. Майоров верно, на наш взгляд, присоединяется к концепции отождествления *венетов/венедов* ранних античных текстов со славянами²⁷. Сопоставляя свидетельство Тацита о смешанных венедо-сарматских браках с археологическими материалами и исторической обстановкой того времени, ученый приходит к выводу о том, что «между сарматами и венедами в рассматриваемое время существовали более близкие, если не сказать союзнические, отношения, по сравнению с их отношениями к германцам»²⁸.

Такой вывод позволяет исследователю по-новому подойти к проблеме интерпретации загадочного этнонима *венеды-сарматы (Vennadisarmatae)*, присутствующего на Певтингеровой карте. Изучение взаимного расположения этносов и географических объектов на карте приводит А. В. Майорова к обоснованному выводу, что *венедов-сарматов* следует помещать «в районах Верхнего Поднестровья, Прута и Тисы», а появление этого названия «было вызвано причинами этнического или даже этнополитического характера и отразило реальные изменения этнополитической обстановки в Европе вблизи границ Римской империи»²⁹.

Это подводит ученого вплотную к вопросу происхождения *славянских хорватов*. А. В. Майоров обращает внимание на данные исторической этнографии, свидетельствующие о развитии *пастушеского скотоводства* — совершенно нетипичного для славянского хозяйства вида животноводства — у славянского населения Прикарпатского региона³⁰. Этот факт можно объяснить природными условиями региона, благоприятствующими именно такому типу хозяйственной деятельности, однако остается непонятным, каким образом славяне, которым совершенно было неизвестно пастушеское скотоводство, усвоили этот тип ведения хозяйства. А. В. Майоров справедливо полагает, что природные условия могли лишь привести к *консервации* у карпатских славян такого рода хозяйственной деятельности, но едва ли могли *создать* его. По мнению ученого, причиной освоения прикарпатскими славянами пастушеского скотоводства стало влияние сарматов. В этой связи А. В. Майорову кажется предпочтительным один из вариантов иранской этимологии этнонима *хорваты* — от древнеиранского (*šnu-*) *haurvata* — «страж скота».

Эти выводы позволяют А. В. Майорову высказать новую гипотезу относительно условий и механизма переноса на славян иранского этнонима *хорваты*. Ученый предлагает такое объяснение: в ходе гуннского нашествия ираноязычные хорваты, обитавшие до того в районах восточнее Дона, уходят на северо-запад, к Карпатам, где и сталкиваются со славянами и передают им свое имя. Причем происходит это, по мнению А. В. Майорова, «не в результате эволюционных процессов межэтнического синтеза, а путем интенсивного политического взаимодействия»³¹. То есть он связывает происхождение славянского этнонима *хорваты* с их службой сарматам, которые заставляли

²⁶ Там же. С. 113.

²⁷ Там же. С. 113–117.

²⁸ Там же. С. 116.

²⁹ Там же. С. 124, 129.

³⁰ Ср.: *Podolák J.* Poloninské hospodárstvo huculov v ukrajinských Karpatách // *Slovenský národopis*. 1966. Т. 14. S. 288–289; *Тиводар М. П.* Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины // Карпатский сборник. М., 1972; *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 129–131.

³¹ *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 178.

прикарпатских славян заниматься пастушеским скотоводством, откуда и происходит их название *хорваты* — «стражи скота».

Однако на других страницах работы историк предлагает несколько иную версию происхождения этнонима (в итоге не указывая, какая из двух гипотез кажется ему предпочтительнее):

...какое-то время представители аланского рода Хорватов, по-видимому, властвовали на приднестровских славянских землях. Для легитимизации своей власти они могли вступить в родственные отношения с местной славянской знатью. Имя хорватов для славян приобрело особое сакральное значение ввиду того, что связывалось с победой над готами и освобождением от готского ига. Возможно, правы и те исследователи, которые считают, что славянский этноним «хорваты» мог произойти не только от личного или родового имени алан, но и от некоего социального термина, обозначавшего военную дружину вождя по имени Хорват, называемую «людьми Хорвата» или «хорватами»; сама же эта дружина могла быть смешанной по этническому составу и включать в себя как алан, так и славян³².

По А. В. Майорову, именно взаимодействие с аланами и гуннами помогло славянам победить готов и избавиться от их владычества, причем в борьбе с ними принимали участие славяне не только Подольско-Днепровского региона, но и Прикарпатского³³. Именно после свержения власти готов и ухода гуннов на запад и возникает этнополитическое объединение хорватов — славянское, в основном, по этническому составу, но с аланской верхушкой — в Прикарпатье, Верхнем Поднестровье и Малой Польше³⁴. При этом важно подчеркнуть, что, по мнению А. В. Майорова, хорваты не входили в состав антской группировки. Аргументом в пользу такого вывода служит установленный факт, что хорваты связываются с археологическими материалами не только принадлежавшей антам пражско-пеньковской культуры, но и пражско-корчакской, отождествляемой со *склавидами* византийских источников. По мнению исследователя, «древнее племя хорватов... должно было возникнуть раньше, чем образовались упомянутые археологические культуры», и временем его сложения является период последней четверти IV – первой половины V века³⁵.

Затем, как пишет исследователь, уже в VI в., в ходе аварского нашествия единое этнополитическое объединение хорватов разрушается, и они распадаются на три ветви: одна остается на месте, где сохраняется до времен Киевской Руси и становится в будущем основой населения Галицкой земли; другая уходит на Балканы, где в дальнейшем составит ядро средневековых и современных балканских хорватов; а третья двинется на запад, где впоследствии войдет в состав чешской и польской народностей.

Книга А. В. Майорова — первое фундаментальное монографическое исследование проблемы этногенеза хорватов в отечественной историографии. Она является серьезным вкладом в изучение истории раннесредневекового славянства, и, несомненно, вызовет интерес у всех, занимающихся данной проблематикой.

³² Там же. С. 162.

³³ Там же. С. 133–161.

³⁴ Там же. С. 161–173.

³⁵ Там же. С. 179.

М. В. Дмитриев

Zhuk S. I. Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. — Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2004. — 457 p. ISBN 0-8018-7915-9

Книга С. Н. Жука вряд ли вписалась бы сегодня в наш российский научный книжный рынок. Она в некотором смысле очень старомодна: речь идет о крестьянских религиозных антицерковных движениях на юге имперской России (а эта проблематика вышла из моды), и главный вывод, к которому автора привело изучение огромного массива источников, в основном архивных, — прямая связь между христианским миллениаризмом российских и украинских сектантов и большевизмом. Такие выводы в нашей по-новому идеологизированной академической среде воспринимаются как архаическая ересь. Но может оказаться и наоборот: наши нынешние незыблемодные представления о том, что Россия стала жертвой противоестественного большевистского переворота, оплаченного немецкими марками, в некоторых отношениях более старомодны, чем добротнo выработанная концепция, продолжившая и подтвердившая мнение, что идеалы большевиков (можно ли всерьез повторять за современными журналистами и идеологами, что у большевиков не было идеалов?) сошлись с идеалами крестьянства, которое и в конце XIX в. по-средневековому мечтало об устроении Царства Божьего на земле и не находило в этом Царстве места ни для рынка, ни для парламентской демократии, ни для «священных прав частной собственности».

Главные герои книги С. Н. Жука, прежде американиста и профессора Днепрпетровского университета, а ныне русиста и профессора одного из американских университетов, — так называемые «шалапуты», продолжатели русского движения христоверов на юге России, куда они переместились в ходе колонизации новых земель и где испытывали сильное влияние немецких переселенцев, лютеран и меннонитов. Само слово «шалапуты» — локального происхождения, и обозначает оно людей «беспутного», «шалого» поведения. Регион, о котором идет речь — Новороссия, Приднепровье, часть Ставропольского края, период — 1830–1917 гг. «Шалапутов» было более 600 тыс. в конце XIX века, и они составляли треть всей массы российских сектантов. Это было аутентичное крестьянское движение в том смысле, что рождалось снизу, из проповедей народных идеологов, а не пришедших «в народ» интеллектуалов. С. И. Жук исходит из того, что это было одно из движений «радикальной Реформации», и находит подтверждение этому тезису во всем корпусе собранных источников.

Как и всякое основательное исследование, книга открывается разделом, посвященным историографии, источникам и методологии. Автор исходит из сложившихся «западных» представлений о «радикальной Реформации» как о тех группах среди протестантов, которые вышли за пределы лютеранства и кальвинизма. В крестьянском сектантском движении 1830–1840-х гг. в Тамбовской и Курской губерниях он видит аналог анабаптистам, антиринитариям, швенкфельдистам, гуттеровцам, меннонитам, квакерам, шейкерам и т. д. Русские милленаристы-реформаторы, переселяясь в Бессарабию, Тавриду и в Ставропольский край, положили начало локальному сектантству. В 1860-е гг. к этому добавилось влияние местных немецких лютеран, меннонитов и гуттеровцев, и родилось явление, которое в русских источниках стало называться «штундой», а последователи этого движения — «штундистами» (от нем. *Stunde* «час»). Начиная с 1890-х гг., это движение переживает подъем, вдохновлявшийся острыми милленаристскими ожиданиями и влившийся в волну, которая в конце концов породила катаклизмы 1918–1920 годов.

Говоря о трудах своих предшественников, С. И. Жук отмечает публикации дореволюционных специалистов и наблюдателей, удивляется отсутствию интереса к этой проблематике среди американских историков России и их украинских коллег и лишь мельком говорит о том, что сектантские движения юга России изучались в советский и постсоветский периоды. Однако сопровождающие первую главу примечания воздают должное и известному исследователю сектантства А. И. Клибанову, чья книга¹ справедливо названа фундаментальной, и некоторым его коллегам, в том числе А. А. Панченко² и А. Эткинду³. Попутно стоит заметить, что в указатель не включены имена, упоминаемые в примечаниях, и это затрудняет ориентацию в книге.

Методологически С. И. Жук опирается на опыт классиков этнологии и антропологии (К. Гирц, В. Тернер, А. ван Геннеп), веберовскую традицию и международный опыт исследований крестьянской культуры.

В первой главе приводится очерк колонизации и социальных процессов в Юго-Восточной Украине и Ставрополье во второй половине XIX века. Здесь С. И. Жук приходит к более или менее привычному заключению, что причинами подъема сектантских движений на юге России стали обострившиеся экономические, межгрупповые и культурные противоречия, в частности — перманентный конфликт между крестьянством и православным духовенством. Основную же часть книги составляют главы (вторая, третья, пятая и седьмая), посвященные развитию движений шалапутов, штундистов, штундо-шалапутов («малёванцев», последователей Кондрата Малёванного, самого заметного лидера милленаристских течений в сектантстве конца XIX в.) и некоторым аспектам их учений.

Как напоминает и признает автор, движение шалапутов в 1830–1840-е гг. было тесно переплетено с другими формами крестьянского религиозного сектантства, восходящими к так называемым «христоверам» или «духовным христианам» рубежа XVII и XVIII веков. В XVIII в. из этого потока выделились молокане, христоверы («хлысты»), духоборы и скопцы, и в 1830-е гг. генезис групп шалапутов оказался тесно связанным с развитием скопчества в районе Курска и Белгорода. Поскольку точно различить

¹ Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1965.

² Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

³ Эткинд А. Хлыст: (Секты, литература и революция). М., 1998.

близкие по учению сектантские движения почти невозможно, шалапуты выступают в книге как общее название достаточно разнородных течений. Например, в 1860-е гг. шалапуты трудно отличить от молокан Северного Кавказа (Михаил Попов и его последователи) и «староизраильской» секты (последователи Перфила Катасонова). Часто, соответственно, вовсе не шалапуты, а другие группы становятся объектом изучения С. И. Жука.

В четвертой главе («Крестьяне-богословы и протестантская этика») предпринята попытка анализа религиозных взглядов шалапуты и штундистов. Главным героем той части главы, которая посвящена шалапутам, выступает Петр Дуплий. Он, как и его единоверцы, внешне не порывал с Православной церковью, но оказался в положении диссидента из-за настойчивой проповеди личного аскетизма и чрезмерной склонности к мистицизму. Учение штундистов Жук рассматривает на примере Ивана Рябошапки, одного из основателей движения, и еще нескольких штундистов. Для них наиболее характерным признаком разрыва с официальной Церковью было систематическое самостоятельное изучение Библии. В этом отношении штундисты сходились с протестантским евангелизмом петербургского кружка «пашковцев», возникшего в среде российской аристократии.

Характеристика религиозной культуры южнороссийских сектантов продолжена и в шестой главе, где главное внимание уделено распространенной среди скопцов и шалапуты первых поколений кастрации. Позднее сектанты отказались от столь радикальных форм аскетизма, человеческая сексуальность была восстановлена в своих правах, но это порождало в некоторых случаях другую крайность, когда предлагалось религиозное обоснование беспорядочных половых связей среди последователей шалапуты.

В последней, седьмой, главе С. И. Жук анализирует милленаристские взгляды сектантов, которые звучали в целом в унисон с социалистической пропагандой конца XIX – начала XX века. Подтверждением этому стал «Чигиринский заговор» социалистов-народников. Роль сектантов в этом движении была проигнорирована прежними исследователями, и С. И. Жук заполняет соответствующую лакуну, показывая, что два обвиненных заговорщика (Т. Чепурной и С. Шутенко) были радикальными штундистами и одновременно проповедовали социалистические идеи среди крестьян. Аналогично действовал Я. Гордин, создавший в Елизаветграде еврейский кружок для изучения Библии, члены которого вскоре стали проповедовать и социалистические, и толстовские идеи и попытались делать это совместно со штундистами. Некоторые члены кружка Гордина обратились в христианство, и хотя сам Гордин был вынужден эмигрировать в США, сотрудничество между радикальными штундистами, шалапутами-малёванцами и толстовцами в 1890-е и начале 1900-х гг. продолжалось. Позднее, в 1905–1917 гг., по мнению автора, южнороссийские сектанты, не участвуя напрямую в революционной агитации и политической борьбе, внесли вклад в формирование милленаристских надежд и упований среди народных масс России⁴.

В название книги С. И. Жука вынесено слово «Реформация». Это понятие ясно доносит суть предложенной им концепции южнороссийского сектантства последних десятилетий XIX века. По словам самого историка, «...начиная с 1860-х годов... шалапуты, радикальные штундисты и «малёванцы»... развивали теологические взгляды и

⁴ Zhuk S. I. *Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917*. Washington; Baltimore; London, 2004. P. 384.

религиозные практики, которые были эквивалентны западной радикальной Реформации». Это евангелическое движение «...было интегральной частью общего развития Реформации, которая началась в XVI в. в Западной Европе и достигла южных провинций Российской империи лишь в XIX веке»⁵. При этом С. И. Жук неоднократно констатирует и показывает всем составом своей книги, что шалапуты и другие сектанты, взаимодействуя в конце XIX в. с пришедшими с запада лютеранами-пиетистами и меннонитами, продолжали традиции русского христоверия.

Но были ли христоверы русскими «протестантами», представителями «реформационного» движения в России? Можно поставить вопрос иначе, отталкиваясь именно от западного, а не от русского, опыта: была ли протестантская Реформация порождением общехристианской культуры, христианства вообще, или она выросла из специфической, присущей, главным образом, именно западному христианству проблематики? Этой теме посвящена важная работа известного историка православия И. Мейендорфа⁶. В частности, Мейендорф подчеркнул, что понимание спасения как *оправдания* — а это было центральной темой западной Реформации — в целом чуждо традиционной православной теологии и традиционной православной культуре. Я позволю себе пояснить мысль Мейендорфа таким примером.

Известно, что сотериологический принцип протестантизма, развитый и у Лютера, и у Кальвина, и у других теологов западной Реформации, — оправдание «одной лишь верой», *sola fide*. В нашей литературе этот принцип обыкновенно толкуют в том смысле, что для спасения/оправдания достаточно одной лишь веры, а так называемые добрые дела, т. е. почитание святых, заупокойные молитвы, таинства, монашеское служение, — излишни. На самом же деле с точки зрения всякого протестантского богословия, принцип *sola fide*, оправдание «одной лишь верой», теснейшим образом связан с другим принципом, *sola gratia*, и состоит в том, что эта вера не имеет ничего общего с нашей испорченной первородным грехом природой, она не есть продукт нашей воли, но только благодатный дар, единственно благодаря ему — а не нашим деяниям и заслугам — человек оправдывается Богом и спасается. Соответственно, речь идет не просто о вере (*fides*), а об особой, *специальной* вере (*fides specialis*). Для такого понимания спасения, выросшего из специфически западного понимания первородного греха, природы человека, человеческой воли и божественной благодати, в православной традиции не было никаких посылок. В этом отношении православная культура и теология, построенные на ином понимании связи человека с Адамовым прегрешением, на иной оценке природы человека, на ином представлении о спасении — т. е. из-за своих начальных и фундаментальных характеристик, — не могут привести к протестантизму.

Равным образом протестантское отношение к церковной традиции, к Преданию рождалось из того, как жестко и каким именно образом этот вопрос трактовался в Католической церкви, в то время как православные авторитеты понимали Предание совсем не так, как католики.

Протестантская идея всеобщего священства не представляла для православия такой же революции, как для построенных на клерикализме западной экклезиологии и Церкви. Понимание Церкви как сообщества верующих, а не иерархической структуры, где кли-

⁵ Ibid. P. 399.

⁶ *Meyendorff J. La signification de la Réforme dans l'histoire du christianisme // Meyendorff J. Orthodoxie et catholicité. Paris, 1965. P. 109–129.*

рики и миряне разделены высокой стеной, уживалось без острого конфликта с традиционной церковной организацией.

Когда вышедшие из православной среды диссиденты провозглашали, что иконы, таинства, культ святых, обряды, милостыня, монастыри не играют существенной роли в спасении, и утверждали словами псалма (Пс. 50: 19), что единственная «жертва Богу — дух сокрушенный», это было чрезвычайно далеко от протестантского отрицания добрых дел ради *sola fide*, потому что русские вольнодумцы отталкивались в своих рассуждениях не от Августина, а от Василия Великого и Иоанна Златоуста (даже в том случае, когда они отрицали авторитет Предания).

В православном обществе стать протестантом труднее, потому что здесь никого не удивишь причастием под двумя видами, отрицанием celibата, признанием роли мирян в Церкви и невмешательством патриархов в дела местных церквей... Зато отказ от иконопочитания и культа святых оказывается здесь более радикальным покушением на традицию, чем на Западе, и именно в этом происходит острый разрыв с Церковью. С этой стороны опыт русского неконформизма выглядит робким и ограниченным, потому что, с точки зрения западных теологов и полемистов, чрезмерно много внимания уделяется обрядам. С другой стороны, опыт русских диссидентов оказывается странно радикален — здесь быстро становятся антитринитариями, и с поразительной (по западной мерке) легкостью рождается оптимистическое видение спасения... И особенно поразительно в этом отношении христоверие⁷, которое, как кажется, никак не вмещается в логику западной Реформации и даже радикальной Реформации. А ведь именно из христоверия, как показано еще раз С. И. Жуком, выросли сектантские движения на юге России.

Таким образом, разрыв с Православной церковью в России происходил на отличных от Запада путях, но это все-таки именно разрыв с традиционной Церковью и призыв к ее реформированию. В этом смысле движения русской антицерковной оппозиции могут быть названы «реформационными», а также и потому, что новые общины становились подобны протестантским общинам... Но, с другой стороны, все это — не вполне протестантизм, потому что и в лютеранстве, и в кальвинизме, и в течениях радикальной Реформации было слишком много отличного от русских диссидентских движений. Поэтому, если даже русские христоверческие движения конца XVII – первой половины XIX в. и могут быть названы реформационными, вряд ли они могут быть *типологически* поставлены в один ряд с западной протестантской Реформацией.

Возникающие при описании и анализе этих движений трудности напрямую связаны с вопросом о конфессиональной специфике византийско-православных традиций, ставших почвой и фундаментом восточнославянской средневековой христианской культуры. В чем состояли не-западные черты перенятой из Византии восточнохристианской традиции, и как они сказались, в частности, на характере конфликта между Церковью и противцерковными движениями? Попытки строгого сравнительно-исторического подхода к этому вопросу пока еще не предпринимались. Вообще в области сравнительного изучения русского религиозно-культурного опыта с западным сложилась странная ситуация. Признавая, что без учета конфессиональных особенностей православия русскую традиционную культуру не понять, мы, тем не менее, до сих пор не думаем о хотя бы предварительном консенсусе относительно того, что же в конце

⁷ См., например: Клибанов А. И. Указ. соч. С. 39–84.

концов можно и нужно понимать под выражением «специфика православной (восточнохристианской, византийско-православной) традиции».

Правда, всем специалистам и многим неспециалистам прекрасно известно, в чем состояли внешние вероучительные, церковно-институциональные и обрядовые особенности «латинского» и «греческого» христианства, например, к исходу Средних веков. Но каково было собственно историческое, т. е. социокультурное и свойственное той или иной эпохе и тому или иному региону Европы, измерение этих отличий? Как конфессия превращалась в культуру? Насколько глубоко догматические расхождения сказывались на религиозных ментальностях? Как конфессионально различные христианские ментальности влияли на политическую культуру элит? На этику и этноса, и элит, и народных масс? Иначе говоря, что такое православная (восточнохристианская) традиция, с одной стороны, в ее нормативной, с другой — исторически осуществленной функциях?

Этот вопрос поднимается всякий раз, когда речь заходит о разделении церквей в XI в. и попытках их воссоединить позднее. Иногда (например, И. Конгаром, И. Мейендорфом) даже ставится вопрос о различиях в христианских ментальностях как одной из главных причин разделения Запада и Востока. При этом авторитетные православные богословы и историки Церкви (например, В. Н. Лосский), в противоположность католическим и протестантским, считают, что различия в христианских ментальностях Запада и Востока порождены догматическими различиями. Однако, как и сотни лет назад, различия православия и западного христианства сводятся к обрядам, а в «обрядоверии» часто все еще видят особенность русской якобы «полуязыческой» христианской культуры.

Сложность в том, что доктринальная, вероучительная специфика православной или католической традиции к началу Нового времени касалась не только *filioque*, примата папы или формы причастия, но и представлений о грехе, спасении, смерти и конце времен, роли мирян в Церкви, о путях и методах толкования Священного Писания, об иконе и многом другом. И, судя по тому, что изучено, русскому православному духовенству удалось донести именно такое специфическое понимание многих вопросов до своей паствы, и поэтому «переживаемое», интериоризированное христианство православного населения Восточной Европы в раннее Новое время было по ряду параметров иным, чем христианство, усвоенное католиками и протестантами.

Исторически и «идеологически» различия восточного и западного христианства выросли из отличий двух патристических традиций. И хотя никто не берется отрицать, что различия между двумя ветвями патристики во многих отношениях были весьма глубоки, в исследованиях по истории восточнославянских культур почти всегда поразительным образом игнорируется тот факт, что культурные (а потому и социальные) последствия этих различий не могли не быть очень весомы. И очень вероятно, что и для адекватного понимания российских сектантских движений (особенно до стадии их тесного взаимодействия с протестантами-колонистами) необходимо взять во внимание то, как в опыте русского православия и выросших из него «реформационных» движений «переживались» темы христианской антропологии и сотериологии.

Сегодня ясно, что грехопадение, грех и природа человека в восточной и западной патристике и в сформированных ею учениях двух Христианских церквей понимались по-разному. Специфически-католическое понимание грехопадения и его катастрофи-

ческих последствий для человека восходит к Августину, чье учение стало нормативным для Запада, хотя к одному лишь августинизму все богатство католической мысли не сводится. В каком именно смысле человек наследует грех Адама, согласно доминировавшим на Западе в Средние века представлениям?

Человек обладает грехом Адама не тем, что «подражает» этому греху, не тем, что на нем лежит то же формальное обязательство обладать дарами благодати, а он не может ими обладать по вине Адама, но самым реальным образом, по р е а л ь н о й (разрядка Карсавина. — М. Д.) связи с прародителем, выражаемой телесным происхождением от него⁸.

Хорошо известно, что в византийско-православной патристике подход к тому же вопросу был кардинально иным⁹.

Воздействие специфически западнохристианских представлений о грехе на ментальность католиков и протестантов трудно преувеличить, и столь же трудно не признать, что и западная культура в целом, в отличие от культуры византийско-православного мира, приобрела свой облик и своеобразие под «давлением» такой антропологии. Стоит подчеркнуть и другую очевидность: представления о спасении, т. е. главный этико-религиозный регулятор деятельности человека в досекулярных обществах, выстраивались в зависимости от того, как понимались грех и греховность человека. Отсюда — сотериологический «пессимизм» средневекового западного христианства со всем многообразием социокультурных последствий. Православная вероучительная традиция решала эти вопросы иначе, и это имело прямое влияние на ментальность православных прихожан. Однако разобраться в том, как именно выражалась специфика двух традиций в культуре и какое это имело значение для исторической эволюции обществ запада и востока Европы, через сравнение, например, Московской Руси и Запада можно будет только после осуществления большой серии специальных и очень трудоемких исследований.

Разумеется, отличия и нормативного, и «переживаемого» христианства в Европе, в России и на Западе касались не только учения и представлений о грехе и спасении. Существенно различались и эсхатологические представления, и познавательные установки, и понимание Церкви и роли мирян в ней, и взгляд на границу между сакральным и мирским, и понимание обряда и иконописи, и даже восприятие времени и пространства.

Что же такое *reformatio* в контексте православной традиции? Приложимы ли западные критерии к религиозному опыту «реформационных» движений в православных обществах? Констатируя отсутствие сколько-нибудь весомых аналогий протестантизма в русской истории, обычно говорят: «Реформации в России не было — это признак ее отсталости». Да, Россия была страной отсталой, но Реформации не было в России не потому, что Россия была «отсталой», а потому, что ее не могло быть в *православной* культуре, которая развивалась в соответствии со своей собственной, не-западнохристианской логикой и для которой коренные вопросы западной Реформации были чужды по определению. Если же слово *reformatio* употреблять в самом общем и отвлеченном смысле, имея в виду *трансформацию*, *transformatio* религиозных институтов, верова-

⁸ Карсавин Л. П. Католичество. Пг., 1918. С. 73–74.

⁹ См., например: Мейендорф И. Византийское богословие: Исторические направления и вероучение. М., 2001; Евдокимов П. Православие. М., 2002.

ний, практик в результате углубления христианизации, то русская «православная Реформация» (но как аналог уже не протестантизму, а католической Реформе) состоялась в XVII в. Если различия двух традиций христианской культуры в самом деле существенны, можно ли ими пренебречь, изучая опыт христоверов, молокан, сект «Старого» и «Нового» Израиля и шалапутов? Я был бы рад, если бы из этого вопроса родилась дискуссия между автором отрецензированной выше великолепной книги и его коллегами.

Л. М. Аржакова

Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. — Тверь: ООО «Изд-во Сатори», 2008. — 224 с.

Весной 1888 г. в библиотеке Тверской духовной семинарии В. И. Колосовым, преподававшим в семинарии всеобщую и русскую гражданскую историю, был обнаружен неизвестный науке трактат Юрия Крижанича «Объяснение сводное о письме славянском». Первооткрыватель, не замедливший оповестить о находке Тверскую ученую архивную комиссию, в декабре того же года выступил в Журнале Министерства народного просвещения со статьей «Вновь открытое сочинение Юрия Крижанича». В 1891 г. трактат был опубликован в Москве, составив первый выпуск Собрания сочинений знаменитого хорвата. Сравнительно недавно, в 1983 г., в Загребе вышло Полное собрание сочинений Крижанича, куда было включено и «Объяснение...». Таким образом, трактат — одна из первых попыток сравнительного изучения орфографии и орфоэпии славянских языков — прочно вошел в научный оборот. Однако книга 1891 г. давно стала библиографической редкостью, а хорватское издание до наших библиотек практически не дошло.

Стодвадцатилетие сенсационного открытия было ознаменовано новой публикацией трактата — на сей раз в Твери, где манускрипт хранится в Государственном архиве Тверской области.

Над подготовкой издания трудился большой коллектив историков и филологов, тверских и московских. Его возглавили доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором исторической славистики Тверского государственного университета И. Г. Воробьева и доктор культурологии, профессор Государственной академии славянской культуры В. М. Воробьев.

ний, практик в результате углубления христианизации, то русская «православная Реформация» (но как аналог уже не протестантизму, а католической Реформе) состоялась в XVII в. Если различия двух традиций христианской культуры в самом деле существенны, можно ли ими пренебречь, изучая опыт христоверов, молокан, сект «Старого» и «Нового» Израиля и шалапутов? Я был бы рад, если бы из этого вопроса родилась дискуссия между автором отрецензированной выше великолепной книги и его коллегами.

Л. М. Аржакова

Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. — Тверь: ООО «Изд-во Сатори», 2008. — 224 с.

Весной 1888 г. в библиотеке Тверской духовной семинарии В. И. Колосовым, преподававшим в семинарии всеобщую и русскую гражданскую историю, был обнаружен неизвестный науке трактат Юрия Крижанича «Объяснение сводное о письме славянском». Первооткрыватель, не замедливший оповестить о находке Тверскую ученую архивную комиссию, в декабре того же года выступил в Журнале Министерства народного просвещения со статьей «Вновь открытое сочинение Юрия Крижанича». В 1891 г. трактат был опубликован в Москве, составив первый выпуск Собрания сочинений знаменитого хорвата. Сравнительно недавно, в 1983 г., в Загребе вышло Полное собрание сочинений Крижанича, куда было включено и «Объяснение...». Таким образом, трактат — одна из первых попыток сравнительного изучения орфографии и орфоэпии славянских языков — прочно вошел в научный оборот. Однако книга 1891 г. давно стала библиографической редкостью, а хорватское издание до наших библиотек практически не дошло.

Стодвадцатилетие сенсационного открытия было ознаменовано новой публикацией трактата — на сей раз в Твери, где манускрипт хранится в Государственном архиве Тверской области.

Над подготовкой издания трудился большой коллектив историков и филологов, тверских и московских. Его возглавили доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором исторической славистики Тверского государственного университета И. Г. Воробьева и доктор культурологии, профессор Государственной академии славянской культуры В. М. Воробьев.

Новое издание тем более примечательно, что его основу составило цветное фототипическое воспроизведение всего текста трактата. Теперь исследователи получают уникальную возможность полностью учитывать все особенности авторского письма, с трудом поддающиеся воспроизведению при типографском наборе. С полным основанием издатель констатирует, что та публикация, с которой читатели имели дело прежде, «...не передавала всю точность, красоту и изящество текста»¹. Доступ же к оригиналу сейчас затруднен даже для специалистов: рукопись, которой уже более трех веков, естественно, пострадала от времени. Еще В. И. Колосов, описывая состояние своей находки, отметил, что «бумага от ветхости начинает распадаться».

Для «широкого круга читателей, интересующихся славянской культурой» (как сказано в аннотации), важно, что к публикации старого текста приложен, если можно так выразиться, перевод трактата на современный русский язык. Оговорка кажется уместной, поскольку отечественные слависты XIX в. воспринимали исследуемый ими текст «как образчик русского языка Крижанича»².

Исторической проблематике в издании посвящена статья И. Г. Воробьевой «Юрий Крижанич и его “Объяснение сводное о письме славянском”». Особенно интересна та ее часть, что посвящена судьбе рукописи и подготовке первой ее публикации. У автора статьи были все основания присоединиться к точке зрения В. И. Колосова, который полагал, что в библиотеку Тверской духовной семинарии трактат Крижанича попал из собрания тверского архиепископа Феофилакта (Лопатинского), приобретенного манускрипт, скорее всего, еще в начале XVIII века. Опираясь на неизданную переписку Я. К. Грота, А. А. Шахматова, М. Н. Сперанского, Н. А. Попова, В. Н. Щепкина и на другие источники, исследовательница прослеживает весь ход выполняемой В. И. Колосовым по поручению Общества истории и древностей российских работы над подготовкой трактата Крижанича к печати.

Отдавая должное интересной статье, все же нельзя не сказать, что утверждение автора, будто жизненный путь Крижанича «хорошо известен» и лишь «некоторые факты остаются малообъяснимыми»³, представляется слишком оптимистичным. В биографии великого хорватского ученого, «одного из самых интересных деятелей русской и — шире! — славянской общественно-политической мысли», по выражению известного исследователя творчества Ю. Крижанича — Л. Н. Пушкарева, неясных моментов не так уж мало.

Все исследователи, в той или иной мере отдавшие в свое время дань изучению его творческого наследия, сходятся в оценке неординарности (порой — даже экстравагантности) его планов и замыслов, охватывающих едва ли не весь славянский мир. При этом Крижанич во многом остается для нас фигурой загадочной. Приходится, например, лишь строить догадки о том, при каких обстоятельствах он погиб. Не поддаются уверенному объяснению многие из его поступков и намерений. Сложно сказать, зачем он посетил Константинополь, с какой целью дважды съездил в Москву. Именно это позволяло некоторым нашим историкам объявлять его не славянским патриотом, а зловредным агентом Ватикана, — о чем упоминает сам исследователь⁴.

¹ Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. Тверь, 2008. С. 5.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 10.

Лингвистическая сторона дела подробно проанализирована в содержательной статье доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Н. Н. Запольской «Графико-орфографические опыты Крижанича». Как подчеркнуто исследовательницей, «создавая свои лингвистические труды для “рассмотрения людей разумных”, Крижанич реально способствовал языковой встрече двух культур — *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*»⁵.

Кроме того, в книге воспроизведена статья В. И. Колосова из Журнала Министерства народного просвещения, а также дана сводка «Даты жизни и деятельности Юрия Крижанича» и выборочная «Библиография».

Нельзя не отметить великолепное полиграфическое исполнение «Тверской рукописи Крижанича», ставшее возможным во многом благодаря организационной поддержке, оказанной изданию со стороны Администрации Тверской области и Оргкомитета Международных дней славянской письменности и культуры 2008 г. в Твери.

Можно не сомневаться, что новая, на современном научном уровне выполненная публикация трактата будет с живым интересом встречена и специалистами, и любителями истории.

⁵ Там же. С. 196.



Юбилей Слависта

К 85-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЯКУБСКОГО

В январе 2009 г. исполняется 85 лет известному отечественному слависту Владимиру Александровичу Якубскому. Профессор В. А. Якубский — один из старейших ныне здравствующих выпускников и сотрудников исторического факультета СПбГУ. На наш истфак он пришел шестьдесят с лишним лет тому назад.

До того ему, уроженцу Украины (Владимир Александрович родился в Боярке под Киевом, где его родители учительствовали), довелось побывать в Западной Сибири, куда семья уехала от голодомора 1933 года. С 1937 г. он живет в Ленинграде. Среднюю школу Владимир Александрович закончить не успел — занятия в десятом классе оборвала блокада. Из блокадного города в феврале 1942 г. он был эвакуирован в Кировскую область, а через полгода, в августе того же, 1942, года, призван в армию. С весны 1943 г. Владимир Александрович Якубский — в действующей армии.

Вятскими новобранцами тогда пополнили сильно потрепанную 3-ю танковую армию, которая только что вырвалась из окружения под Харьковом (вскоре она станет 3-й гвардейской танковой). Владимира Александровича определили в инженерно-минную роту 22-й мотострелковой бригады. Впереди был путь длиной в пол-Европы. Вместе со своей бригадой — сначала в составе Брянского, затем 1-го Украинского фронтов — Владимир Александрович отчасти проехал, отчасти прошел от Мценска до Берлина. Воевал на Курской дуге, форсировал Днепр, участвовал в боях на Сандомирском плацдарме, в Силезии. В дни штурма Берлина был тяжело ранен и вернулся домой только через год. Долечиваться пришлось и по возвращении — на что ушел еще год, в течение которого Владимир Александрович заканчивал десятилетку в вечерней школе.

За свои боевые годы Владимир Александрович заработал медаль «За отвагу» (едва ли не самую дорогую солдатскую награду) и три ордена — «Красную Звезду», орден Славы III степени и орден Ленина. Правда, сам солдат о наградах не думал, полагая, что просто исполняет свой долг... Понадобилось четыре десятилетия, прежде чем награда его нашла. Лишь в 1983 г. профессору Владимиру Александровичу Якубскому в Актовом зале Ленинградского университета торжественно вручили орден Славы III степени и орден Ленина.

Но в далеком 1947 г. до этого события было еще далеко. Вооруженный аттестатом о среднем образовании, Владимир Александрович поступил на исторический факультет ЛГУ. Тогдашний истфак славился такими именами, как Б. А. Романов, С. Н. Валк, В. В. Струве, В. В. Мавродин. Владимир Александрович Якубский избрал для себя специализацию по кафедре истории Средних веков, и там было у кого поучиться. На кафедре той поры трудились А. Д. Люблинская, О. Л. Вайнштейн, М. А. Гуковский... Сферой научных изысканий начинающего медиевиста стала социальная проблематика на материале средневекового Кракова. Работал он под руководством О. Е. Ивановой.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. нормальные занятия истфаковцев заслонила прокатившаяся по всей стране печально знаменитая антикосмополитская кампания. Как почти каждая кампания такого рода, она сопровождалась увольнениями и арестами. Из библиотек целыми пачками изымались неудобные книги, в науке все громче становились голоса конъюнктурщиков. Когда уже в наши дни Владимир Александрович вместе с Г. Е. Лебедевой работал над очерком истории послевоенной ленинградской медиевистики, он, что ценно, мог опереться не только на стенограммы заседаний, но и на собственные воспоминания. В этом очерке Владимир Александрович с благодарностью пишет о своих наставниках, которые в самые тяжелые годы сохраняли достоинство и выполняли свой долг.

Какие бы события ни омрачали годы учебы, они были наполнены благотворным общением с видными учеными и педагогами, готовили фундамент для будущего, но по мере приближения выпускного вечера все больше тревожил вопрос, что делать потом.

Особого выбора вообще-то не было. Либо приходилось отправляться по распределению, как выражаются, в глубинку, либо оставаться в Ленинграде без каких-либо шансов найти работу: многие из выпускников прошлых лет годами не могли никуда устроиться. Владимиру Александровичу, по его собственным словам, невероятно повезло: М. В. Левченко, возглавлявший тогда кафедру, предложил ему место лаборанта. Это не только избавляло от поисков работы, но и давало шанс в стенах родной кафедры продолжить занятия полонистикой.

Мало-помалу Владимир Александрович при поддержке кафедралов стал втягиваться в преподавание. Через год-два он уже вел семинары, рецензировал диссертации, начал читать лекции. Параллельно с этим работал над кандидатской диссертацией. Свою диссертацию на тему «Промышленное развитие Краковской земли с конца XV и до конца XVII в.» Владимир Александрович защитил в 1958 году¹. Примечательно, что работа даже привлекла внимание прессы. Не где-нибудь, а в передовой статье газеты «Ленинградская правда» (ныне — «Санкт-Петербургские ведомости») были приведены — правда, без указания фамилий авторов — названия этой диссертации и защищенной примерно тогда же работы Л. С. Семенова из истории русской дипломатии первой половины XIX века. На основании приведенных наименований диссертационных исследований газета сделала уверенный вывод, что исторический факультет Университета погряз в мелочной тематике и оторвался от современности.

Больше к урбанистике Владимир Александрович не возвращался. Не то что бы на него подействовала газетная критика. Просто он пришел к выводу (верному или нет — вопрос другой), что исследования по истории средневекового города малоперспективны. Они получаются, как правило, однообразными и нудными. Из книги в книгу переходят стандартные пассажи о социальном расслоении под покровом цехового эгалитаризма, об обострении конфликта между бюргерством и патрициатом, и т. п.

Уже в ходе работы над своей кандидатской диссертацией Владимир Александрович обратил внимание на странную логику наших историков-полонистов. В число главных причин, какие мешали развитию средневекового польского города, они записывали существовавший в средневековой Польше запрет горожанам покупать шляхетские имения и вообще владеть ими. Что такая скупка земель богатыми плебеями раздражала, возмущала тогдашнюю шляхту — понять нетрудно. Но почему, каким образом такой запрет подрывал, как не раз писалось в солидных книгах, позиции города как центра ремесла и торговли?

Казалось бы, дело должно было обстоять наоборот. Вложение денег, полученных от занятия торговлей или ремеслом, в землевладение, означает, говоря языком политэкономии, отлив капитала из торгово-ремесленной сферы. А такой отлив, как известно, на пользу этой сфере никогда не идет...

Рассуждения подобного рода заставили Владимира Александровича детальнее приглядеться к проблеме. Обращение к источникам убедило в том, что общепринятое мнение не выдерживает критики. Начать хотя бы с того, что впервые изданный на исходе XV в. запрет еще не раз повторялся. А настойчивое повторение какой-либо законодательной нормы, как всем известно, равнозначно признанию того, что на деле закон попросту не соблюдается...

¹ Якубский В. А. Промышленное развитие Краковской земли с конца XV и до середины XVII вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958.

Свои соображения Владимир Александрович в 1959 г. доложил на московской сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Они были доброжелательно приняты. С этого времени началось многолетнее участие Владимира Александровича в работе ежегодно собиравшегося симпозиума, а аграрная проблематика заняла первое место в исследованиях юбиляра.

В те годы, конец 1950-х – начало 1960-х, сначала польскую, а затем и советскую историко-аграрную среду охватило увлечение математическими методами. В контексте исследуемой проблематики на них возлагались огромные, однако, как покажет время, чрезмерные, надежды. Измерение тесноты корреляционных связей и проч., панацеей, разумеется, не стало, хотя нельзя не признать, что значительные успехи в изучении социальной динамики деревни периода Раннего Нового времени были достигнуты.

Свои поиски в этом направлении Владимир Александрович начал с обчета малопольских податных реестров, стремясь выяснить, какова была структура сельского населения и какие на протяжении XVI–XVII вв. наблюдались в ней перемены. Занятие это было достаточно кропотливым — калькуляторов еще не было и в помине, подручная техника исчерпывалась арифмометром. К слову сказать, следуя аналогичным путем, познанский профессор Ежи Топольский развенчал миф о том, что каждый десятый поляк был шляхтичем (убедительно показав, что удельный вес шляхты в общей демографической структуре Польши вряд ли превышал 6 %).

Параллельно с работой над реестрами Владимир Александрович попытался приложить ту же методику к нарративному памятнику — так называемой «Книге Хамов». Ее автор, небогатый краковский шляхтич Валериан Неканда Трепка (ок. 1584 – 1640), уязвленный тем, что в ряды шляхты проникают плебеи, потратил не один год, чтобы собрать сведения о таких самозванцах и их покровителях. При всей предубежденности Трепки при использовании им сомнительной информации итоги обработки «Книги» подтвердили, что незаконная нобилизация богатых простолюдинов в Речи Посполитой представляла собой значимое социальное явление.

Идя по стопам таких ученых, как Витольд Куля и Анджей Вычаньский, — и в ряде случаев вступая с ними в полемику — Владимир Александрович попробовал свои силы в построении моделей производства и потребления сельскохозяйственной продукции в Речи Посполитой. При этом, как вспоминает сейчас юбиляр, критическая часть получалась у него весомее, чем часть конструктивная. Так или иначе, но ему удалось достаточно убедительно доказать, что доля домениальной, барской запашки составляла примерно 15–20 % всей пахотной земли, тогда как в литературе она оценивалась раза в два-три выше.

По собственному признанию Владимира Александровича, много дало ему участие в работе авторского коллектива, который трудился над капитальным трехтомником «История крестьянства в Европе: Период феодализма». В академическом проекте участвовали такие знатоки предмета, как А. И. Неусыхин, А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бесмертный. Подготовкой третьего тома, посвященного Раннему Новому времени, руководила А. Д. Люблинская. По ее поручению Владимир Александрович писал главы об основных проблемах истории крестьянства Ост-Эльбского региона и об аграрном развитии Польши XVI – первой половины XIX века. Позднее он принимал участие и в подготовке глав о западном славянстве для второго тома «Истории».

Судьба этого проекта сложится трудно. Давно готовый и неоднократно заново отредактированный, трехтомник увидел свет только во второй половине 1980-х гг. —

лет через тридцать после начала работы (когда не было уже в живых А. Д. Люблинской и некоторых других участников). Сдача в печать все откладывалась, и главным образом — из-за чисто внешних причин. Последний раз одной из помех стало введение в 1980 г. военного положения в Польше: издательство опасалось, что среди указанных в списках литературы польских авторов могут оказаться сторонники «Солидарности», чьи имена упоминать не следовало.

Забегая вперед, скажем, что Владимир Александрович еще не раз принимал участие в реализации академических исследовательских проектов, организуемых московскими славистами. В частности, в написании важнейших с точки зрения понимания специфики польской модели исторического развития глав «Краткой истории Польши: с древнейших времен до наших дней»², высоко оцененных польскими коллегами. Эта книга вызвала в Горлите (то есть в цензуре) еще больше придинок, чем «История крестьянства», — в результате рукопись пролежала в издательстве до перестройки. Владимиром Александровичем также написаны фундаментальные разделы по истории Австрии, Чехии, Польши в многотомной «Истории Европы»³.

За то время, что эти коллективные труды — по тем или иным причинам — дожидались своей очереди выйти в свет, Владимир Александрович успел выпустить монографию «Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши». Ее расширенный вариант был защищен в 1975 г. в качестве докторской диссертации⁴.

Большое место в диссертационном исследовании отводилось давно дебатруемому в науке вопросу о том, что послужило причиной торжества в Польше барщинно-крепостнической системы хозяйства. Не ставя под сомнение роль заметно растущего внешнего спроса на польское зерно и ряда других факторов, исследователь выступил с парадоксальной, на первый взгляд, но, как представляется, заслуживающей внимания гипотезой. Согласно этой гипотезе, именно барщина была той формой земельной ренты, которая — по крайней мере, на первых порах — оказалась наименее обременительной для крестьянина и потому меньше всего наталкивалась на сопротивление деревни.

Одним из косвенных доводов в пользу догадки диссертанта явились — разумеется, крайне приблизительные, ориентировочные — подсчеты того, каков был бы эффект от замены барщины наемным трудом. Вопреки распространенной уверенности, что даровой труд барщинников давал помещику огромный доход, выяснилось, что в условиях деревни XVI в. переход на наемный труд экономически был бы даже выгоден помещику. Но понятно, что историк был обязан считаться с тем, что едва ли тогдашние землевладельцы занимались такого рода калькуляциями, и уж заведомо они психологически не были готовы к подобным экспериментам.

Во всех трех основных разделах диссертации («Утверждение барщинно-крепостнической системы хозяйства», «Проблема зернового баланса», «Структура феодальной земельной собственности») автор детально останавливался на состоянии изученности рассматриваемых проблем. Разбирались им как бытующие в науке концепции и сто-

² Якубский В. А. Формирование и развитие феодального общества (До середины XV в.) // Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 5–39.

³ Якубский В. А. Австрия, Чехия, Польша // История Европы: В 8 т. М., 1993. Т. 3. С. 108–114.

⁴ Якубский В. А. Проблемы аграрной истории Польши XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975.

ящая за ними аргументация, так и историографические аспекты проблем, которые зачастую выходили на первый план. В этом, очевидно, сказывалась школа, которую Владимир Александрович прошел у О. Л. Вайнштейна, всегда настойчиво подчеркивавшего важность историографических экскурсов. На его взгляд, чем бы историк ни занимался, он обязан соотносить свои выводы с тем, что уже до него было сказано предшественниками, выясняя, прежде всего, каков был их концептуальный подход к проблеме.

Под влиянием Осипа Львовича Вайнштейна еще в студенческие годы обратившись к историографии, Владимир Александрович и потом многократно будет заниматься исследованиями такого рода сам и, в свою очередь, будет привлекать к ним своих учеников.

Неразрывно связаны со всей научной и педагогической деятельностью Владимира Александровича Якубского и его старания — вместе с О. Е. Ивановой, В. Н. Белановским, С. М. Стецкевичем — открыть на нашем историческом факультете специализацию по истории южных и западных славян (она была создана в начале 1960-х годов). В то же время нельзя не сказать, что введению специализации предшествовала плодотворная работа межфакультетского сектора истории южных и западных славян, который был создан по решению Ученого совета факультета в конце 1950-х годов. На первых порах сектор возглавил В. Н. Белановский, а после его кончины — С. М. Стецкевич, всегда выступавший единомышленником и, зачастую, — соавтором Владимира Александровича.

К сфере научных интересов этих двух ведущих ленинградских славистов относились самые разные проблемы. Их специальное внимание привлекало, в частности, вопрос преподавания истории славян в высшей школе (не утративший своей злободневности и по сей день). Он был рассмотрен ими в ряде статей⁵. Приходилось им касаться в своих работах и сугубо методологических проблем⁶. Нельзя не подчеркнуть, что в поле зрения В. А. Якубского и С. М. Стецкевича попадали, как правило, дискуссионные проблемы, касающиеся различных аспектов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, причин гибели Речи Посполитой и проч.

В последние годы Владимир Александрович все большее внимание сосредотачивает на историографических студиях. Та давняя (еще студенческих лет, как уже говорилось) «прививка», сделанная О. Л. Вайнштейном, дает себя знать. Владимиром Александровичем вместе с Г. Е. Лебедевой внесен большой вклад в изучение истории отечественной медиевистики конца XIX — первой половины XX века. Серия их статей была посвящена плеяде блестящих отечественных медиевистов, таких как А. Д. Люблинская, М. В. Левченко, О. Л. Вайнштейн и др., чьи судьбы рассматриваются в контексте судеб всей ленинградской медиевистики. Итоги этой многолетней работы были недавно подведены в монографии⁷.

⁵ Стецкевич С. М., Якубский В. А. К вопросу о преподавании истории славян в высшей школе // СС. 1969. № 6. С. 49–53; Легуров Э. И., Стецкевич С. М., Якубский В. А. Основные принципы построения курса истории социалистических славянских и балканских стран // Вестник ЛГУ. 1974. Вып. 3. № 14. С. 147–150.

⁶ Стецкевич С. М., Якубский В. А. О методологии советских исследований по истории славянских народов // Методологические проблемы истории славянства. М., 1978. С. 207–231.

⁷ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi*: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008.

Специальная тема — Владимир Александрович как наставник. Не затронуть ее невозможно — причем, вне зависимости от того, юбилейные торжества на дворе или рядовые будни. Тот, кому посчастливилось учиться ли, работать под руководством Владимира Александровича, не может с этим не согласиться. Что греха таить, отношение к студентам и аспирантам (вообще ученикам) у преподавателей бывает разное — от непомерной требовательности, которая отбивает у ученика всякую веру в свои способности, до равнодушия к тому, *что* и *как* студентами усвоено, понято. Метода Владимира Александровича — это обязательное уважение, внимание к интересам, занятиям ученика, но отнюдь не бездумное одобрение всего, что тот напишет. Каждодневный труд и пытливость ума — пожалуй, основные требования, которые предъявляет Владимир Александрович к начинающему исследователю. И, учитывая, что Владимир Александрович готов отдавать ученикам максимум своих и знаний, и времени, у него есть все основания ожидать достойного результата. Самим ученикам, возможно, эти требования порой кажутся завышенными. Зато за результат, достигнутый совместными усилиями, когда он будет предъявлен на суд публики, можно быть спокойным.

Заканчивая краткий очерк, хочется от всей души поздравить дорогого Владимира Александровича с юбилеем, пожелать ему крепкого здоровья и дальнейших успехов на ниве отечественного славяноведения.

Л. М. Аржакова

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ
ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЯКУБСКОГО
(СОСТ. Л. М. АРЖАКОВА)**

1956

1. Изучение истории Византии и Причерноморья в Польской Народной Республике // ВВ. М., 1956. Т. II. С. 302–307.

(в соавт. с О. Е. Ивановой)

1957

2. Славяне в древности. Первые государственные образования у южных и западных славян // *Белановский В. Н. и др.* Очерки истории южных и западных славян: Пособие для учителя / Под ред. С. М. Стецкевича. Л., 1957. С. 7–21.

3. Борьба полабско-балтийских славян против натиска немецких феодалов в VIII–XII вв. // Там же. С. 22–35.

4. Славянские народы Балканского полуострова и их борьба против турецкой агрессии в средние века // Там же. С. 64–76.

1958

5. Промышленное развитие Краковской земли с конца XV и до середины XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 16 с.

6. Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории / Отв. ред. А. И. Андреев. М.; Л., 1958. С. 313–314, 379–382, 490–497.

(в соавт.,

разделы по западнославянским фондам)

7. Из истории развития мануфактуры в Польше в конце XV — начале XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. 1958. Вып. 251. С. 139–167.

8. Развитие ремесла в Польше в конце XIV — середине XVII вв. // Вестник ЛГУ. 1958. № 14. С. 5–18.

9. [Рец. на кн.]: Samsonowicz H. *Rzemiosło wiejskie w Polsce w ŃIV–ŃVII w.* Warszawa, 1954. 246 s. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1958. Вып. 23. С. 96–101.

1960

10. Табор: Книга для чтения в VI классе. Л., 1960. 144 с.
(в соавт. с О. Е. Ивановой).
11. Некоторые проблемы медиевистики в трудах историков Польской Народной Республики (1945–1959) // СВ. М., 1960. Вып. 18. С. 193–218.

1961

12. Некоторые вопросы истории городского землевладения в Польше XVI–XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г. М., 1961. С. 71–80.
13. Расслоение крепостной деревни и проблема рабочих рук в Польше XVI–XVII вв. // Тезисы докладов симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1961. С. 62–66.
14. [Обзор]: Социально-экономические сдвиги в странах Центральной и Восточной Европы XVI–XVII вв. «Kwartalnik historyczny». № 2. Warszawa. 1961. S. 297–314, 315–321 // ВИ. 1961. № 9. С. 190–191.

1962

15. О последовательном соблюдении «видового» принципа в построении курса источниковедения // ННИ. 1962. № 5. С. 98–101.
16. Uwagi o książce A. Wyczańskiego // Przegląd historyczny. Warszawa, 1962. T. LIII. Zesz. 2. S. 384–386.

1963

17. Ежи Тымовский и его «Записки»: (Из истории купеческого капитала в Польше XVII в.) // Вестник ЛГУ. 1963. Вып. 2. № 8. С. 144–147.
18. Неимущее население и проблема рабочих рук в Малой Польше XVI–XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963. С. 78–89.
19. Новая публикация по истории русско-немецких культурных связей второй половины XVIII в. // История СССР. 1963. № 3. С. 225–230.
(в соавт. с В. В. Мавродиным и С. Л. Пешичем)
20. [Обзор]: Вторая Международная конференция по экономической истории. «Československý časopis historický». Praha. 1963. № 1. S. 34–35 // ВИ. 1963. № 8. С. 190–192.

1964

21. О методике исследования структуры землевладения в феодальной Польше // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 246–257.
22. О методологии одного исследования по истории белорусской общественной мысли // Вестник ЛГУ. 1964. № 14. С. 118–120.

1965

23. [Обзор]: Взаимосвязь явлений — реальная и мнимая. “Československý časopis historický”. Praha. 1964. № 4. S. 535–538; “Kwartalnik historii kultury materialnej”. Warszawa. 1964. № 3. S. 375–409 // ВИ. 1965. № 5. С. 191–192.

1966

24. Использование статистического метода при сравнительном изучении положения крестьянства в Польше XVI–XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев, 1966. С. 155–163.

25. Споры вокруг соотношения внутреннего и внешнего рынка фольварочной Польши и некоторые вопросы моделирования // Тезисы докладов симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966. С. 138–140.

1968

26. Сдвиги в структуре феодального землевладения Западной Люблинщины в период господства фольварочной системы // Тезисы докладов симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1968. С. 81–85.

1969

27. К вопросу о преподавании истории славян в высшей школе // СС. 1969. № 6. С. 49–53.
(в соавт. с С. М. Стецкевичем).

28. Размеры пахотных земель в фольварочной Польше // XXII Герценовские чтения (ЛГПИ им. А. И. Герцена): Исторические науки. Л., 1969. С. 178–180.

1970

29. Республиканские и монархические тенденции в Речи Посполитой накануне ее падения // Развитие капитализма и национальное движение в славянских странах. М., 1970. С. 253–271.

30. О темпах перераспределения земельной собственности в феодальной Польше // XXIII Герценовские чтения (ЛГПИ им. А. И. Герцена): Исторические науки. Л., 1970. Вып. 2. С. 100–102.

31. Проникновение плебеев в дворянское землевладение Польши XVII в. и «Книга Хамов» // Тезисы докладов симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. С. 87–91.

(в соавт. с Л. А. Маркаряни)

1971

32. Податные реестры XVI в. и реконструкция зернового баланса фольварочной Польши // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1971. С. 66–76.

33. Сельскохозяйственное производство и потребление в позднефеодальной Польше // Вестник ЛГУ. 1971. № 2. Л. С. 144–146.

(в соавт. с В. В. Мавродиным)

1972

34. Внедрение количественных методов в разработку аграрной истории барщинно-крепостнической Польши // Вопросы истории славян. Воронеж, 1972. С. 20–26.

(в соавт. с Л. А. Маркаряни)

35. Когда в Польше начался период так называемого первоначального накопления? // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 39–50.

36. Количественные методы и аграрная история барщинно-крепостнической Польши // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972. С. 216–224.

1974

37. К вопросу о методике определения численности городского населения в Польше XVI–XVII вв. // Средневековый город. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 192–204.

38. К вопросу о причинах развития фольварочной системы в Польше // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. I. С. 80–88.

39. Основные принципы построения курса истории социалистических славянских и балканских стран // Вестник ЛГУ. 1974. Вып. 3. № 14. С. 147–150.

(в соавт. с Э. И. Легуровым и С. М. Стецкевичем).

40. Ф. Энгельс о внутренних причинах гибели Речи Посполитой // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974. С. 218–231.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

1975

41. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975. 118 с.

Рец.: Wyczański A. // Przegląd historyczny. Warszawa, 1976. T. LXVII. Zesz. 1. S. 124–128.

42. Проблемы аграрной истории Польши XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975. 35 с.

43. Про основну тенденцію в соціально-економічному розвитку пізньофеодальної Польщі: (Огляд радянської історіографії) // Українське слов'язознавство. Львів, 1975. Вип. 12. С. 77–93.

1976

44. Формы крестьянской зависимости по трактату Ансельма Гостомского // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. Вып. 3. С. 199–202.

1978

45. К типологии польского фольварка // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1978. С. 85–92.

46. О методологии советских исследований по истории славянских народов // Методологические проблемы истории славянства. М., 1978. С. 207–231.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

1979

47. Пташицкий С. // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 285.

48. Новый труд по истории Югославии // Вестник ЛГУ. 1979. Вып. 2. № 8. С. 113–114.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

1980

49. Место свободных и полусвободных категорий сельского населения в структуре польского общества XVI–XVII вв. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 75–83.

(в соавт. с В. М. Новик)

50. О проблемах национальной революции в Польше конца XVIII — первой трети XIX вв. // Вопросы истории славян. Воронеж, 1980. Вып. 6. С. 60–77.

(в соавт. с В. В. Кутявиным и С. М. Стецкевичем)

1981

51. Городское землевладение и городское зерновое производство в Польше XVI в. // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 171–174.

(в соавт. с Л. А. Маркарянц)

52. Становление и развитие советской исторической полонистики // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 22–54.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

53. Экономические аспекты формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 16–28.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

1982

54. Процесс разложения дворянства и его социальные последствия // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 311–325.

(в соавт. с А. С. Мыльниковым)

55. Польша XI–XV вв. // История средних веков: Учебно-методическое пособие. М., 1982. С. 84–87.

56. Южные славяне в XII–XV вв. // Там же. С. 93–96.

(в соавт. с Л. А. Шаферовой)

57. Польша в XVI — первой половине XVII в. // Там же. С. 152–155.

58. [Рец. на кн.]: Национально-освободительные движения в Австрийской монархии. Ч. 1–2. М., 1979–1981 // ВИ. 1983. № 11. С. 145–149.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

1984

59. Проблемы социальной борьбы в Польше XVI в. в освещении русской дореволюционной полонистики // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 146–155.

(в соавт. с З. Е. Ивановой)

1985

60. К вопросу об освещении начального этапа развития отечественной медиевистики // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985. С. 53–57.

61. [Рец. на кн.]: Польша на путях развития и утверждения капитализма: Конец XVIII – 60-е годы XIX в. М., 1984 // ННИ. 1985. № 1. С. 188–190.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

1986

62. Крестьянство Польши и Чехии в XII–XIV вв. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 185–200.

(в соавт. с Л. В. Разумовской)

63. Крестьянство Чехии и Польши в XV в. // Там же. С. 382–398.

64. Основные проблемы истории крестьянства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы // Там же. С. 234–247.

65. Польское крестьянство в XVI — середине XIX в. // Там же. С. 248–272.

66. [Ред., в составе] История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: В 3 т. М., 1986. Т. 3. 592 с.

1987

67. Сарматизм: функция генетического мифа в дворянской Речи Посполитой // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987. С. 169–181.

68. Польша: (Темы VI–VIII) // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск, 1987. Т. 1. С. 231–246.

69. [Рец. на кн.]: Вопросы истории славян: Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в эпоху феодализма. Воронеж, 1985 // СС. 1987. № 3. С. 108–110.

(в соавт. с И. Г. Воробьевой)

1993

70. Австрия, Чехия, Польша // История Европы. В 8 т. М., 1993. Т. 3. С. 108–114.

71. Переход от романтизма к позитивизму и его освещение в лекционном курсе // Изучение и преподавание историографии и источниковедения в высшей школе: Материалы научной конференции. Новгород, 1993. Ч. 1. С. 13–18.

72. Русское славяноведение эпохи романтизма и историографический процесс XIX в. // Вестник СПбГУ. 1993. Сер. 2. Вып. 3. С. 3–13.

(в соавт. с С. М. Стецкевичем)

73. Формирование и развитие феодального общества (До середины XV в.) // Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 5–39.

74. Польша в конце XV и в XVI в. // Там же. С. 40–63.

75. Кризис Речи Посполитой // Там же. С. 64–84.

1996

76. Историографический процесс XVIII–XIX вв. и его моделирование в отечественной литературе // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 1996. Вып. 1. С. 3–15.

2000

77. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2000. Вып. 2. С. 3–15.

2001

78. К 70-летию профессора Г. Л. Курбатова // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 5–19.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

79. «Польское бескорольевье» А. С. Трачевского и его историографический контекст // Там же. С. 146–164.

80. Некоторые вопросы классификации исторических источников // Личность—идея—текст в культуре Средневековья и Возрождения. Иваново, 2001. С. 212–228.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

2002

81. А. Д. Люблинская на кафедре истории средних веков ЛГУ // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 470–475.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

82. «Небольшой роман в письмах» (Полемика А. Д. Люблинской и Ф. Я. Полянского) // Гуманитарное измерение меняющегося мира: Материалы IV Фестиваля гуманитарных наук. Иваново, 2002. С. 141–149.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

2003

83. А. Д. Люблинская и кафедра истории средних веков ЛГУ 1940–1950-х годов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2003. Вып. 4. С. 9–26.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

84. Д. М. Петрушевский и его научное наследие // *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. СПб., 2003. С. 5–30.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

85. Г. Л. Курбатов — историограф // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 106–108.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

86. [Рец.]: Пашин С. С. Перемышльская шляхта второй половины XIV – начала XV вв. // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2003. Вып. 3. С. 218–222.

2004

87. Георгий Львович Курбатов (1929–2003) // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2004. Т. 3. С. 543–553.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

88. К истории изучения творческой биографии Ф. И. Успенского // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2004. Вып. 35. С. 255–264.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

89. О. А. Добиаш-Рождественская как историк крестовых походов // Византия и Запад: Тезисы докладов XVII всероссийской научной сессии византинистов. М., 2004. С. 102–106.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

90. О. Л. Вайнштейн и его «Историография средних веков» // Мавродинские чтения: 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб., 2004. С. 136–138.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

91. Петроградско-ленинградский период жизни и творчества акад. Ф. И. Успенского // Россия—Крым—Балканы: Диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 348–350.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

92. Федор Иванович Успенский (1845–1928) // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2004. Т. 3. С. 583–600.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

93. [Рец.]: Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 353–357.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

2005

94. [Подг. к публ.]: Бенешевич В. Н. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Русско-византийской комиссии Академии наук // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 6. С. 310–321.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

95. Первый заведующий: (Из прошлого кафедры истории средних веков ЛГУ) // Там же. С. 3–14.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

96. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX века // *Albo dies notanda lapillo*: Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 173–193.

(в соавт. с Л. М. Аржаковой)

97. Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 102–126.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

98. Ф. И. Успенский и Петербургский университет // История и культура: Актуальные проблемы. СПб., 2005. С. 238–245.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

99. Французский абсолютизм и советская историческая наука // Европа: Международный ежегодник. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 212–218.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

2006

100. К спорам о феодализме // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2: История. Вып. 2. С. 101–106.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

101. О. А. Добиаш-Рождественская о проблеме крестовых походов и идейная цензура 1930-х годов // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 247–289.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

2007

102. К творческой биографии А. Д. Люблинской // Старая Европа: Очерки истории общества и культуры. СПб., 2007. С. 306–314.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

103. Несостоявшиеся зарубежные поездки 1927–1928 гг.: (Из материалов к научной биографии акад. Ф. И. Успенского) // ВИД. СПб., 2007. Т. XXX. С. 440–446.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

104. [Рец. на кн.]: Аксенова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2006 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1–2. С. 148–152.

(в соавт. с Л. М. Аржаковой)

2008

105. *Cathedra Medii Aevi*: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008. 125 с.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

106. К вопросу об освещении в польских учебниках польско-российских взаимоотношений XIX–XX веков // *Od Rusi Kijowskiej do Rosji współczesnej: Stan stosunków polsko-rosyjskich w obowiązujących podręcznikach do liceów i szkół wyższych*. Wrocław, 2008 (Wrocławsko-Petersburskie spotkania historyczne. Nr 1). S. 43–56.

(в соавт. с Л. М. Аржаковой)

107. Университетские учебники и довоенная кафедра истории средних веков // *История: Мир прошлого в современном освещении*. СПб., 2008. С. 571–580.

(в соавт. с Г. Е. Лебедевой)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«RELIGION UND INTEGRATION IN DER MOSKAUER RUS»
VOM 14. BIS ZUM 17. JAHRHUNDERT:
KONZEPTE UND PRAKTIKEN, POTENTIALE UND BEGRENZUNGEN»**

1–3 мая 2008 года в г. Киле (Германия, Шлезвиг-Гольштейн) в Университете Христиана-Альбрехта прошла международная научная конференция, посвященная истории церкви и религиозных практик в Московской Руси XIV–XVII веков. В ней приняли участие более 20 ученых из Германии, Великобритании, США, России, Франции.

На конференции были заслушаны доклады, посвященные различным аспектам проблематики изучения московской религиозной культуры. Назовем темы некоторых



Выступление в дискуссии П. А. Бушковича

из них: М. Кром (Санкт-Петербург) рассказал о связи религиозных дискурсов с дискурсами политической и социальной практики Российского государства в XVI веке. Р. Мартин (Лондон) проанализировал практику коммемораций и особенности трактовки династической преемственности в Московском государстве. К сходной теме — практика донаторов и коммеморации в Русской средневековой православной церкви — обратился и Л. Штайндорф (Киль). А. Павлов (Санкт-Петербург) рассмотрел проблему церковной иерархии в системе государственной власти в России в конце XVI – начале XVII века. В. Назаров (Москва) проанализировал сходную тему на материалах Государева двора (религия как инструмент интеграции знати в привилегированные слои княжеств

Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв.). П. Бушкович (Йель) обратился к проблеме отношений христианства и ислама в XVI в. и месту в ее разрешении доктрины Руси как «Нового Израиля».



О близких к последним сюжетам размышлял в своем докладе — «Ислам в России в XVI–XVII вв.» — молодой историк Б. Рахимзянов (Казань). А. И. Филюшкин (Санкт-Петербург) поставил проблему: каковы были принципы влияния религиозного фактора на российскую внешнюю политику в XVI веке? Были ли это ксенофобия, толерантность или прагматизм? Всеобщий интерес вызвал

Выездная сессия конференции в Любеке. (Слева направо:) П. Седов, Л. Штайндорф, В. Назаров, А. Алексеев

доклад П. Седова (Санкт-Петербург), посвященный историко-антропологической проблематике — восприятию времени в России XVII века.

Материалы конференции будут опубликованы.

А. И. Филюшкин

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ»

В рамках традиционного для многих славянских стран празднования 24 мая Дня славянской письменности и культуры в Твери проходила Международная научно-практическая конференция «Славянский мир: общность и многообразие» (22–23 мая 2008 г.). Такие конференции, напомним, уже на протяжении ряда лет проводятся поочередно в разных городах России, в свое время они проходили в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Коломне и других городах.

Устроителями нынешней конференции выступили Министерство культуры Российской Федерации, Московская патриархия, Институт славяноведения РАН, Московская духовная академия, а также — помимо этих, традиционных для Дней славянской письменности и культуры организаторов, — местные (областная и городская) властные структуры, Тверская и Кашинская епархии, и, конечно, Тверской государственный университет. В Оргкомитет конференции вошли руководители светских и духовных учебных и научных центров (ректор Тверского государственного университета, директор Института славяноведения РАН, ректор Московской духовной академии, Патриарший наместник Московской епархии, правящий архиерей Тверской епархии, декан исторического факультета Тверского государственного университета).

На конференцию съехались как филологи, так и историки из многих научных и учебных центров России, Белоруссии, а также ученые из Сербии, Македонии, Польши, Словакии и Болгарии. Программа конференции оказалась весьма насыщенной. Первый из двух дней был полностью отдан под пленарное заседание. Его открыл губернатор Тверской области, затем прозвучали приветственные слова министра культуры РФ, ряда иерархов Русской православной церкви, а также представителей иностранных делегаций, в числе которых выступили как светские (ректор Великотырновского университета свв. Кирилла и Мефодия П. Легкоступ), так и церковные деятели.

Среди пленарных докладов внимание слушателей привлекло эмоциональное и вместе с тем содержательное выступление протоиерея Дмитрия Калезича, профессора Белградского университета: «Святой Кирилл-Константин — священное или гражданское лицо?» В нем развивалась тема, которая вообще доминировала на пленарном заседании, — докладчик подробно говорил о роли, какую сыграли свв. Кирилл и Мефодий в деле утверждения письменности в славянских землях.

Живой интерес у слушателей вызвал доклад доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Н. Н. Запольской «Общеславянский язык: лингвистические представления XVII века», посвященный главным образом одной из самых загадочных фигур славянской истории раннего Нового времени — Юрию Крижаничу. Интерес к выступлению был тем более велик, что докладчица принимала непосредственное участие в подготовке факсимильного издания трактата Крижанича «Объяснение сводное о письме славянском», рукопись которого хранится в Государственном архиве Тверской области. Выход этого уникального издания, подготовленного под руководством профессора Тверского государственного университета И. Г. Воробьевой, был приурочен ко Дням славянской письменности и культуры (рецензию на «Тверскую рукопись Крижанича» см. в этом же номере, С. 186–188).

Наиболее заметным среди выступлений на вечерней части пленарного заседания стал доклад старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН Г. П. Мельникова «История славянских культур: актуальные проблемы», в котором была принята плодотворная попытка проанализировать причины нынешних трудностей при исследовании истории славянской культуры.

Во второй рабочий день конференции прошли секционные заседания. Работало девять секций, где рассматривались актуальные проблемы славяноведения в филологическом и историческом контексте. Чтобы дать представление о масштабе проводимых в Твери мероприятий, перечислим хотя бы некоторые из секций.

Секция 1: «Славянское единство в прошлом и настоящем» — сопредседатели: директор Института славяноведения РАН профессор К. В. Никифоров; профессор Тверского государственного университета И. Г. Воробьева.

Секция 2: «Славянские языки: проблемы преподавания и функционирования» — сопредседатели: профессор Т. И. Вендина, Институт славяноведения РАН; доцент Тверского государственного университета Л. Н. Новикова.

Секция 3: «Славянская словесность в контексте мировой культуры» — сопредседатели: ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН В. А. Хореев; доцент Тверского государственного университета М. Л. Логунов. Именно вторая и третья секции собрали наибольшее число участников.

Ряд секций в основном был ориентирован на более локальную тематику, например: Секция 4: «Святыни Тверского края»; Секция 6: «Славянские древности Верхнего Поволжья: история и археология»; Секция 7: «Единство и многообразие православия».

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций и конференции в целом.

Материалы конференции будут опубликованы в «Славянском альманахе» (Институт славяноведения РАН) и в изданиях Тверского университета.

Л. М. Аржакова

**ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ:
КАТОЛИЦИЗМ, ПРАВОСЛАВИЕ, ПРОТЕСТАНТИЗМ, ИУДАИЗМ И ИСЛАМ.
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ»**

29 июня – 13 августа 2008 г. под Санкт-Петербургом, в поселке Рошино, состоялась летняя школа «Европейские религиозные традиции: католицизм, православие, протестантизм, иудаизм и ислам: Общее и особенное». Она была организована историческими факультетами МГУ и СПбГУ и осуществлена при финансовой поддержке Центрально-Европейского университета (Будапешт). В школе приняли участие 25 преподавателей истории и религиоведения из России, Украины, Беларуси и Казахстана, а также семь лекторов, которые читали вводные доклады по той или иной затрагиваемой проблеме. М. В. Дмитриев (МГУ), А. И. Филюшкин (СПбГУ), Л. В. Тимошенко (Дрогобычский университет) читали лекции по православным обществам Московской и Литовской Руси и судьбам православия в Восточной Европе в XV–XVII вв.; курсы Д. А. Польшанного (Ивановский университет) были посвящены анализу конфессиональной ситу-

ации на Балканах; Н. Лёмэтр (Париж - 1, Сорбонна) — спорным вопросам по истории католицизма и протестантизма в эпоху Реформации; курсы Р. М. Шукурова (МГУ) и А. Б. Ковельмана (ИСАА МГУ) — исламу и иудаизму соответственно. В центре внимания участников школы находилась Восточная, Юго-Восточная и Центральная Европа; исламский Восток, Западная Европа (представленная в докладах Н. Лёмэтр историей Франции) заняли второстепенное место.

Участники школы подходили к темам семинаров, круглых столов и дискуссий с вне-конфессиональных и вне-национальных позиций. Это предполагало, что все религиозные феномены мировой культуры рассматривались как естественно-культурные (а не сверхъестественные) реалии.

Летняя школа в Рощино является частью трехлетнего проекта, цель которого — развитие современных компаративистских и междисциплинарных подходов в университетском преподавании и изучении истории европейских религиозных традиций (христианства, иудаизма и ислама). В будущем намечено провести еще две двухнедельные школы, а также несколько трехдневных семинаров.

Предполагается, что каждый участник проекта в течение каждого года подготовит как минимум один (то есть в общей сложности к концу 2010 г. как минимум три) проект курса (*syllabus*), который будет преподаваться в том или ином учебном заведении.

Организаторы проекта поставили перед собой четыре проблемы: продемонстрировать особенности трех христианских (католицизма, православия и протестантизма),



Участники летней школы «Европейские религиозные традиции»

иудейской и исламской религиозных традиций, показать влияние религий на основные стороны человеческой жизни (социальную, культурную, политическую и экономическую), разобрать проблематику в перспективе «большой длительности», *temps de la longue durée* (каким образом и насколько религиозные традиции Европы повлияли и влияют на современное развитие европейских обществ?) и, наконец, рассмотреть взаимодействие христианских деноминаций, а также христианства, ислама и иудаизма на протяжении всей истории.

Организованные во время школы семинары и круглые столы велись вокруг следующих тем: миряне и духовенство, Церковь и государство, священные тексты и отношение к ним верующих, эсхатология и восприятие смерти. Каждая конфессия рассматривалась с точки зрения того или иного гранд-нарратива, создававшегося вокруг вопроса об эпистемологии, гносеологии, антропологии и сотериологии.

Основным лейтмотивом школы стало сравнение исторического опыта двух главных конфессионально-культурных ареалов Европы: «латинского» и «православно-византийского». Дискуссия разгорелась вокруг выбора языка описания религиозных традиций православных обществ Византии, Восточной Европы и отчасти Балкан. По мнению М. В. Дмитриева, в восточном и западном христианстве представления по целому ряду вопросов (перечисленных выше) формировались и осмысливались по-разному в зависимости от конфессионально-культурных особенностей соответствующих религиозных традиций; следовательно, инструментарий, применимый к латинскому Западу и прочно вошедший в историографическую религиозноведческую традицию, не может быть отнесен к византийско-православным религиозным традициям. Подобное критическое отношение к традиционным методикам, вероятно, было вызвано критическим отношением к созданному в период Просвещения и сциентизма языку западноевропейской науки. Следует отметить, что сравнение православных и католических традиций шло не в пользу последних; гуманистический потенциал западноевропейских культур имплицировался на традиции православного Востока, которым, по мнению М. В. Дмитриева, этот потенциал был изначально присущ.

С другой стороны, как показывали в своих докладах Р. М. Шукуров и А. Б. Ковельман, ислам и иудаизм, как и христианство, опирались на общее для них античное наследие.

Дискуссия бурно велась вокруг роли и места религии в Московском государстве. М. В. Дмитриев исходил из положения о неразрывности государственных и церковных интересов. А. И. Филюшкин пытался доказать, что в политике Московского государства значительное место занимали практические соображения, которые иногда шли вразрез с религиозными предпочтениями, а также пытался показать, что, исследуя историю того или иного государства, следует уделять внимание не только часто кажущимся абстрактными религиозным представлениям, но и практике, — в социальной и политической жизни люди не всегда следовали религиозным идеалам.

Религиозные традиции должны рассматриваться с помощью междисциплинарных методов. В этом плане большое место было отведено новым направлениям в изучении истории религиозных традиций и обществ: иеротопии (изучение сакральных пространств) и процесса конфессионализации. Участниками школы были не только историки, но и философы. В результате разговоры о религиозных традициях были обогащены обращением к целому ряду методик: сравнительно-исторической, антропологической и проч.

По итогам школы предполагается создать сайт, где будут размещены материалы курсов, а также дискуссии по поднятым вопросам. В результате будет создано неформальное сообщество специалистов, которые будут поддерживать связи и «продвигать» проблематику проекта в своих исследованиях, университетском, вузовском и школьном преподавании.

А. Шпирт

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В МИНСКЕ

Трудно найти в летние месяцы отпуска время для творчества и общения с коллегами, но все же с 18 по 23 августа 2008 г. в Минске (Беларусь) нашлось немало желающих поучаствовать в летней школе молодых историков Беларуси и России – 2008 «Ливонская война 1558–1583 гг. в исторических судьбах восточного славянства». Тематика летней школы была посвящена широкому спектру проблем развития региона Восточной Европы в XVI в.

Форум историков-медиевистов был организован на базе кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы при поддержке фонда «Русский мир». К участию в школе были приглашены белорусские и российские историки, чьи научные интересы касаются региона Восточной Европы. В роли экспертов были приглашены сотрудники ведущих научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и Минска, а слушатели летней школы представляли Белорусский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет, Республиканский институт высшей школы, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, а также Белорусскую государственную академию искусств, Полоцкий государственный университет и др. Среди участников было 5 докторов наук, 15 кандидатов наук, 7 магистров из союзных государств.

В открытии приняли участие советник посольства Российской Федерации А. С. Ломакин и первый проректор Республиканского института высшей школы В. И. Дынич. С вступительным словом выступил директор школы А. В. Мартынюк.

Каждый из шести насыщенных дней работы летней школы, по замыслу организаторов, был посвящен отдельным проблемным темам истории Восточной Европы. Первыми брали слово эксперты, доклады которых были посвящены новым подходам

в изучении региона; затем свои исследовательские проекты представляли молодые историки.

Первый день был посвящен проблемам развития исторической науки в Беларуси и России, где своими взглядами обменялись А. Л. Хорошкевич (Институт славяноведения РАН) и В. А. Сосно (Белорусский государственный университет), выступив с докладами: «Русская, украинская и белорусская историография изучения Метрики Великого княжества Литовского: итоги и перспективы» и «Истоки и современное состояние белорусской историографии», соответственно. Тема второго дня была заявлена как «Восточная Европа на пороге Нового времени». Тематика, затронутая в докладах Г. Я. Голенченко (Институт истории НАН Беларуси) «Государственность Великого княжества Литовского: проблемы методологии» и П. А. Лойко (Белорусский государственный университет) «Великое княжество Литовское между Россией и Польшей после Люблинской унии», вызвала оживленную дискуссию. День третий был посвящен непосредственно актуальным проблемам изучения Ливонской войны и ее роли в судьбах восточного славянства. Со своими докладами на темы «Немецкая Ливония и балтийские народы — плодотворный симбиоз или плата за цивилизацию?» и «Неиспользованные шансы реванша: Великое княжество Литовское в конце Ливонской войны 1558–1570 гг.» выступили О. И. Дзярнович (Институт истории НАН Беларуси) и А. Н. Янушкевич (БИП — Институт правоведения), соответственно. День четвертый был отдан историческому источнику, где были озвучены мнения об архивном комплексе *Moscovitica-Ruthenica* (О. И. Дзярнович, Институт истории НАН Беларуси). О перспективах российско-белорусского проекта переиздания «Полоцких грамот» рассказала А. Л. Хорошкевич (Институт славяноведения РАН). Пятый день начался с выступления Н. В. Николаева (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург) на тему «Книжная культура Великого княжества Литовского XVI–XVII вв. и ее историография XXI столетия», которое превратилось в своеобразный мастер-класс для молодых историков. Затем участники школы выехали в местечко Мир, где в камерных условиях замка XVI в. Л. В. Левшун (Институт белорусского языка и литературы НАН Беларуси) выступила с докладом на тему «Культура западнорусских земель в условиях уний XIV–XVII вв.». Последний шестой день был посвящен проблемам этноконфессиональной истории восточнославянских народов. С докладами выступили Г. Я. Голенченко (Институт истории НАН Беларуси) «Этноконфессиональные категории Великого княжества Литовского в контексте современной историографии», С. С. Лукашева (Институт славяноведения РАН) «Документы православных братств как массовый источник по истории Беларуси» и В. А. Теплова (Белорусский государственный университет) «Брестский церковный собор и Брестский церковный синод 1596 г.: вопросы экклезиологии».

Широкий спектр исследовательских направлений представили молодые историки. Свои выступления озвучили А. Н. Стебурако (Национальная библиотека Беларуси), С. В. Полехов (Московский государственный университет), А. В. Казаков (Белорусский государственный технологический университет), Л. Ю. Казаков и Е. В. Демидович (Белорусский государственный университет), Ю. Ф. Устинович (Республиканский институт высшей школы), В. А. Подолинский (Белорусский государственный экономический университет), В. В. Якубов (Полоцкий государственный университет), А. А. Любая и О. Г. Голубев (Республиканский институт высшей школы), В. Н. Тему-

шев (Институт истории НАН Беларуси), а в последний день самая ответственная роль досталась В. К. Савченкову (Санкт-Петербургский государственный университет).

Подведение итогов показало, что на сегодняшний день историческая наука в Беларуси и России развивается в направлении переоценки ранее устоявшихся штампов в отношении событий исторического прошлого региона Восточной Европы. Доклады молодого поколения историков свидетельствуют о принятии новых ценностных норм при рассмотрении актуальных проблем. Трудно переоценить также то значение, которое имели для участников оживленные дискуссии, живое общение в перерывах, возможность личного знакомства. Предполагается, что наиболее интересные доклады будут представлены в сборнике «*Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*». Все без исключения высказали пожелание: «Школе быть!»

А. В. Любый

**11-я ГЕНЕРАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПО АРМЕНИСТИКЕ
11ÈME CONFÉRENCE GÉNÉRALE
DE L'ASSOCIATION INTERNATIONALE DES ETUDES ARMÉNIENNES**

С 10 по 12 сентября 2008 г. в Париже (в Сорбонне) состоялась 11-ая Генеральная конференция Международной ассоциации по арменистике. Она была организована Национальным институтом языков и цивилизаций Востока, Париж (Institut National des Langues et Civilisations Orientales (INALCO), Paris) совместно с Французским колледжем (Collège de France) и Обществом арменоведов, Париж (Société des Etudes Arméniennes, Paris).

Конференция состоялась при участии и активной поддержке крупнейших академических центров и армянских общественных организаций Франции, а также международных благотворительных фондов. Среди них: Université Paris IV (Paris-Sorbonne); Croix Bleue des Arméniens de France; Union Générale Arménienne de Bienfaisance; Fondation Calouste Gulbenkian; Fondation des Frères Ghoukassiantz (Genève-Vaduz); Fondation Armenia (Genève).

В ученый совет конференции вошли известные арменоведы Западной Европы. Среди них Valentina Calzolari (Université de Genève), Théo M. Van Lint (Oxford University), Bernard Coulie (Université Catholique de Louvain, Louvain-la-Neuve-Belgique), Raymond Kevorkian (Institut français de Géopolitique Université Paris 8), Guisto Traina (Université de Rouen, Rouen-France), Boghos Levon Zekiyani (Università Ca' Foscari, Venezia et Institut Pontifical Oriental, Rome), Aldo Ferrari (Università Ca' Foscari, Venezia) и многие другие.

Форма работы конференции включала в себя пленарные и секционные заседания, на которых председательствовали как вышеперечисленные ученые, так и другие авторитетные арменоведы, например, Vladimir Barkhudaryan (National Academy of Sciences of Armenia), Peter Cowe (University of California, LA), Nina Garsoian (Columbia University), Richard Hovanissian (University of California, LA), Michael Stone (Hebrew University), Robert



Thomson (Oxford University). Форма работы включала в себя также заседания Генеральной ассамблеи Международной ассоциации по арменистике (президент — Valentina Calzolari, почетный президент — Michael Stone). В ходе работы конференции были представлены научные доклады по различным аспектам современной арменистики. Это — история и филология, источниковедение и историография, философия и история религии, культура и

этнография Армении, а также сопредельных стран Ближнего и Среднего Востока и Южного Кавказа.

В работе конференции приняли участие около 110 арменоведов и востоковедов (в том числе ректоры вузов, директора научно-исследовательских институтов, деканы факультетов и заведующие кафедрами) из крупнейших академических центров мира. География участников охватывала Армению, страны ЕС (в их числе Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Испания, Италия, Латвия, Нидерланды, Франция и Чехия), Израиль, Канаду, Россию, США, Турцию и Швейцарию.

Российскую Федерацию представляла группа молодых московских ученых, а также единственный участник из Санкт-Петербурга — доцент исторического факультета СПбГУ, канд. ист. наук А. К. Шагинян — с научным докладом на тему «Границы и административно-территориальное деление арабской провинции Арминия по мусульманским первоисточникам» (на арм. яз., резюме — на англ.). (Рабочими и официальными языками конференции были французский, армянский, английский и итальянский.) Докладчик предложил внести уточнения во внешние и внутренние границы арабской провинции Арминия в случае переиздания современных академических атласов по истории Армении. Речь шла о следующих изданиях: 1) *Mutafian C. & Lauwe E., van.* Atlas historique de l'Arménie: Proche-Orient et Sud-Caucase du VIII^e siècle av. J.-C. à XXI^e siècle. Paris, 2001; 2) *Арутюнян Б.* Атлас истории Армении. Ч. 1. Ереван, 2004 (на арм. яз.). Присутствующие на конференции авторы этих атласов, а также авторитетные ученые согласились с такими предложениями петербургского востоковеда. Научная новизна доклада А. К. Шагиняна заключалась также в том, что ему удалось уточнить площадь арабской провинции Арминия и всех ее административных единиц.

Интерес к арменоведению сегодня далеко не случаен. Армяно-европейские политические, экономические, научные и культурные связи диктуют необходимость коорди-

нации усилий арменоведов, обмена опытом и результатами научных исследований. Данная Международная конференция, безусловно, послужила упрочению и развитию сотрудничества между востоковедами-арменоведами из различных стран мира, которые приняли участие в ее работе; их встречи в будущем станут более регулярными.

Всем участникам конференции был предложен пакет информационных материалов, включающий программу конференции, сборник тезисов докладов, справочник со сведениями об участниках, информационные материалы и буклеты о деятельности вуза — организатора конференции — INALCO. Было представлено также периодическое издание: *Revue du monde arménien modern et contemporain*. Т. 1–6. Paris, 1994–2001, в котором публикуются важные научные статьи и сообщения известных арменоведов мира, в частности членов Общества, публикуются рецензии на статьи и монографии по арменистике, уделяется также место хронике западноевропейской и мировой арменистики.

Культурная программа конференции включала в себя посещение базилики Saint-Denis, где среди французских королей покоится прах последнего армянского короля Левона V Лузинида (1374–1375). Подготовка конференции и результаты ее работы были освещены в Интернете, а также в СМИ, в том числе Panarmenian TV.

А. К. Шагинян

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ПОДДАННЫЕ:
КРИТЕРИИ И ПРАКТИКИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИМПЕРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ»**

К очередному заседанию Российско-литовской комиссии в Вильнюсе Институтом истории Литвы была организована Международная научная конференция «Российская империя и ее подданные: критерии и практики идентификации имперского населения». Она состоялась 16–18 сентября 2008 года. В ней приняли участие более 20 ученых из Литвы, России, Израиля, Германии, Эстонии, Финляндии.

Ядром российской делегации был редакционный коллектив научного журнала «*Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*». Его представители рассказали о своих исследованиях в рамках проектов по изучению феномена империи. В основном они были посвящены изучению имперских моделей социальной инженерии. Это доклады: И. Герасимова (Казань) «Из русских в крестьяне — из крестьян в нацию»: проекты социальной инженерии в империи и

стратегии информационного пространства»; М. Могильнер (Казань) «В поисках модели имперского гражданства и имперского социума: социальная и санитарная антропология в позднеимперской России»; А. Семенова (Санкт-Петербург): «Рационализация политического пространства империи: этничность и территория в формировании Конституционно-демократической партии». К этой же тематике можно отнести доклад Е. Вишленковой (Казань) «Визуальная антропология России XVIII в.: стратегии типизации подданных».

Большой интерес и глубокое обсуждение вызвали доклады, посвященные различным аспектам идентичности населения так называемого Западного края Российской империи. Это выступления:

З. Медишаускене (Вильнюс) «От политической к культурной идентичности: на примере Западного края»; М. Долбилова (Санкт-Петербург) «“Западная Россия” / “западнорус” — несостоявшиеся категории идентификации имперского населения (1860-е гг.)»; Д. Сталюнаса (Вильнюс) «“Лица польского происхождения и католического исповедания” в национальной политике Российской империи» и др. Некоторые сообщения были посвящены аспектам национальной политики Российской империи, например:

А. И. Филюшкина (Санкт-Петербург) «В начале империи: в каких категориях осмыслялось присоединение новых земель в XV–XVI веках?»; К. Бруггеманна (Люнебург / Таллинн) «Православные эстонцы и латыши как фактор сближения православного края с Россией»; В. Левина (Иерусалим) «Еврейская и мусульманская политика в последнее десятилетие царской империи»; О. Минкиной (Санкт-Петербург) «Выборы еврейских депутатов в Вильнюсе в 1818 году: проект власти и “домогательства” евреев» и др.

Материалы конференции будут опубликованы.

А. И. Филюшкин



И. Герасимов и З. Медишаускене

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И ЕГО ТРАДИЦИЯ:
СУДЬБЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАРРАТИВОВ»
(ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ ЗЕНОНАСА ИВИНСКИСА)**

20–22 ноября в Вильнюсском университете состоялась Международная научная конференция литуанистов, посвященная изучению историографии Великого княжества Литовского и особенностям национальных нарративов. В ней приняли участие более 30 ученых из Литвы, России, Украины, Польши, Беларуси, Германии, Франции.

Проблема наследников исторической памяти Великого княжества Литовского и позиции национальных нарративов были обозначены в пленарных докладах: А. Бумблаускаса (Вильнюс) «Europa Środkowo-Wschodnia, ULB i WKL: region historyczne i współczesne»; Н. Яковенко (Киев) «Rzeczpospolita Trojga Narodów: семантика территории взглядов из Киева»; В. Носевича (Минск): «Наследие Великого княжества Литовского в исторической памяти современных белорусов»; М. Крома (Санкт-Петербург) «Великое княжество Литовское в российской историографии XIX – XX вв.».



В дальнейшем работа проходила в нескольких последовательно сменявших друг друга секциях: «Мультикультурность Великого княжества Литовского и интеграционные процессы», «Формирование национальных историографий и “раздел” наследия ВКЛ в XIX – первой половине XX в.», «Наследие Великого княжества Литовского в современной политике, истории и исторической культуре», «Великие европейские исторические нарративы и Зенонас Ивинскис». Завершилась конференция круглым столом: «Идеи культурной реституции ВКЛ».

Основная проблематика, которая обсуждалась на конференции, — соотношение научной историографии и национальной истории, национального нарратива. Участники справедливо указывали, что именно национальный нарратив востребован обще-

Вильнюсский университет. Зал, где работала конференция

ством и отвечает задачам текущего момента: политического, культурного, национального строительства в молодых европейских демократиях. Однако оценки данного обстоятельства были разными. Часть белорусских историков откровенно придерживается позиции, что история должна обслуживать запросы власти и общества, а «чистая наука» никому не нужна (на эту тему очень эмоционально выступал В. Носевич). Тема ВКЛ здесь особенно актуальна для белорусов, поскольку тесно связана с поисками ими своей исторической идентичности.

Между тем российские, украинские, немецкие, а также литовские коллеги с такой постановкой вопроса были категорически несогласны. Как отметил в своем выступлении «Великое княжество Литовское как разбитое зеркало в современной историографии» А. И. Филлошкин (Санкт-Петербург), историю как науку необходимо отделять от дискурсивной, политической и культурной практики. Только тогда история как наука может быть результативной

и объективной (насколько это вообще для истории возможно). Продуктивное изучение ВКЛ возможно только в рамках международного научного коллектива, который сможет подняться над дискурсами национальных нарративов.

Подобные конференции проводятся не впервые — достаточно назвать аналогичные в Гродно (2003) и Вильнюсе (2006), материалы которых опубликованы¹.

Однако пока остро стоит проблема наследников исторической памяти Великого княжества Литовского, данная проблема, по-видимому, будет оставаться одной из наиболее актуальных в литуанистике.



Зам. директора Института истории Литвы Д. Сталюнас

А. И. Филлошкин

¹ Вялікае княства Літоўскае: Гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: Матэрыялы міжнароднага круглага стала (16–18 мая 2003 г., г. Гродна) = Grand Duchy of Lithuania: history of research, 1991–2003 / Рэдкал. С. Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006; Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir Paveldo «Dalybos». Vilnius, 2008.

Список сокращений

- АЕ** — Археографический ежегодник
- БАН. НИОР** — Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей (Санкт-Петербург)
- ВВ** — Византийский временник
- ВДИ** — Вестник древней истории
- ВИ** — Вопросы истории
- ВИД** — Вспомогательные исторические дисциплины
- ВИИНЈ** — Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955. Т. I / Обрадили Ф. Баришић и др.; Београд, 1959. Т. II / Обрадио Б. Ферјанчић
- ВКЛ** — Великое княжество Литовское
- ГАЗ** — Гістарычна-археалагічны зборнік (Мінск)
- ЗРВИ** — Зборник радова Византолошког института (Београд)
- ИЧ** — Историјски часопис (Београд)
- ЛГПИ им. А. И. Герцена** — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
- ЛГУ** — Ленинградский государственный университет
- МГУ** — Московский государственный университет
- НИИ** — Новая и новейшая история
- ОР РНБ** — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ПВЛ** — Повесть временных лет
- ПСРЛ** — Полное собрание русских летописей
- РА** — Российская археология
- РГБ. НИОР** — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (Москва)
- СА** — Советская археология
- СВ** — Средние века
- Свод. Т. I** — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: (I–VI вв.) / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М., 1991.
- Свод. Т. II** — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II: (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995.

- СПбГУ** — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбИИ РАН. НИА — Санкт-Петербургский институт истории РАН. Научно-исследовательский архив
СПбФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СС — Советское славяноведение
УЗ ВГПИ — Ученые записки Великолукского государственного педагогического института
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских (Москва)
АНУ БиН — Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine
AV — Arheološki vestnik (Ljubljana)
BF — Bizantinische Forschungen (Amsterdam)
BZ — Byzantinische Zeitschrift (Leipzig; Berlin; München)
BZH — Białoruskie Zeszyty Historyczne (Białystok)
ČČH — Český časopis historický (Praha)
DAI — Константин Багрянородный. De administrando imperio
Documenta — Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr. F. Rački. Zagreb, 1877.
DOP — Dumbarton Oaks Papers (Washington)
EEQ — East European Quarterly
EME — Early Medieval Europe
ERS — Ethnic and Racial Studies (London; New York)
GZM БиН — Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine (Sarajevo)
HAZU (JAZU) — Hrvatska (Jugoslavenska) akademija znanosti i umjetnosti (Zagreb)
HC — Historicky casopis (Bratislava)
HUS — Harvard Ukrainian Studies
HZ — Historijski zbornik (Zagreb)
JGO — Jahrbucher Geschichte Osteuropas
JIČ — Jugoslovenski istorijski časopis (Ljubljana; Zagreb; Beograd)
KH — Kwartalnik Historyczny
MGH SRG — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi
MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (in folio)
MPH — Monumenta Poloniae Historica
Rad HAZU (JAZU) — Rad Hrvatske (Jugoslavenske) akademije znanosti i umjetnosti (Zagreb)
RR — Russian Review
SA — Slavia Antiqua. Poznań

Список сокращений

SHP — Starohrvatska prosvjeta

SPFFBUE — Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské university. Řada archeologicko-klasická (Brno)

SRP — Scriptores Rerum Prussicarum

VAHD (VAPD) — Vjesnik za arheologiju i historiju (povijest) dalmatinsku (Split)

ZČ — Zgodovinski časopis (Ljubljana)

Сведения об авторах

Алимов Денис Евгеньевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. aljimov@mail.ru

Аржакова Лариса Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. larjak@mail.ru

Барфорд Пол — независимый исследователь (Польша). pbarford@pro.onet.pl

Дзино Дэниел — Ph. D., научный сотрудник Университета Аделаиды (Австралия). daniel.dzino@adelaide.edu.au

Дмитриев Михаил Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета, руководитель Центра украинистики и белорусистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Центрально-Европейского университета (Будапешт). dmitrievm@ceu.hu

Жих Максим Иванович — выпускник кафедры истории России с древнейших времен до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. max-mors@mail.ru

Иванов Сергей Аркадьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор Отделения византийской и новогреческой филологии кафедры общего языкознания факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. s.ark.ivanov@gmail.com

Кибинь Алексей Сергеевич — аспирант кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. kibin1985@list.ru

Курга Флорин — Ph. D., профессор Университета Флориды (США). fcurta@history.ufl.edu

Мужич Иван — доктор права (h. c.), независимый исследователь (Хорватия). imuzichr@yahoo.de

Любый Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, и. о. заведующего кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (Беларусь). liuby@list.ru

Плетерский Андрей — доктор археологических наук, доктор исторических наук, научный советник Института археологии Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств в Любляне, профессор Отделения археологии философского факультета Люблянского университета (Словения). pleterski@zrc-sazu.si

Польвянный Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. dipol53@mail.ru

Попов Вадим Евгеньевич — студент III курса исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. terekhovsky@mail.ru

Тодоров Борис — Ph. D., преподаватель Университета Йонсей (*Yonsei University*) в Сеуле (Южная Корея). btodorov@yonsei.ac.kr

Филошкин Александр Ильич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. ilich_fil@mail.ru

Шагинян Арсен Карапетович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. a_shaginyan@mail.ru

Шпирт Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, секретарь Центра украинистики и белорусистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. futesas@gmail.com

Шувалов Петр Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Отделения византийской и новогреческой филологии кафедры общего языкознания Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. peshuv@gmail.com

Ivanov S. A. «In the shadow of Justinian's forts»? F. Curta and paradoxes of the early Slavs' ethnicity // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 5-12.

In the paper F. Curta's conception concerning the early Slavs' ethnicity is exposed to critical consideration. In the author's opinion, though F. Curta's book contains the idea that the ethnic name «Slavenes» is an invention of the Byzantines, no answers were offered to questions who has invented it in Byzantium, how and what for this has been done and what way it has suggested to the Slavs themselves. The author believes that in this conception the instrumentalist approach was carried to an absurdity.

Shuvalov P. V. The invention of the problem (on Florin Curta's book) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 13-20.

In the paper the explanation of the making of Slavic ethnicity proposed by Florin Curta is exposed to criticism. Author considers some Curta's conclusions to contradict to the information of Theophylact Symocatta. In author's opinion, there is unclear from Curta's book how could the Byzantines invent the Slavs and what was the mechanism of influence of this Constantinople armchair invention on the population of such a distant frontier region.

Barford P. M. Slavs beyond Justinian's frontiers // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 21-32.

This essay explores some of the issues raised by the concepts contained in Florin Curta's 2001 book, *The Making of the Slavs* for the study of the spread of the Early Medieval Slavic languages over central and eastern Europe. Instead of the culture historical and migrationist explanation of cultural change a processual approach is taken, in which language change is seen as a correlate of other processes. Since the problem is primarily a sociolinguistic one, there seems to be a need for more linguistic research taking as a starting point the new models in historiography which replace the purely migrationist ones. Recent discussion on the origin of 'the Slavs' raises a whole series of important issues not only about the relationship of material culture and identity, but also language and identity, all three seen as social processes. It also highlights the manner in which modern ideological constructs affect the way scholars have interpreted the sources they work with. Barford's text explores some of the implications of Curta's model for central European historiography and some of the models that have previously been proposed to explain the phenomenon.

Pleterski A. On «the Making of the Slavs» from inside // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 33-36.

The paper makes an attempt to find an answer to the question, how the Old Slavs identify themselves. It presents the idea, that the identity of the Old Slavs was connected with the «župa» as territorial, social, economic, juridical, religious unit. The religious language was Slavic. Affiliation to župa was fundamental for survival feeling of people. It is not likely, that whenever existed only one single Slavic identity, but it could be presumed, that there were many local župa's identities with the Slavic religious language.

Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat: new directions in research of identities in late antique and early medieval Illyricum // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 37-58.

D. Dzino's paper deals with the processes of identity constructions in late antique and early medieval Illyricum. The most significant conclusion is that there were two separate processes. The first is the process of acculturation, the indigenous population "becoming Slavs", following the "Slav migrations" of the sixth and seventh century. The second process occurs in the ninth century, after the disintegration of the Avar *gagauate*, the foundation of the Byzantine *thema* Dalmatia and the establishment of the Carolingian empire. The changed political circumstances initiated a formation of more complex political institutions and new identities, such as the Croats, developed in post-Roman Illyricum.

Polyvyanny D. I. The Slavs and the Bulgars in the imperial space of Eastern Rome: problems of distinction // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = *Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 59–64.

The author contributes the discussion on Florin Curta's "The Making of the Slavs" with some observations on the notions of "Slavs" and "Bulgars" in the Byzantine and early Bulgarian sources (in Greek and in Slavonic). He assumes that the notions of Slavs in the early Bulgar and Cyrillo-Methodic written tradition in general do not contradict Curta's hypothesis on the Byzantine origin of the initial Slavic discourse.

Todorov B. A. Byzantine Myths of Origins and Their Functions // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = *Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 64–72.

Boris Todorov's essay points to the risks of trusting Byzantine views of the origins of other nations. It analyzes the changes in the Byzantine perspective on the early past of their Bulgarian neighbors — from the eighth/ninth-century chronicles of Nikephoros and Theophanes, to the late tenth-century *History* by Leo the Deacon, to the polemic works of Demetrios Chomatenos in the 1220s, to the fourteenth-century *Byzantine History* by Nikephoros Gregoras. The origin of a people was continuously re-modeled over time because of the particular aims particular texts pursued. Todorov associates such changes of perspective with the needs of Byzantine diplomacy. Emperors assigned different rulers different dignities depending on the origin of their peoples and the imagined historical continuity of their relations with the empire. The tenth-century compilation known as *De administrando imperio* was a tool for the needs of Byzantine diplomacy. It contains origin stories of various peoples, in Byzantine re-modeling, depending on their contemporary status and in connection with existing disputes. Chapters 29 through 36, discussing the origins of the Slavic polities in the western Balkans, have to be interpreted against the background of tenth-century conjuncture, including the apparent Bulgarian claims for suzerainty over the Serbs. This questions their usefulness for dating the Serbian and Croatian settlement in the Balkans, and even for conceptualizing Serbian and Croatian polities before they appeared in alternative early ninth-century sources.

Mužić I. «*Sklavi(ni)*»-«*Σκλαβηνοί*» and the making of the Croatian nation on the Balkans // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = *Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 73–93.

On the basis of the sources containing the information on migrations to the territory of present-day Croatia (*De administrando imperio* by Constantinus Porphyrogenitus, *Libellus Gothorum*, *Historia Salonitana* by Thomas Archdeacon), the author comes to the conclusion, that the name *Sclavi(ni)* referred basically to polyethnic immigrants to the Balkans. Having summarized the results of anthropological and genetic researches, the author concludes, that the modern Croats are for the most part the descendants of the indigenous population of the Balkans. On the basis of the available sources the original nucleus under the Croatian name can be localized in the hinterland of Liburnia where the Goths continued to live after the gothic-byzantine wars. Liburnia was a region that was to the greatest degree occupied by immigrants from the north — *Sclavini*. The primeval nucleus under the Croatian name, even if it was not itself of gothic ancestry, existed in very close military and political community with the Goths. At the end of the 8th century, or most probably at the beginning of the 9th century, with the help of the Franks, the native Croats occupied a part of the land of the Dalmati, the non-romanized indigenous people of Dalmatia. Thus, the Croatian people has been formed as a new ethnic community in the Balkans by the ethnic merging and social interaction of the warrior units of the *Gotho-Sclavins* coming from the north of Europe, with the numerous indigenous population found in that area.

Alimov D. Y. «Migration» and «conversion»: on the problem of the making of the Croatian ethnicity in Dalmatia // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 39–116.

The paper deals with the problem of the concepts of «migration» and «conversion» of the Croats borrowed by historians from medieval sources, first of all, from Constantinus Porphyrogenitus's treatise, for the study of the making of the Croatian ethnicity in Dalmatia. The conclusion is made that the concepts are not capable, being taken literally, to give an adequate explanation to the processes developed in the territory of Dalmatia in 600–900 A.D. Nevertheless, some data of these sources, such as a mention of the Avars and the Franks, the names of the Croatian chiefs, allow us to outline hypothetically and very approximately a historical context in which Croatian ethnicity was constructed. That is even more important, elements of the Croatian tradition, undoubtedly, reflecting parameters of their identity significant for the Croats allow us to understand to some extent the mechanism of this process. Its essence is that the heterogeneous warrior elite affirmed on the periphery of the Avar qaganate, but separated from the Avars, christianized, but opposed to the Franks, has produced the special identity which has finally allowed it, together with the population of Dalmatia subjected to its authority, to turn both in its own eyes, and in opinion of observers from the outside in what should be called the «Croatian nation».

Kibin' A. S. The Jatviags in 900–1100 A. D.: «the Baltic tribe» or «the coastal brotherhood»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 117–132.

A. Kibin's paper deals with the processes of ethnic constructions in the Upper Niemen river basin and neighbor regions in X–XI. The most significant conclusion is that the Jatviags (Jatvings, Yatviagians, Yotvingians, Jotvingiai and other) were not «the Baltic tribe» but this name evolved in the time: in X–XI this name signified a river trade and warrior bands in the basin of the Upper Nioman, Podlasie and Polesie, but from sources of XIII century appears the image of mental geography structuring a difficult political situation in Baltic societies of the Upper Nioman, Bebrza, Narew, Godap and other river basins of Suwałkia and the Land of Mazurian lakes.

Curta F. The archaeology of identities in Eastern Europe (ca. 500 to ca. 650) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 133–171.

Florin Curta's essay explores the possibilities offered by the introduction of new categories of historical analysis, mainly age and gender, as alternatives to the almost exclusive focus on ethnicity as the only form of identity studied by archaeologists and historians of Russia between the sixth and the mid-seventh century. The examination of selected hoard and burial assemblages (mainly graves of children and women) leads to the conclusion that ethnicity cannot be teased out from the other strands that interact to form social identities. While ethnicity is interwoven with questions of dominance, hierarchy, and social stratification, gender and age divisions can be just as powerful markers of social status. When dealing with issues of identity in Eastern Europe between ca. 500 and ca. 650, the challenge for archaeologists is not to identify the homeland of any one ethnic group, but to take into consideration individuals in the past as self-aware authors of their own social conduct and of the social formations in which they participated.

Curta F. *The Making of the Slavs: between ethnogenesis, invention, and migration* // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balkanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 155–172.

The author of the book «The Making of the Slavs» gives in this paper a detailed commentary to the papers by Sergey Ivanov, Peter Shuvalov, Paul Barford, Andrej Pleterski, Danijel Dzino, Dmitry Polyvianni, Boris Todorov, Ivan Mužić, Denis Alimov and Alexey Kibin' in a context of the problem of the making of Slavic ethnicity.

Zhich M. I. [Maiorov A. V. Velikaia Khorvatia: Etnogenez i rannjaia istoria slavian Prikarpatского региона / Ed. by A. U. Dvornichenko. — SPb.: Publishing House of St.-Petersburg State University, 2006. — 209 p. ISBN 5-288-03948-8] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balcanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 173–178.

The Review of the book about a History of Great Croatia, written by the Russian Professor Alexander Maiorov.

Dmitriev M. V. [Zhuk S. I. Russia's Lost Reformation. Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. — Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2004. — 457 p. ISBN 0-8018-7915-9] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balcanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 179–186.

The Review of the book: Zhuk S. I. Russia's Lost Reformation. Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917 (Washington; London, 2004).

Arzhakova L. M. [Tverskaia rukopis' Yuria Krizhanicha / Coll. I. G. Vorob'eva, V. M. Vorob'ev. — Tver': Satory, 2008. — 224 p.] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balcanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 186–188.

The Review of the new edition of the works of great Croatian scholar Yurij Krizhanich.

Arzhakova L. M. K 85-letnemu yubileu Vladimira Alexandrovicha Jakubskogo // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balcanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 189–195.

The issue is devoted to the 85th anniversary of Slavonic scholar from St.-Petersburg Vladimir Alexandrovich Jakubskij.

Bibliography of Vladimir Alexandrovich Jakubskij / Comp. by L. M. Arzhakova // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie Slavyanskije i Balcanskije Issledovaniya*. 2008. № 2. P. 196–204.

Index of books and articles, written by Professor Vladimir Jakubskij.

Иванов С. А. «В тени юстиниановых крепостей»? Ф. Курты и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 5–12.

В статье подвергается критическому рассмотрению концепция Ф. Курты относительно раннеславянской этничности. По мнению автора, в монографии Ф. Курты «The Making of the Slavs» прочитывается тезис о том, что этноним «славяне» является изобретением византийцев, но при этом не предлагается ответов на вопросы, кто, как, зачем выдумал его в Византии и каким способом внушил самим славянам. Автор полагает, что тем самым инструменталистский подход к этничности доведен в данной концепции до абсурда.

Шувалов П. В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 13–20.

В статье подвергается критике предложенное Ф. Куртой объяснение становления славянской этничности. Автор полагает, что некоторые выводы Курты противоречат известному, содержащемуся в сочинении Феофилакта Симокатты. По мнению автора, из книги Курты остается также непонятным, как византийцы смогли изобрести славян и каков был механизм воздействия константинопольского кабинетного изобретения на население далекого пограничья.

Barford P. M. Slavs beyond Justinian's frontiers (= Барфорд П. М. Славяне по ту сторону юстиниановской границы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 21–32.

В статье рассматриваются некоторые вопросы, поднятые в книге Флорина Курты «The Making of the Slavs» в связи с изучением распространения славянских языков в Центральной и Восточной Европе в раннее Средневековье. Вместо культурно-исторического и миграционистского объяснения культурной перемены используется подход, в котором изменение языка рассматривается как коррелят других процессов. Автор полагает, что рассматриваемая проблема в первую очередь социолингвистическая, в связи с чем необходимо, чтобы лингвистические исследования использовали в качестве отправной точки новые модели в историографии, приходящие на смену моделям чисто миграционистским. Современная дискуссия о происхождении «славян» поднимает целый ряд важных вопросов об отношении не только материальной культуры и идентичности, но и языка и идентичности, рассматриваемых при этом в качестве социальных явлений. Она также придает большое значение тому, как современные идеологические конструкты воздействуют на то, каким образом важные ученые интерпретировали источники. В связи с этим в статье рассматриваются некоторые важные для центральноевропейской историографии последствия модели, содержащейся в книге Ф. Курты, а также концепции, предлагавшиеся прежде для объяснения данного феномена.

Плетерский А. О «the Making of the Slavs» изнутри // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 33–36.

В статье предпринята попытка ответить на вопрос, как сами ранние славяне себя идентифицировали. Выдвигается тезис о том, что идентичность ранних славян была связана с «жупой» как территориальной, социальной, экономической, правовой и религиозной единицей, в которой славянский язык являлся религиозным языком. Принадлежность к жупе была фундаментальной для чувства выживания людей. Автору не представляется вероятным, что когда-либо существовала только одна единственная славянская идентичность, в связи с чем высказывается предположение о существовании множества локальных жупных идентичностей со славянским религиозным языком.

Дзино Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 37–58.

В статье рассматриваются процессы конструирования идентичностей в позднеантичном и раннесредневековом Иллиrike. Важнейший вывод заключается в том, что речь шла о двух отдельных процессах. Первый процесс — это процесс аккультурации, в ходе которого местное население «становится славянами» после «славянских миграций» VI–VII веков. Второй процесс происходит в IX в. после дезинтеграции Аварского каганата, основания византийской фемы Далмации и образования империи франков. Изменившиеся политические обстоятельства приводят к формированию более сложных политических образований и новых идентичностей, в том числе и хорватской, которые развиваются в пост-римском Иллиrike.

Польвянный Д. И. Славяне и болгары в восточноримском имперском пространстве: проблемы различения // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 59–63.

Автор вносит в дискуссию о книге Ф. Курты «Создание славянства» отдельные наблюдения над использованием терминов «славяне» и «болгары» в некоторых византийских и ранних болгарских источниках на греческом и славянском языках. По его мнению, упоминания о славянах в ранней болгарской и кирилло-мефодиевской письменной традиции не противоречат предположению Ф. Курты о византийском происхождении первоначального славянского дискурса.

Todorov B. Byzantine Myths of Origins and Their Functions (= Тодоров Б. А. Византийские мифы о происхождении народов и их функции) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 64–72.

В статье анализируются изменения в византийской трактовке раннего прошлого болгар, содержащейся в хрониках Никифора и Феофана VIII–IX вв., «Истории» Льва Диякона конца X в., полемических работах Димитрия Хоматиана 1220-х гг., «Византийской истории» Никифора Григоры XIV в. «Происхождение народа» подвергалось с течением времени постоянному переформлению сообразно тем целям, которые преследовались определенными текстами. Автор связывает такие изменения с потребностями византийской дипломатии. Императоры приписывали различным правителям различные титулы в зависимости от происхождения их народов и воображаемого исторического континуитета их отношений с империей. Компильция середины X в., известная как «De administrando imperio», была инструментом для удовлетворения нужд византийской дипломатии. Она содержит этногенетические легенды разных народов, переформулированные византийцами в соответствии с современным статусом этих народов и в связи с существующей политической конъюнктурой. Главы 29–36, рассматривающие происхождение славянских политий на западе Балкан, надо интерпретировать, учитывая политическую конъюнктуру X в., включая очевидные болгарские претензии на сюзеренитет над сербами. Все это ставит под сомнение их полезность не только для датировки поселения сербов и хорватов на Балканах, но даже для концептуализации истории сербской и хорватской политий в период, предшествовавший появлению сведений о них в начале IX в. других источниках.

Мужич И. *Sklavi(ni)* — *Σκλαβηνοί* и формирование хорватского народа на Балканах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 73–93.

На основании источников, содержащих информацию о переселениях на современную хорватскую территорию («*De administrando imperio*» Константина Багрянородного, «*Libellus Gothorum*», «*Historia Salonitana*» Фомы Архидиакона), автор приходит к выводу, что именем *Sclavi(ni)*—*Σκλαβηνοί* в принципе назывались полиэтничные переселенцы на Балканы. Суммируя результаты антропологических и генетических исследований, автор заключает, что современные хорваты по преимуществу являются потомками автохтонного населения Балкан. Первоначальные носители имени «хорват» на основании имеющихся источников могут быть локализованы во внутренней части Либурии. Либурия, где проживали готы, оставшиеся на этой территории после готско-византийских войн, в наибольшей степени была населена переселенцами с севера — *склавидами*. Первоначальное ядро, носившее имя хорватов, если и само не было по происхождению готским, находилось в теснейшей военно-политической ассоциации с готами. Первоначальные носители имени «хорват» в первой половине IX в. с помощью франков завладели из Либурии территорией автохтонов-далматов. Таким образом, хорватский народ возник как новая этническая общность на Балканах этническим соединением и социальной интеракцией пришедших с севера воинских контингентов «гото-склавинов» и проживавших здесь различных популяций более многочисленных автохтонов.

Алимов Д. Е. «Переселение» и «крещение»: к проблеме становления хорватской этничности в Далмации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 94–116.

В статье рассматривается проблема использования концептов «переселения» и «крещения» хорватов, заимствованных современными историками из средневековых источников, в первую очередь, трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», для изучения проблемы становления хорватской этничности в Далмации. Делается вывод о том, что эти концепты не способны, будучи поняты буквально, дать адекватное объяснение процессам, разворачивавшимся в VII–IX вв. на территории Далмации. Вместе с тем, отдельные сведения трактата императора Константина, такие как упоминание аваров, франков, имена хорватских вождей, позволяют гипотетически воссоздать исторический контекст, в котором происходило конструирование хорватской этничности, а элементы хорватской традиции, отражающие значимые для самих хорватов параметры их идентичности позволяют в известной степени понять механизм этого процесса. Суть его заключается в том, что утвердившаяся на периферии Аварского каганата, но последовательно отделявшая себя от авар, христианизированная, но противопоставлявшая себя франкам гетерогенная элита сформировала свою особую идентичность, которая в конечном счете и позволила ей, вместе с оказавшимся под ее властью населением Далмации, превратиться как в собственных глазах, так и в глазах наблюдателей извне в «народ хорватов».

Кибинь А. С. Ятвяги в X–XI вв.: «балтское племя» или «береговое братство»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 117–132.

В статье рассматриваются процессы этнического конструирования в бассейне верхнего Немана и соседних регионах в X–XI вв. Важнейший вывод заключается в том, что название «ятвяги» не было именем «балтского племени». Значение этого имени менялось с течением времени, а также и в зависимости от того, кто и где представлял ятвягов. Если в X–XI вв. это имя обозначало «народ-банду», основным занятием которого были война и речная торговля в бассейне Верхнего Немана, Подлясье и Полесье, то «ятвяги» в источниках XIII в. — это актуальный образ ментальной географии, структурировавший сложную политическую ситуацию в балтских обществах бассейна Немана, Бебжи, Нарва, Голдапи и других рек Сувалкии и Мазурского поозерья.

Курта Ф. Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 133–171.

В статье рассматриваются возможности, открывающиеся с введением новых категорий исторического анализа, главным образом возраста и пола, в качестве альтернативы почти исключительному фокусированию на этничности как единственной форме идентичности, изучаемой археологами и историками в Восточной Европе VI – первой половины VII в. Анализ некоторых кладов и погребений (преимущественно женских и детских могил) приводит к выводу, что этничность не может быть оторвана от других факторов, формирующих социальные идентичности. В то время как этничность переплетена с вопросами господства, иерархии и социальной стратификации, разделение по полу и возрасту может выступать как раз в качестве яркого маркера социального статуса. При обращении к проблемам идентичности в Восточной Европе VI – первой половины VII в. задача, стоящая перед археологами, состоит не в том, чтобы определить родину какой-либо этнической группы, а в том, чтобы посмотреть на отдельных людей прошлого как на обладающих самосознанием субъектов собственного социального поведения и социальных образований, в которых они участвовали.

Curta F. *The Making of the Slavs between ethnogenesis, invention, and migration* (= Курта Ф. Становление славян между «этногенезом», инвенцией и миграцией) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 155–172.

Статья представляет собой развернутый комментарий автора книги «The Making of the Slavs» Флорина Курты к статьям С.И. Иванова, П.В. Шувалова, П. Барфорда, А. Плетерского, Д. Дзино, Д.И. Польшанного, Б. Тодорова, И. Мужича, Д.Е. Алимова и А.С. Кибиня в контексте проблематики становления славянской этничности. В статье подводятся итоги обсуждения и содержится ответ автора на критические замечания участников дискуссии.

Жих М. И. [Майоров А. В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 209 с. ISBN 5-288-03948-8] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 173–178.

Рецензия на книгу «Великая Хорватия» российского историка А. В. Майорова.

Дмитриев М. В. [Zhuk S. I. *Russia's Lost Reformation. Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917.* — Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2004. — 457 p. ISBN 0-8018-7915-9] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 179–186.

Рецензия на книгу С. Жука, посвященную изучению религиозного сознания крестьян южных областей Российской империи XIX – начала XX в.

Аржакова Л. М. [Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. — Тверь: ООО «Изд-во Сатори», 2008. — 224 с.] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 186–188.

Рецензия на новое издание рукописи сочинений хорватского ученого Юрия Крижанича.

Аржакова Л. М. К 85-летнему юбилею Владимира Александровича Якубского // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 189–195.

Материал, посвященный 85-летию ученого-слависта Владимира Александровича Якубского, профессора исторического факультета Санкт-Петербургского университета, известного специалиста в области полонистики.

Библиографический указатель трудов Владимира Александровича Якубского / Сост. Л. М. Аржакова // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 2. С. 196–204.

Указатель научных трудов ученого-слависта Владимира Александровича Якубского, профессора исторического факультета Санкт-Петербургского университета.